

Курс русской риторики

Оглавление

Предисловие

Глава первая. Предмет риторики: язык и словесность

Введение

Предмет риторики

Язык и культура

Язык и речь

Система языка

Номинативность

Предикативность

Членораздельность

Рекурсивность

Диалогичность и монологичность речи

Словесность

Устная словесность

Диалог, молва и фольклор

Письменная словесность

Надписи

Рукописи

Документы

Сочинения

Поэзия

Проза

Ораторика

Философия

Классификация знаний

Эпистолография

Христианская письменная словесность

Духовная словесность

Печатная словесность

Литературное авторство

Научная литература

Художественная литература

Публицистика

Массовая коммуникация

Глава вторая. Изобретение

Анализ проблемной ситуации, нахождение и формулировка темы

Аудитория

Ритор

Составляющие образа ратора

Образ ратора в изобретении

Проблема и тема высказывания

Статус проблемы

Предмет высказывания

Тема высказывания

Разработка темы: риторический аргумент, топика

Риторический аргумент

Топы как источники изобретений

Примышление

Понятие топа

Общие и частные топы

Внешние (содержательные) и внутренние (логические) топы

Логические топы как источники изобретения

Описательные (обстоятельственные) топы

I. Действие – претерпевание
II. Предыдущее – последующее
III. Место (положение)
IV. Время
V. Состояние
VI. Внешние обстоятельства
2. Причинно-следственные топы
VII. Причина и следствие
VIII. Условие
3. Модально-оценочные топы
IX. Лицо – поступок
X. Образ действия
XI. Цель и средство
4. Топы определения
XII. Присущее и приходящее
XIII. Признаки
XIV. Качества
XV. Свойство
XVI. Отношение
XVII. Род – вид, индивид
XVIII. Целое и часть
XIX. Имя и вещь
XX. Тождество
5. Сравнительные топы
XXI. Больше – меньше
XXII. Подобие
XXIII. Противное
XXIV. Правило справедливости
XXV. Обратимость
XXVI. Транзитивность
Значение логических топов
Правила и рекомендации
Логические законы аргументации
Законы или принципы формальной логики
Суждение и понятие
Суждение
Виды суждений
Отношения суждений
Понятие
Содержание и объем понятия
Объемы субъекта и предиката суждения
Классы понятий
Отношения понятий
Операции с понятиями
Определение
Правила определения понятий
Деление
Правила деления понятия
Классификация
Умозаключение
1. Непосредственные умозаключения
Обращение и контрапозиция суждений
2. Силлогизм
Материя и форма силлогизма
Правила силлогизма
Правила посылок
Фигуры силлогизма

Модусы фигур силлогизма
Редукция фигур силлогизма
Полисиллогизм
3. Условные и разделительные умозаключения
Условно-категорическое умозаключение
Разделительное умозаключение
Условно-разделительное умозаключение
4. Сложносокращенные умозаключения
5. Индукция и аналогия
Построение аргументов. (Доказательства и опровержения)
Основы классификации аргументов
Примеры аргументов к реальности, к разуму, к авторитету, к личности
I. Аргументы к реальности
Аргумент к уникальности
Аргумент к совместимости
Диахронические аргументы к реальности
Аргумент регресса
Аргумент прогресса
Аргумент прехождения
II. Рациональные аргументы
Аргументы к здравому смыслу
Аргументы к причинно-следственным связям
Аргумент к общности
Аргумент к различию
Аргумент к остатку
Аргумент к воспроизводимости
Аргументы к данным
Сравнительные аргументы
Аргументы к вероятности
Прагматический аргумент
Аргумент к реальному основанию
Аргументы к логической правильности
Ошибки слов (homonymia)
Ошибки дедукции
Ошибки индукции
Ошибки аналогии
Логические парадоксы
III. Аргументы к норме
Аргумент к норме
Аргумент к авторитету
Аргумент к свидетельству
Модель и антимодель
Аргумент к прецеденту
IV. Аргументы к личности
Аргумент к человеку
Аргумент к последовательности
Аргумент к совести
Правила и рекомендации
Глава третья. Расположение
Понятие расположения
Членение высказывания с точки зрения получателя
Членение речи с точки зрения отправителя
Членение высказывания с точки зрения содержания
Форма произведения слова
Элементы расположения
1. Вступление
Вступление с ораторской предосторожностью

Вступление ex abrupto
Общие рекомендации
2. Предложение
Общие рекомендации
3. Разделение
Общие рекомендации
4. Изложение
Повествование
Описание
Построение описания
Портрет
Характеристика
Реферативное описание
Аналитическое описание
Объяснение
Общие рекомендации
5. Подтверждение
Хрия
Общие рекомендации
6. Опровержение
Дискуссионное (диалектическое) опровержение
Пolemическое опровержение
Общие рекомендации
7. Рекапитуляция
8. Побуждение
Общие рекомендации
Глава четвертая. Элокуция
Стиль и слог
I. Качества слога
Нормы литературного языка
Выбор и сочетание слов
Расположение слов и конструкций
Ритм речи
II. Стиль
Составляющие стиля
Лексические средства
III. Тропы
Метафора
Метонимия
Синекдоха
Антономазия
Гипербола
Литота
Металепсис
IV. Фигуры речи
Фигуры выделения
1. Добавления и повторы
Эпитет
Плеоназм
Синонимия
Аккумуляция (сгущение)
Градация
Экзергазия
Реприза
Восхождение (климакс)
Отличение (плоче)
Наклонение (полиптотон)

Сочетание (симплице)

Анафора

Эпифора

Окружение

Конкатенация (присоединение)

Интерпретация (истолкование)

Эксплеция (заполнение)

Многосоюзиe (полисиндетон)

Бессоюзиe (асиндетон)

2. Сокращения и значимые нарушения смысловой и грамматической связи

Эллипсис

Силлепсис

Эналлага (подстановка)

Ирония

Анаколуф

Удержание (апозиопея)

3. Перестановки и трансформации

Гипербатон

Хиазм

Метабола (эпандос, перестановка)

Антиметабола (перемещение с противопоставлением)

4. Распределение элементов фразы

Разделение (энумерация)

Соответствие

Антанаклаза (возвращение с разделением)

Эпимона (эпифонема)

5. Определения и сравнения

Определение

Сравнение

Перифраз

Этимология

Антитеза

Парадиастола (различение)

Оксюморон

Фигуры диалогизма

Диалог

Предупреждение

Ответствование

Сообщение

Заимословие

Цитата

Аллюзия

Риторический вопрос

Риторическое восклицание

Риторическое обращение

V. Построение текста

1. Понятие текста

Фрагмент

2. Актуальное членение высказывания

3. Амплификация

4. Образ автора и образ ротора

5. Периодическая речь

6. Классический период

Каузальный (винословный) период

Условный период

Изъяснительный период

Относительный период

7. Структура фрагмента в современной публичной речи

Глава пятая

Исполнение речи

Правила произнесения ораторской речи

Общие правила ведения диалога.[285]

I. Правила для говорящего и слушающего

II. Условия продолжения диалога

III. Правила защиты говорящего от слушающего и слушающего от говорящего

Правила для говорящего

Правила для слушающего

IV. Диалектический диалог.[286]

V. Полемический диалог

Пафос полемического диалога

Этос полемического диалога

Логос полемического диалога

VI. Диалог в управлении.[290]

Общие правила

Совещательный и командный диалог

Хрестоматия текстов

Тема 1. Проблема, предмет и тема речи

Академическая речь

Текст 1. Святитель Филарет митрополит Московский и Коломенский

Задания к тексту

Текст 2. Амвросий (Ключарев), архиепископ Харьковский

Задания к тексту

Текст 3. Публичные лекции профессора Швырева

Задания

Тема 2. Разработка темы речи; топика

Показательная речь

Текст 1. Высочайший Манифест Государя Императора

Задания

Текст 2. Н. В. Гоголь

Задания

Текст 3. Тихон, Божию милостию Патриарх Московский и Всея России

Задания

ТЕМА 3. Доказательства и опровержения

Диалектический диалог

Текст. Протоиерей Валентин Свенцицкий

Задания

Тема 4. Композиция речи

Политическая судебная речь

Текст 1. Столыпин П. А

Задания

Текст 2. Обвинительная речь в суде

Задания

Текст 3. Защитительная речь в суде

Задания

Тема 5. Элокуция. Публицистика

Текст 1. Константин Петрович Победоносцев

Задания

Текст 2. Иоанн, митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский. Быть Русским!

Задания

Литература

Примечания

Виньетка

Рекомендован Учебным комитетом при Священном Синоде Русской Православной Церкви в качестве учебного пособия для духовных учебных заведений.

Волков Александр Александрович. Профессор кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, профессор Московской Духовной Академии. Род. в 1946 году. В 1969 году окончил филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова. Доктор филологических наук. Автор монографий “Грамматология” (1982 г.), “Основы русской риторики” (1996 г.) и др. Читает курсы: ”Общее языкознание”, “История языкознания”, “Риторика”.

^ Предисловие

Риторика – классическая наука о целесообразном и уместном слове – востребована в наши дни как инструмент управления и благоустройства жизни общества, формирования личности через слово.

Появление книги А. А. Волкова – событие в нашей словесности. Этой книге суждена долгая и трудная жизнь.

Долгая, потому что “Курс русской риторики” А. А. Волкова – не однодневка, прочитываемая залпом и назавтра забываемая, а увлекательный и многомысленный труд учения, который ведет к успеху каждого, кто задумывается над ролью и значением языка в становлении общества и собственной личности. На фоне легкого и модного современного “чтива” о проблемах общения приятно сказать, что эта книга “трудна”, как труден сам путь учения и образования, но сладость и польза плодов науки риторики будут ясны каждому, кто не поленится пройти горный путь риторического восхождения до конца. А от “плодов уст своих человек вкусит добро.”

Риторика научает думать, воспитывает чувство слова, формирует вкус, устанавливает цельность мироощущения. Через советы и рекомендации, глубокомысленные и выразительные тексты, риторическое образование диктует стиль мысли и жизни современному обществу, давая человеку уверенность в сегодняшнем и завтрашнем бытии.

Тому, кто впервые знакомится с трудами А. А. Волкова, можно позавидовать: он найдет в авторе надежного учителя в “мыслях и словах” (предмет риторики), глубокого собеседника в понимании основ русской духовной культуры, ценящего подлинную красоту родного слова. Тот, кто знаком с А. А. Волковым – профессором МГУ имени М. В. Ломоносова и Московской Духовной академии, уже предвкушает радость от постижения точного и систематического знания, основанного на глубокой вере и университетско-академической образованности.

Перечитывая и осмысляя эту книгу, читатель подружится с ней на долгие годы. Радостно и бодрственно, что мы вступили в третье тысячелетие с такими книгами...

В. И. Аннушкин

^ Глава первая. Предмет риторики: язык и словесность

^ Введение

Риторика – одна из самых древних филологических наук. Она сложилась в IV веке до Р.Х. в Греции. Слово *ρητορικῆ* означает “ораторское искусство или учение об ораторском искусстве”, но главным содержанием риторики уже в то время была теория аргументации в публичной речи. Великий греческий философ и ученый Аристотель (384–322 до Р.Х.) определил эту науку как “способность находить возможные способы убеждения относительно каждого данного предмета”[1].

Задача риторики, по замыслу Аристотеля, состояла в том, чтобы нравственные принципы, на которых должна основываться общественная жизнь, стали более убедительными, чем эгоистические и материально-практические соображения: “Риторика полезна, потому что истина и справедливость по своей природе сильнее своих противоположностей, а если решения поставляются не должным образом, то истина и справедливость необходимо побеждаются своими противоположностями, что достойно порицания.[2]

Наука подразделялась в античности на три области: физику, знание о природе; этику — знание об общественных установлениях; логику — знание о слове как инструменте мышления и деятельности.

В основе образования лежат именно логические науки, или органон, как их называли в античности и средневековье, поскольку прежде всего должен быть освоен метод, на основе которого возможны теоретическое знание и практическая деятельность.

Органон включал в себя тривиум и квадриум — семь свободных искусств. В тривиум входили грамматика, диалектика, риторика. Грамматика — наука об общих правилах построения осмысленной речи. К грамматике прилегал поэтика как наука о художественном слове — своего рода “лаборатории языка.” Диалектика — наука о приемах обсуждения и решения проблем и о технике научного доказательства. Риторика — наука об аргументации в публичной речи, необходимой при обсуждении вопросов практического характера. В квадриум, который завершал общее образование, входили математические науки: арифметика и музыка, геометрия и астрономия.

В качестве одной из основных образовательных наук риторика была заимствована римлянами, приспособлена к нуждам римского общества и усовершенствована как учебный предмет в сочинениях филолога Марка Теренция Варрона (116-27 до Р.Х.); оратора и государственного деятеля Марка Туллия Цицерона (106-43 до Р.Х.); но в особенности первого профессора римской риторики, создателя педагогической теории Марка Фабия Квинтилиана (35-100 от Р.Х.). После работ Квинтилиана, а позже византийских и римских ученых Гермогена Тарсийского (160–225), Аффония Антиохийского (IV в.), Либания (314–393), бл. Августина (354–430), Присциана (VI в.) и др., риторика сложилась как устойчивая система научных понятий.

Особенность византийской и западноевропейской средневековой риторики в том, что главный ее предмет — проповедь и богословская полемика. Средневековая риторика занималась в основном не ораторией, а гомилетикой. Ораторская речь произносится однократно. Проповедь представляет собой ряд поучений в форме слова или беседы, предназначенных для постоянного круга лиц. Задача гомилетики — духовно-нравственное просвещение, воспитание и обучение. Гомилетика существует как в устной, так и в письменной форме (например, катехизиса), что существенно меняет организацию и содержание речи.

В XVII-XIX веках риторику стали понимать как науку об аргументации преимущественно в письменной речи: общественное значение ораторской речи в это время снижается, а значение письменной литературы — богословия, религиозной и политической публицистики, философии, исторической прозы, документа — возрастает. В результате постепенно развивается частная риторика, в которой формулируются правила создания конкретных видов произведений — судебных речей, проповедей, писем, деловых бумаг, исторических, философских, научных сочинений и т. п.

Первая русская риторика, так называемая риторика архиепископа Макария,[3] появилась, очевидно, в Москве не позже первой четверти XVII века. Она представляет собой свободный перевод риторики Филиппа Меланхтона (1497–1560), профессора греческого языка и теологии, одного из ближайших сотрудников Мартина Лютера (1483–1546). Риторика Меланхтона наряду с его сочинениями по богословию и логике была одним из самых важных идейных источников протестантизма, так как представляла собой инструмент полемики с римо-католиками.[4]

После польской интервенции, с приходом к власти династии Романовых, была ясно осознана необходимость систематического образования. В то время в качестве руководства по диалектике использовались “Философские главы” св. Иоанна Дамаскина, перевод которых неоднократно поновлялся в течение XVI и XVII веков. В 1618–1619 годах выходит “Грамматика” Мелетия Смотрицкого. Почти одновременно (1620) переводится “Риторика” Меланхтона: борьба с римской экспансией требовала специальной подготовки, в основу которой положили проверенное на практике руководство. Так была заложена содержательная основа тривиума, на основе которого стало возможным систематическое школьное образование.

Следующим важным этапом развития русской риторики стали грамматические и риторические сочинения М. В. Ломоносова (1711–1765). В 1739 году выходят “Письмо о правилах российского стихотворства”, в 1748 году – “Краткое руководство к красноречию”, в 1757 году – “Российская грамматика”, около 1758 года написано “Предисловие о пользе книг церковных.” Очевидно, М. В. Ломоносов собирался написать и логику, что было бы завершением новой системы тривиума.[5]

Главная особенность филологических работ М. В. Ломоносова в том, что он сознательно и целенаправленно создавал норму русского литературного языка, ориентируя ее на речь науки деловой прозы, исторических сочинений, академической и политической оратории, проповеди. Его филологические труды оказали значительное влияние на русскую словесность.

В начале XIX века русская риторика переживает эпоху расцвета. Среди руководств по риторике особое место занимают учебники Н. Ф. Кошанского (1784–1831), филолога-классика, переводчика, преподавателя словесности в Царскосельском лицее. Н. Ф. Кошанскому принадлежат две замечательные работы: “Общая риторика” (1829) и “Частная риторика” (1832).

Руководства Н. Ф. Кошанского были ориентированы на классические образцы изящной словесности и давали весьма солидное образование. Изучая риторику, ученик русской гимназии осваивал навыки понимания классических произведений и самостоятельного литературного творчества. Картина родов и видов словесности в “Частной риторике” Н. Ф. Кошанского, связывая русскую словесность с классической и церковнославянской, раскрывала широкую перспективу культуры слова. Учебники словесности Н. Ф. Кошанского, А. Ф. Мерзлякова, А. И. Галича, И. И. Давыдова и других авторов сформировали несколько поколений талантливых и образованных русских людей, которым мы обязаны расцветом национальной культуры в XIX веке.

В первой половине XIX века ряд литературных критиков во главе с В. Г. Белинским развязывают пропагандную кампанию против риторики. В представлении секулярного общества того времени художественная литература и литературная критика были единственным видом словесного творчества. В результате во второй половине XIX века риторика была исключена из системы образования, а ее место заняло обязательное изучение художественных сочинений и мнений литературных критиков по различным вопросам общественной жизни.[6]

Последовавшие события XX века остро поставили перед наукой и философией проблему манипулирования сознанием в средствах массовой коммуникации.

Одним из ответов на этот вызов стала после Второй мировой войны неориторика или теория аргументации.[7] Интерес к риторике возрастал по мере того, как становилось очевидным, что тоталитарное сознание не есть специфическое свойство советского большевизма или немецкого национал-социализма, но общая закономерность всей современной демократической и гуманистической цивилизации, которая идеологически управляется массовой коммуникацией. Понимание технической кухни массовой информации дает человеку возможность хотя бы относительной независимости от тоталитарной пропаганды строительства коммунизма или “общечеловеческих ценностей” демократического “открытого общества.”

Современная риторика не просто техническая дисциплина, обучающая умению строить убедительные высказывания, но инструмент самозащиты от тоталитарного сознания. Поэтому она и несет в себе возврат к наследию христианской культуры, но с учетом современного научного знания. Вместе с тем, если обратиться к сущности аргументации, к тому, как человек решает проблемы и изобретает идеи и аргументы, можно убедиться, что наше время использует те же приемы мысли, те же методы обоснования идей, даже ту же технику введения в заблуждение, что и две тысячи лет назад, хотя изменяются формы, стиль и совершенствуются инструменты словесного воздействия.

Опыт истории аргументации поучителен: техника аргументации, выработанная средневековой схоластической логикой, была в XVIII-XIX веках с презрением отвергнута и забыта, и только ученые XX столетия не без удивления обнаружили, что многие принципиальные решения

математической логики воспроизводят идеи схоластической логики.[8] То же происходит и с риторической аргументацией.[9]

Риторика – наука о целесообразном слове. Мы убеждаемся в том, что прежде отрицали, или в чем сомневались, о чем существуют различные мнения и что связано с возможностью принять различные решения.[10]

Обладая свободой воли и разумом, мы отвечаем за свои поступки, которые мы должны поэтому предварительно обдумать и обсудить, чтобы предвидеть духовные и физические последствия принимаемых решений. Поскольку мы живем и действуем в обществе, то и решения принимаем путем совещания. Совещаемся мы о том, что возможно, о чем существуют различные мнения, и убеждаем друг друга посредством доводов, которые выражаются словом. Поэтому убедить значит обосновать предлагаемые идеи таким образом, чтобы те, кто участвует в их обсуждении, согласились с доводами и присоединились к ним.

Наука риторика изучает те словесные приемы и формы убеждения, которые позволяют разумно оценить аргументацию и самостоятельно принять решение: "...всякая аргументация стремится к присоединению умов и тем самым предполагает наличие интеллектуального контакта."[11]

^ Предмет риторики

Во всем многообразии видов и родов произведений словесности риторика изучает определенный аспект словесного творчества – аргументацию.

Было бы неправильным ограничить предмет риторики какими-либо конкретными разрядами словесных произведений – только ораторской речью, проповедью, публицистикой, массовой информацией, хотя риторика изучает по преимуществу произведения именно такого рода. Аргументация содержится и в научных, и в философских, и даже в художественных произведениях. Риторика изучает любые произведения слова, в которых содержится аргументация. Особенность риторики состоит в том, что изучение произведений слова для нее не самодовлеющая цель, но средство.

Большинство наук о слове, как сравнительная и теоретическая грамматика, лексикология, стилистика, история языка, теория литературы и другие, ограничивают свой предмет фактами языка – они исследуют продукты речевой деятельности. Предмет риторики – произведение слова, которое еще не создано, но которое предстоит создать.

Риторика стремится ответить на вопрос: как создать высказывание в определенном образом заданных условиях? Поэтому она представляет собой скорее филологическую инженерию, чем фундаментальную науку. Но из этого не следует, что ее понятийная система и состав разделов зависят от произволения или вкуса автора того или иного руководства, – риторика обобщает опыт искусства аргументации и отражает реальные нормы культуры слова, сложившиеся исторически.

Риторика включает два основных раздела – общую риторику и частную риторику. Общая риторика изучает принципы и приемы создания замысла и его воплощения в завершенном высказывании. Частная риторика изучает особенности построения словесных произведений в различных родах и видах словесности.

Строение общей риторики отражает ход создания ритором высказывания от замысла к завершённому тексту. Общая риторика содержит (1) учение о риторе; (2) учение об аргументации, то есть об отношении аргументов к аудитории, к которой они обращены и которая принимает решение об их приемлемости; (3) учение о риторическом построении, то есть о создании произведения слова. В учебном изложении риторическое построение обыкновенно поглощает учение о риторе и теорию аргументации. Это делается, чтобы не усложнять и без того трудоемкий процесс обучения.

Риторическое построение представляет собой учение о так называемом “внутреннем слове”, или “внутреннем высказывании” – λόγος ἐνδιάθετος. Высказывание рассматривается на уровне общего

замысла (семантики), на уровне словесной конструкции (синтактики) и на уровне словесного воплощения (прагматики – отношения слова как выразительного средства к получателю речи),[12] что и проявляется в классическом разделении общей риторики на изобретение (инвенцию), расположение (диспозицию) и выражение (элокуцию).

Частная риторика содержит учение о конкретных родах и видах словесности. Специально в частной риторике изучаются те виды слова, которыми должен активно владеть всякий образованный человек: (1) письма по предметам общежития и литературные; (2) документы и деловая корреспонденция; (3) диалоги, в основном литературные, но дающие представление о правилах построения и ведения дискуссии; (4) повествовательная (историческая) проза; (5) устное слово в виде политической, судебной, академической ораторики, проповеднической (духовной), педагогической и пропагандистской речи; (6) научно-философская проза.[13]

Главная цель изучения риторики практическая – владение искусством целесообразного слова. Искусство слова – самое нужное, но и самое сложное из всех искусств, поэтому освоение его требует серьезного труда и основательной подготовки. Не существует легких путей к трудным целям.

Но у риторики есть и образовательная цель, быть может, не менее важная. Освоение искусства слова невозможно без свободного владения литературным языком, без систематического образования – знания богословия, истории, философии, права, художественной литературы. В противном случае искусство слова становится пустословием.

Изучение риторики предполагает совершенное знание русского литературного языка – инструмента аргументации. Поэтому в ходе изучения риторики следует постоянно обращаться к учебникам русского языка, к руководствам по стилистике, к толковым и энциклопедическим словарям, повторяя и оживляя в памяти те разделы школьного курса русского языка, которые, может быть, забыты или не освоены достаточным образом.

Чтобы научиться строить письменную и устную публичную речь, необходимо: (1) понимать, как устроена аргументация, то есть знать теорию; (2) читать и понимать классические произведения, развить в себе умение понимать строение произведения и замысел его автора; (3) упражняться в построении различного рода устных и письменных высказываний, усвоить навыки самостоятельной творческой работы со словом; (4) говорить и писать публично.

Первые три задачи решаются в учебном курсе риторики, а четвертая – в ходе профессиональной деятельности ратора. Ритор учится всю жизнь, но нужно знать, чему и как учиться. Учебный курс риторики всего лишь основа компетентности проповедника, преподавателя, философа, юриста, государственного деятеля, публициста, писателя – искусство рождается в практике.

Итак, прежде чем приступить к непосредственному изучению риторики, следует представить себе, что такое культура, какое место занимает в ней язык, как сложилась и как устроена словесность.

Настоящий курс риторики рассчитан на уровень подготовки учащихся, превышающий обычную программу средней школы. Поэтому при изучении риторики в старших классах гимназий, на младших курсах духовных семинарий и светских высших учебных заведений ряд разделов теоретического курса может быть опущен.

^ Язык и культура

Главное свойство человеческого общества состоит в том, что человек накапливает знания, умения, навыки, произведения труда и передает накопленное каждым предшествующим поколением новому поколению. Только благодаря этому становится возможным использование каждым человеком и обществом в целом не только собственного опыта, но и опыта других, живших прежде людей. Именно этой способностью сообщения и преемственности знаний и опыта человек отличен от животного: человек накапливает знания и тем самым оказывается способным к созданию нового – творчеству

Пятой Заповедью устанавливается и определяется то отношение человека к обществу и к предшествующим поколениям, которое повелевает Господь: “Почитай отца твоего и мать твою, [чтобы тебе было хорошо и] чтобы продлились дни твои на земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе” (Исх. 20:12). Культура как фундаментальное свойство общества зиждется на этой заповеди: только почитая предшествующие поколения, новые поколения способны учиться и бережно сохранять унаследованный опыт. Но не все, что создается людьми, может быть прецедентом, так как не все достойно подражания и предназначено для хранения: большая часть продуктов деятельности потребляется, изнашивается или утрачивает значение.[14]

Культурой являются не все продукты, создаваемые человеком, но только уникальные хранимые обществом произведения образцы или нормы, на основе которых организуется деятельность в обществе и накапливается опыт, передаваемый от поколения к поколению. Культура существует и развивается в условиях жизни конкретного общества, потому что накопление опыта может происходить при условии сохранения традиции в образовании и преемственности жизни от поколения к поколению.[15]

Культуру принято подразделять на духовную[16] (семантическую), материальную и физическую. К духовной культуре относится совокупность воспроизводимых идей и знаний, которыми владеет общество. К материальной культуре относится совокупность объектов, образующих искусственную среду жизнедеятельности общества, – здания, сооружения, пути сообщения, технические устройства и инвентарь, оружие, одежда, породы животных и растений, сельскохозяйственные угодья, обработанные или специально выделенные фрагменты природной среды, которые сохраняются как образцы для практической деятельности. К физической культуре относятся развиваемые обучением свойства организма человека, которые обеспечивают его продуктивную деятельность.

Факт культуры содержателен – он означает и выражает некую идею, которая выходит за пределы его физического устройства. Принято говорить, что он обладает значимостью или ценностью в отношении к своему назначению в деятельности человека и несет некий смысл. Поэтому факты культуры принято рассматривать как знаки, или сообщения, а саму культуру – как семиотическую систему. Действительно, понимание любого факта культуры возможно только в смысловом отношении к другим подобным фактам.

В основе культуры лежит язык. Язык – универсальная семиотическая система, потому что все знаки, в том числе и знаки самого языка, назначаются посредством слов. Язык в равной степени относится к духовной, физической и материальной культуре – как система имен, как речемыслительная деятельность и как совокупность произведений слова. Любое произведение или явление природы может быть понято, осмыслено и описано исключительно посредством слова. Но и сам язык развивается по мере развития культуры – как инструмент познания и организации деятельности людей.

Вслед за (1) языком в основании культуры находятся следующие семиотические системы, без которых не может функционировать человеческое общество: (2) общие знаковые системы – средства счета, обряды, игры; (3) гадания, знамения, приметы; (4) музыка, танец, изображения и орнамент; (5) утварь, костюм, архитектура; (6) меры, ориентиры, команды.

Искусственных знаковых систем имеется несколько тысяч в каждой культуре, и все они представляют собой модели языка, в которых отображаются те или иные его свойства.

^ Язык и речь

В языке различают речь – текущий обмен высказываниями; словесность – исторически сложившуюся систему образцовых произведений слова и норм использования, хранения и создания новых произведений; систему языка – организованную совокупность слов и приемов выражения мысли.

Язык есть связанная исторической и культурной преемственностью система членораздельных словесных высказываний.

^ Система языка

Человек является разумным, то есть словесным существом, созданным по образу и подобию Божию. Душа и тело человека соединены в его неповторимой личности. В слове – инструменте мысли и общения – в первую очередь проявляется образ соединения разумной души и тела.

“Поскольку Творец даровал созданию Своему боговидную благодать, придав Своему образу подобие Своих собственных благ, то поэтому все блага, кроме ума и рассуждения, Он дал от Своих щедрот человеческой природе. Об уме же и рассуждении нельзя в точном смысле сказать, что дал, но что уделил, положив на образ украшение собственной Своей природы. Но так как ум есть вещь умопостигаемая и бестелесная, то дарованное было бы несообщающимся и несмешивающимся, если бы его движение не обнаруживалось бы через примышление. Ради того и потребовалось такое устройство органов, что-бы ум, наподобие смычка касаясь голосовых членов, мог извяснять внутреннее движение образованием каких угодно звуков. И так же, как опытный музыкант, если по болезни не имеет голоса, но желает показать свое искусство, чужим голосом музицирует, свирелями или лирою обнаруживая свое мастерство, так и человеческий ум, изобретатель всяческих мыслей, поскольку не может показать стремлений разумения душе, понимающей с помощью телесных чувств, тогда, как будто искусный правитель, касаясь одушевленных этих органов, через их звуки явными делает сокровенные мысли. Музыка человеческого органа – это известным образом смешанная музыка свирели и лиры, словно поющих вместе друг с другом в одном совместном звучании.”[17]

Науке известны более трех тысяч языков, которые обладают общими фундаментальными свойствами, отличающими язык человека от коммуникативных систем животных, что свидетельствует о единстве человеческого рода.

Важнейшие свойства языка – номинативность, предикативность, членораздельность, рекурсивность, диалогичность.

^ Номинативность

Номинативность состоит в том, что основная единица языка – слово – обозначает или именуется предмет, образ которого содержится в душе человека. Слово называет вещь, предмет мысли.

Во-первых, слово ассоциируется с идеей предмета, причем связь эта как бы условна и произвольна: в звуковой оболочке слова нет ничего, что зависело бы от свойств обозначаемого предмета или представления о нем, в принципе любое представление может обозначаться любым упорядоченным сочетанием звуков. Но, обозначая предмет, слово выражает идею этого предмета, поэтому между словом, идеей и обозначаемым предметом устанавливается взаимная связь или отношение.

Обозначение обобщает признаки обозначаемого предмета и потому неизбежно является отвлечением от конкретной вещи (абстракцией). Слова обозначают главным образом не отдельные предметы, а классы предметов (например, стол, рыба); такие классы могут быть единичными (например, город Москва), пустыми (например, Кодекс законов Российской Федерации), не соответствующими действительности, мнимыми (например, Илья Обломов, рыба кит). Слово также может обозначать отдельный предмет (например, апостол Павел, этот дом), но такое обозначение отдельного предмета словом предполагает специальные средства (артикли, местоимения, титулы, счетные слова и т. п.), указывающие на единичность именованного.

Поскольку предметы могут осмысливаться различным образом, в языке существует полисемия – многозначность слова, синонимия – обозначение одного или сходных предметов разными словами и омонимия – обозначение различных предметов словами с одинаковым звучанием. Получается, что вещи связаны между собой словами, а слова – вещами, которые они обозначают.

Номинативность позволяет говорить о предметах, которые не существуют в поле нашего восприятия, о предметах мыслимых и воображаемых, строить абстрактные представления, создавать истинные, ложные и бессмысленные высказывания, а также заменять слова другими

знаками, например письменными, и использовать слова для создания новых слов и несловесных знаков – изобразительных, музыкальных, математических и других.

Во-вторых, слово именуется предмет определенным способом, выделяя в нем те или иные признаки или свойства. Так, слово облако – *об-волоко содержит образ того, что облекает, простирается вокруг, а слово туча, восходящее к общеславянскому *tökja, содержит значение “гремять”, “стучать.”

Слова-имена являются моделями обозначаемых ими предметов, так как само именование выделяет в обозначаемом предмете свойства или признаки, которые представляются существенными для его понимания. Тем самым слово содержит смысловой образ, который может быть правильным или неправильным, более удачным и менее удачным, прекрасным и безобразным. Как всякое искусство, именование предполагает замысел и его исполнение.

В-третьих, именование не просто “отражает” предмет, но делает его реальным. Именованный предмет обретает смысловую определенность. Когда мы называем некоторую вещь, даем имя человеку или кличку животному, то тем самым устанавливаем предмет именованию как некий отдельный факт: мы поступаем с вещью в соответствии с тем, как мы ее назвали.

Первым разумным поступком Адама было именование: “И сказал Господь Бог: не хорошо быть человеку одному; сотворим ему помощника, соответствующего ему. Господь Бог образовал из земли всех животных полевых и всех птиц небесных, и привел их к человеку, чтобы видеть, как он назовет их, и чтобы, как наречет человек всякую душу живую, так и было имя ей. И нарек человек имена всем скотам и птицам небесным и всем зверям полевым; но для человека не нашлось помощника, подобного ему” /Быт. 2:18–20/.

Адам дал имена всякой “душе живой”, и это значит, что он построил картину мира через имена. В этой картине мира именованием определены сущность, свойства и качества живых существ и тем самым установлен образ действия с каждым видом и с каждым отдельным существом. Но в этой картине мира Адам обнаружил лакуну: не было помощника, подобного Адаму по сущности, то есть другого человека. Помощник же нужен для дела, а дело предполагает наличие замысла, о котором наш Праотец знал и который намеревался исполнить.

Итак, слово-имя существует не само по себе, но в системе имен, которые в совокупности образуют картину мира и предполагают определенный образ действия в нем. “Как отдельный звук встает между предметом и человеком, так и весь язык в целом выступает между человеком и природой, воздействующей на него изнутри и извне. Человек окружает себя миром звуков, что-бы воспринять в себя и переработать мир вещей.”[18]

Но падшее человечество не едино, оно разделено по языкам, а следовательно, по образу действия: “И сказал Господь: вот, один народ, и один у всех язык; и вот что начали они делать, и не отстанут они от того, что задумали делать; сойдем же и смешаем там язык их, так чтобы один не понимал речи другого. И рассеял их Господь оттуда по всей земле; и они перестали строить город [и башню]” (Быт. 11:4–8).

Наша картина мира определяется значениями слов языка, и каждый язык своеобразен, главным образом, как система имен: “..каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, откуда человеку дано выйти лишь постольку, поскольку он тут же вступает в круг другого языка.”[19]

Из всех земных существ только человек может создавать имена. Именование отличает язык человека от коммуникативных систем животных, которые в состоянии лишь выражать те или иные чувства и подавать сигналы-команды.

Не существует языков, в которых не было бы имен.

^ Предикативность

Предикативность есть свойство языка выражать и сообщать мысли. Мысль есть представление о связях предметов или образов, содержащее суждение.

В суждении имеются субъект – то, о чем мы мыслим, предикат – то, что мы мыслим о субъекте, и связка – то, как мы мыслим отношение субъекта и предиката. Например, Иван гуляет значит: Иван (субъект мысли) есть (связка) гуляющий (предикат); пойдём гулять: мы (первое лицо единственного числа глагола) – субъект; гулять — предикат; повелительное наклонение глагола – связка, обозначающая желательность и побуждение.

Отношения субъекта, предиката и связки выражаются в строе предложения. В предложении имеются подлежащее, обозначающее субъект мысли, и сказуемое, обозначающее предикат и связку (а в некоторых случаях и субъект – морозит, темно), а также другие, так называемые второстепенные члены предложения, посредством которых выражаются сложные мысли, содержащие несколько связанных между собой суждений.

Предикативность в языке – очень сложное явление. Предикативность тесно связана с именованьем: мысль отличается от смутного образа тем, что в ней выделены основные составляющие – субъект, предикат и связка. Их выделение предполагает именованье – обозначение словом, устанавливающее связь представления с предметом и границы обозначаемого предмета или понятия. Но само установление имени невозможно без суждения о предмете: “Это есть туча”, “Имя ему – Иван”; да и в образе имени можно заметить скрытое суждение: облако – обволакивающее. Таким образом, именованье основано на мысли-суждении, а суждение – на именовании.

Не существует языков, в которых не было бы предикативности.

^ Членораздельность

Членораздельность есть свойство языка членить высказывания на повторяющиеся в других высказываниях воспроизводимые элементы.

Речь предстает нам как чередование слов и пауз. Каждое слово может быть отделено говорящим от других. Слово опознается слушающим и отождествляется с уже имеющимся в сознании образом, в котором соединяются звучание и значение. На основе единства этих образов мы можем понимать слова и воспроизводить их в речи.

Слова языка частично отождествляются и с другими словами и группируются в классы: слова облако, окно, стекло, мыло частично тождественны, поскольку все они оканчиваются на – о. Слова облако, облачный, облачность частично тождественны, поскольку все они содержат общую часть облак/ч-. Слово облак-о может выступать в формах облак-а, облак-у, облак-ом и т. д. точно так же, как слово окн-о.

Это значит, что слова выделяют в себе одинаковые составные части с одинаковым значением, сочетание которых называется грамматической формой и образует классы слов. Вместе с тем слова облако, окно и подобные (как грамматические формы) могут сочетаться в речи не с любым словом: можно сказать плывет облако, но нельзя сказать *облако давно или *облако плавая.

Слова разделяются на части и соединяются в словосочетания по определенным правилам или моделям. При этом для слов каждого класса характерно, что их грамматическая форма тесно связана с условиями сочетаемости: видеть облако, плыть облаком, думать об облаке, тень облака.

Слова языка образуют взаимосвязанные классы форм (облако, облака, облаку) и моделей сочетаний этих форм; первые называются парадигмами, а вторые – синтагмами.

Членораздельность есть свойство языка образовывать систему, в которой единицы – слова выделяют в себе общие составляющие и образуют классы, выступая в качестве составляющих словосочетаний и предложений.

Не существует языков, в которых не было бы грамматической формы: членораздельности и синтагматико-парадигматических классов слов.

^ Рекурсивность

Рекурсивность есть свойство языка образовывать бесконечное число высказываний из ограниченного набора строевых элементов.

Каждый раз, как мы вступаем в разговор, мы создаем новые высказывания – число предложений бесконечно велико. Создаем мы и новые слова, хотя чаще изменяем в речи значения существующих слов. И тем не менее мы понимаем друг друга.

Взаимопонимание возможно, поскольку новые предложения и словосочетания состоят из знакомых слов, слова состоят из одинаковых и знакомых частей – морфем или слогов, морфемы и слоги состоят из знакомых звуков. Каждый произносит слова и звуки по-своему, но мы опознаем слова и звуки одинаково, поскольку слышим в произносимом слове в первую очередь то, что необходимо для его опознания.

В каждом языке имеется около сорока (от 20 до 80) гласных и согласных фонем (“звуков свирели и лиры”) – минимальных звуковых единиц языка, которые способны различать и составлять слова; в каждом языке имеется несколько сотен грамматических единиц (морфем или служебных слов), которые обозначают грамматические классы слов или словосочетаний, и несколько десятков или сотен приемов образования новых слов. В каждом языке имеется, по крайней мере, несколько тысяч корней или первообразных слов, на основе которых создаются новые слова. В каждом языке имеется несколько десятков моделей словосочетаний и предложений.

Итак, из немногих десятков фонем образуется практически бесконечное число предложений: язык является многоярусной системой знаков, каждый ярус которой образуют единицы, состоящие из единиц более низких ярусов и составляющие единицы более высоких ярусов. Нижним ярусом системы языка является фонетический ярус, поскольку фонема неразложима на составляющие, которые следовали бы друг за другом в линейном порядке. Верхним ярусом является ярус предложения – грамматически организованного сочетания слов, в котором обязательно присутствует предикативное словосочетание или слово, выражающее предикацию.

Не существует языков, в которых не было бы системы ярусов, организованных таким образом, что из небольшого числа минимальных звуковых единиц может быть создано практически неограниченное число высказываний.

Строение систем языков мира различно, и языки группируются в науке в зависимости от типа их устройства, но примечательно, что можно придумать значительно больше приемов выражения грамматических значений, чем их существует в действительности.

^ Диалогичность и монологичность речи

Речь – осуществление и сообщение мыслей на основе системы языка. Единицей речи является высказывание – выраженное и организованное средствами языка целенаправленное сообщение завершенной мысли. Высказывание может быть простым (минимальным) и сложным. Языковая форма минимального высказывания – предложение. Поэтому минимальное высказывание совпадает с предложением. Сложные высказывания включают в себя простые, но не сводятся к ним.

Устройство сложного высказывания включает:

· языковые (фонетические или графико-пунктуационные, лексические, грамматические) отношения и связи строевых единиц языка, составляющих языковую основу высказывания;

- выражение того конкретного содержания, которое конкретный говорящий (или пишущий) стремится выразить – сообщить конкретному слушающему (или читающему);
- организацию объективного содержания мысли в жанрово-композиционном строении высказывания.

Речь подразделяется на внутреннюю и внешнюю. Внутренняя речь представляет собой осуществление мышления в языковой форме. Внешняя речь представляет собой общение между различными людьми.

По форме речь подразделяется на диалогическую и монологическую.

Диалог есть совместная и разделенная последовательностью реплик речь нескольких людей, в результате которой принимается общее решение. В ходе диалога люди обмениваются репликами-высказываниями, которые частично воспроизводят и повторяют друг друга и, главное, располагаются в последовательном порядке так, что каждое последующее высказывание основывается на содержании предыдущего и в свою очередь привносит некоторое новое содержание.

Если диалогическая речь создается путем обмена репликами, исходящими из различных источников, то монолог представляет собой заверщенное высказывание, исходящее из одного источника. Поэтому можно сказать, что в диалогическую речь входят отдельные монологи как развернутые и завершенные по смыслу реплики.

Монологическая речь выделяет внутри себя смысловые части, которые ориентированы на внутреннюю ответную реакцию адресата. В условиях устной речи монолог имеет второстепенное значение и включается в диалог.

Посредством речи организуется совместная деятельность людей, составляющих общество, и виды этой деятельности соответствуют основным формам диалогической речи, которая тем самым подразделяется с точки зрения цели на:

1. общий диалог, назначение которого состоит в сопровождении речью совместной жизнедеятельности;
2. информационный диалог, назначение которого состоит в получении и сообщении новой информации;
3. диалектический диалог, назначение которого состоит в систематизации полученной информации и в построении картины реальности;
4. обучающий диалог, назначение которого состоит в формировании знаний, умений и навыков, необходимых для деятельности;
5. соревновательный диалог, назначение которого состоит в распределении людей по их компетентности и пригодности к деятельности;
6. совещательный диалог, назначение которого состоит в принятии решения;
7. игровой диалог, назначение которого состоит в выработке форм выражения мысли в их отношении к типовым действиям и в согласовании действий с высказываниями, – общая и конкретная тренировка;

8. командный (управляющий) диалог, назначение которого в непосредственном управлении действиями.

Перечисленные виды диалога образуют круговорот речи, поскольку они обеспечивают этапы рече-мыслительной деятельности – последовательное решение типовых задач и переход от решенных задач к последующим. Тем самым в ходе диалога происходит воспроизведение коллективных действий, накопление опыта и знаний в обществе и выработка приемов мышления и выражения мысли в ее различных аспектах.

В диалогической речи различаются повествовательные, вопросительные и побудительные реплики. Строение первых двух категорий реплик определяет монологические формы речи.

Соотношение вопросительной и повествовательной реплик-предложений образует основную единицу диалогической речи вопросо-ответ, строение которого в его ответной монологической части представляет собой важнейшую для языка рече-мыслительную операцию формообразования, результатом которой оказывается сложение так называемых композиционно-речевых форм.

Вопросы бывают общими и частными.

Общим (или ли-вопросом) называется такой вопрос, на который можно ответить да/нет, то есть создать утвердительное или отрицательное высказывание, которое называется экзистенциальным суждением: нечто есть, существует.

Частные вопросы подразделяются на что-вопросы, какой-вопросы, как-вопросы, почему-вопросы.

· Ответом на вопрос что? (кто?) является указание действием или словом (Иван есть вот это), то есть название вещи (это есть Иван), или определение, если смысл имени недостаточно ясен: Иван есть человек с седой бородой; птица есть крылатое пернатое существо.

· Ответом на вопрос какой? является словесное изображение, характеристика предмета мысли, или описание: Иван таков-то и таков-то.

· Ответом на вопрос каким образом (нечто произошло или происходит)? является сообщение о конкретном действии: это произошло так-то и так-то, или повествование.

· Ответом на вопрос почему? является установление причинно-следственной связи между событиями: это имеет место, потому что то является его причиной, или рассуждение.

Побудительные реплики развертываются в композиционно-речевую форму побуждения, просьбы.

Композиционно-речевые формы монологической речи, которые развертываются из различных видов называния, – определение, описание, повествование, рассуждение, побуждение и сам вопросо-ответ, когда он становится единым развернутым произведением, лежат в основании строения родов и видов словесности, потому что высказывание, получившее определенную форму выражения и построения мысли, различенную с другими, становится произведением слова. Диалогическая речь обеспечивает возможность культуры как накопления и систематизации социально значимого опыта людей.

Не существует языков, в которых не было бы диалогической и монологической речи и необходимых для создания диалога восклицательных, повествовательных, вопросительных и побудительных предложений.

Общение людей непрерывно, и все человечество соединяется непрерывающейся цепью диалога. Диалогическое общение является основой общества, история которого и состоит из слов и действий; все отношения между людьми опосредованы словом.

Ни одно биологическое сообщество не имеет языка, который обладал бы указанными выше свойствами, и ни один язык не проявляет эти свойства в большей или меньшей степени, – все языки мира являются языками в одинаковой степени.

Это значит, что языки могут научно сопоставляться только с языками. Возможно научное сопоставление свойств языка со свойствами коммуникативных систем животных, которое и указывает на принципиальное качественное отличие языка человека от знаковых образований, которые существуют в биологическом мире. Но так называемые “естественные теории происхождения языка” являются домыслами и к науке не имеют прямого отношения. Любые версии происхождения языка выходят за пределы научного знания о языке.

Все языки мира устроены по единому принципу и представляют собой закономерно различающиеся и закономерно сходные варианты единого языка человека.

^ Словесность

Большая часть высказываний создается на случай. Но существуют высказывания, которые в силу различных причин (либо как совершенные по форме, либо как несущие ценную и общезначимую информацию, либо как уникальные) сохраняются и воспроизводятся. Поскольку такие высказывания относятся к культуре, а культура есть совокупность хранимых обществом произведений, мы и будем называть их произведениями слова.

Словесность есть совокупность хранимых и воспроизводимых произведений слова.[20]

Произведение слова является результатом сложного умственного труда, который включает замысел, разработку мысли путем соединения замысла со словом и исполнение высказывания. Произведения слова создаются в определенном материале с помощью знакового инструментария, поэтому важным понятием теории словесности является фактура речи.

Фактура речи представляет собой орудие речи в его отношении к материалу речи. Фактура речи может быть естественной и искусственной. Естественная фактура речи – организм человека, который в ходе обучения приспособляется для создания, получения и понимания произведений слова. Искусственные фактуры речи – рукописное письмо, печать, электронные средства создания речи.

Высказывания подразделяются по фактуре речи на устные, письменные, печатные и на продукты массовой коммуникации.

^ Устная словесность

Устная речь противостоит всем остальным родам речи как естественное использование языка искусственному, поскольку и орудие и материал устной речи – человеческий организм и окружающая человека воздушная среда.

Человек становится членом общества, обучаясь устной речи, которая наряду с прямо хождением, умением владеть руками, пищевыми и гигиеническими навыками, ношением одежды и т. п. является основой включения личности в культуру.[21]

Но устная речь имеет свои особенности, главные из которых – мгновенное затухание и ограниченная досягаемость голоса. Эти свойства устной речи неизбежно ограничивают ее сложность и объем. Устная речь усваивается по мере произнесения и потому требует быстрой

сообразительности и длительного внимания даже при относительно простом построении, а необходимость хранить информацию в условиях устного общения предполагает запоминание больших массивов устного текста, которые могут храниться только в памяти человека.

^ Диалог, молва и фольклор

Устная словесность существует в трех формах, которые обеспечивают единство и функционирование общества и развитие культуры.

Диалог представляет собой обмен высказываниями, объединяющими людей в ходе подготовки действий и самих действий. Молва представляет собой сообщения значимой для общества текущей новой информации по цепочке, а также объединяет речевой коллектив, поскольку постоянно поддерживает осведомленность его членов о действиях других и о текущих событиях. Фольклор представляет собой высказывания, содержащие постоянно значимую информацию, которые сохраняются и используются по мере надобности.

Из форм устной словесности к культуре относится только фольклор, поскольку в его содержание входят обобщенный опыт, нормы поведения и правила создания и использования речи: диалога, молвы и самого фольклора. Этнос (народ), как культурная общность, характеризуется единой системой фольклора.

^ Письменная словесность

Письмо представляет собой искусственную графическую семиотическую систему, знаки которой обозначают единицы естественного языка. Различаются два основных вида письма – идеографическое (иероглифическое) и фонетическое.

Знаки идеографического письма обозначают и воспроизводят строение и значение слова (или словосочетания). Иероглиф представляет собой обозначение слова (реже устойчивого словосочетания), в котором могут иметься две части – детерминатив и фонетик.

Детерминатив передает общий смысл слова, обозначая смысловой класс, в который входит слово. Смысловые классы могут быть, например, такими: пространственно-временные отношения (верх, низ, единица, пара); вещества (земля, вода, дерево, металл); элементы ландшафта (гора, река, граница); живые существа (растения, морские животные, птицы); человек и части человеческого тела; продукты материальной культуры (постройки, дороги, суда, орудия и продукты труда, книги); абстрактные понятия; социальные отношения; божества и другие.

Фонетик передает примерное звучание всего слова или его частей; фонетик может быть сложным – один его элемент может обозначать слово в целом, а другие элементы – отдельные его части (египетское письмо).

Знаки фонетического письма обозначают и воспроизводят только звучание единиц слова (звуков, слогов).

Фонетическое письмо может быть слоговым или силлабическим (критское линейное письмо А и В XIV в. до Р.Х.) – передающим слоги; консонантным или квазиалфавитным – передающим только согласные звуки (финикийское или древнееврейское письмо); несиллабическим – имеющим один знак для слогов с одинаковым согласным (ка, ку, ки), гласные при этом передаются дополнительными знаками (индийское письмо деванагари); собственно алфавитным или вокалическим – передающим все звуки, как согласные, так и гласные (греческое письмо, кириллица).

Древнейшие самостоятельно сложившиеся системы письма являются идеографическими. Они возникли в Египте и в Месопотамии в начале третьего тысячелетия до Р.Х. и в Китае в середине второго тысячелетия до Р.Х. Все остальные системы письма, как идеографические, так и фонетические, заимствованы от этих систем письма или образовались под их влиянием.

Древнейшие силлабические системы письма – критские, так называемые линейные А и В, которые возникли в середине второго тысячелетия до Р.Х. на основе критского иероглифического письма и отображали неизвестный язык крито-микенской культуры (А) и архаичный древнегреческий язык (В).

Древнейшие консонантные алфавиты засвидетельствованы в Передней Азии (на Святой Земле, Синайском полуострове, в Финикии, Аравии) в XIV–XII веках до Р.Х., в период, непосредственно предшествовавший Исходу и последовавший за ним. Это угаритское клинописное, синайско-палестинское, ханаанейское (финикийское), а позднее и арамейское письмо. Все они достаточно близки между собой по внутренней структуре и, возможно, восходят к единому западно-семитскому прототипу.[22] Очевидно, примерно в это же время алфавитом такого же типа были записаны первоначальные книги Ветхого Завета.

Древнейшие виды несиллабического письма, кхарошти и брахми, возникли в связи с распространением буддизма в Северной Индии и прилегающих странах в IV–III веках до Р.Х. на основе одного из восточных вариантов арамейского письма и, может быть, не без влияния греческого.

Древнейшее алфавитное вокалическое письмо – греческое – возникает путем переработки одной из разновидностей финикийского алфавита в IX–VIII веках до Р.Х. На основе греческого письма образуются и развиваются все системы письма европейских народов.

Среди ученых XIX века и значительной части XX века существовало мнение, что фонетическое письмо более совершенно, чем иероглифическое, а само развитие письма проходит стадии от идеографии к фонографии. Это мнение не соответствует фактам.

С одной стороны, иероглифические системы письма (например, китайская и японская) являются чрезвычайно гибкими и мощными инструментами выражения языковых значений и располагают в этом смысле средствами, недоступными фонетическому письму. Будучи сложными системами письменных знаков, иероглифические системы письма вырабатывают, причем на ранних стадиях развития, системы фонетических знаков для записи иностранных слов или простых текстов (как древнеегипетские звуковые знаки, фактически образующие алфавит, или японские знаки кандзи). Иероглифические системы успешно используются в течение многих тысячелетий и довольно легко приспособляются к различного рода новым информационным технологиям в виде книгопечатания или компьютерной речи.

С другой стороны, по мере развития фонографического письма в нем вырабатываются многочисленные системы идеографических знаков (например, @, №, \$, %), а в ряде случаев и целые идеографические подсистемы, как средневековая греческая и латинская такиграфия, которая первоначально была стенографической записью речи, а позже превратилась в особую систему иероглифических знаков. Это было связано со стремлением к сокращенной записи слов в текстах дорогих пергаментных книг и грамот. Подобного рода явления вторичных кодов легко можно наблюдать в любом компьютере.

Смена иероглифики фонографией объясняется тем, что любая иероглифическая система письма тесно приспособлена к конкретному языку и в особенности к культуре: если бы древние евреи использовали, например, для записи Ветхого Завета египетское письмо, то им пришлось бы постоянно упоминать, изображать в тексте разнообразные египетские божества и обряды (ибисов, скарабеев, крокодилов, фараонов, аспидов и т. п.), а сами по себе ассоциации значений слов, задаваемые через иероглифические знаки, непрестанно обращали бы их к мыслительным образам египетской культуры, что решительно несовместимо с Заповедями.

Образование фонетического письма происходит путем отбрасывания иероглифических знаков и обычно серьезного преобразования начертаний фонетических знаков. Древнейшие семитские алфавиты повторяют состав египетских (или аккадских) звуковых или слоговых знаков, но начертания семитских букв вполне самостоятельны.

В систему письма входят:

1. Алфавит в общем смысле – номенклатура основных письменных знаков – имен единиц языка, которые отображаются письмом: словарь простых иероглифов, буквенный алфавит и алфавитные правила именования единиц языка. Единица алфавита, например, буква б, представляет собой имя типичного звука языка, посредством которого устанавливается связь между начертанием и произношением, а сам по себе обозначенный буквой звук помещается в ряд других звуков, выделенных в алфавите.

Алфавит является главным инструментом осмысления системы языка, потому что через систему знаков-имен основных единиц языка – слов, морфем, звуков – он позволяет вычленять и сопоставлять любые единицы языка – слова, словосочетания и предложения.

2. Графика – система правил комбинаций письменных знаков в тексте. Один и тот же звук может обозначаться на письме различными способами: русские слова *веселый*, *мед* можно, используя правила алфавита, записать как, например, *весьольый, *мьод, но сочетание букв *сьо запрещено и встречается только в иностранных словах (“*Либерасьон*” – название французской газеты).

3. Каллиграфия – система норм начертания букв и буквосочетаний в рукописном тексте. Во всех развитых системах письма различаются три основных типа почерков, соответствующих русскому уставу, полууставу, скорописи.

Уставные, или каллиграфические художественные, почерки используются для записи наиболее важных текстов документов, церковных богослужебных книг, светских книг – текстов, которые используются в основном как образцы и в течение долгого времени; полууставные почерки используются для записи рабочих экземпляров документов и книг; скоропись (или курсив) используется для записи текущих документов и книг учебного содержания, предназначенных для личного пользования.

Развитие рукописного письма и образование в нем новых стилей происходит в основном в полууставных шрифтах, которые, развиваясь, выделяют из себя новые каллиграфические и скорописные варианты письма.

4. Орфография – система альтернативных правил записи слов и словосочетаний.

Так, упомянутые русские слова *веселый* и *мед* могли бы быть записаны, как *виселой и *мет, – сочетания букв, которые использованы в этих записях, допускаются русской графикой. Но по правилам русской орфографии слово *веселый* пишется через *е*, потому что проверяется словом *весело*, а графическое окончание – *ый* пишется таким образом, чтобы указать, что ударение в этом слове падает не на окончание (ср. *голубой*).

Правила орфографии создают членораздельность письменной речи и организуют письменные (графические) слова в систему, они необходимы для отождествления на письме словоформ одного слова и родственных слов, для выделения грамматических формантов и основ слов, для различения омофонов и для указания на этимологию слов. Правила орфографии позволяют читать текст пословно, не проговаривая слова вслух или про себя.

5. Пунктуация – система правил письменного оформления структуры предложения. Правила пунктуации необходимы для понимания и правильного прочтения вслух предложения.

Пунктуационные правила образуют логико-грамматический каркас письменного высказывания и позволяют точно выразить на письме сложные мысли, которые с трудом могут быть выражены средствами устной речи. Пунктуация делает письменную речь основным инструментом создания и выражения абстрактной мысли.

Система письма с ее нормами и правилами лежит в основании письменной и устной литературной речи. Нормы письма – главное средство сохранения единства и исторической преемственности литературного языка, а следовательно, единства и устойчивости культуры того общества, которое использует этот литературный язык.

Письменность представляет собой систему норм построения, чтения, хранения и воспроизведения письменных текстов и совокупность письменных произведений.

Письменные произведения подразделяются на надписи и рукописи.

^ Надписи

Представляют собой тексты, которые выполняются на различных предметах, не являющихся специальными материалами письма, – на каменных или деревянных досках, металлических пластинах, монетах, медалях, сооружениях, предметах культа, утвари, оружии и т. д. Содержание надписи указывает на предмет, на котором она сделана, например, дарственная надпись на книге, надгробная надпись, вывеска магазина, инструкция или предупреждение, написанные на упаковке продукта, девиз на оружии.

Наука эпиграфика изучает надписи на различного рода предметах, нумизматика изучает надписи на монетах, сфрагистика изучает надписи на медалях.

^ Рукописи

Представляют собой тексты, которые обычно выполняются инструментами письма на писчем материале. Рукописи подразделяются на документы, сочинения и эпистолы. Документами занимается дипломатика, сочинениями и эпистолами – палеография.

^ Документы

Представляют собой произведения слова, назначение и содержание которых состоит в фиксации правовых отношений и норм и которые предполагают правоспособность и юридическую ответственность автора и получателя текста. Особенность документов состоит в необязательности создания, но в обязательности прочтения, а также в ограничении круга лиц, которые его используют.

Например, научное исследование, если оно предназначено для публикации, относится к разряду сочинений, но если доступ к нему ограничен, оно приобретает качество документа. Закон публикуется открыто, но действие закона ограничено кругом граждан или лиц, находящихся на территории государства.

Это не просто формальное требование: научно-технические отчеты или кандидатские диссертации читаются и оцениваются иначе и по иным правилам, чем научные монографии: оппонент обязан в официальной рецензии сообщить определенные сведения о содержании диссертации и дать ее экспертную оценку по определенной формуле.

Создание, использование, воспроизведение и хранение документов (документооборот) осуществляется посредством специального института речи – канцелярии, которая вырабатывает общие и специальные нормы и правила работы с документом.

Документы подразделяются на четыре больших класса: акты, договоры, распорядительные документы, удостоверительные документы.

Акты – документы, устанавливающие и фиксирующие юридические факты: нормы права, действия или правовые состояния лиц. Например, законы и так называемые подзаконные акты: уставы, протоколы, следственные документы, документы, определяющие имущественные права (завещание, дарственная запись).

Договоры – документы, устанавливающие и фиксирующие конкретные правовые (имущественные, брачные, родственные, политические и др.) отношения между правоспособными

лицами, которые рассматриваются как стороны, вступающие в определенные отношения и принимающие на себя обязательства, связанные со взаимной ответственностью (контракт, протокол о намерениях, соглашение).

Административные документы представляют собой инструменты оперативного управления деятельностью. Сюда входят распоряжения о действиях, направленные сверху вниз по административной иерархии (приказы, инструкции, резолюции), отчеты о выполнении действий, направленные снизу вверх по административной иерархии (рапорты, доклады, отчеты, сводки, докладные записки, заявления, прошения), информационные сообщения (информационное письмо, деловое письмо, уведомление, справка, расписание, оперативная карта, бизнес-план).

Удостоверительные документы представляют собой официальные свидетельства о правовых состояниях и правомерных действиях лиц или организаций (технический паспорт, пропуск, удостоверение на ношение оружия, агреман, верительная грамота, чек, вексель, доверенность, лицензия).

Личные документы представляют собой официальные свидетельства о правовом статусе лиц (паспорт, удостоверение личности, метрическое свидетельство).

^ Сочинения

Представляют собой произведения слова, назначение которых состоит в сообщении информации, предназначенной для любого заинтересованного лица без ограничения права доступа к тексту, поэтому создание и получение сочинений не рассматриваются как обязательные.

В отличие от документов, которые различаются характером использования, сочинения, доступ к которым не ограничен правовыми нормами, различаются характером содержания.

Основное различие сочинений состоит в отношении содержания текста к реальности, поэтому в составе сочинений выделяются поэзия (которая в новое время развивается в художественную литературу) и проза. Поэзия, по Аристотелю, характеризуется наличием подражания – художественного вымысла,[23] проза же имеет реальное содержание. Иначе говоря, можно утверждать, что сообщения, которые содержатся в прозаических произведениях, истинны или ложны.

В известном смысле к прозе относятся и документы, но сама по себе допустимость вымышленных сообщений, как и соединение в одном тексте вымышленных и реальных сообщений, существует в сочинениях и эпистолах и связана с необязательностью прочтения текста и с особенностями содержания тех и других.

^ Поэзия

Понятие подражания и связанного с ним художественного вымысла, которое характеризует поэзию в отличие от прозы, сложилось относительно поздно – на рубеже классического и эллинистического периодов истории греческой литературы (конец IV в. до Р.Х.). Более древнее отличие поэзии от прозы состоит в том, что поэтические произведения были стихотворными, в то время как прозаические строились в основном на основе периодической речи.

Поэзия, с какой бы точки зрения ее ни рассматривать, включает три рода произведений в зависимости от особенностей их строения – эпос, лирику и драму.

Произведение эпическое представляет собой художественное изображение событий, поэтому оно содержит сюжетное повествование и строится в монологической форме. Например, греческая комическая поэма “Маргит”, повести, античные и средневековые романы, как “Роман о розе” Г. де Лоррис и Ж. Клопинеля и т. д.

Лирическое произведение представляет собой монолог, в котором выражаются переживания лирического героя, а событийная сторона произведения, если она вообще представлена в нем, отступает на второй план, например, элегии Архилоха.

Драматическое произведение представляет собой изображение развивающегося действия с точки зрения его внутреннего содержания, как коллизии, столкновения людей, поэтому оно строится в форме диалога и содержит сюжет.[24]

Первоначальная поэзия у всех народов предстает в виде произведений религиозного содержания. Это относится не только к поэзии библейской (Псалтири), но и к поэзии греческой. “Илиада” и “Одиссея” Гомера исполнялись профессиональными декламаторами-рапсодами на празднествах и играх и были элементами культа. Лирические жанры (дифирамб – гимн Дионису, эпиграмма – посвятельная стихотворная надпись) первоначально содержат обращение к божеству или его прославление и также представляют собой религиозную поэзию.

С появлением и развитием авторской литературы, начиная с VII-VI веков до Р.Х., формы греческой поэзии, сохраняясь в первоначальном значении, отчасти принимают “светский” характер. В то же время развивается и авторская литература, написанная не стихами, а прозаической речью, как басни Эзопа.

Значительно позже, с развитием христианской духовной поэзии, те же греческие поэтические формы, как и связанные с ними музыкальные формы, упорядочиваются, усложняются и приобретают новое содержание.[25]

Вот почему к понятиям поэзии и прозы следует подходить с должным вниманием и осторожностью: псалмы царя Давида, как и духовные стихотворения св. Григория Богослова, являются поэзией в древнем смысле слова, поскольку они строятся в метрических и образных формах древнееврейской и древнегреческой поэтики соответственно. Но с точки зрения Аристотелева определения поэзии как подражания их следует относить к прозе.

^ Проза

В греческой словесности проза (за исключением документа, представленного в древнейших эпиграфических памятниках) возникает, как обычно считается, позже поэзии. Прозаические памятники, дошедшие до нашего времени, относятся к V-VI векам.

Античная теория классифицировала изящную прозу на историографию, ораторику (красноречие) и философию. В римскую эпоху к ним присоединяется право. Эти три вида прозы считались художественными и к ним предъявлялись требования хорошего слога, но кроме них существовали документ, специальная научная и техническая литература, например, медицинские сочинения Гиппократов (ок. 460–370 до Р.Х.).

Историография открывается великим трудом “отца истории” Геродота (ок. 484–425 до Р.Х.). “История” значит исследование, изыскание. Впоследствии этот памятник был разделен на девять книг по числу муз.[26] Главный предмет “Истории” Геродота – греко-персидские войны (500–449 до Р.Х.), которые были важнейшим этапом борьбы между Европой и Азией. Вокруг этого главного предмета разворачивается изложение громадного этнографического, культурного и исторического материала.

Геродот стремится к нравственно-педагогическому осмыслению истории и к превращению ее в науку: история есть учительница жизни. История приобретает высокое образовательное значение: материал “Истории” Геродота и стиль его исторического изложения оказали громадное влияние на всю последующую историографию, включая церковную историю и экзегетику.

Другой вершиной греческой историографии была незаконченная “История пелопонесской войны” (431–404) Фукидида (460–396), в которой Фукидид принимал непосредственное участие в качестве афинского военачальника: он был изгнан из Афин после неудачного сражения со спартанцами при Амфиполе в 424 году.

В отличие от Геродота, стремившегося дать событиям рациональные обоснования, Фукидид (под влиянием Гиппократов) ищет в основе поступков людей вечные психологические мотивы.

С точки зрения литературной, существенна такая особенность стиля Фукидида, как многочисленные фигуры заимствования, то есть обоснования поступков посредством искусственно созданных речей, которые историк вкладывает в уста реальных людей. С помощью заимствования Фукидид дает внутреннее обоснование поступков, выражение смысла событий с позиции реального лица. Этот прием получил широкое распространение в греческой литературе и впоследствии повлиял на характер изложения в христианской агиографии и гомилетике.

Среди многочисленных греческих и римских историков следует особенно выделить позднего греческого историка-биографа и моралиста римского периода Плутарха (ок. 45-ок. 119), автора многочисленных сочинений, самое известное из которых “Сравнительные жизнеописания.” Парно сопоставляя знаменитых греков и римлян, Плутарх устанавливает своего рода модель нравственных свойств человека и последовательности его деяний и в этой связи представляет типы исторических деятелей. Человек в изображении Плутарха предстает статично, а его жизнь оказывается последовательным проявлением нравственных свойств.[27]

Схема построения биографии, разработанная Плутархом (хотя он не был первым, кто ее создал), значительно повлияла на христианскую агиографию, передав ей общие места жизнеописания, по которым можно строить сопоставления историй человеческой жизни.[28]

^ Ораторика

Характерная особенность греческой культуры на всем протяжении ее истории от глубокой древности до нашего времени – поразительная склонность к публичному слову и внимание к стилю. Греческий язык был исключительно совершенным инструментом мысли, и умение выразить мысль всегда особенно ценилось и культивировалось греками.

Ораторское красноречие, как особый, высший вид искусства, возникает только в античной Греции, и ни одна другая древняя культура – ни египетская, ни аккадская, ни китайская, ни индийская – не уделяют столь пристального внимания ораторике, как греческая, и не дают таких высоких образцов содержательного и стилистического совершенства диалектики и искусства устного слова.

Как было отмечено выше, античное красноречие развивалось в трех основных формах: судебной, показательной (эпидейктической) и совещательной (политической) речи. Осмысление искусства публичного слова и теоретическая разработка приемов аргументации связаны с софистами – профессиональными практиками и учителями публичного слова. Сама по себе риторика развивается задолго до Аристотеля. “Риторика” Аристотеля, завершенная только в конце его жизни, удачно обобщает длительную традицию устной публичной аргументации и ее теории.

Одним из древнейших софистов, произведения которого дошли до нас, является Горгий (485–380 до Р.Х.), уроженец Сицилии, который во время посольства в Афины произвел на афинян сильное впечатление художественным оформлением своих речей. Горгий систематически применял риторические тропы и фигуры, которые с тех пор и называются горгиевыми, и ритмически организованную речь. Горгий прославился в основном показательными речами (“Паламед”, “Хвала Елене”, “О павших в Пелопонесской войне”). Кроме того, он много занимался диалектическими вопросами теории познания – теорией аргументации и семантическими парадоксами.

Антифон (ок. 480–410 до Р.Х.) был крупнейшим судебным и политическим оратором. По свидетельству древних, ему принадлежит лучшая судебная речь (не дошедшая до нас), которую он произнес в свою защиту. Но обстоятельства дела были столь очевидны (он обвинялся в заговоре и государственной измене), что сам Антифон и его товарищи были казнены. Антифон преподавал риторику, и ему принадлежит разработка учебных образцовых речей (тетралогий) по типичным делам и юридической топике с аргументацией на все основные топы. Кроме того, Антифон разработал теорию периода и принципы членения периода, что важно для судебной речи, где каждая отдельная мысль должна быть выражена четко и ясно, чтобы ее логико-смысловая структура легко воспроизводилась аудиторией.

Крупнейшим судебным оратором и основателем теории судебной речи считается Лисий (ок. 445–380 до Р.Х.). Сохранились 34 показательные и судебные речи Лисия. Лисий был профессиональным логографом: как метек (иностранец), он не имел права выступать в суде, и судебные речи Лисия составлены таким образом, что в них проявляются особенности стиля и аргументации, характерные для его клиентов, людей различного социального круга и уровня образования. Особенности речей Лисия – ясный, простой и четкий стиль, без лишних украшений, который и требуется в судебной ораторике, а также ясная композиция, которая является особой его заслугой: вступление, изложение, доказательство, заключение, как четко выраженные последовательные формы, заложили основу техники аргументации в условиях состязательности.

Исократ (436–338 до Р.Х.) был одним из самых знаменитых практиков, теоретиков и преподавателей риторики в Афинах. Исократ, очевидно, впервые стал специально публиковать свои речи, в результате чего из ораторской прозы образуется политический памфлет. Собственное творчество Исократа, а также его учебные речи относятся ко всем трем видам риторики, и до нас дошли многие его речи и упражнения, а также литературные письма, так что Исократу очевидно принадлежит и заслуга создания эпистолы как вида словесности (сохранились 21 речь и 9 писем).

Он основал систему профессионального риторического образования, открыв школу, в которой будущие ораторы обучались в течение трех-четырёх лет, а преподавание велось в форме семинарских занятий. Поэтому Исократ считается основателем педагогики и создателем систематического образования. Существенно, что, будучи серьезным философом, Исократ, не без влияния Сократа, своего современника, включил в риторическую подготовку систематическое преподавание философии и решительно выступал, наряду с Сократом и Платоном, против софистики как обучения практической технике эристической аргументации. Исократ стремился выработать у своих учеников индивидуальный стиль речи. Школа Исократа имела большой успех: из нее вышел целый ряд талантливых риторов и философов.

Демосфен (384–322 до Р.Х.) по праву считается одним из крупнейших государственных деятелей и политических ораторов конца классического периода. В отличие от Горгия, Антифона, Исократа, Платона, Аристотеля, Демосфен принадлежал к демократическому политическому направлению. Из сохранившихся шестидесяти одной речи, приписываемых Демосфену, многие не принадлежат ему. В творчестве Демосфена синтезируется опыт ораторской прозы предшествующего времени, поэтому его речи, обладающие высоким стилистическим совершенством, традиционно рассматриваются как образцовые и включаются во все хрестоматии. В особенности популярны его “Филиппики” – политические речи, направленные против Филиппа Македонского, и искусное самопрославление в защитительной речи “О венке.”

^ Философия

Философия занимает выдающееся место в истории прозаической литературы: уже в античности, в особенности в эллинистический и римский, а впоследствии в византийский периоды, философская словесность, выделяя из себя новые проблемы и разновидности произведений, чрезвычайно ветвится. Из философского текста развивается богословская и собственно научная литература, в которых проявляются особые, присущие им стилистические качества и специфическая техника аргументации.

От античной философии до нас дошло сравнительно немного – большая часть античных философских (как и научных) произведений утрачена и известна из цитат и критических замечаний, разбросанных в дошедших до нас древних и более новых произведениях, и из популярных и критических изложений учений философов, например, у Диогена Лаэртца, Секста Эмпирика, Плутарха, христианских апологетов, Отцов Церкви. Но дошедшие до нас философские произведения классического периода греческой литературы – Платона, Аристотеля и Ксенофонта – сохранились не случайно: они были и остаются, помимо фундаментальных идей, которые в них развиваются, высшими образцами стиля философской научной прозы, которым так или иначе следовали и следуют позднейшие авторы.

Платон (427–347 до Р.Х.). Произведения Платона описаны, в том числе и со стилистико-риторической точки зрения, в весьма обширной литературе.[29] Здесь следует обратить внимание на следующее. Дошедшие до нас произведения Платона представляют собой в основном литературные диалоги,[30] почти все участники которых были реальными лицами, современниками Платона. Хотя диалоги Платона группируются тематически и хронологически, каждый из них является отдельным (не всегда законченным) произведением, посвященным определенной философской проблеме.

Непревзойденный художественный стиль, драматургическое совершенство, реалистичность и психологическая правдивость даже поздних диалогов Платона и техника аргументации, которую используют спорящие персонажи, показывают, что диалоги представляют собой риторические произведения. Аргументация у Платона не принимает вида последовательной философской системы и строится на основе общих мест (топов), которые лежат в основании каждой линии аргументации и часто обсуждаются, когда эти линии аргументации сталкиваются. Поэтому можно говорить о стилистическом направлении в истории философии в историко-литературном смысле, которое восходит к Платону независимо от того, какие идеи высказывают мыслители, использовавшие платоновские принципы построения текста.

Аристотель (384–322 до Р.Х.) – ученик и последователь Платона, основатель систематической философии и науки. Сохранившиеся произведения Аристотеля (около тридцати), некоторые из которых, как “Экономика”, являются спорными, относятся практически ко всем разделам научного знания. Это видно из неполного перечня основных сочинений по разделам: логические – “Категории”, “Об истолковании”, “Топика”, “О софистических опровержениях” и “Аналитики” первая и вторая, к ним примыкают “Риторика” и “Поэтика”; общефилософские – “Метафизика”; этические – “Большая этика”, “Ефремова этика”, “Никомахова этика”, “Политика”, “Экономика”; естественнонаучные – “Физика”, “О небе”, “История животных”, “О частях животных”; психологические – “О душе”, “О жизни и смерти”, “О памяти и воспоминании” и другие.

Если Платон в своих диалогах обсуждает проблемы, то Аристотель в своих трактатах рассматривает науки, изложение которых он строит систематически. Каждая наука представляет собой по существу развитие содержания и объема понятия (физики, метафизики, топики и др.). Принимая исходные определения, Аристотель развертывает их в изложение определенной области знания, снабженной иллюстративным материалом, обсуждением различных точек зрения, выводами.

Аристотель в своем Ликее – школе, которую он создал в дополнение платоновой Академии, – систематически преподавал науки, и некоторые его произведения представляют собой, очевидно, студенческие записи лекций.

Аристотель основал второе основное стилистическое направление философии, науки и богословия, которое и образовало в средние века схоластику, то есть школьную дисциплину, с ее “Суммами”, “Бревиариями”, ординарными и экстраординарными курсами, диссертациями и особой системой научного диспута. Научно-философский стиль Аристотеля имел многочисленных последователей, которые, случалось, были больше платониками, чем аристотеликами в идейном отношении, но стилистически сильно разнились с Академией.[31] Аристотелевский стиль научного мышления оказал особенно сильное влияние на западную науку, богословие и право, хотя и Византия не обошлась без него.[32]

Так сложились два направления научного изложения – академическое, восходящее к Платоновой, и университетское, восходящее к Аристотелевой традиции.

^ Классификация знаний

Античная философия, начиная с Платона и Аристотеля, содержит классификацию знаний, которые разделяются по предмету и по характеру изложения и аргументации проблем.

Все знание подразделяется на теоретическое и практическое. К теоретическому знанию относятся дедуктивные науки математика, метафизика, логика, выводы которых достоверны. Логика

является наукой-инструментом, посредством которого достигается достоверное знание. К практическому знанию относятся этика и политика, выводы в которых имеют вероятностный характер. Методологический инструмент этих наук – диалектика.

Эта аристотелевская классификация знаний была систематизирована и дополнена стоиками, которые выделили, как было выше упомянуто, физику, логику и этику и добавили к составу наук богословие как часть физики (т. е. науки о сущем). Логика и этика были разработаны стоиками особенно подробно.

Христианская наука поздней античности и средних веков в целом принимает античную классификацию знаний: философия как познание сущего подразделяется на теоретическую и практическую части. Теоретическая философия разделяется на богословие, физиологию и математику. В богословие включается знание о Боге, ангелах и о душах. Математика включает арифметику, музыку, геометрию и астрономию как явления промежуточные между духовными и материальными. Физиология изучает неживую и живую природу. Практическая философия разделяется на этику (учение о человеке), экономику (учение о семье) и политику (учение о государстве).[33]

^ Эпистолография

Третьим родом словесности являются послания, которые отличаются от документа и сочинения и сходны с ними в том отношении, что послания, как документы, адресуются определенному лицу или лицам, но, подобно сочинениям, не являются произведениями, обязательными для прочтения. В этой связи следует различать настоящие послания и литературные, которые представляют собой жанр сочинений.

По характеру адресата и степени нормативности построения послания подразделяются на официальные и неофициальные. Во всех письмах выделяются элементы обязательные: адреса корреспондентов, дата, обращения и приветствия, благопожелания, подпись. Но официальные письма строятся по определенным схемам и в них выделяются так называемый формуляр и клаузула, то есть обязательные компоненты содержания и необязательные, относящиеся к особенностям конкретного предмета. В составе официальных писем выделяется особый разряд деловых писем, которые часто относятся к документам.

Неофициальные письма отличаются от всех других видов письменного слова свободой содержания, языка и композиции, поэтому классификации писем в значительной мере затруднены. Обычно такие классификации в письмовниках (специальных руководствах по переписке) отражают этическую и социальную структуру общества.

Античные, средневековые письма и письма нового времени, которые создавались в условиях, когда почта и канцелярия были устроены относительно просто, разделяются на три разряда по характеру адресата в отношении к адресанту – на письма к конкретному лицу и письма к группе лиц (например, послания императоров сенату), а в этикетном отношении – на письма к высшим, к равным и к низшим по положению.

Письма к высшим и письма к низшим приближаются к документу: первые часто представляют собой прошения, доклады, отчеты (как письма Плиния Младшего к императору Траяну), а письма к низшим содержат распоряжения и наставления (как письма Траяна к Плинию). Более того, императорские эдикты и законы (новеллы) часто оформлялись в виде письма либо к конкретному лицу, например, ответственному чиновнику, либо группе лиц, например, императорские письма византийского периода Вселенскому Собору или группе архиереев.

Письма к равным (например, письма Платона и знаменитые своими литературными достоинствами письма близким Цицерона), напротив, тяготеют к сочинениям этического или даже развлекательного характера. Сборники таких писем, опубликованные их авторами, как письма Цицерона, превращаются не просто в литературные произведения, но становятся образцами стиля разговорной и художественной речи и оказывают сильное влияние на нормы и образ поведения, на

нравственные отношения людей. Опубликованная личная переписка с друзьями и близкими в поздней античности сложила своего рода культ дружбы.

^ Христианская письменная словесность

С распространением христианства в системе письменной словесности происходят очень существенные количественные и качественные изменения. Развитая эллинистическая античная словесность с ее системой литературных форм постепенно перерастает в средневековую словесность, устройство которой отличается следующими особенностями.

Появляется и быстро развивается система христианской литературы и письменно устной словесности, которая, воспроизводя основные литературные приемы и жанровые формы античной греко-латинской словесности, дублирует ее: тем самым образуются две развивающиеся параллельно, но взаимосвязанные линии словесности – духовная и светская.

Эта двоякая система словесности становится иерархической: в ней выделяются роды и виды произведений, которые рассматриваются как наиболее значимые, и роды и виды произведений, которые рассматриваются как менее значимые, а часто едва терпимые или даже вовсе нетерпимые в христианской культуре, и между этими двумя противопоставленными иерархически группами текстов распределяется все разнообразие родов и видов произведений слова.

В первые века христианской эры происходит весьма радикальное изменение информационных технологий: быстро распространяется книга-кодекс, которая сначала использовалась в школе и в канцелярии, позже кодекс используется в богослужении и как форма молитвослова; постепенно кодекс вытесняет книгу-свиток.

Появление кодекса позволяет рассматривать письменный текст как единое смысловое целое, легко выделять и сопоставлять его части и организовать весь текст оглавлением, комментарием, шрифтовым членением. Кодекс хранится на полке и более прочен, чем свиток. Он может состоять из нескольких тетрадей, которые могут читать и переписывать одновременно несколько человек, что существенно ускоряет и уточняет воспроизведение и распространение текстов.

Одновременно с распространением кодекса, с IV века утверждается минускульное четырехлинейное письмо: появляются заглавные и строчные буквы, а сами по себе строчные буквы разделяются на буквы с верхними и нижними выносными частями (p, q, t, ξ, ζ, μ и др.) и буквы, которые пишутся в две линейки (a, i, o, η, ι, o, α, ν и др.) Это облегчает чтение текста и позволяет сокращать на письме слова за счет гласных букв, читать текст про себя.

Начиная с VIII века постепенно распространяется изобретенная в Китае бумага, которая как универсальный писчий материал вытесняет папирус, а потом и пергамен, существенно удешевляя книгу и облегчая ее переписку (письмо по пергамену требует специального навыка и большой аккуратности).

Совершенствуются и инструменты письма. Распространившееся преимущественно в северных странах гусиное перо позволяет делать нажим, что создает дополнительные различительные признаки графического слова и позволяет легче опознавать букву, особенно в скорописных почерках.

Начиная со II века народы, принимающие христианство, создают новые письменные языки: коптский (II–III вв.), армянский (IV в.), готский (IV в.), грузинский (начало V в.), славянский (не позже IX в.); на Западе латинское письмо используется для записи текстов на германских, кельтских и романских языках.

В результате путем многочисленных переводов Св. Писания и литургических текстов образуются новые литургические, а на их основе и литературные языки, в которых полностью или частично воспроизводится греко-латинская христианская письменная словесность. Эта словесность, не

утрачивая связи с греко-латинской античной культурой, у каждого народа сочетается с его фольклорной словесностью и начинает развивать местную письменную культуру.

В зависимости от характера заимствования письма новые письменные языки строятся как переводные (коптский, армянский, славянский и другие языки, образовавшиеся на основе греческой письменности), или как транскрипционные (как многочисленные письменные литературные языки стран Западной Европы, которые сложились на основе латинской письменности).

Для этих языков характерно литературное двуязычие с латинским языком богослужения и высокой словесности и местным (немецким, французским и др.) вульгарным языком, на котором первоначально создавались произведения низких жанров.

Своего рода тиражирование античной письменной словесности, распространившееся на новые языки и народы, и означает начало новой эпохи становления и развития национальных культур – средних веков.

^ Духовная словесность

Духовная словесность складывается в первые пять веков христианской эры в следующих основных видах произведений слова, различающихся функционально (то есть по назначению и характеру использования) и стилистически.

Строение духовной словесности отражает соотношение Священного Предания и Священного Писания, поскольку текст Священного Писания Нового Завета в своем составе складывается в формах проповеди, ее истолкования, посланий, повествовательных текстов, богослужебной речи и духовной поэзии, эпистолографии, полемики, пророческой речи, которая имеет особую семантику и строение.

Поскольку духовная словесность складывается в условиях конкретного общества и в составе существующих норм словесности, то это развитие и происходит под сильным влиянием поэтики, риторики, диалектики, и литературных прецедентов, которые выработались в греко-римском мире. [34]

Тем самым духовная словесность включается в общую картину языковой культуры античности, одновременно видоизменяя ее: воспроизведение культуры изменяет ее характер, так как в целях образования, документооборота и правовой деятельности, научного и философского познания, художественного творчества, развлечения отбираются, воспроизводятся и перерабатываются (например, в виде компиляций) такие произведения, которые в наибольшей степени совместимы с христианским мировоззрением.

Другие произведения, нехристианские, или даже антихристианские по содержанию (например, сочинения Лукиана, Порфирия, Ливания, логические и философские произведения неоплатоников или стоиков, произведения эллинистической любовной лирики и т. д.), в основном сохраняются и переписываются, но исключаются из оперативного фонда культуры и отходят в ее пассивный фонд, хотя материал их постоянно питает культурное творчество – они выступают в качестве своего рода культурного фона, так как используются их фрагменты.

К духовной словесности относятся:

1. Священное Писание – книги Ветхого и Нового Заветов. В число книг Ветхого Завета входят канонические и неканонические. Канонические книги (39 книг) были записаны в период от XV до V века до Р.Х.; неканонические книги (11 книг) были написаны с V по I века до Р.Х. Ветхозаветные книги подразделяются на три отдела: Закон, Пророки и Писания, которые различаются содержанием и характером изложения. В число книг Нового Завета входят четыре Евангелия: от Матфея, Марка, Луки и Иоанна; Деяния Святых Апостолов; семь апостольских

Соборных Посланий; четырнадцать Посланий апостола Павла; Откровение Иоанна Богослова (Апокалипсис).

2. Литургическая словесность образует смысловой и стилистический центр всей духовной словесности и культуры (поскольку помимо слова в нее входят все базовые семиотические системы: символы, прогностика, костюм, музыка, пластика, изображение, архитектура, календарь и др.). Она вбирает в себя, по мере развития богослужения, тексты всех других видов духовной словесности. В литургической поэтике, нормы которой фиксируются в различных богослужебных уставах и в творениях св. Иоанна Дамаскина, отражаются не только греческая, но сирийская и, очевидно, египетская и другие поэтические и музыкальные системы.

3. Экзегетическая словесность представляет собой истолкования текста Священного Писания, которые начали создаваться в первые века христианства; экзегетическая литература весьма обширна, поскольку в различных исторических и культурных условиях жизни Церкви постоянно существует потребность в новых объяснениях текстов Священного Писания. В экзегетической литературе существует строгая преемственность как содержания экзегетических текстов, так и методов толкования.

4. Гомилетическая словесность включает устные и письменные словесные жанры, как соответствующие античной ораторике, так и новые, связанные с духовным образованием – воспитанием и обучением, церковной проповедью и христианской миссией.

5. Эпистолярная словесность, широко представленная в Книгах Нового Завета и развившаяся в первые века христианства в разветвленную систему словесных жанров.

6. Апологетическая, и шире, полемическая словесность в письменных и устных формах, которая особенно интенсивно развивается в эпоху Вселенских Соборов.

7. Учительная, в тесном смысле, словесность в виде сборников поучений и наставлений, например, “Лествица” св. Иоанна Лествичника.

8. Историко-церковная литература в двух своих важнейших разновидностях: агиографии и церковной истории.

9. Богословская литература, которая строится на основе техники философской аргументации (например, “О началах” Оригена). По мере развития она включает в себя также и научные логико-семантические, филологические сочинения технического характера, как “Христианская наука”, “Об учителе” бл. Августина, “Философские главы” св. Иоанна Дамаскина и др.

10. Каноническая, то есть церковно-юридическая литература, которая, подобно богословской, использует приемы и нормы светской юридической техники, но видоизменяет их, влияя в свою очередь на светскую юридическую литературу (например, на “Дигесты” Юстиниана).

Каждый вид духовной словесности характеризуется довольно строгой содержательной и стилистической преемственностью произведений слова; именно преемственность стиля духовной словесности, непрерывно развивающегося в течение двух тысячелетий христианства, позволяет строить филологическую классификацию произведений слова. Однако, несмотря на обилие исследований, историческая стилистика духовной литературы разработана недостаточно.

Духовная словесность как в содержательном, так и в техническом отношении является принципиально новым этапом развития культуры языка: сложившаяся в дохристианской античности совокупность родов и видов слова представляла собой, несмотря на весьма развитую филологическую науку, в достаточной степени аморфное образование сравнительно, например, с относительно хорошо и последовательно нормированной и истолкованной китайской литературой.

После того как сложились единые принципы и методы оценки произведения слова, иерархия литературных языков и словесных жанров, началось упорядоченное развитие европейской литературы.

^ Печатная словесность

Начало книгопечатания связывается с именем Иоганна Гутенберга (ок. 1399–1468), купца из города Майнца, который в 1440 году изобрел наборную форму и типографский сплав и осуществил первые издания печатных книг: “Сивиллиной книги” (1440), так называемой 42-х строчной Библии (1452–1455) и Майнцской псалтыри (1457).

Изобретение книгопечатания означало возникновение новой информационной технологии, которая совершила переворот во всей системе письменной культуры.

Книгопечатание сделало возможным:

- создание крупных книгохранилищ и, следовательно, накопление, концентрацию в книгохранилищах и предметную систематизацию знания;
- стандартизацию норм письменной печатной речи, которая привела к формированию национальных литературных языков;
- развитие общего и высшего образования как следствие удешевления и широкого тиражирования книг;
- сложение литературного авторства, которое было связано с авторской ответственностью за содержание текста произведения;
- разделение труда в области умственной деятельности, поскольку труд автора, переписчика, книгоиздателя и книгопродавца сложились как особые взаимосвязанные формы профессиональной деятельности, и, следовательно, в дальнейшую профессионализацию и специализацию умственного труда;
- качественное изменение книжного и рукописного письма как следствие создания в начале XVI века Альбрехтом Дюрером (1471–1528), Лукой Пачоли (1445–1509) и Клодом Гармоном (1499–1561) стандартного книжного шрифта, основанного на математическом расчете пропорций букв; [36]
- существенное изменение всей системы словесности, которое привело к возникновению трех основных родов печатной литературы: научной, журнальной и художественной.

^ Литературное авторство

Литературное авторство, которое, разумеется, существовало и прежде, до появления книгопечатания, не могло сложиться в особый социально-культурный институт и получить юридическое оформление.

В условиях рукописной речи переписчик был в большей или меньшей мере соавтором текста, который он воспроизводил: существенным представлялось содержание произведения, а не личность его создателя.[37] Поэтому средневековый текст развивался по мере переписки и в него постоянно вносились изменения от написаний отдельных слов до замены значительных фрагментов содержания.

Это относилось к любому типу словесных произведений, но особенно болезненно сказывалось на текстах Священного Писания и богослужебных книг, искажения в которых, вносимые не всегда грамотными, хорошо понимавшими текст, да и не всегда добросовестными переписчиками, приводили зачастую к серьезным вероисповедным конфликтам.

Положение вещей начинает меняться в западноевропейских странах с XII-XIII веков по мере развития университетского образования. Преподавание университетских курсов “по книгам”, в особенности курсов богословского и юридического содержания в условиях постоянных богословских споров с частыми организационными выводами в виде предания суду инквизиции, предполагало создание преподавателями текстов курсов – “сумм” и “бreviариев”, отражавших содержание чтений, а от студентов – точного воспроизведения сочинений, на основе которых читались университетские курсы, так как искажения в текстах (особенно богословского содержания) могли привести к очень серьезным последствиям.

Поэтому в состав университетской корпорации в ряде университетских центров Европы были включены профессиональные переписчики, которые давали корпорации соответствующую присягу, а воспроизведение текстов контролировалось университетской цензурой. Студентам для переписки курса предоставлялся выверенный экземпляр, то есть образцово переписанный текст, разделенный на тетради, и каждый студент переписывал по несколько раз одну и ту же тетрадь так, чтобы в общей сложности составилось достаточное количество учебных книг. Этим автор курса – доктор, то есть автор богословской системы, – был в значительной мере огражден от случайных или намеренных искажений текста и от возможных обвинений в ереси, что, однако, случалось.[38]

С появлением и распространением книгопечатания авторская ответственность еще более усиливается, хотя она частично перераспределяется между автором и издателем. Так постепенно складывается авторское право.

Ответственность за содержание текста оказывается различной в зависимости от характера содержания произведения. Сочинение, в котором содержатся конкретные данные, философские или научные идеи, богословские мнения, предназначенные для ограниченного круга специалистов, предполагает иную авторскую ответственность, нежели, например, памфлет или памфлет, направленные против конкретного лица или религиозной конгрегации, как некоторые произведения Джонатана Свифта. Совершенно иначе следует отнестись к произведениям, которые содержат явный вымысел, хотя бы и не без намеков на определенных людей или институты, как, скажем, сочинения Франсуа Рабле.

В результате и складываются три типа авторства: научное, публицистическое и художественное. Причем каждый тип авторов попадает в Бастилию или на костер за специфические провинности. Одно дело весьма снисходительный церковный суд над Галилео Галилеем, а другое дело – суд над Джордано Бруно или охота королевской полиции за анонимным автором “Писем к провинциалу” – Блезом Паскалем.

Развитие литературы в условиях книгопечатания довольно быстро, уже в течение XVI-XVII столетий, создает особые стилистические качества художественной литературы, научной литературы и публицистики, на основе которых и формируются важнейшие особенности национальных литературных языков: общие орфоэпические, орфографические, грамматические, лексические и стилистические нормы и частные нормы так называемых функциональных стилей – научно-технического, художественного, общественно-публицистического, документально-делового.

^ Научная литература

Стиль научной литературы как особой сферы профессионального словесного творчества, отражающей развитие научного знания, складывается с XV–XVII веков.[39]

Первоначально научная литература в странах Западной Европы создавалась на латинском языке, бывшим вплоть до XIX века языком межнационального научного общения и образования. Постепенно латинский язык вытесняется новыми языками. Стиль научной литературы сложился в межнациональном научном общении, поэтому приемы научного изложения на новых языках подводились под стандарты латинского языка науки. Позже научная литература с переходом на новые языки усвоила стилистические принципы, позволявшие ясно и однозначно понимать и воспроизводить научную информацию на разных языках.

В XX веке происходит еще большая стандартизация научного языка. Крупные государства стимулируют и финансируют фундаментальную и прикладную науку. Научное изложение в XX веке подвергается влиянию деловой документальной речи в научных отчетах, проектах, диссертациях и т. д. – произведениях, на основании которых осуществляется финансирование. Вместе с тем объем научных публикаций очень быстро растет, научные работы активно переводятся на разные языки.

В этой связи в первой половине XX века возникает научная информатика – особая область научной деятельности, задача которой состоит в максимально сжатом представлении новой научной информации. Научно-информационная деятельность, в свою очередь, оказала влияние на стиль научного изложения, который стремится к тому, чтобы максимально облегчить работу научно-информационных органов и автоматизацию информационного поиска.

Стиль научной литературы характеризуется образом предмета. Образ предмета представляет собой совокупность стилистических особенностей лексики, синтаксиса, композиционных приемов построения произведения, которые характеризуют отношение авторов, включенных в определенную литературную традицию, к картине действительности, отраженной в их произведениях.

В основе стиля научной литературы лежат представления о ясности, точности, адекватности понимания текста и воспроизводимости его содержания. К научному изложению предъявляются следующие общие требования:

1. Должна быть определена область научного знания, к которой относится данный научный текст.
2. Научный текст должен содержать точные указания на предшествующие исследования по данному предмету (цитирование).
3. В научном изложении обязательно использование терминов и понятий той области научного знания, к которой он относится.
4. В научном тексте обязательно использование научного аппарата (математического, химического и т. д.) и правил построения научного текста, принятых в данной области знания.
5. Термины и понятия должны употребляться в постоянном значении в рамках научного текста.
6. Научное изложение не должно выходить за пределы научных посылок данной области знания, если это не оговорено специально.[40]

Лексика научной литературы включает три класса слов или словосочетаний: общелитературную лексику, общенаучную лексику (слова и словосочетания, употребительные в научной речи и не имеющие специальных дефиниций в пределах данной науки, например, система, явление, исследование, объект), термины – слова или словосочетания, обозначающие понятия и предметы исследования данной науки и имеющие дефиниции в научном тексте или в специальных терминологических словарях.

Термины, в свою очередь, подразделяются на номенклатурные, обозначающие предметы исследования, например, лошади (equidae), кошка домашняя (catus domestica), и понятийные, обозначающие понятия, с которыми оперирует научное исследование, например, псевдоген, ферментная функция.

Терминологические дефиниции строятся в соответствии с принципами абстракции в данной науке, а вся система терминов отражает картину научного предмета и состояние научных знаний. Однако значения научных терминов не остаются неизменными, поскольку знание развивается, а научные понятия в различных научных школах толкуются неодинаково.

Научная литература нового времени, в отличие от средневековой науки, делится по предметам знания. Научно-исследовательская методология требует высокой научной специализации и профессионализма, поэтому начиная с XVII века складываются многочисленные науки и научные дисциплины, каждая из которых характеризуется своей литературой и наличием ряда научных школ. В рамках таких школ от поколения к поколению ученых передаются приемы и тематика научно-исследовательской работы и мировоззренческие представления.

В XIX веке окончательно оформляется разделение научного знания на гуманитарное и естественнонаучное.

Обобщая исследования в области стиля научной литературы, академик Ю. В. Рождественский указывает, что образ предмета в научном изложении определяется характером научного знания и предстает в двух вариантах – гуманитарного и естественнонаучного знания.

^ Художественная литература

В новое время, особенно с XVIII века, в странах Европы развивается общее образование и создается значительный и все возрастающий слой людей, профессиональная деятельность которых предполагает достаточно высокий уровень грамотности и соответствующие культурные навыки: чиновников, офицерства, помещиков, учительства, мелкой и средней буржуазии, прислуги, позже квалифицированных фабричных рабочих. Кроме того, постепенно развивается и женское образование, сначала домашнее, а потом и школьное.

В условиях возрастающей секуляризации общества этот широкий круг людей, имеющих общие культурные представления и навыки, но недостаточно подготовленных для занятий богословием, наукой, философией, правом и другими видами слова, относящимися к высшим сферам культуры, все больше нуждается в некоей “духовной пище”, так как рутинный характер умственной деятельности не может удовлетворить их культурные запросы. Художественная литература и обслуживает потребности в умственной деятельности средне образованных слоев общества, заполняя собой этот вакуум.

Действительно, сюжеты художественной литературы обычно вращаются в кругу тем классической, средневековой и более новой словесности, которая изучается в школе, либо вокруг бытовых коллизий (реалистическое направление становится преобладающим в литературе по мере сокращения школьных программ словесности). Новые, необычные сюжеты редки в художественной литературе: чтобы быть читаемым, литератор должен использовать узнаваемые и ценимые читателем темы.

Но литератор представляет эти сюжеты в необычном облачении местного колорита или, наоборот, близкой читателю бытовой обстановки и под приемлемым для него углом зрения. Так, Гете, воспроизводит в “Фаусте” общеизвестную легенду, а Л. Н. Толстой в “Анне Карениной” – банальную бытовую коллизию в великосветском обществе. При этом писатель пользуется средствами живого, быденного языка своего времени и вкладывает в уста своих персонажей мысли, свойственные читателям, отчего читатель созерцает в произведении “самого себя”, то есть собственные грехи и немощи, но в художественно облагороженном виде.[42]

Эта тривиальность содержания становится главной особенностью новой художественной литературы, отличающей ее от древней поэзии, которая, как Псалтирь, напротив, была источником идей для богословия, философии, права.

Второй особенностью художественной литературы является читательский интерес к литератору. Интерес этот возникает потому, что новым в художественном произведении является не содержание, а стиль, словесный образ выражения, стиль же – “и есть сам человек.”[43] Особое отношение литератора к читателю проявляется в категории стиля художественной литературы – образе автора.[44]

В отличие от духовной поэзии, художник нового времени выполняет эстетический и идейный заказ читателя и представляет в своих произведениях не личное отношение к предмету мысли, но вымышленный образ (как и другие элементы образной системы произведения), выражая его всей совокупностью наличных художественных средств. “Между литературной личностью автора и образом автора художественного произведения существуют отношения, сходные с отношениями актера и роли в пьесе. Это – “перевоплощения” из частного в общее, в “символ”, из многозначного в индивидуальное, из единичного лица в обобщенное.”[45]

^ Публицистика

Стиль публицистики нового времени складывается в XVI-XVII веках на основе целого ряда разнородных жанровых форм, свойственных античной, средневековой и возрожденческой письменности, среди которых следует назвать гуманистическое письмо и инвективу, богословскую полемику, обличительную проповедь и судебную защитительную речь, представлявшуюся адвокатом в письменной форме, а также гуманистические трактаты научного, философского или нравственного содержания по латыни и на новых языках, предназначавшиеся широкой публике.

Публицистика развивалась в форме отдельных сочинений (памфлетов, листовок, писем, печатных сборников проповедей) и в журналистике, то есть в периодических печатных изданиях.

Публицистические сочинения представляют собой произведения по самым различным вопросам, адресованные широкой публике, не имеющей специальной подготовки, и основная цель их состоит в создании и организации общественного мнения.

Первыми произведениями такого рода были сочинения Франческо Петрарки (1304–1374) – основоположника европейского гуманизма: “Письма о делах повседневных”, “О знаменитых людях”, “Об уединенной жизни”, “Старческие письма”, инвективы против врачей, юристов, астрологов, университетских ученых и другие.

Жанры панегирика, инвективы, сборника литературных писем, литературного диалога, популярного или комического трактата широко используются гуманистами, и в XV–XVI вырабатывается стиль популярной риторической прозы, мастерами которого были Эразм Роттердамский (1446–1536), Мартин Лютер (1483–1546), Жан Кальвин (1509–1564), Анри Этьен (1531–1598), Блез Паскаль (1623–1662), Джон Мильтон (1608–1674), Джон Бениан (1628–1688), еп. Жак Боссюэ (1627–1704), Жан Любрюйер (1645–1696), Даниель Дефо (1660–1731), Джонатан Свифт (1667–1745), Франсуа Мари Вольтер (1694–1778) и др.

Газеты как информационные издания появились в Венеции в XVI веке вместе с первым информационным агентством и были рукописными; в начале XVII в Германии появляются печатные газеты; с 1631 года Теофраст Рендо под покровительством кардинала Ришелье издает “Gasette de France” (“Французскую газету”); первый периодический журнал появился во второй половине XVII века (1665) – это был “Journal des Sçavants” (“Журнал ученых”), издававшийся в Париже.

У истоков научной журналистики стоит францисканский монах Марен Мерсенн (1588–1648), который с 1625 года собирал кружок парижских ученых и вел постоянную переписку с учеными разных стран. Так сложился “незримый коллеж” европейских ученых, общавшихся непосредственно или через посредство Мерсенна. Первые научные журналы представляли собой периодически издававшиеся собрания писем на научные темы, содержавшие сообщения о полученных научных результатах или научную критику.

Впоследствии появляются более или менее периодические альманахи, журналы общего содержания, а потом и специализированные тематические журналы.

Начиная с XVIII века журналистика как особая форма публицистики приобретает функции (1) периодического информирования о новостях, (2) научной, литературной и политической критики и (3) популяризации знания.

^ Массовая коммуникация

Современное состояние словесности связано с появлением в начале XX века и последующим развитием массовой коммуникации.

Массовая коммуникация является периодическим комплексным (включающим различные компоненты: радио, кино, телевидение, газету, рекламу) текстом (дискурсом), назначение которого состоит в распространении новой текущей общественно значимой информации.

Текст массовой коммуникации непрерывно создается и распространяется с помощью современных технических средств на неограниченные рассредоточенные аудитории. “Тексты массовой коммуникации отличаются от других видов текстов тем, что в них используются, систематизируются и сокращаются, перерабатываются и особым образом оформляются все другие виды текстов, которые считаются “первичными.” В результате возникает новый вид текста со своими законами построения и оформления смысла.”[46]

Массовая коммуникация подразделяется на две сферы – массовую информацию и информатику. [47] Информационные тексты в целом содержат полную систематизацию фактов культуры. Информационный поиск и работа со специальной информацией находятся вне пределов риторики. Что же касается таких общих информационных систем, как Интернет, то тексты их изучены в филологии недостаточно. Массовая информация удовлетворяет общие интересы, информатика – индивидуальные.

Это значит, что в массовой информации текст (выпуск газеты, суточная программа телевидения) составляется в целом виде отправителем (редакцией) и предстает как одинаковый для всех получателей; в информатике поиск информации из предлагаемого отправителем состава сообщений осуществляется получателем.

Массовая информация с филологической точки зрения характеризуется следующими свойствами.

- Коллективное авторство и технологичность текста. В массовой информации нет индивидуального авторства, так как всякий текст создается и обрабатывается несколькими лицами (журналистом, редактором, оператором, режиссером и т. д.) и помещается в окружении других текстов, так что структура выпуска определяет содержание каждого материала. Технология создания текстов массовой информации основана на выводах психологической и социологической науки и предполагает максимальную эффективность воздействия сообщений на получателя.
- Единая система идеологического воздействия. Разные органы массовой информации воспроизводят содержание сообщений, предоставляемых информационными агентствами. Каждый орган массовой информации ориентирует сообщения на запросы своей аудитории, поэтому вся система массовой информации создает определенную картину действительности, варьируясь в допустимых управляющими инстанциями пределах. Массовая информация живет за счет рекламы и спонсорства, либо числится на государственном бюджете. Эффективность средств массовой информации и, стало быть, их финансирование определяются объемом и составом аудитории.

Чтобы не утратить аудиторию, каждый источник массовой информации вынужден сообщать примерно то же содержание, что и другие, отклоняясь лишь в незначительных пределах, потому что в противном случае его сообщения будут восприниматься как не соответствующие общей картине реальности и недостоверные: для получателя массовой информации достоверно то, что

многократно повторяется различными источниками. Если идеологические установки источника массовой информации явно несовместимы с общей идеологией всей системы, такой источник вскоре начинает компрометироваться всеми остальными: для получателя массовой информации правильно мнение большинства.

- Невозможность критического анализа получателем. Получатель сообщений выступает как максимально широкая рассредоточенная аудитория, а отправитель индивидуализирован как авторитетная организация.

Выпуск массовой информации предстает перед получателем как совокупность независимых материалов, которые не образуют связного текста на уровне восприятия непрофессиональным получателем. На самом же деле материалы любого органа и любого выпуска массовой коммуникации, как и всей системы в целом, объединены системой ключевых слов и категорий с положительным и отрицательным значением (так называемого символического зонтика), а сами по себе сообщения или отдельные высказывания получают истолкование через систему намеков и ассоциаций.

Поэтому сообщения массовой информации не могут быть критикованы получателем в пределах данной системы массовой информации.

- Принудительность содержания. Получение текста массовой информации не обязательно, но массовая информация охватывает все общество, создавая молву и общественное мнение. Общество как бы погружено в содержание массовой информации, и на деле ее сообщения оказываются принудительными.

- Подавление аудитории. Массовая информация не предполагает диалога с получателем, который не может ответить на телевизионное сообщение телевизионным сообщением. Получатель утрачивает индивидуальность, ибо воздействие текста носит статистический характер и формирует так называемое общественное мнение.

- Внекультурность. Получатель массовой информации не хранит ее, сами по себе тексты выпусков уничтожаются и отправителем, который хранит лишь отдельные фрагменты выпусков. Тексты массовой информации являются “однократными и невозпроизводимыми.” Поэтому массовая информация находится за пределами культуры.

- Коллективное авторство. Массовая информация характеризуется совокупным образом ратора, который создает у получателя иллюзию отсутствия идеологии и объективности информации. “Новейшая американская риторика сводит действия ратора к трем основным задачам: выбору темы, выбору речевых средств и выбору альтернативы, предлагаемой слушающему.

Отрицается “пропаганда”, под которой фактически понимаются основные категории риторики Аристотеля, обозначающие позицию ратора в обсуждаемом вопросе.

Выбор темы определяется “искренностью” личности ратора, выбор речевых средств – только доступностью понимания аудитории. Что же касается выбора альтернативных положений, то сама способность аудитории выносить суждения, естественно присущая всякому слушающему, проявляется лишь в выборе одной из сторон предложенной альтернативы. Тем самым, под предлогом удобства подачи объективного содержания, аудитории навязывается сама альтернатива, избранная ратором, исходя из его “личной искренности”, не управляемой никакой философией и никакой конкретной моралью. Риторика выводится из-под контроля философии, сама философия объявляется разновидностью риторики.

Нетрудно видеть, что в условиях постоянно меняющегося содержания текста массовой информации эти принципы должны привести к возможности манипуляции общественным мнением, так как массовая информация отделяется от ключевых вопросов идеологии.”[48]

^ Глава вторая. Изобретение

Изобретение – конструирование содержания высказывания. В основе изобретения лежит ясное и отчетливое представление об уместности высказывания: что, кому, с какой целью, каким образом, какими средствами, где, когда, при каких обстоятельствах, с какими возможными последствиями надлежит сообщить и о чем следует умолчать.

Приступить к публичной речи, не проработав ее содержание, значит в лучшем случае пустословить, но обычно необдуманное слово влечет за собой вредные последствия как для тех, кому оно адресовано, так и для тех, кто его создает /Мф. 12:34–37/. [49]

Изобретение включает: (1) анализ проблемной ситуации, определение предмета речи и создание темы высказывания; (2) развертывание темы: нахождение, отбор, построение и согласование аргументов.

^ Анализ проблемной ситуации, нахождение и формулировка темы

Цель риторического высказывания – решение проблемы, значимой для аудитории. Ритор не выдумывает проблемы, но решает реальные задачи. Чтобы принятое решение было правильным и действенным, вносимые ритором предложения должны быть обоснованы, поняты, оценены и сознательно приняты аудиторией, а не навязаны ей. Поэтому положения, которые содержатся в риторическом высказывании, подлежат обсуждению. “Мы совещаемся, – указывает Аристотель, – относительно того, что, по-видимому, допускает возможность двоякого решения, потому что никто не совещається относительно тех вещей, которые не могут, не могли и в будущем не смогут быть иными, раз мы их понимаем как таковые, – не совещаемся потому, что это ни к чему не ведет” [50].

Проблемная ситуация, с анализа которой начинается изобретение, включает: (1) аудиторию; (2) проблему и предмет речи, которые подлежат обсуждению; (3) самого ритора с его знаниями, способностями, опытом и риторической подготовкой.

^ Аудитория

Совокупность лиц, к которым обращается ритор. Аудитория представляет собой не случайное стечение людей, но их объединение на основе общих взглядов, задач, целей или интересов.

Аудитория развивается и изменяет свое состояние в ходе общения. Обсуждение проблем создает различие мнений и точек зрения, выделяя тем самым группировки людей, придерживающихся той или иной позиции.

Объем аудитории. В зависимости от объема и речевой фактуры (устной, письменной, печатной, электронной, компьютерных сетей) аудитории подразделяются на сосредоточенные (ораторские) и рассредоточенные (аудитории письменной и печатной речи).

Сосредоточенные аудитории подразделяются на малые, средние и большие.

К малым относятся аудитории, в которых возможен непосредственный диалог. Особенности работы в малых аудиториях состоят в том, что каждый участник общения легко включается в речь. Поэтому малые аудитории используются для продолженной речи – обучения, собеседований, совещаний. Конкретные решения принимаются обыкновенно в малых аудиториях. Работа с малой аудиторией требует от ритора значительных усилий и хорошей общей подготовки, поскольку диалогическая речь предполагает импровизацию.

К средним относятся аудитории, в которых ритор может использовать ораторский речевой регистр, создающий границу между ним и слушающими. Для ритора-оратора средняя аудитория наиболее благоприятна, потому что легко обозрима, не требует максимального использования ресурсов голоса и тем самым допускает маневр темпом и громкостью речи, интонацией, взглядом и жестом. Непосредственный диалог в средних аудиториях затруднен, поэтому для организации диалогической речи они членятся на группы по несколько человек.

Средние аудитории, как и малые, предпочтительны как для продолженных видов речи – преподавания, проповеди, политической пропаганды, в которых сочетаются монолог и диалог, так и для оратории, то есть однократной неповторяющейся речи. Публичные выступления в средних аудиториях предполагают конкретную подготовку.

К большим относятся аудитории до нескольких сот и даже тысяч человек. Верхний предел больших аудиторий определяется обозримостью и досягаемостью голоса или усилителей звука при непосредственном контакте говорящего с публикой.

Возможности ораторской речи в больших аудиториях ограничены, поскольку сильное напряжение голоса, как и использование электронной аппаратуры, стесняет маневр громкостью звука, темпом речи и интонацией, а видно риторично плохо. Диалогическая речь и сложная аргументация в больших аудиториях невозможны.

Большие аудитории слабо организованы и подвержены коллективной эмоции. Поэтому выступление перед ними требует в основном личной энергии, мощного голоса и умения сообщить в простой образной форме то, что публике хорошо известно и по поводу чего она готова выразить всеобщее мнение возгласами одобрения или порицания.

Распределенная аудитория представляет собой среду общения, которая образуется в основном средствами печатной речи или радиотелевизионной передачи информации. Для таких аудиторий характерны получение сообщений поодиночке или малыми группами и иерархическая организация, создаваемая различными видами устной и письменной речи.

Работа с распределенными аудиториями предполагает специальную сеть речевых отношений и разделение труда речедателей: для книгоиздания нужны автор, издатель, книготорговец, распространители и т. д. Кроме того, использование письменной и печатной речи возможно только в специально подготовленной и обученной читательской среде.

Письменная и печатная речь всегда сопряжены с устной, а качества самой по себе устной публичной речи в условиях письменного общения изменяются, так как возникает необходимость в ее периодическом продолжении. Видами такой устной речи, вводящей письменные произведения, являются педагогическая речь, проповедь, различные виды устной пропаганды.

Поэтому ритор, которому приходится работать с распределенной аудиторией, а следовательно, сочинять статьи, брошюры или книги, должен учитывать степень ее подготовленности и обученности. И вместе с тем писатель и журналист должны уметь читать публичные лекции, вести занятия, беседы, дискуссии.

Массовая аудитория представляет собой многомиллионную слабо организованную и неустойчивую среду общения, которая создается системой средств массовой информации. Границы массовой аудитории подвижны и могут совпадать с ареной распространения национального, межнационального или мирового языка. Современная массовая аудитория расширяется в мировых масштабах и становится глобальной; при этом обнаруживается явная тенденция ее превращения в англоязычную с использованием других языков в качестве своеобразных переводных эквивалентов английского.

Массовая аудитория охватывается информационными источниками разных уровней от глобальных в виде международных телерадиовещательных корпораций и информационных сетей (Интернет) до региональных и локальных в виде национальных и местных телекомпаний, газет, информационных сетей, рекламных агентств и т. п.

Однородность и разнородность аудитории. Однородными являются аудитории, объединенные на основе общности мировоззрения; такая общность может быть конфессиональной, политической, профессиональной и т. п. Мировоззренческая общность аудитории предполагает обращение к значимым для нее идеям и ценностям, с которыми связывается содержание речи. Например, при

обращении к ученым или студентам естественно будет связать тему речи с наукой, а при обращении к юристам – с правом.

Разнородными являются аудитории, объединенные на основе интересов или общности проблем. Для разнородных аудиторий характерны отсутствие единого мировоззрения и плюрализм подходов к предлагаемым решениям. Общие ценности таких аудиторий могут быть сведены к взаимной корректности поведения и терпимости, а также к признанию прагматических, материальных интересов как универсальных.

Преимущество однородной аудитории состоит в том, что ее реакция на аргументацию предсказуема, а недостаток – в том, что убеждения и интересы аудитории могут расходиться с убеждениями ратора, и его аргументация будет восприниматься негативно и отторгаться.

Конвенциональность аудитории. Конвенциональными являются аудитории, объединенные техническими правилами речи, которые рассматриваются как обязательные или даже универсальные. К конвенциональным аудиториям относится, например, судебная коллегия: существуют нормы доказательства и опровержения, на основе которых суд принимает решения, поэтому критика речи в суде исходит из общепринятых представлений о том, что доказано или доказуемо.

Следует отметить, что юристы или ученые, в особенности естествоиспытатели, бывают склонны рассматривать такие конвенциональные нормы юридической или научной аргументации как универсальные и общеобязательные, что существенно осложняет задачи ратора.

Культурное состояние аудитории. Существенное значение для оценки проблемной ситуации имеет отношение аудитории к культуре.[51] Академик Ю. В. Рождественский выделяет следующие основные культурные образования, каждое из которых отличается от других наличием одних форм культуры и отсутствием других, поэтому ему свойственны определенные устремления культурного строительства (отбор, присвоение, ассимиляция) и связанные с такими культурными устремлениями конфликты, из которых следуют определенные политические идеи.[52]

1. Страна – полное культурно-историческое образование с единой исторически сложившейся территорией и государственностью, характеризуется полным составом и единством духовной, материальной и физической культуры; (например, культура России) – патриотизм.
2. Край – определенная территория в пределах страны со сложившимися исторически географическими, экономическими и культурными границами, характеризуется наличием духовной и материальной культуры; например (культура Калужской области) – состязательность.
3. Народ (этнос) – часть населения страны, объединенная этническим самосознанием, общностью происхождения и исторической территорией, характеризуется наличием духовной и физической культуры; (например, культура русского или мордовского народа) – национализм.
4. Землячество – некомпактно живущая на территории страны группа выходцев из другой страны с этническим самосознанием, характеризуется наличием духовной культуры – ксенофобия (и противоположная ей этнофобия).
5. Анклав – компактно живущая и занимающая определенную территорию группа выходцев из другой страны с этническим самосознанием, характеризуется наличием материальной культуры – сепаратизм.
6. Поколение – совокупность жителей страны близкого возраста, характеризуется общностью физической культуры – стилиобразование.
7. Маргинальные группы населения, например, уголовный мир и близкие к нему слои населения, характеризуются отсутствием собственной культуры и отрицанием общенациональной – космополитизм.

При анализе аудитории ритор учитывает ее культурный состав как склонность представителей того или иного культурного образования к определенным политическим представлениям и идеям.

^ Ритор

Ритором называют человека, профессиональная деятельность которого состоит в создании публичных высказываний. Ритором является проповедник, философ, судебный оратор (обвинитель, защитник, судья), политический или общественный деятель, преподаватель, литератор-публицист.

Поскольку ритор постоянно выступает перед аудиторией и стремится быть влиятельным, в обществе складывается суждение о риторе, которое основано на содержании и форме его публичных произведений, мировоззрении, профессиональной подготовке и компетенции, общественной позиции и взглядах, характере поведения и внешнем облике, семейных и деловых связях, отношении к другим риторам. Это мнение о риторе формируется по мере его включения в общественную деятельность и, установившись, определяет оценку обществом любого выступления, предложения или поступка ратора. Начиная с некоторого момента общественной карьеры, изменить общественное мнение о риторе практически невозможно, тем более, что сам ритор постепенно срастается с собственным образом и оказывается не в состоянии высказаться или поступить вопреки ему.

Образ конкретного ратора складывается в аудитории на основе собственной деятельности ратора, ее публичных оценок, сравнения речевых действий различных лиц, но, что самое важное, на основе общего идеального образа ратора, который сформировался в ходе развития культуры общества.

Это значит, что действия ратора должны соответствовать, в первую очередь, представлению общества о том, каким следует быть, по выражению Квинтилиана, “достойному мужу, готовому к речи.”

Нормативный образ ратора предстает в различных вариантах: одно дело образ проповедника и духовного наставника, как, например, святителей Филарета Дроздова, Феофана Затворника, Игнатия Брянчанинова, святого праведного отца Иоанна Кронштадтского; иное дело образ главы государства, как царей Ивана Грозного, Алексея Михайловича, Петра Великого, Екатерины II, или государственных деятелей, как А. М. Горчакова, П. А. Столыпина; иное дело образ ученого – М. В. Ломоносова, Н. И. Пирогова, Д. И. Менделеева, И. П. Павлова. Различаясь характером деятельности, общественным положением, содержанием произведений, все эти деятели обладают, однако, общими чертами, которые делают их выразителями общественного идеала ратора, свойственного русской культуре.

^ Составляющие образа ратора

Образ ратора отражает основные свойства риторической аргументации, которые обозначаются в риторике терминами пафос, логос, этос.[53]

Пафосом называется “намерение, замысел создателя речи, имеющего цель развить перед получателем определенную и интересующую его тему.”[54] Содержание пафоса – мысль-воление, направленная на принятие решения и действие. Пафос создает речевую эмоцию аудитории, благодаря которой становится возможным решение и целесообразное действие.

Аудитория, к которой обращен пафос ратора, представляет собой не просто скопление, но сообщество людей, организуемое словом. Основанием организации аудитории могут быть духовно-нравственные ценности либо материально-практические интересы. Сообщество, объединенное духовно-нравственными ценностями, называется собором, а сообщество, объединенное материально-практическими интересами, называется сборищем.

Члены собора являются личностями: каждый из них уникален в своих качествах, свободен, ответственен и компетентен, потому что духовная мораль, объединяющая людей в собор,

предполагает единомыслие в основных принципах, ответственность каждого за общее дело и готовность поступиться собственными интересами ради общего дела. Пафос соборности – вера, надежда, любовь, чувство собственного достоинства “как сознание того, чего удостоен, а не того, чего достоин”, [55] и вытекающее отсюда чувство ответственности и долга перед Богом и ближними, уважение к человеку как образу и подобию Божию, совесть, собственное смирение и “стражничество над собой”, [56] стремление к истине и познавательная эмоция, [57] добросовестность, осмотрительность, трезвенность ума и рассудка, постоянство воли, справедливость, внимательность, решимость – твердость и последовательность в суждениях и решениях, самоотверженность, постоянная готовность к действию – энергия, мужество, стойкость, великодушие, милосердие, созидательность.

Участники сборища являются индивидами, однородными частицами-омиомериями, каждая из которых представляет собой лишь пучок психологических характеристик из общего набора, создающих психофизиологический мотив объединения – интерес. Пафос сборища – эгоизм, неверие и “болезнь ума, именуемая материализмом”, [58] пессимизм, гуманизм (как признание человека мерой всех вещей), моральный и познавательный релятивизм, безответственность, умственная лень – стремление к экономии усилий, авантюризм, гедонизм, прагматизм, корысть, жажда власти, честолюбие, самолюбие, тщеславие, зависть, соревновательность, страх, гнев и вытекающие отсюда конкретные проявления пафоса.

Эмоции сборища конкретизируются и ранжируются по степени эффективности словесного воздействия в руководстве Монро и Эйнингера следующим образом: стремление к успеху, стремление к приобретению и сохранению, жажда приключений и перемен, чувство товарищества и привязанности, стремление к созиданию, любопытство, почтительность (к авторитетам), зависимость, инстинкт разрушения, терпимость, страх, агрессивность, стремление к подражанию и конформизм, независимость и самостоятельность, преданность (отдельному человеку или группе), стремление к личным удовольствиям, жажда власти, гордость, преклонение (перед сильным или преуспевающим), отвращение, сексуальное влечение, сочувствие, щедрость. [59]

Собор устойчив, так как объединяющие его идеи непреходящи, и люди действуют сообща во имя этих идей. Поэтому проблемы, которые могут решаться собором, меняются, как и сами люди, а объединение остается. Сборище неустойчиво, потому что оно объединено эгоистическим интересом, по мере реализации которого исчезают основания объединения.

Проблемы, которые могут быть обсуждены в аудитории, и решения, которые могут быть ею приняты, определяются руководящей идеей, объединяющей людей. Если собору свойственна созидательность, то сборищу, крайнее проявление которого – толпа, свойственны, напротив, разрушительные действия, поскольку общий интерес сборища всегда противостоит или противопоставляется интересам других объединений, с которыми оно борется или конкурирует, как конкурируют между собой и сами участники сборища.

В силу греховности человека всякое сообщество представляет собой отчасти собор, а отчасти сборище, – вопрос в направлении развития сообщества, которое и задается словом.

Повышающим является пафос, который развивает в сообществе свойства соборности; понижающим является пафос, который развивает в сообществе свойства сборища. Понятно, что повышающий пафос стремится предложить решение проблемы и обосновать его с позиций духовной нравственности, а понижающий – с позиций материального интереса.

Создать повышающий пафос значительно труднее, чем понижающий. Во-первых, собственная выгода более популярна, чем общее духовное благо, а практический интерес привлекательнее, чем нравственный долг (исполнение которого сопряжено со многими неприятностями). Во-вторых, ритор, который создает повышающий пафос, предлагает идеи, осуществимость и реальная польза которых далеко не очевидны аудитории.

Правила пафоса:

- пафос является основой замысла;
- без пафоса невозможны решения и действия;
- следует избегать понижающего пафоса;
- ритор не должен создавать искусственный пафос, не соответствующий замыслу и предмету речи;
- пафос речи связан с эмоциями, которые могут возникнуть в аудитории, поэтому ритор должен предвидеть эмоции, которые его слово может создать в аудитории;
- ритор должен контролировать собственные речевые эмоции;
- слишком сильный и неуместный пафос компрометирует ратора.

Логосом называются словесные средства, которые используются ритором в аргументации выдвинутых предложений. Логос порождается пафосом и предстает как аргументация – система целесообразных средств выражения замысла речи и его обоснования в форме, приемлемой и убедительной для аудитории.

Строение аргументации основано на общепринятых моделях и правилах, которые позволяют представить замысел в форме, приемлемой для аудитории, то есть объединить мысли ратора и аудитории, достичь согласия аудитории с доводами и ее присоединения к предложениям ратора.

Аргументация может быть рассмотрена с точки зрения характера и состояния проблемы, задач и техники убеждения, с точки зрения состояния и динамики аудитории.

С точки зрения состояния проблемы аргументация подразделяется на эпидейктическую (показательную), судебную (судительную) и совещательную. Это разделение видов аргументации основано на отношении предмета речи ко времени и на последовательности решения проблемы.

Предметом совещательной речи является будущее, так как мы совещаемся о том, что возможно и в качестве возможного желательно или нежелательно. Но возможность и желательность предполагаемой ситуации определяются наличием подобных фактов в прошлом и их оценкой. Следовательно, прогнозировать будущие события как результат решения мы можем, только опираясь на опыт прошлого.

Предметом судебной (точнее ее назвать судительной) речи является прошлое. Она сложилась как судебная именно потому, что о том или ином деянии выносятся суждения как о факте, а судить, то есть оценить как хороший или дурной можно только свободный поступок. Но такой поступок мы можем оценить как хороший или плохой, правильный или неправильный, лишь если мы согласны в том, что есть добро и зло, что правильно и что неправильно.

Предметом эпидейктической, или показательной, речи и являются ценности и нормы. Но поскольку в судительной и совещательной речи мы говорим о прошлом, настоящем и будущем, то понятно, что эти ценности и нормы должны оставаться равными себе в прошлом, настоящем и будущем, иными словами, рассматриваться вне времени и вне конкретных обстоятельств, при которых принимаются решения. Стало быть, обосновать эти нормы и ценности можно только как бывшие всегда и будущие всегда, то есть пребывающие во век.

Итак, совещательная, судительная и показательная речь образуют цепь, в которой показательная речь выступает в качестве ключевого звена: если нет согласия о ценностях и нормах, становятся невозможными оценки прошлого и решения о будущем. Из этого не следует, что всякое высказывание будет либо показательным, либо судительным, либо совещательным: в зависимости от состояния проблемы, уровня однородности аудитории, степени ее предметной подготовки эти три вида аргументации могут в различных пропорциях соотноситься между собой в любом высказывании.

Вместе с тем очевидно, что речь в суде или речь историка будет судительной, речь проповедника или философа – показательной, речь политика или руководителя предприятия – совещательной.

С точки зрения техники и задач убеждения аргументацию можно подразделить на научную, диалектическую, учительную, эристическую и софистическую.

Задача научной аргументации состоит в установлении истины как достоверного знания в конкретных науках. В зависимости от типа науки и конкретной задачи научного исследования такая аргументация может иметь или строго доказательный (аподиктический), или гипотетический характер. Но в любом случае научная аргументация требует обсуждения и соответствующей оценки идей с позиций научной методологии степени достоверности научного вывода.

Задача учительной аргументации состоит в таком обосновании принятых и установленных (церковью, обществом, наукой) положений или знаний, которое обеспечивает их понимание, усвоение и использование учащимся. Учительная аргументация основана на принципе доверия учащегося к учащему и на приемах и способах обоснования положений, которые исходят из состояния души и умственных возможностей учащегося. Цель учительной аргументации – обучение и воспитание.

Задача диалектической аргументации состоит в обосновании положений, относительно правдоподобия или правильности которых существуют различные точки зрения, и в решении проблемы, относительно которой “ни одна из сторон не имеет определенного мнения”. [60] Диалектическая аргументация связана с ценностями, целями и интересами отдельной личности или общественной группы и применяется в основном в тех сферах, где действует свобода воли и где требуется принять правильное или наилучшее решение. Цель диалектической аргументации – убеждение и достижение согласия. Поэтому обсуждение богословских, философских, правовых, технических, хозяйственных и иных вопросов связано с диалектическими доводами.

Задача эристической аргументации – достижение победы в споре независимо от того, приведет такой спор (полемика) к изменению взглядов оппонента или нет. Эристическая аргументация рассчитана не столько на переубеждение оппонента, сколько на убеждение тех, кто присутствует при споре, и за чье присоединение к своей позиции борются полемические противники. Эристическая аргументация состоит в защите принятых положений или в опровержении положений, противоположных принятым, всеми уместными и этически приемлемыми средствами убеждения. Показательным признаком аргументации является использование различных форм так называемого аргумента к человеку – включения слов или свойств говорящего в систему доводов: “Вы утверждаете то-то и то-то, потому что это вам выгодно.”

В традиционной риторике эристическая аргументация отождествляется с софистической и отвергается. [61] Это неразличение эристики и софистики, восходящее к Платону и Аристотелю, однако, не соответствует реальности: в некоторых диалогах самого Платона, как в “Софисте”, ведется явно эристическая и даже отчасти софистическая полемика против софистов и софистики. Вся история публичной аргументации от древности до нашего времени свидетельствует о том, что люди стремятся защищать и отстаивать свои убеждения или, наоборот, изменять неверные с их точки зрения или враждебные им взгляды наиболее эффективными средствами. Иное дело, что приемы эристической аргументации могут оказаться этическими и неэтическими.

Этичной эристика остается до тех пор, пока аудитория в состоянии по собственному произволению принять или не принять аргументацию. Это значит, что за пределами этичной эристики находятся воздействие словом (или иными средствами) на подсознание; намеренное или ненамеренное введение в заблуждение относительно оппонента, предмета или содержания речи, как собственной, так и оппонента; соблазнение аудитории, запугивание оппонента и возбуждение в аудитории разрушительных эмоций.

Задача софистической аргументации – намеренное введение в заблуждение относительно действительного замысла или содержания речи, то есть подмена предмета согласия и достижение присоединения путем обмана.

Софизмы подразделяются на три разряда: (1) софизмы слов, как, например, использование эвфемизмов для слов, обозначающих нравственные пороки: “иной” или “нетрадиционное поведение” вместо “безнравственный” или “противоестественный порок”; (2) софизмы мыслей (логические софизмы), как, например: “Все вулканы – горы, все гейзеры – вулканы, следовательно, все гейзеры – горы”; (3) софизмы содержания, как подстановка ответственности: “Жена, которую Ты мне дал, она дала мне от дерева, и я ел” /Быт. 3:12/.

Софистическая аргументация противостоит в этом смысле всем остальным видам аргументации, но в основном она выдается за научную или диалектическую аргументацию, подделкой которой и является.

Софистика как мировоззрение настаивает на относительности всякой веры, знания, общественных норм и отвергает способность человека найти и познать истину в любой ее форме. Но особенно настойчиво осуждает софист аргументацию эристическую, что также не случайно. Разоблачение софизмов, в особенности софизмов слов и содержания, предполагает использование полемической техники аргументации, а аргумент к человеку – основная эристическая техника для разоблачения софистики: где обман, там и обманщик со своим интересом.

Правила логоса. Ритор не должен:

- использовать софистическую аргументацию;
- создавать необоснованные суждения;
- создавать аргументацию, понимание и оценка которой недоступны аудитории;
- использовать неприемлемые речевые средства и выражения.

Этосом называются условия ведения речи, которые общество ставит ритору. Эти условия предполагают возможность обсуждения значимых для общества проблем, когда участники обсуждения не только придерживаются различных взглядов, но занимают различные мировоззренческие позиции.

Русские риторики XVIII-XIX веков не разрабатывали вопросы риторического этоса, поскольку считалось, что русское общество придерживается, в основном, единых духовно-нравственных принципов. В наше время вопросы риторического этоса занимают ведущее место в организации речевых отношений в обществе, поэтому этическая составляющая образа ратора оказывается определяющей.

В риторике выработалось понятие ораторских нравов – этических требований, предъявляемых обществом любому ритору независимо от его убеждений и дающих в этом качестве принципиальное право на публичную речь.

Честность. Ритор не должен:

- создавать заведомо ложные высказывания и вводить аудиторию в заблуждение относительно содержания и целей речи;
- вводить аудиторию в заблуждение относительно своих личных интересов, связанных с предметом речи и предложениями;
- вводить аудиторию в заблуждение относительно своей мировоззренческой позиции;

- вводить аудиторию в заблуждение относительно своего права на публичную речь;

ритор

- принимает на себя личную ответственность за последствия решений, которые он предлагает;
- несет ответственность за свою компетентность в предмете речи;
- несет ответственность за свою речевую компетентность – ясность, определенность, последовательность, доказательность аргументации.

Скромность. Ритор обязан:

- уважать нравственные принципы, убеждения и верования аудитории, к которой он обращается;

и ритор не должен:

- наносить публичные оскорбления конкретным лицам;
- разглашать в публичной речи факты личной жизни конкретных лиц;
- предавать публичному осмеянию физические особенности конкретных лиц или народов;
- в явной форме публично высказывать пренебрежение своим оппонентам;
- высказывать бездоказательные прямые оценки и характеристики действий и поступков конкретных лиц или организаций, связанные с нарушением законодательства.

Доброжелательность. Ритор не должен:

- проповедовать в публичной речи отвержение норм духовной морали и побуждать аудиторию к нарушению норм духовной морали (безбожие, религиозный индифферентизм, богохульство, нарушение религиозных обычаев, неуважение к старшим и антиобщественные действия, убийство, прелюбодеяние и разрушение семейных устоев, присвоение чужого имущества, клевета и лжесвидетельство, зависть);
- соблазнять аудиторию на нарушение этических норм ради материальных интересов;
- создавать высказывания, наносящие ущерб интересам аудитории; любое высказывание ритора имеет целью благо аудитории;
- использовать лесть для достижения своих целей;
- побуждать аудиторию к физическому насилию в пределах общества;
- возбуждать вражду внутри аудитории;
- провоцировать своих оппонентов на действия, запрещенные обычаем или законом;
- провоцировать своих оппонентов на необдуманные слова и поступки.

Предусмотрительность. Ритор не должен:

- ставить перед аудиторией проблемы, которые она не в состоянии разрешить;
- необоснованно прерывать или прекращать речь;[62]

- создавать мнимые проблемы и вызывать искусственные конфликты;
- возбуждать аудиторию сообщениями о мнимой опасности;
- возбуждать панику в аудитории;
- публично высказываться на неактуальные или не имеющие общественного значения темы;
- сообщать недостоверную или непроверяемую информацию;
- публично разглашать конфиденциальную информацию;
- высказывать необдуманные суждения;
- давать невыполнимые обещания;
- создавать неуместные высказывания;
- быть излишне многословным.

^ Образ ратора в изобретении

При анализе проблемной ситуации и при разработке темы ритор принимает во внимание как свои возможности, так и те черты своего образа, которые могут проявиться в речи. Поэтому он выбирает такой предмет речи, строит такой тезис и отбирает такие аргументы и средства выражения, чтобы его индивидуальный образ в глазах аудитории максимально соответствовал ее представлениям об идеальном образе ратора. Правильный образ ратора является важнейшей предпосылкой приемлемости аргументации и влияния речи, поскольку от доверия и симпатии к ратору зависит доброжелательное или настороженное отношение аудитории к содержанию речи.

Индивидуальный образ ратора складывается в его практической деятельности и во многом зависит от культуры аудитории, к которой ритор обращается: аудитории с высокой культурой формируют влиятельный образ ратора, аудитории с низкой культурой формируют образ ратора, сомнительный с точки зрения пафоса, логоса и этоса, поскольку ратору всегда приходится в большей или меньшей степени подстраиваться под аудиторию.

С другой стороны, и аудитория является продуктом речевых действий ратора: в ходе продолженной речи (например, духовной или учебной гомилетики) в аудитории происходят изменения: одна часть ее меняется в ходе речи, другая – покидает ратора, третья постепенно приходит и осваивается с аргументацией.

Это развитие аудитории срастается со становлением образа ратора. В результате ритор и аудитория в определенный момент развития аргументации обнаруживают, что оба отражающие друг друга образа – образ ратора и образ аудитории – в своих основных чертах сложились и их, оказывается, можно достаточно точно охарактеризовать. Это будет означать, что у ратора на самом деле сложилась более широкая потенциальная аудитория: найдутся группы людей, которые по тем или иным причинам проявят интерес к ратору и станут искать контакта с ним.

^ Проблема и тема высказывания

Проблемой высказывания называется реальная трудность, противоречие, конфликт, в разрешении которых заинтересована аудитория и к рассмотрению которых обращается ритор. Задача ратора состоит в том, чтобы усмотреть существующую проблему, выделить ее, оценить ее значение, но ни в коем случае не создавать проблему там, где ее нет.

Проблема бывает не обязательно практической – большая часть проблем, к которым обращается ритор, являются духовно-нравственными, познавательными, эстетическими или проблемами

взаимопонимания. Более того, любая, даже самая практическая житейская проблема, обязательно содержит в себе духовно-нравственный смысл, найти и понять который необходимо.

Проблема является реальным объектом риторического высказывания. Существенной особенностью проблемы как объекта речи является ее принципиальная разрешимость силами или, по крайней мере, участием аудитории, к которой обращается ритор. Поэтому главная задача ритора состоит в том, чтобы сформулировать проблему, раскрыть ее значение, предложить и обосновать путь ее решения, побудить аудиторию к действию.

^ Статус проблемы

Статус представляет собой вопрос, исходя из которого ритор строит тему и развивает аргументацию.

Если проблема заключается в самом факте и решается вопрос, что именно произошло, то мы имеем дело со статусом установления (*status coniecturalis*) – обсуждаем, устанавливаем и излагаем конкретный, протокольный факт.

Если факты установлены, но спорным остается вопрос о том, что они собой представляют, к какой области реальности относятся, мы имеем дело со статусом определения (*status finitionis*) – обсуждаем, к какой области относится установленный факт, или под какую норму он подходит, то есть даем ему определение.

Если установлены факты и определено, что они собой представляют, но спорной является квалификация поступка (неясно, какое конкретно решение по делу следует принять), то мы имеем дело со статусом оценки (*status qualitatis*) – обсуждаем, как применить установленную закономерность, норму или правило в данной конкретной ситуации.

Если проблемы обсуждаются непоследовательно и мысль перескакивает к новому вопросу, не разрешив поставленные прежде, то окончательное решение, если даже оно будет принято, окажется поверхностным и несовершенным. Известно, к чему может привести обсуждение вины человека, если предварительно не установлено, совершил ли он поступок, который ему приписывают.

Правило статусов (последовательности решения) относится к любой проблеме: о том, что в воспитании самое трудное дело – направление свободы воли, можно говорить только в том случае, если не нужно доказывать, что свобода воли существует и что молодых людей нужно воспитывать. Если же аудитория сомневается в этом, то очевидно, что обсуждение темы придется начать с вопросов о необходимости воспитания (статус определения) или о наличии у человека свободы воли (статус установления).

^ Предмет высказывания

Мысленное содержание речи, суждение о котором может быть истинным или ложным.

Предмет высказывания является той точкой зрения, той стороной проблемы, которую ритор избирает для полного и обоснованного ее раскрытия и решения. Одной и той же проблеме могут соответствовать различные предметы речи. Если проблема заключается в отношении учеников к учению и к учителям, то ритор может говорить о “направлении свободы человеческой”, но может избрать и иной предмет, например, значение образования, высокую квалификацию преподавателей и т. д.

Для определения предмета высказывания следует учитывать следующие обстоятельства.

Проблема может иметь множество аспектов, например, социальный, политический, профессиональный, организационный и пр. Архиепископ Амвросий (Ключарев) избирает предметом речи перед учащимися Харьковской семинарии[63] духовно-нравственный аспект проблемы образования и поэтому говорит о воспитании.

Предмет речи определяется исходя из особенностей аудитории и из тех идей, которые ей свойственны и интересны. В то время интеллигенция, и особенно молодежь, много рассуждала о свободе, причем свобода понималась, в основном, в примитивном социально-политическом смысле. Архиепископ Амвросий, учитывая особенности аудитории, придает понятию свободы иной – богословский и духовно-нравственный – смысл.

Предмет речи должен быть значимым и актуальным.

^ Тема высказывания

Главная мысль высказывания, представляющая собой суждение и выраженная полным завершённым предложением: “В воспитании самое трудное дело – направление свободы человеческой.”

Всякая разумная, грамотная, целесообразная речь, независимо от ее объема, содержания, формы, будь то ораторское выступление, историческое сочинение, научный трактат, художественное произведение, содержит одну и только одну тему, из которой разворачивается все ее содержание. Например, тема “Илиады” Гомера – гнев Ахилла. В свою очередь, тема представляет собой высказывание, речь, свернутую до одного предложения, и потому имеющая в качестве предмета речи одно понятие или образ.

Чтобы убедиться в этом, достаточно рассмотреть отношение темы к смысловым частям текста на материале упомянутой речи высокопреосвященного Амвросия.

В предложениях, которые вводят смысловые части текста, содержится обозначение предмета речи и его характеристика применительно к каждому новому повороту темы (выделено курсивом). Повороты темы отражают последовательность действий, из которых каждое последующее основано на предыдущем: направление, развитие, внимание, тщательное определение, утверждение, подкрепление. Далее содержание текста разворачивается из понятия идеала, связанного с необходимостью подкрепления воли.

“В воспитании самое трудное дело – направление свободы человеческой.”

1. “... какие же условия находятся в ваших собственных руках для правильного развития вашей свободы, от которого зависит ваше будущее, – на Земле и в Вечности?”
2. “Во-первых, требуется с вашей стороны должное внимание и уважение к самой свободе вашей как неоценимому дару Божию, которым на Земле обладает один человек и которым нельзя злоупотреблять безнаказанно.”
3. “Итак, второе условие правильного направления нашей свободы есть тщательное определение – согласно ли принимаемое нами решение с волею Божией.”
4. “Но кроме познания воли Божией о нас, для утверждения нашей свободы непременно требуется исполнение Заповедей Божиих как уроков и упражнений для нашей воли.”
5. “Наконец, ищите подкрепления воли и свободы вашей в выяснении для себя и постоянном сознании идеала как истинного человека вообще, так и истинно полезного деятеля на том поприще жизни, какое для себя избираете.”
6. “Мы верим, что в вашем сознании постепенно выясняется и в вас воплощается идеал не только истинно хорошего человека, но и доброго служителя Церкви, к чему вы предназначаетесь.”

Эти шесть ходов мысли полностью раскрывают, то есть исчерпывают тему речи: ритор говорит все необходимое и не говорит ничего лишнего.

Требования к теме.

Тема представляет собой по возможности простое, завершенное, полное, двусоставное предложение.

Тема должна быть краткой и легко воспроизводимой. Поэтому предложение, содержащее тему, распространяется умеренно.

- Тема должна быть понятной как аудитории, так и самому риторю. Поэтому при формулировке темы следует избегать необычных слов, специальных терминов или слов с неопределенным значением.
- Тема должна быть приемлемой для аудитории. Поэтому при ее формулировке следует избегать резких, оскорбительных и нелитературных слов и оборотов.
- Тема должна быть интересной и актуальной. Поэтому ритор, формулируя тему, стремится привлечь к ней внимание и интерес аудитории.
- Формулировка темы должна быть проблемной. Очевидные и бесспорные суждения тривиальны.
- Тему следует формулировать таким образом, чтобы она могла быть раскрыта исчерпывающим образом.
- Тема должна быть обильной – содержать такие ключевые слова, которые позволяют полностью раскрыть и обосновать мысль, положенную в ее основу.

^ Разработка темы: риторический аргумент, топика

Завершив анализ проблемной ситуации и определив тему, ритор приступает к ее разработке – построению аргументации.

^ Риторический аргумент

Аргументом[64] мы будем называть словесно выраженную мысль, содержащую обоснование выдвинутого положения, которое тем самым может рассматриваться как приемлемое или неприемлемое на определенном основании.

Основанием приемлемости аргумента могут быть: его истинность или правдоподобие, вытекающие из истинности посылок и строения умозаключения; правильность с точки зрения той или иной нормы; предпочтительность с точки зрения ценностей, целей или интересов аудитории; совместимость с опытом или принятым ранее решением.

Состав аргумента. Аргумент состоит из (1) положения (вывода) – мысли, которая утверждается и подлежит (2) обоснованию, представляющему собой совокупность доводов – взаимосвязанных посылок (суждений или умозаключений, которые рассматриваются как истинные и к которым приводится положение); и (3) основания, которое представляет собой обосновывающее знание об условиях приемлемости вывода.

Рассмотрим пример:

“Но можно ли действительно находить истину? – Должно думать, что можно, если ум без нее не может жить, а он, кажется, живет и, конечно, не хочет признавать себя лишенным жизни.”[65]

Положение аргумента: истину находить можно.

Обоснование: ум не может жить без истины, ум живет; ум не хочет признавать себя лишенным жизни; (доводы).

Основание аргумента включает три составляющие:

1. Схема, по которой посылки связываются с выводом-положением; схему можно записать в виде формулы: “(1) если из не-А следует не-В; (2) и имеет место В; (3) то, следовательно, имеет место А.” Например: (1) нет тока, поэтому лампочка не горит; (2) лампочка горит; (3) следовательно, есть ток, или: (1) если истина не существует, то ум не может жить; (2) ум живет; (3) следовательно, истина существует.

2. Редукция: смысловая связь между понятиями, включенными в аргумент, посредством которых значение положения сводится к значению основания: “должно думать” – “можно находить истину” — “ум без нее (истины) не может жить” – “он (ум) живет” — “(ум) не хочет признавать себя лишенным жизни.” Эта смысловая связь сводится к основанию “должно думать, что можно...”, которое и выражает необходимость истинности умозаключения, поскольку демонстрируется его правильное построение-схема.

3. Общее место или топ – положение, которое признается истинным или правильным и на основе которого конкретное обоснование представляется истинным и доказательным. Топов, лежащих в основании аргумента, может быть несколько.

Первый топ аргумента – положение *содито ergo sum* – “мыслю, следовательно, существую”, которое и выражается суждением “ум не хочет признать себя лишенным жизни”, то есть сознает собственное существование, следовательно, живет.

Другой топ (“если, то... Должно думать, что...”) означает, что правильное умозаключение необходимо приводит к истинности вывода. В конкретном случае этот топ выступает в виде закона контрапозиции: если истинно, что из А следует В, то истинно, что из не-В следует не-А, и наоборот, если из не-В следует не-А, то из А следует В: “если нет тока, то лампочка не горит, следовательно, если лампочка горит, то есть ток.”[66]

Итак, доводы аргумента связываются с положением и между собой посредством схемы – конструкции умозаключения, в котором вывод (суждение, содержащееся в положении) вытекает из посылок – суждений, лежащих в основании доводов; редукции — смысловых отношений, которые связывают значения терминов – слов и понятий, входящих в положение и в доводы аргумента; топа, который содержится в основании.

^ Топы как источники изобретений

Разработка темы обозначается термином примышление.

^ Примышление

Состоит в том, что мысль, составляющая тему, а также ее части в виде отдельных понятий развертываются установлением отношений с новыми, связанными по смыслу понятиями.

Например, тема: “В воспитании самое трудное – направление свободы человеческой”, и ее части: “свобода”, “воспитание”, “человек”.

Св. Василий Великий следующим образом объясняет понятие примышления:

“...примышлением... называется подробнейшее и точнейшее обдумывание представленного, которое следует за первым чувственным представлением; почему в общем употреблении называется оно размышлением (ἐπιλογισμός), хотя и не собственно. Например, у всякого есть простое представление о хлебном зерне, по которому узнаем видимое нами. Но при тщательном исследовании сего зерна входит в рассмотрение многое, и даются зерну различные именованья, обозначающие представляемое. Ибо одно и то же зерно называем то плодом, то семенем, то еще пищею – плодом как цель предшествовавшего земледелия, семенем как начало будущего, пищею как нечто пригодное к приращению тела у вкушающего. Каждое из сих сказуемых и по примышлению умопредставляется, и не исчезает вместе с гортанным звуком, но представления сии укореняются в душе помыслившего. Одним словом, обо всем, что познается чувством и в подлежащем кажется чем-то простым, но по умозрению принимает различные понятия, говорится, что оно умопредставляется по примышлению.”[67]

Примышление как разработка темы позволяет представить содержание речи в систематическом, развернутом и полном виде, то есть уяснить, что и каким образом можно сказать на данную тему и какие ходы мысли будут убедительными для аудитории. Рассмотрим пример примышления.

“Церковь Православная потому так себя называет, что она признает себя и проповедует самым совершенным образом на земле выражение Христовой истины, причем истину она понимает не в смысле только известных теоретических положений о Боге, мире и человеке (которые можно повторять и одним языком), а в смысле истинной, возрожденной жизни. Для этой жизни вероучительные определения, конечно служат посылками (не философскими только, но и практическими; недаром все вероучение Церкви так часто повторяется в молитвословиях и песнопениях), но усваивается она только переживанием, обучением, привычкой, одним живым деятельным общением с Церковью. В силу этого самосознания Церковь должна отличаться исключительностью, не терпеть в себе никакого компромисса, так или иначе грозящего чистоте и неповрежденности ее духовного достояния. Она отвергает из себя еретиков, искажающих самое существо ее жизни; раскольников, отторгающихся от церковного общения из-за каких-нибудь недогматических причин (другими словами, предпочитающих свои личные, партийные или национальные пожелания церковной жизни, не чувствующих неразумности этого предпочтения), тяжких, нераскаянных грешников, практически отрицающих ее жизнь. Но и ко всем согрешающим отношение Церкви отнюдь не есть какая-нибудь уступка или безразличие: Церковь только ждет их обращения и надеется на Него и потому пока не произносит своего окончательного приговора; в случае же нераскаянности и эти малые и обыкновенные грехи удаляют человека от Церкви. Достаточно вспомнить, что и о раскаявшемся обыкновенном грешнике его духовник на исповеди молится: “... примири и соедини его святей Твоей Церкви.”[68]

^а В основе статьи святейшего Патриарха Сергия, в то время епископа Ямбургского и ректора Петербургской Духовной Академии, лежит положение о Церкви. Автор рассматривает имя – “Церковь Православная”, указывает причину такого названия, которая состоит в том, что Церковь проповедует и выражает Христову истину.

^а Церковь понимает истину определенным образом: (1) в смысле истинных вероучительных положений и (2) в смысле истинной жизни. Теоретические положения и истинная жизнь являются частями понимания истины Церковью.

^а Вероучительные определения служат посылками, то есть условием истинной жизни в Церкви; эти посылки-условия разделяются на виды: философские и богослужебные.

^а Вероучение усваивается христианином, то есть действует и проявляется в результате действия посредством живого общения верующих с Церковью.

^а Указанные свойства Церкви (совершенное выражение истины Христовой; руководство истинной жизнью, ведущей ко спасению) являются причиной ее исключительности, поэтому особенность Православной Церкви состоит в том, что она содержит чистое и неповрежденное учение и не терпит в себе компромисса.

^а Всякое действие, несовместимое с учением Церкви (то есть противоположное ему в том или ином смысле), разделяется на три вида: ереси, расколы и тяжкие грехи.

^а Сущность ереси в отвержении учения Церкви, сущность раскола в отторжении от церковного общения, сущность тяжкого греха в практическом отрицании жизни Церкви.

^а Условием устранения этой несовместимости, то есть присоединения к Церкви, является покаяние.

^а Итак, положение речи: “Церковь Православная является самым совершенным на земле выражением Христовой истины” развертывается путем примышления нового содержания к его смысловым частям, терминам, или к положению.

Как видно из примера, инструментами примышления являются определенные общепринятые ходы мысли: имя, причина, образ действия, качество, свойство, вид и род, сущность, совместимость и несовместимость. Каждый из таких ходов мысли предполагает вопросы: почему? каким образом? с какой целью? и т. д., которые в ходе изобретения ставятся к положению. Развернутые ответы на эти вопросы и представляют собой основу содержания высказывания.

Ключевые слова текста, то есть те слова, которые образуют его смысловый каркас и создают единство мысли, взаимосвязаны таким образом, что значения более общих ключевых слов подчиняют себе значения менее общих, поэтому весь текст по смыслу сводится к двум или трем понятиям, которые в свою очередь сводятся к понятию Церкви.

^ Понятие топа

Важнейшим инструментом примышления и источником изобретения является место или топ.

Топ представляет собой положение, которое рассматривается как правильное или истинное и является основанием аргумента.

Например: “Чего ищет наука в неизмеримом пространстве вселенной и в тайных хранилищах природы человеческой? – Истины. Утвердите, что нельзя найти ее, вы поразите науку смертельным ударом.” Это высказывание из речи святителя Филарета Дроздова представляет собой умозаключение, в котором меньшая посылка выражена топом: цель науки – истина, другой топ, который можно сформулировать следующим образом: наука существует как целесообразная деятельность, составляет опущенную большую посылку, поэтому первый, как бы самоочевидный вывод означает: наука существует, поскольку она ищет истину. Вторая часть умозаключения доказывает уже невозможность существования науки, если не существует истины как ее цели.

Топы обычно опускаются в рассуждениях именно потому, что представляются общеизвестными, самоочевидными и не требующими обоснования.

Топ является ценностным суждением, поскольку понятия, которые его составляют (истина, жизнь, единство, убивать), рассматриваются как положительные или отрицательные ценности и принимаются в качестве цели или смысла человеческих помыслов и поступков.

Топы являются важнейшей составной частью аргументации. Топ выступает как критерий приемлемости умозаключения независимо от его логической правильности. Согласие принять доводы основано на принятии топов.

“Топосы (буквально “места”) – это те или иные факты жизни и мысли, которые способны сделать наш силлогизм[69] вполне убедительным, несмотря на его материальную нелепость или просто непонятность.

Допустим, что кто-нибудь совершил какое-нибудь преступление, за которое по закону полагается определенное наказание. Иван убил Петра, а за убийство требуется наказание смертной казнью. Следовательно, заключает силлогистика, Иван должен подвергнуться смертной казни. Но вот на суде, при разбирательстве дела Ивана, выясняется, что Иван страдает нарушением умственной деятельности. Тогда рушится все рассуждение, и суд вместо казни Ивана отправляет его в больницу или дает такое легкое наказание, которое ничего не имеет общего с тем, что требуется по закону. Топосом в данном случае является факт умалишенного состояния Ивана. И защитнику на суде действительно ничего не стоит убедить суд нарушить тот абсолютный силлогизм, который требуется по закону и фактически часто применяется в жизни. И делает он это только при помощи подробного доказательства сумасшествия Ивана. А ведь если бы наказание механически следовало за законом, то тогда и суда никакого не потребовалось бы, а все было бы ясно и без всякого суда.”[70]

Но на самом деле истинность или правильность топа, на основе которого строится аргумент, далеко не всегда являются очевидными и бесспорными. Поэтому при построении и при анализе аргументации важно понимать, какие именно общие места лежат в ее основании.

^ Общие и частные топы

Топика (система топов) организована иерархически: существуют общие места большей или меньшей значимости, при этом одни топы зависят от других.

Рассмотрим пример.

“Коренное положение всякой истинной философии есть положение, что бытие полное и независимое принадлежит одному Богу, все другое, что ни существует, истинно существует только потому, что находится в какой-нибудь связи с Божественным.

Итак, первый и высший образ бытия есть бытие Божественного существа в самом себе. Но Божество не остается заключенным в себе самом. Оно открывает себя в мире: с одной стороны, в мире физическом, с другой, в мире нравственном; в мире физическом без ведома и воли существ, в которых Оно открывает себя, в мире нравственном – при посредстве их сознания и воли. В мире нравственном мы встречаемся с понятием правды. В мире нравственном Бог открывает Себя как существо бесконечно святое и праведное. Существа нравственные сознают идею правды Божественной и в своей воле осуществляют ее.

... Каждое нравственное конечное существо имеет различные способности: кроме способностей, относящихся непосредственно к действию, способности познания и способности чувствования. Для каждого ряда этих способностей есть свое особенное совершенство, определяемое идеей Божественного в особенном ее приложении к каждому ряду. Долг нравственного существа есть непрерывно развивать в себе и в других эти способности согласно с идеей Божественного и таким образом все выше и выше возводить их к совершенству. Чем полнее и совершеннее будет такое развитие, тем полнее, тем совершеннее нравственное существо будет проявлять и изображать собою Божественное.”[71]

² Рассуждение К. А. Неволина вводит систему общих мест (топов), лежащих в основании права. Курсивом под номерами выделены общие места (в тексте примера подразумеваются положения: человек есть нравственное существо, человек есть конечное существо, которые также являются общими местами). Каждое из выделенных общих мест связано с другими таким образом, что положение (9) основано на положениях (7), (8); последние, в свою очередь, основаны на положении (6) и т. д., вплоть до положения (1), которое поэтому и занимает высшую позицию в иерархии общих мест.

² Все приведенные общие топы являются основанием частных топов права: общество есть союз нравственных существ; человек существует в обществе; верность человека обществу есть правда (Justitia).[72]

Если мы стремимся найти, обосновать и оценить смысл художественного творчества, технического конструирования, политики, воспитания детей и вообще любого вида деятельности человека, а также конкретного поступка или произведения, то будем вынуждены обратиться к топам, относящимся к соответствующему виду деятельности, а при необходимости – и к более высоким. Только если в обществе существует признанная система общих мест, в нем возможно обсуждение и решение проблем, то есть успешная аргументация, которой обеспечивается нормальное развитие общества как единого целого.

Система общих мест не только иерархична, но и сложно организована: существуют топы различной степени общности, различного строения и назначения.

Общие топы представляют собой суждения, значимые во всей культуре и приемлемые для любой аргументации.

Например, “целое важнее части”; “нормальный человек отвечает за свои поступки”; “закон обязателен для всех”; “гражданин обязан быть лояльным к законной власти”; “государственная власть ответственна за благосостояние общества” и т. д. Особенность общих топов состоит в том, что любой человек, отрицающий их значимость, уже сам фактом такого отрицания исключает себя из общества и из культуры.

Общие топы высшей ступени иерархии (конечные топы) содержатся в Священном Писании, именно к ним сводятся все остальные топы.

Истолкование таких конечных топов не может быть произвольным (если каждый толкует их по-своему, они перестают быть общими).

Если топика есть часть духовной культуры, а культура есть хранимый опыт, то отсюда следует, что духовная традиция сохраняется в Священном Предании Церкви и ее положения формулируются в богословском знании, конкретно: в догматическом и нравственном богословии Православной Церкви.

Частные топы представляют собой суждения, принимаемые лишь отдельными общественными группами.

Так, положение “знание выше успеха” является обязательным в академической среде, а положение “доказательство вины лежит на обвинителе” обязательно в судебной практике. Всякий, кто публично обращается к аудитории ученых, юристов или политиков, обязан учитывать частные топы и опираться на них – в противном случае его аргументация будет отвергнута.

Различие между общими и частными топами объективно и определяется не чьим-то мнением, пусть это будет даже мнение большинства, но смысловыми отношениями между топами и строением культуры.

^ Внешние (содержательные) и внутренние (логические) топы

Топ имеет сложное строение: в нем выделяются две смысловые составляющие – содержательная и логико-семантическая, которые обозначаются соответственно как топ внешний и топ внутренний.

Внешний топ представляет собой сочетание смысловых категорий, которые в совокупности обозначают соединение и соотношение смысловых ценностей, свойственное определенному мировоззрению или определенной культурной традиции.

Так, в выражении “рассекать значит убивать” можно увидеть сочетание слов “рассекать” и “убивать” – подлежащего и сказуемого ценностного суждения, соединение которых является смысловой основой суждения – содержательным топом. Форма отношения между ними: А – В является выражением логического топа, который называется “вид – род”, поскольку рассечение рассматривается как вид убийства.

Логический топ представляет собой отношение между понятиями или высказываниями, посредством которого делается ход мысли.

Отношение вида к роду как логический топ, однако, предполагает не просто включение одного понятия в другое, но вполне определенные логические последствия.

С любой парой понятий, которые соотношены как род и вид, можно оперировать строго определенным образом. Действительно, всякое рассечение является убийством, следовательно,

если некое живое существо рассечено, то оно убито, но не наоборот. Кроме того, сущность рассечения (вида) и убийства (рода) состоит в том, что разрушается и прекращает существовать некое целое, поэтому рассечение входит как вид в убийство, убийство входит как вид в уничтожение, уничтожение входит как вид в смерть или прекращение бытия. Но поскольку, скажем, сожжение также является прекращением бытия, то в определенном выше смысле сожжение аналогично или подобно рассечению.

Поэтому установление отношения между понятиями через внутренний топ приводит к вполне определенным возможностям построения аргументов.

Разделение логического и содержательного топов необходимо. Логический топ подобен ходу фигуры в шахматной игре: ладья, ферзь, конь могут ходить лишь определенным образом, но каждый конкретный ход определяется ситуацией на шахматном поле и замыслом игрока.

Содержательный топ сохраняется независимо от способа истолкования отношений между его частями.

Так, в выражениях “рассекать значит убивать”; “рассекать не значит убивать”; “где рассечение, там и умерщвление”; “когда рассекают, умерщвляют”; “рассечение подобно умерщвлению”; “рассечение хуже умерщвления” и т. п. содержательный топ как сочетание самих понятий “разделение” и “убийство” сохраняется, но изменяется форма отношения между подлежащим и сказуемым, то есть логический топ.

Поэтому в зависимости от того, какой логический топ мы включим в содержательный, мы получим (1) различное соотношение ценностей; (2) различные возможности построения умозаключения с использованием данного содержательного топа; (3) различный состав аргументов, для которых данный содержательный топ будет основанием. Но при этом сам состав ценностей сохранится.

Так, принципиально различными будут мировоззренческие позиции авторов каждого из следующих утверждений:

- “Нравственные принципы выше материальных интересов.”
- “Материальные интересы выше нравственных принципов.”
- “Нравственные принципы суть материальные интересы.”
- “Материальные интересы суть нравственные принципы.”

Утверждения каждого из них определенным образом несовместимы с утверждениями других; из каждого утверждения можно построить умозаключения только определенного вида; каждое из этих утверждений может быть, если принять его как топ, критерием правильности аргументации определенного содержания и направления. Но все четверо утверждающих несовместимые положения не лишены возможности прийти к согласию, потому что они говорят об одном и том же: для них ценностями будут материальные интересы в соотношении с нравственными принципами. Иными словами, у них есть общий язык, в пределах которого они могут ставить и обсуждать нравственные проблемы. Но всем им будет трудно говорить о нравственности с человеком, которому вообще не приходит в голову соотносить нравственные принципы с материальными интересами.

Число логических топов ограничено, и в совокупности они образуют своего рода алфавит смысловых отношений.

^ Логические топы как источники изобретения

Приступая к разработке темы, ритор анализирует ее содержание посредством последовательного применения топов к теме в целом и к отдельным ее элементам.[73] Последовательность

использования топов может быть различной и зависит от конкретного содержания темы и уместности ее рассмотрения в том или ином аспекте. Но если следовать статусам проблемы, то состав и последовательность применения топов к теме примет следующий вид:

1. описательные, или обстоятельственные, которые используются в основном для установления, определения и оценки фактов и для построения аргументов, связанных с фактическими, предметными обстоятельствами аргументации;
2. модально-оценочные, которые используются для установления отношений между лицом и действием;
3. причинно-следственные, которые используются для установления зависимости явлений;
4. определительные, которые используются в основном для установления отношений между понятиями и для построения определений;
5. сопоставительные, которые используются в основном для развития мысли.

^ Описательные (обстоятельственные) топы

Описательные топы в основном используются для изложения и обсуждения фактов. С точки зрения риторики фактом является не всякое событие, но лишь значимое деяние, данные о котором могут быть истинными или ложными и которое может быть оценено как хорошее или плохое.

Не имеет смысла обсуждать события, не зависящие от свободной воли человека, например, явления природы сами по себе, которые можно только изучать. Но имеет смысл обсуждать результаты изучения таким-то ученым таких-то явлений природы. Само слово факт происходит от латинского *factum* – деяние, поступок, произведение. Именно в этом смысле Вселенная является фактом.

Факт представляет собой действительное осмысленное завершённое деяние определенного лица или группы лиц, которое было совершено в соответствии с замыслом в определенном месте, в определенное время, при определенных обстоятельствах, определенным образом и средствами, которое привело к качественно новому положению вещей и изменило ход последующей деятельности в определенном отношении.

“... так как то, что невольно, двояко: одно по причине насилия (вынужденное действие – А. В.), другое по причине неведения, то добровольное противоположно и тому и другому. Ибо добровольное есть то, что происходит ни по причине насилия, ни по причине неведения. Поэтому добровольное есть то, чего начало, то есть причина находится в самом делающем, знающем все в отдельности, через посредство чего совершается действие и в чем оно заключается. А все в отдельности есть то, что у ораторов (т. е. в риторике – А. В.) называется обстоятельственными членами (топами – А. В.), как, например, кто? то есть тот, кто совершил; кого? то есть того, кто потерпел; что? то есть то самое, что сделано, быть может, совершил убийство; чем? то есть орудием; где? то есть в каком месте; когда? то есть в какое время; как? тот есть какой образ действия; почему? то есть по какой причине”. [74]

Факт имеет сложный состав. Сообщение о факте может быть в различной степени достоверным – частично истинным, частично ложным, поэтому и смысловые элементы факта могут оцениваться по отдельности и различным образом.

Для ясного понимания и словесной формулировки факта необходимы его анализ и синтез – разложение на смысловые составляющие, рассмотрение и обсуждение каждой из них и соединение смысловых составляющих в одно целое.

Описательные топы представляют собой отношения между словами и понятиями, необходимые для полного представления, обсуждения и принятия, то есть установления факта.

Установление и точная формулировка факта дают основание для его последующей оценки: от того, как представлен факт, зависят наличие и характер ответственности за действие.

^ I. Действие – претерпевание

Качественная определенность и значимость действия проявляются в том, как оно изменяет состояние объекта, на который направлено. Как значимые могут рассматриваться только такие действия, которые повлекли за собой определенные положительные или отрицательные последствия.

Содержание двух одинаковых действий (например, слов “Здравствуй, Вася”) будет различным в зависимости от того, обращены они к приятелю или к постороннему, старшему по положению человеку. В первом случае такие слова будут простым приветствием, а во втором – дерзостью.

Действие может повлечь за собой непосредственное претерпевание и быть однородным с ним, как при физическом толчке, но может иметь спусковой эффект, как нажатие на гашетку пистолета или произнесенное слово, последствия которого – внутреннее изменение объекта, подвергнутого действию. В последнем случае претерпевание становится качественно необратимым: “Слово не стрела, а в сердце язвит.”

Ниже следует пример из “Второго обличительного слова на цезаря Юлиана” св. Григория Богослова. Фактическая часть обличительных слов против Юлиана Отступника строится на основе топа “действие – претерпевание”, посредством которого образ христианского поведения противопоставляется образу поведения язычника: “Не будем неумеренно пользоваться обстоятельствами времени, не допустим излишества в употреблении своей власти, не будем жестокосердны к тем, которые нас обижали, не будем делать то, что сами осуждали... Победим мучителей правдолюбием”[75], – вот главная мысль святителя. Но это не означает, что св. Григорий отказывается от оценки как сочинений и действий императора Юлиана, так и их последствий: ответственность определяется мерой претерпевания.

“Итак, сие тебе слово, ценимое христианами не ниже нелепостей Порфириевых[76], которыми вы восхищаетесь, как божественными глаголами, и не ниже твоего “Мисопогона” или “Антиохика”, [77] ибо тем и другим именем надписываешь ты свое сочинение. Его делали важным твоя порфира и льстецы, всему в тебе удивлявшиеся, а теперь стало оно бороною, которую все таскают, рвут и осмеивают, равно как и трудившихся над нею. В нем, как будто рассуждая о чем-то важном, ты весьма надмеваешься тем, что не имеешь излишней заботливости о теле и никогда не чувствовал неварения пищи от многоядения, а с намерением умалчиваешь о том, что так жестоко гнал христиан и истреблял сей многочисленный священный народ. Но какой вред для общества, когда один человек страдает неварением пищи, или имеет естественную отрыжку? Когда же воздвигнуто было такое гонение и произведено столько замешательства, тогда не должна ли была Римская держава прийти в худое положение, как и действительно оказалось на опыте? Сей воздвигаем тебе памятник, который выше и славнее столпов Геракловых. Те были водружены на одном месте и видимы только приходившими туда, а сей памятник, переходя от одного к другому, не может не быть везде и всем известен. И твердо знаю, что поздние времена увидят его обличающим тебя и твои дела, а также научающим и всех прочих не отваживаться на подобное восстание против Бога, чтобы, поступая подобно тебе, не получить одинакового с тобою воздаяния.”[78]

Текст фрагмента построен на сопоставлении двух рядов действий и претерпеваний: 1) философского образа жизни и апологии язычества, которые были предметом особого попечения и гордости Юлиана, но особого влияния не имели, то есть не повлекли за собой претерпевание общества; и 2) сокрушительных последствий идеологической деятельности императора-язычника. Значение последних определяется характером их претерпевания обществом.

^ II. Предыдущее – последующее

Посредством этого топа устанавливается отношение расположенных в последовательном порядке состояний предмета мысли. При этом предыдущее не обязательно является причиной последующего.

Так, молодость предшествует зрелости и старости; переговоры – заключению соглашения; голоса птиц – восходу Солнца; замысел – поступку.

Смысловой порядок отделяется от времени. Такое отвлеченное понимание топа позволяет различным образом рассматривать отношения между предыдущим и последующим. Предыдущее действие или состояние может рассматриваться в отношении к последующему: (1) как более значимое; (2) как равноценное; (3) как менее значимое.

Св. Иоанн Дамаскин вслед за Аристотелем[79] и классической античной диалектикой устанавливает четыре основных способа толкования топа предыдущее/последующее и пятый способ – понимание предыдущего/последующего как причины и следствия:

1. Предыдущее – последующее как “старшее и младшее для одушевленных предметов и более и менее древнее— для неодушевленных.”

Понятия предыдущего и последующего связаны с идеей времени. Аристотель в “Метафизике” пишет: “... Невозможно, чтобы движение либо возникло, либо уничтожилось (ибо оно существовало всегда), так же и время не может возникнуть или уничтожиться: ведь если нет времени, то не может быть и “раньше” и “после.”[80] В “Риторике” Аристотеля предыдущее – последующее рассматривается следующим образом: “... топ получается из данных времен, когда, например, говорил Ификрат[81] в своей речи против Гармония:[82] “Если бы я прежде чем сделать дело, попросил у вас статуи, вы бы мне дали ее? И вы не дадите ее, когда я сделал дело? Не обещайте же, когда имеете в виду что-нибудь, и не отнимайте, когда получили желаемое.”[83] В “Топике” трактовка предыдущего и последующего сходна: “Рассмотрение, исходящее из следования, двояко, ибо в следовании есть предшествующее и последующее; например, у учащегося незнание – предшествующее, а знание – последующее. Большой же частью лучше то, что следует позже.”[84]

Исходя из представления о порядке как следовании во времени, св. Василий Великий обосновывает несостоятельность науки как средства построения картины мира тем, что характерное для науки отрицание предыдущих теорий последующими делает сомнительной любую научную теорию.

“Эллинские мудрецы много рассуждали о природе, – и ни одно их учение не осталось твердым и непоколебимым, потому что последующим учением всегда ниспровергалось предшествующее. Посему нам нет и нужды обличать их учения – их самих достаточно друг для друга к собственному низложению.”[85]

2. Предыдущее – последующее в логическом смысле: предыдущее рассматривается как условная возможность последующего.[86]

“Предыдущее по природе, то есть то, что полагается вместе с другим, но не полагает другого, и что как устраняет другое, так и само устраняется им. Так, животное есть предыдущее в отношении человека. В самом деле, если есть животное, то человека еще не будет; ибо человек есть одно из животных. Наоборот, если нет человека, то животное будет, так как и лошадь, и собака – животные. Равным образом, если есть человек, то непременно будет и животное, ибо человек есть животное.”[87]

Исходя из принятого представления о приоритете предыдущего перед последующим как первичного перед вторичным, св. Василий Великий дает обоснование первичности света перед тьмой: бытия как блага перед небытием как отсутствием блага.

“Разум спрашивает: сотворена ли тьма вместе с миром и первоначальнее ли она света, а потому точно ли худшее старше? – Ответствуем, что и сия тьма не что-либо самостоятельное, но видоизменение в воздухе, произведенное лишением света. Какого же света лишенным вдруг нашлось место в мире, так что поверх воды стала тьма? Полагаем, что если было что-нибудь до

составления сего чувственного и тленного мира, то оно, очевидно, находилось в свете... когда по Божьему повелению вдруг распростерто было небо вокруг того, что заключилось внутри собственной его поверхности, и стало оно непрерывным телом, ... тогда по необходимости само небо сделало неосвещенным объемлемое им место, пресекая лучи, идущие сверху. Ибо для тени нужно быть в одно время свету, телу и неосвещенному месту. Таким образом, тьма в мире произошла от тени небесного тела.”[88]

3. Предыдущее – последующее как линейный порядок, например, порядок букв в алфавите. В Священном Писании /Ин. 1:1–3/[89] и в творениях св. Отцов топ предыдущее-последующее используется в абстрактном значении порядка, который может рассматриваться независимо не только от конкретного временного следования, но и от времени вообще. Эта мысль выражена еще неоплатониками, но разработана Оригеном[90] и полностью развита великими Каппадокийцами – св. Василием Великим, св. Григорием Богословом и св. Григорием Нисским.

“Поелику начало естественным образом предшествовало тому, что от начала, то повествуящий о вещах, получивших бытие во времени, по необходимости всему предположил это выражение: в начале сотвори. Было нечто, как вероятно, и прежде сего мира, но сие хотя и постижимо для нашего разумения, однако же не введено в повествование как несоответствующее силам новообучаемых и младенцев разумом. Еще ранее бытия мира было некоторое состояние, приличное премирным силам, превышшее времени, вечное, присно продолжающееся. В нем-то Творец и Зиждитель всяческих совершил создания – мысленный свет, приличный блаженству любящих Господа, разумные и невидимые природы и все украшение умосозерцаемых тварей, превосходящее наше разумение, так что нельзя изобрести для них и наименований... А когда уже стало нужно присоединить к существующему и сей мир – главным образом училище и место образования душ человеческих, а потом и вообще местопребывание для всего подлежащего рождению и разрушению, тогда произведено сродное миру и находящимся в нем животным и растениям преемство времени, всегда поспешающее и протекающее и нигде не прерывающее своего течения”.[91]

4. Предыдущее – последующее как иерархия (сначала епископ, потом пресвитер). При этом приоритет может отдаваться как предыдущему, так и последующему. Исходя из представления о порядке как целесообразной последовательности воплощения замысла, св. Григорий Нисский обосновывает сотворение человека как завершающий этап творения. Поэтому последующее (человек) рассматривается как более значимое, чем предыдущее, а предыдущее – как предвосхищение последующего.

“И все богатство твари, на земле и в море, уже было приготовлено, но еще не было того, кому владеть этим. Ибо не появилось еще в мире существ это великое и досточестное существо, человек. Ведь не подобало начальствующему явиться раньше подначальных, но сперва приготовив царство, затем подобало принять царя. Потому Творец всего приготовил заранее как бы царский чертог будущему царю: им стала земля, и острова, и море, и небо, наподобие крыши утвержденное вокруг всего этого, и всякое богатство было принесено в эти чертоги.”[92]

5. К этим четырем аристотелевым трактовкам св. Иоанн Дамаскин добавляет возможную трактовку предыдущего как причины и действия, которая будет рассмотрена ниже как отдельный топ

^ III. Место (положение)

Посредством этого топа устанавливается расположение предмета мысли в отношении к смежным предметам и к действию. Действие может происходить в определенном физическом или смысловом пространстве и по смыслу ограничено местом поэтому понятие места неразрывно связано с понятием границы.

“Телесное место есть граница объемлющего, которою замыкается то, что объемлется, как например воздух объемлет, тело же объемлется. Но не весь объемлющий воздух есть место тела, которое объемлется, а граница объемлющего воздуха, прикасающаяся к объемлемому телу. И то, что объемлет, вовсе не находится в том, что объемлется.

Есть же и духовное место, где мысленно представляется и где находится духовная и бестелесная природа, где именно она пребывает и действует, и не телесным образом объемлется, но духовным образом. Ибо она не имеет внешнего вида для того, чтобы быть объятаю телесным образом.”[93]

Действительно, когда мы имеем в виду так называемые идеальные предметы, то определяем их место как относительное значение: место теории множеств в современной математике означает позицию теории множеств в иерархии математических наук и относительно сродных ей дисциплин.

Топ места имеет большое значение, потому что с ним связана возможность описания. Когда мы описываем какой-нибудь предмет, то изображаем его место по отношению к смежным предметам и взаимное положение его частей. “Описуемо, – указывает далее св. Иоанн Дамаскин, – то, что обнимается местом, временем или пониманием; неописуемо же то, что не обнимается ничем из этого. Следовательно, одно только Божество неописуемо, так как Оно безначально и бесконечно и все объемлет и никаким пониманием не объемлется. Ибо только одно Оно непостижимо и неограниченно, никем не познается, но только Само созерцает Себя Самого. Ангел же ограничивается и временем, ибо он начал свое бытие, и местом, хотя и в духовном смысле, как мы раньше сказали, и непостижимостью. Ибо они некоторым образом знают и природу друг друга, и совершенно ограничиваются Творцом. А тела ограничиваются и началом, и концом, и телесным местом, и постижимостью.”[94]

Рассмотрим пример.

“По твоим словам, те из иконоборцев, что понаглее и позловреднее, полагая мудростию хитроумие, задают вопрос: которая из икон Христа истинная – та, что у римлян, или которую пишут индийцы, или греки, или египтяне – ведь они непохожи друг на друга, и какую бы из них ни объявили истинной, ясно, что остальные будут отвергнуты. Но это их недоумение, а вернее кознодейство, о прекрасное извятие Православия, можно многими способами отразить и обличить как исполненное великого безумия и злочестия.

Во-первых, можно сказать им, что они сразу же тем самым, с помощью чего решили бороться против иконотворения, даже против воли засвидетельствовали его существование и поклонение [иконам] по всему миру, где есть христианский род. Так что они скорее говорят в пользу того, что пытаются опровергнуть, и уловляются собственными доводами...”[95]

Контраргумент, так называемый *ad hominem* (к человеку), основан на противопоставлении топа место топу лицо-действие. Разделительное суждение полемического противника (о зависимости изображения от особенностей разных народов, из чего должно следовать, что каждый народ изображает на иконе не Спасителя, а собственный образ) святитель Фотий сводит посредством топа места, через который слова полемического противника включаются в структуру обоснования. Христианский мир повсеместно изображает Спасителя, следовательно, иконопись отражает древнее предание Церкви.

^ IV. Время

Посредством этого топа определяется состояние или изменение предмета мысли, но главным образом уместность поступка и его последствия, поскольку всякое движение происходит во времени.

“В обстоятельстве ‘когда?’, – указывает св. Иоанн Дамаскин, – берется во внимание тоже не время вообще, а его качество, например, в праздник или в простой день, час, месяц или годы и подобное. Итак, позаботься, чтоб все время жизни твоей было непрерывною цепью добрых дел. Но вместе помни, что всему свое время. Есть система выжидания благоприятнейшего времени, в которое дело приносит обильнейший плод.”[96]

Существенным свойством времени являются его противоречивые свойства – необратимость и вместе с тем ритмичность, повторяемость.

“Как и земледельцы несмысленные, пропустившие время удобное, хотя и сеют, но погубляют семя, яко не в то время, когда должно, сеют; так и несмысленные грешники будут некогда искать спасения, но не получают того, яко тогда будет время суда, а не покаяния. Ныне время сеяти, искати, просити, толкати в двери Божия милосердия, когда Бог обещал услышати и помогати, и слушает и помогает. Глаголет бо: “во время благоприятное Я услышал тебя и в день спасения помог тебе. Вот, теперь время благоприятное, вот, теперь день спасения” /2 Кор. 6:2/.”[97]

^ V. Состояние

Состоянием называется наличное соотношение качеств или формы предмета, обусловленное его внутренними изменениями или воздействием внешних обстоятельств.

Топ состояния используется для обоснования значимости действия, а также для оценки действия по состоянию деятеля. Если за основу принимается действие, то значимость действия переносится на состояние, если за основу принимается состояние, то на него переносится оценка состояния.

Пример оценки состояния по действию содержится в нижеследующем фрагменте из “Сокровища духовного” святителя Тихона Задонского.

“Видим, что люди, вшедши в баню, омываются от скверн и пороков телесных, и исходят из бани чисти и одеяни в белую рубашку. Тако христиане, вшедши в баню святого крещения, омываются от скверн греховных, очищаются и освящаются, и одеваются пресветлою и предрагою правды Христовой одеждою, яко порфирию царскою; и делаются сынами небеснаго Царя и наследниками небеснаго царствия; и исходят оттуду чисти, святи, праведни, яко Апостол им утешительно глаголет: но омылись, но освятились, но оправдались именем Господа нашего Иисуса Христа и Духом Бога нашего /1 Кор. 6:11/. Откуда святое крещение называется от Апостола банею возрождения /Тит. 3:5/. Потому тем вновь рождаемся, и погибши спасаемся и обновляемся, очищаемся и омываемся, и делаемся новая тварь о Христе.”[98]

Пример оценки действия по состоянию деятеля можно увидеть в “Слове, в котором Григорий Богослов оправдывает удаление свое в Понт.”

“Мне казалось, что всего лучше, замкнув как бы чувства, отрешившись от плоти и мира, собравшись в самого себя, без крайней нужды не касаясь ни до чего человеческого, беседуя с самим собою и с Богом, жить превыше видимого и носить в себе божественные образы, всегда чистые и несмешанные с земными и обманчивыми напечатлениями, быть и непрестанно делаться истинно чистым зеркалом Бога и божественного, приобретать ко свету свет – к менее ясному лучезарнейший, пожинать уже упованием блага будущего века, сожителем с ангелами, и, находясь еще на земле, оставлять землю и быть возносиму Духом горе. Если кто из вас объят сею любовью, то поймет, что говорю, и извинит тогдашнее состояние моего духа. Но слова мои не убедят, может быть, многих, именно всех тех, кому смешным кажется сей род жизни, к которому они не расположены или по собственному неразумию, или потому, что иные проходят его недостойно; подкрепляемые завистью, также злонравием и поползновением многих на худшее, они и хорошее именуют худым, любомудрие называют тщеславием. А от сего непременно погрешают в одном из двух – или делают зло, или не верят добру.”[99]

Святитель Григорий Богослов изображает свое состояние как основание принятого решения и затем строит так называемую деструктивную дилемму – полемический аргумент против своих оппонентов: те, кто понимают это состояние, не осуждают решение, так как сами его пережили, а те, кто его не понимают, либо неразумны как завистливые, либо недостойны как злонравные.

^ VI. Внешние обстоятельства

Внешними обстоятельствами называются события и обстановка, сопутствующие факту и совместимые с ним, но которые не являются причиной и действием. Внешние обстоятельства могут благоприятствовать или препятствовать действию и тем самым влиять на характер решения и усилия, необходимые для достижения цели.

“... одного Павла представлю свидетелем моего слова, чтобы из его примера видеть, что значит иметь попечение о душах, и кратковременных ли занятий, малых ли требует сие сведений! А чтобы удобнее сие узнать и понять, послушаем, что говорит о Павле сам Павел.

Не буду говорить об его трудах, бдениях, страхах, злостраданиях от голода, жажды, холода и наготы, о злоумышлениях против него неверных, о противодействии ему верных. Умалчиваю о гонениях, сонмищах, темницах, узах, обвинителях, судилищах, ежедневных и ежечасных смертях, о кошнице, о метаниях камнями, о биениях палками, о странствовании, об опасностях и на суше, и на море, и во глубине морской, о кораблекрушениях, об опасности на реках, об опасностях от разбойников, от сродников, об опасностях между лжебратии, о пропитании трудами рук своих, о бескорыстном благовествовании, о том, как Павел был образцом для ангелов и человеков, когда, стоя между Богом и человеками, за человеков подвизался, и к нему Бог приводил и присоединял народ избранный. Кроме сих внешних подвигов, кто достождным образом опишет ежедневную его попечительность, сердоболие о каждом, заботливость о всех церквях, ко всем сострадательность и братолюбие? Претыкался ли кто – и Павел чувствовал немощь. Другой соблазнялся – а Павел приходил в воспламенение... Таков Павел, таков всякий подобный ему духом. Но мы боимся, чтобы в сравнении с ними не быть обезумевшими князьями Цоанскими /Ис. 19:11/ или приставниками пожинающими, или ложно ублажающими народ... Итак, ужели, хотя дело сие так важно и так многотрудно для человека чувствительного и скорбного, хотя оно действительно гниль для костей /Притч. 14:30/ даже для человека с умом, однако опасность не велика и последствия не заслуживают внимания?.”[100]

Святитель Григорий Богослов использует топ внешних обстоятельств как модель для сравнительного аргумента, вывод которого: “Надобно прежде самому очиститься, а потом очищать; умудриться, а потом умудрять; стать светом, потом просвещать; приблизиться к Богу, потом приводить к нему других; освятиться, потом освящать. Руководителю необходимы руки; советнику потребно благоразумие.”[101]

Топ внешних обстоятельств позволяет дать описательную характеристику личности или действия при построении модели, которая используется в качестве основания различных типов аргументов, в данном случае – сравнительного аргумента к прецеденту.

^ 2. Причинно-следственные топы

Причинно-следственные топы используются для установления и обоснования причинно-следственных связей между составляющими факта или между фактами.

Причинно-следственные связи могут мыслиться двояким образом: как действующая причина или как конечная причина или цель. В первом случае связь причины и следствия рассматривается как относительно независимая от деятеля, а сам он может включаться в ряд причинно-следственных отношений, выступая в качестве претерпевающей стороны. Во втором случае деятель выключается из причинно-следственных отношений и действия его признаются свободными, а следовательно и ответственными.

В реальной аргументации нередко используются оба вида причины и устанавливается степень связанности и независимости решения.

^ VII. Причина и следствие

Топ причины, как указывает Аристотель, “заключается в доказательстве, что что-нибудь есть, если есть его причина, и что чего-нибудь нет, если нет причины; ибо причина и то, чему она служит причиной, сосуществуют, и ничто не существует без причины.”[102]

В топике традиционно выделяются четыре вида причины: “Первая – суть бытия вещи; вторая – то, при наличии чего необходимо есть что-то другое; третья – первое двигавшее; четвертая – то, ради чего.”[103]

В риторике в основном рассматриваются конечная причина – цель, замысел, например, стремление к власти – причина политической деятельности, и действующая причина. Например,

холодная погода как причина снега. В первом случае действие представляется вытекающим из свободного решения и потому ответственным, а во втором вынужденным.

“Спустя год и несколько месяцев царь, в бытность свою в Никомидии, заболел. Зная, как неверна человеческая жизнь, он принял здесь дар божественного крещения; а отлагал его до настоящего времени потому, что хотел удостоиться этого в реке Иордане. Наследниками своего царства оставил он трех сыновей: Константина, Констанция и Константа, по летам самого младшего. Повелел также, чтобы великий Афанасий возвратился в Александрию, и это повеление дал в присутствии Евсевия, который всячески стремился внушить ему противное...”

Да не удивляется никто, что обманываемый царь ссылал в ссылку великих мужей: он верил архиереям, которые хотя скрывали свое лукавство, однако ж имели все наружные достоинства и тем вводили его в заблуждение. Знающим Священное Писание известно, что и божественный пророк Давид был также обманут; и обманул его не архиерей, а домашний и негодный раб, – разумею Сиву, который налгал царю на Мемфивосфея и за то получил его поле. Впрочем, я это говорю не в обвинение пророка, а для того, чтобы защитить царя, показать слабость человеческого естества и научить, что не должно слушать только обвинителей, хотя бы они были и очень достойны веры, но одно ухо надобно оставлять и для обвиняемого.”[104]

Наветы ариан рассматриваются как действующая побудительная причина преследований царем Константином Великим св. Афанасия Александрийского, поэтому действия царя оцениваются как вынужденные, что уменьшает ответственность Константина и переносит ее на другие лица, оказавшиеся причиной гонений на св. Афанасия. Решение же царя Константина принять святое крещение, как и наветы Евсевия, представлены с точки зрения конечной причины, которая повышает ценность деяния, соответственно, в положительном или отрицательном смысле.

^ VIII. Условие

Это обстоятельство или совокупность обстоятельств, без которых действие не может осуществиться или может не осуществиться.

Условное суждение (если... то) имеет значение потенциального отрицания в отличие от топа причины, предполагающего утвердительное суждение (потому что).

“Зло есть тление и смерть. Тогда зло, если для других оно зло, а для себя добро, составляет само себя, и не всецело есть зло – ибо составляет само себя и постольку не есть зло. Если же всецело зло, то и для себя зло, и самоуничтожается и не существует.

Если же и в тлении одних происходит возникновение других, то не тление причина возникновения, но благо из-за избытка благодати даже из тления одного содействует возникновение другого. Ибо вещество, подчиненное Благу, сотворенное им, благо – ведь Он в начале привел все из не сущего в сущее.”[105]

Топ условия используется в обосновании положений, связанных с причинно-следственными отношениями, когда по наличию причины устанавливается следствие, и по следствию – причина; в совещательной аргументации – когда рассматриваются возможные следствия решения, условия и обстоятельства согласия; в опровержении – как инструмент приведения к абсурду (как в примере).

^ 3. Модально-оценочные топы

Поскольку человека оценивают по деяниям и словам, содержание или образ действия дают основание характеристики личности и прогноза ее последующего поведения в различных ситуациях.

^ IX. Лицо – поступок

Через отношение лица и действия определяются конкретные свойства лица и свойства действия, связанные с его значимостью и степенью ответственности деятеля.

Личность человека не исчерпывается внешними действиями, человек имеет и свою внутреннюю историю – историю души. И тем не менее лицо и действие соотносительны: поступок приобретает определенность в отношении к лицу, его совершившему, а личность проявляет себя не иначе, как в словах и поступках. Св. Иоанн Дамаскин следующим образом определяет этот топ:

“Лицо есть то, что в своих действиях и свойствах обнаруживается ясным и определенным образом, отличным от способа обнаружения однородных существ. Например, Гавриил, беседуя с Пресвятой Богородицей, был одним из ангелов, но непосредственно беседовал с ней только он один, отличаясь от единосущных с ним ангелов присутствием в определенном месте и тем, что он беседовал. И Павел, когда он держал речь на лестнице, был одним из числа людей, но своими свойствами и действиями он выделяется из всех других людей.”[106]

Рассмотрим пример использования топа в аргументации.

“В Антиохии после преемника Флакиллового Стефана, который изгнан был из церкви, предстательство получил Леонтий... Будучи заражен арианскою ересью, он старался скрывать свою болезнь. Видя, что духовенство и прочий народ делятся надвое, что одни в славословии перед словом “Сын” произносят союз, а другие перед тем же словом произносят предлог “во”, [107] он произносил славословие шепотом, так что стоявшие и подле него могли слышать только слова “во веки веков.” Впрочем, если бы лукавство его души не обнаруживало ничего другого, можно было бы еще сказать, что он придумал такую хитрость, заботясь о поддержании единомыслия в народе. Но так как вымышляемо было множество жестокостей против исповедников истины, а люди, причастные нечестию, устаивались всевозможного его попечения, то явно было, что он скрывал свою заразу, только боясь народа и Констанция, который сильно грозил дерзающим называть Сына неподобным. Итак, образ его мыслей обнаружился его делами: кто следовал догматам апостольским, тот нисколько не пользовался его попечением и не удостоивался рукоположения; а последователи арианского безумия имели перед ним самое великое дерзновение и возводимы были по степеням священнослужения.”[108]

Для характеристики лица по поступкам отбирается не одно какое-либо действие, но группа взаимосвязанных действий или проявлений личности, которые не могут быть случайными и рассматриваться в отношении общей цели или намерения. В таком случае на лицо переносится оценка поступков и ему приписываются соответствующие свойства – хитрость, лицемерие, недоброжелательность, несправедливость, жестокость, трусость, – которые связываются с тем образом мыслей, который подвергается критике, в данном случае с арианством Леонтия. Положительная характеристика лица по поступкам и поступков по лицу строится аналогичным образом.

В нижеследующем примере из защитительной речи адвоката Н. П. Шубинского по делу крестьянина Киселева на основе оценки действий дается положительная оценка лица, а затем на основе положительной оценки лица характеризуется деяние:

“Попытаемся же, с другой стороны, уяснить себе вопрос: что такое наказание? Какие цели преследует оно? Первое – удовлетворить общественному негодованию против преступника. Но разве здесь можно говорить о нем? Припомните слова Ивана Киселева: “Когда народ узнал о событии, он хлынул не в дом, где лежала покойная, а к дому, где был обвиняемый, и, окружив его, все плакали навзрыд.” Второе – подвергнуть преступника мукам. Но разве он мало их вынес за годы своей жизни с покойной, да и теперь, когда события разбила его семейную, личную, общественную жизнь? И третье – осуждают, чтобы оградить общество от злого человека. Таков ли он? Вглядитесь со вниманием – похож ли он на злодея? События еще не делают человека таковым. Есть незабвенные слова, сказанные знаменитым ученым Фейербахом: “На убийство в состоянии душевного возбуждения способны и благородные характеры.” А о Киселеве все говорят: “честный, трезвый, преданный заботам и трудам человек.” Если такой человек срывается в пропасть, не хочется верить, что это – неразрешимая вина его...”[109]

Поведение Киселева до события, о котором идет речь, оценивается по свидетельским показаниям как совокупность проявлений личности, характеризующих ее нравственные достоинства, поэтому

обсуждаемое действие (убийство) рассматривается как случайное и не характерное для подсудимого действие. Из этого следует вывод о бессмысленности уголовного наказания, цели которого связываются с личностью, а не с поступком и представляются как несовместимые именно со свойствами личности. Защитник строит разделительный аргумент, представляя отдельно каждую из возможных целей наказания как несовместимую с нравственными свойствами личности Киселева, а обобщение строит на основе общей оценки (“такой человек”).

^ X. Образ действия

Представляет собой содержательную характеристику действия, связанную со свойствами действующего лица.

По образу действия дается характеристика сущности или возможностей деятеля (присущее действие) или его оценка (хорошо, плохо, правильно, неправильно и т. п.), а также для сопоставления деятелей по действиям или действиям по деятелям.

Пример использования топа “образ действия” для характеристики сущности:

“Ни один мыслящий не согласится, по словам премудрого Кирилла, с тем, чтобы инородные и иноприродные (существа) имели одно и то же действие; но, как существо или природа у них различного порядка, то они должны обнаружить и различное действие.”[110]

Сущность, по мысли Святых Отцов Шестого Вселенского Собора и императора Константина IV, непосредственно определяет образ действия и открывается по образу действия. Поэтому однородность и разнородность действия определяют однородность или разнородность сущности деятеля.

Пример использования топа “образ действия” для оценки:

“Писание не упраздняет того, что дано нам Богом для употребления, но только обуздывает неумеренность и исправляет безрассудство. Оно не запрещает есть, рожать детей, иметь деньги и правильно использовать их, но запрещает чревоугодничать, прелюбодействовать и так далее. Не запрещает думать об этих вещах (ибо они для этого и сотворены), но запрещает думать страстно.”[111]

В приведенном фрагменте из творений преп. Максима Исповедника, как и во многих других святоотеческих творениях, дозволенное противопоставляется греховному по образу действия: умеренности и неумеренности, разумности и безрассудству, страстности и бесстрастности.

В нижеследующем примере из “Гомилий” св. Григория Паламы на образе действия строится сравнительный аргумент об ответственности. При этом сходный образ действия в сравнении богача из притчи о Лазаре с христианином связывается с ценностью деяния: деяние христианина при том же образе действия оказывается неизмеримо более ценным в положительном и отрицательном смысле, чем деяние ветхозаветного Лазаря.

“Братья, богач оный, имея Моисея и пророков, из которых никто не восстал из мертвых, полагал, конечно, что имеет некое извинение; а мы вместе с ними слышим и Восставшего ради нас из мертвых, Который говорит: «Не собирайте себе сокровищ на земле, ... а собирайте себе сокровища на небе» /Мф. 6:19–20/. «Прозящему у тебя дай, и от хотящего занять у тебя не отвращайся» /Мф. 5:42/. «Подавайте милостыню из того, что у вас есть, и все будет у вас чисто» /Лк. 11:41/. А если кто начнет есть и пить с пьяницами, будет жесток к бедным и скуп, то придет, говорится, Господь в день, в который он не ожидает, и в час, в который не думает, и рассечет его и подвергнет его одной участи с неверными /Мф. 24:49–51/. [112] И так как не останется нам никакого извинения, то поелику жизнь человека не зависит от изобилия его имения /Лк. 12:15/, [113] пусть имеющий нечто излишне подает неимущим, через это включив себя в сонм спасаемых отца Авраама; а нуждающиеся пусть подражают мужеству Лазаря, терпением своим спасая души свои /Лк. 21:19/[114] и в смирении напоминая себе о тех недрах Авраамовых, от которых удалены всякая болезнь, печаль и вздыхание /Апок. 21:4/, [115] а пребывают в них радость и веселие и мир

божественный и нескончаемый /Апок. 21:7/. [116] Ибо для того Христос открыл нам через эту притчу о тамошнем состоянии, чтобы нас, улучшенных покаянием, избавить от уготованных наказаний и удостоить вечных радостей. Если же мы не соделаем себя лучшими чрез покаяние, то весьма нужно опасаться, не умножим ли себе и мучений. Ибо, говорит «раб же тот, который знал волю господина своего, и не был готов, и не делал по воле его, бит будет много» /Лк. 12:47/.» [117]

Образ действия, как таковой, может быть осознанным и намеренным в различной степени. Степень свободы и осознанности действия при выборе образа действия определяет ответственность деятеля.

^ XI. Цель и средство

Средство – технический прием (например: радикальные средства), или инструмент, при помощи которого действие осуществляется (например: транспортные средства).

Цель и средство являются характеристикой в первую очередь лица, совершающего действие, а через лицо и самого действия. Поэтому средства прямо связаны с основанием действия.

Средства всегда целесообразны и однородны с целью, поэтому их применение рассматривается как свободно избранное и намеренное, – выбор средства предполагает оценку и ответственность в отношении к цели. Различение средства и цели также затруднительно, так как цели и средства постоянно меняются местами и средство приобретает самостоятельную ценность.

Положение “цель оправдывает средства” осуждается с нравственной точки зрения и ему противостоит положение “достойные цели не могут достигаться недостойными средствами”: характер средства свидетельствует о действительной цели.

На топе средство/цель основана полемическая аргументация св. Григория Паламы, направленная против мнений монаха Варлаама и других гуманистов, ошибочно полагававших, будто философское и научное знание может быть путем к спасению и имеет самостоятельную духовную ценность.

“Они говорят, что никому нельзя приобщиться к совершенству и святости, не открыв истинных мнений о сущем, а открыть их будто бы невозможно без различений, умозаключений и расчленений. Они думают таким образом, что хотящий достичь совершенства и святости обязательно должен узнать от внешней науки эти приемы различения, умозаключения и расчленения и в совершенстве овладеть ими; такими доводами они пытаются снова доказать действительность упраздненной мудрости. Но если бы, смиренно придя к могущим судить о всем, они захотели научиться истине от них, то услышали бы, что это эллинское убеждение, учение (ересь) стоиков или пифагорейцев, которые целью созерцания считают как раз знание, приобретаемое через усвоение наук; наоборот, мы называем истинным воззрением не знание, добываемое рассуждениями и умозаключениями, а знание, являемое делами и жизнью, единственное не просто истинное, но прочное и непоколебимое: ведь, как говорится, всякое слово борется со словом, но какое – с жизнью? И уж конечно мы не думаем, что приемами различения, умозаключения и расчленения человек способен познать самого себя, если трудным покаянием и напряженным борением не изгонит прежде из собственного ума гордость и лукавство. Поэтому кто не приведет своего ума таким путем и к такому устроению, тот не увидит даже своего незнания, а только с этого начинается успешное познание самого себя.

Мало того: благоразумный человек не всякое незнание станет осуждать, как и не всякое знание мы благословляем. Неужели во всей нашей практике мы должны смотреть на знание как на последнюю цель? Видов истины, говорит Василий Великий, два: одну истину крайне необходимо и самому иметь и другим сообщать как помогающую спасению; а если не узнаем доподлинно истины о земле и океане, о небе и небесных телах, то не будет никакой помехи для обетованного блаженства. Стоящая перед нами последняя цель – это обещанные Богом будущие блага, богосыновство, обожение, откровение небесных сокровищ, их приобретение и наслаждение ими; а знания нынешней науки, как мы знаем, привязаны к веку сему. «Если бы чувственные рассуждения представляли истину вещей в будущем веке, то мудрецы века сего стали бы наследниками Небесного Царства; но если ее видит чистая душа, мирские мудрецы окажутся

далеки от познания Бога», по слову истинного любителя мудрости Максима. Итак, можно говорить, что без такого знания нельзя достичь совершенства и святости.”[118]

Понимание св. Григорием соотношения цели и средства зависит от характера цели. Если цель – спасение души, то средство – устройство жизни в духовном делании – органически определяется целью и является постоянным. Если целью является достижение мирского знания, то цель связана со средством более свободным образом, поскольку выбор средства зависит от конкретных особенностей поставленной задачи.

^ 4. Топы определения

Рассмотрев фактическую сторону проблемы, можно приступить к определению понятий и к обобщению фактов.

Как источники изобретения топы определения представляют собой ходы мысли, посредством которых конкретные данные приводятся к общим понятиям или нормам. Определить – значит указать существенные черты определяемого предмета и отличить его от сходных предметов.

В риторике различаются собственно определения и изречения. Изречение (или риторическое определение) представляет собой фигуру речи, по форме подобную определениям, но не являющуюся определениями по существу, например: “Душа русского народа – певучая душа и высказывается в церковном пении; а все наше богослужение, по содержанию своему, есть не одна молитва словесная и не одна проповедь, но во всем составе своем есть благочестивое созерцание и сердечная песнь Богу.”[119]

^ XII. Присущее и привходящее

Любой объект характеризуется множеством особенностей, совокупность которых лежит в основе нашего представления о нем. Но среди этих особенностей или черт выделяются существенные и несущественные. Существенные особенности предмета постоянны и сохраняются в различных его состояниях и отношениях к другим предметам. Некоторые из таких существенных особенностей являются общими для классов или групп однородных предметов, другие характеризуют отдельные группировки предметов внутри классов.

Присущими являются те особенности предмета, которые отличаются постоянством при изменении его состояния и без которых существование предмета представляется невозможным. Привходящими являются переменные или необязательные особенности предмета.

Человек может обладать тем или иным цветом глаз, кожи, волос, голосом; он может быть мужчиной или женщиной, ребенком, юношей, стариком. Но ни одна из этих особенностей не характеризует человека как такового, ибо люди отличаются от всех других живых существ совокупностью черт – разумом, языком, телесностью. От животных люди отличаются разумом и языком, от ангелов – телесностью.

Вместе с тем все люди обязательно бывают либо мужчинами, либо женщинами; равно как либо младенцами, либо детьми, либо юношами и девушками, либо лицами среднего возраста, либо стариками. Чтобы разделить людей по полу или возрасту, нужно иметь представление об особенностях, присущих всем людям, а половые и возрастные признаки окажутся привходящими, так как любой человек, оставаясь разумным, может быть мужчиной, женщиной, ребенком, юношей и т. д.

Отношение присущего и привходящего является основой построения рассуждений. Обобщение требует отвлечения от несущественных для целей аргументации данных; упорядочения и группировки существенных.

Присущими являются субстанциальные свойства. Под субстанцией в античной философии понимается первая сущность, бытие вообще или наивысший род, и в этом смысле субстанция противопоставляется природе, которая есть субстанция, проявляющаяся в своих существенных признаках

и обладающая качественной определенностью, например, одушевленность, разумность и телесность человека.[120]

“Но святые отцы, отказавшись от бесполезных словопрений, общее, о многих предметах высказываемое, т. е. низший вид называли субстанцией, природой и формой, например, ангела, человека, собаку и т. п. Равным образом слова вид и форма имеют значение одинаковое со словом природа. Единичное же они назвали индивидом, лицом, ипостасью, например, Петра, Павла.”[121]

Привходящее (акциденция) “есть то, что в предметах и бывает и отсутствует, не разрушая предмета. И снова: акциденция есть то, что может одному и тому же предмету как принадлежать, так и не принадлежать. Так человек может быть белым, а также высоким, умным, с приплюснутым носом.”[122]

Если акциденция является характеристикой существующего предмета и как привходящее носит частный характер, то субстанция, как присущее бытию конкретного предмета или совокупности предметов, имеет общий и обязательный характер и в отдельных предметах проявляется вместе с привходящим.

Поэтому “носителем” сущности является отдельный предмет, а класс мыслится при условии абстракции от частных особенностей входящих в него индивидуальных предметов. Человека вообще не существует: Адам был первым человеком, конкретным носителем всех существенных особенностей человеческого рода, но также и частных черт, присущих только ему – Адаму, и никому иному. Так и каждый человек является в той же степени человеком, как и все остальные: не бывает человека в большей или меньшей степени. Человечество представлено конкретными людьми, каждый из которых является обладателем всех существенных, присущих человеку особенностей независимо от того, каким образом и насколько эти черты проявляются в нем:

“Нет разумной души, которая по сущности была бы более ценной, чем другая разумная душа. Ибо Бог, будучи Благим, созидает всякую душу по образу Самого Себя и производит ее в бытие самодвижущейся. И каждая душа по своей воле избирает либо честь, либо через дела свои добровольно избирает бесчестие.”[123]

Акциденции подразделяются на отделимые и неотделимые. Отделимые акциденции представляют собой состояния или положения предмета (молодость, старость, болезнь, здоровое состояние), которые проявляются в тех или иных обстоятельствах места, времени, состояния. Неотделимые акциденции представляют собой особенности многих предметов (например, курносый нос, высокий рост), неотъемлемые от них.

“... мы неприкосновенно сохраняем все церковные предания, утвержденные письменно или неписьменно. Одно из них заповедует делать живописные иконные изображения, так как это согласно с историей евангельской проповеди, служит подтверждением того, что Бог Слово истинно, а не призрачно, вочеловечился, и служит на пользу нам: потому что такие вещи, которые взаимно друг друга объясняют, без сомнения, и доказывают взаимно друг друга. На таком основании мы, шествующие царским путем и следующие божественному учению святых отцов наших и преданию католической церкви, – ибо знаем, что в ней обитает Дух Святой, – со всяким тщанием и осмотрительностью определяем, чтобы святые и честные иконы предлагались (для поклонения) точно так же, как и изображение честного и животворящего креста, будут ли они сделаны из красок, или (мозаических) плиточек, или из какого-либо другого вещества, только были бы сделаны приличным образом, и будут ли находиться в святых церквях Божиих на священных сосудах и одеждах, на стенах и на дощечках, или в домах и при дорогах, а равно будут ли это иконы Господа Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа, или непорочной Владычицы нашей святой Богородицы, или честных ангелов и всех святых и праведных мужей”.[124]

В определении Вселенского Собора указываются постоянные и переменные акциденции. Постоянные – предмет изображения на иконе, переменные – способы, материалы, места.

^ XIII. Признаки

Признаки – наблюдаемые проявления, которыми предметы отождествляются и отличаются друг от друга.

Топ признака имеет важное значение: признаки используются для заключения о свойствах, качествах, состоянии, сущности предмета речи, на основе признаков строятся сравнения, сопоставления и т. д.

Но признаки как таковые и даже группы признаков сами по себе ничего не говорят о свойствах или качествах предметов: киты не рыбы, хотя киты и рыбы обладают рядом сходных признаков. Умозаключения, которые строятся на основе признаков, называются энтимемами в собственном смысле слова.[125] Умозаключение-энтимема носит вероятностный и эстетически оценочный характер, который ясно виден в следующем примере.

“Есть некий духовный закон, владеющий человеческой жизнью; согласно этому закону, человек сам постепенно уподобляется тому, во что он верит. Чем сильнее и цельнее его вера, тем явственнее и убедительнее обнаруживается этот закон. Это нетрудно понять: душа человека пленяется тем, во что она верит, и оказывается в плену; это содержание начинает господствовать в душе человека, как бы поглощает ее силы и заполняет ее объем... Так обстоит всегда. Если человек верит только в чувственные наслаждения, принимая их за главнейшие в жизни, их любя, им служа и предаваясь, – то он сам превращается постепенно в чувственное существо, в искателя земных удовольствий, в наслаждающееся животное; и это будет выражаться в его лице и в его походке, смотреть из его глаз и управлять его поступками. Если человек верит в деньги и власть, то душа его постепенно высохнет в голодной жадности, в холодной жажде власти; и опытный наблюдатель прочтет все это в его взоре, услышит в его речи и не ошибется, ожидая от него соответствующих поступков. Если он поверит в классовую борьбу и завистливое равенство, то он сам скоро станет профессиональным завистником и ненавистником, и в глазах его отразится черствая злоба, а в поступках-политическое ожесточение....”[126]

Признаки могут быть существенными и несущественными, дифференциальными и интегральными.

Существенными называются признаки, которые не могут быть отделены от предмета, проявляются в нем обязательно и отличают данный предмет от однородных предметов.

Несущественными называются признаки, которые могут проявляться в тех или иных ситуациях или состояниях.

В примере признак рассматривается как неперемное внешнее проявление предмета веры человека, хотя на самом деле подобные признаки субъективны и носят вероятностный характер: И. А. Ильин использует философский, риторический аргумент и движется от качества к признаку, в то время как научная аргументация обычно предполагает движение от признака к качеству или свойству.

Дифференциальные признаки указывают на отличие данного предмета или класса предметов от других, сходных с ним. Например, светлая кожа отличает представителей европеоидной расы от представителей негроидной.

Интегральные признаки указывают на сходство предметов, на основе которого можно их сгруппировать. Например, наличие плавников или лап является признаком водоплавающих животных.

^ XIV. Качества

Качества – особенности предмета, определяющие его цельность и строение и проявляющиеся с большей или меньшей интенсивностью.

Аристотель называет качеством “то, благодаря чему предметы называются такими-то.”[127] Например, благочестие, от которого люди называются благочестивыми. Качества могут быть

постоянными, например, добродетель, и привходящими, например, здоровье, и проявляться в большей или меньшей степени. Св. Иоанн Дамаскин указывает следующие особенности категории качества:

“Качество обладает следующими тремя особенностями или свойствами. Во-первых, оно допускает противоположение: так теплое противопоставляется холодному, белое – черному. Во-вторых, принимает определения: более или менее, так как где имеет место противоположение, там бывают налицо и определения более или менее. “Более” означает усиление, а “менее” – ослабление. Поэтому можно сказать, что данный вид более бел, чем другой. Третьей особенностью, составляющей главное свойство качества, является то, что оно допускает сходство и несходство. Следует иметь в виду, что фигура не допускает противоположения.”[128]

Качественная характеристика предмета имеет большое значение в аргументации, поскольку посредством качественного представления создается образ предмета, который является сильным и трудноопровержимым доводом. Основным инструментом такой характеристики являются обыкновенно качественные прилагательные или синонимичные им слова и словосочетания. Рассмотрим пример.

“Русское общественное мнение положительно отказывается допустить, чтобы степенная, серьезная, честная, вполне правдивая нация, какую наконец известна миру Германия во все эпохи своей истории, чтобы эта нация, говорю я, могла отрешиться от своей природы и усвоить себе другую, созданную по образцу нескольких мечтательных или нестройных умов, нескольких странных или недобросовестных крикунов; чтобы Германия, отказываясь от своего прошлого, не сознавая настоящего и искажая будущее, согласилась признать и питать дурное чувство, недостойное ее, единственно из удовольствия совершить великий исторический промах. Нет, это невозможно!” [129]

Как и в предшествующем примере с использованием признаков, качественная характеристика германской нации используется для противопоставления положительного образа Германии, который Ф. И. Тютчев называет ее природными качествами, тому отрицательному ее образу, который складывается вследствие деятельности немецких журналистов.

^ XV. Свойство

Свойство – специфическая особенность предмета, неотъемлемая от его природы и одновременно присущая определенному классу предметов.

Рассматривая свойство в строгом смысле, св. Иоанн Дамаскин отмечает: “Свойство есть то, что принадлежит всему виду, одному этому виду и всегда.”[130] В отличие от качества свойство не связано с количественной характеристикой предмета мысли, то есть не может проявляться в большем или меньшем объеме.

Например:

“Весь этот видимый мир есть лишь незаметная черта в обширном лоне природы. Никакая мысль не обнимает ее. Сколько бы мы ни тщеславились нашим проникновением за пределы мыслимых пространств, мы воспринимаем лишь атомы в сравнении с действительным бытием. Эта бесконечная сфера, центр которой везде, а окружность нигде. Наконец, самое осязательное свидетельство всемогущества Божия это то, что наше воображение теряется в этой мысли.”[131]

В этой статье из “Мыслей” Блеза Паскаля устанавливаются свойства Вселенной – бесконечность и сферическая конфигурация пространства – и свойства человеческого познания – конечность, ограниченность опыта, внутренняя противоречивость понятия бесконечного.

В определении Б. Паскаля слова “бесконечная”, “повсюду”, “нигде” являются такими обязательными эпитетами, создающими смысловую определенность уникального предмета мысли – Вселенной, который, однако, сопоставим с известными и представимыми предметами;

устранение любого из так называемых обязательных эпитетов, обозначающих свойства, разрушит определение.

^ XVI. Отношение

Отношением называется такая связь между двумя или более предметами, при которой определенные особенности одних предметов предполагают наличие или, наоборот, отсутствие определенных особенностей других.

Например, отношение мужа к жене предполагает наличие в том и в другой свойства быть супругом данного лица, наличие и отсутствие свойств мужского и соответственно женского пола.

Соотносительное (отношение) в строгом смысле как обязательное совместное наличие или отсутствие чего-либо предполагает невозможность одного члена отношения без другого: невозможно быть отцом без детей, а учителем – без учеников. Соотносительное в более общем смысле предполагает фактическое наличие связи, которой может и не быть: можно мыслить знание без обучения. Соотносительному противостоит понятие отрешенного – предмета или особенности, не включенных в систему отношений.

“Но кто не знает, – указывает св. Василий Великий, – что те имена, которые произносятся в смысле отрешенном, о вещах самих по себе, действительно обозначают соответствующие им предметы, а те, в которых выражается применение одного предмета к другим, показывают только отношение его к предметам, к которым он применяется? Так имена человек, конь, вол означают самые предметы именуемые. А выражения сын, или раб, или друг показывают единственно соприкосновение одного имени с другим, которое с ним связано. Таким образом, кто слышит слово «порождение», тот не обращается мыслью к какой-нибудь сущности, а понимает только, что одно с другим связано, ибо порождением называется порождение чье-нибудь... Ибо различие Сына от других состоит не в отношении Его к чему-нибудь, а в особенном характере сущности, в которой является превосходство Бога пред существами смертными.”[132]

^ XVII. Род – вид, индивид

Топ является одним из самых важных для построения рассуждений и определений.

Родом называется класс предметов, который содержит в себе другие классы.

Видом называется класс предметов, который содержится в роде – более широком классе.

Индивидом называется единичный класс предметов, который содержится в роде, не содержит в себе видов и характеризуется качественной определенностью, неразложимостью и совокупностью акцидентных признаков вида, отличающих данный индивид от других.

Вид связан с родом таким образом, что свойства или постоянные признаки рода обязательно содержатся в видах этого рода, но не все свойства вида содержатся в роде.

Свойства рода (студенты) обязательно содержатся в видах (студенты семинарии). Поэтому можно сделать умозаключение, что если выпускники высших учебных заведений получают высшее образование, то и студенты семинарий получают высшее образование, или что если студенты такие-то учатся в семинарии, то они получают высшее образование. Но свойства, присущие виду, не обязательно содержатся в роде. Нельзя сделать вывод, что если студенты семинарий изучают литургику, то и студенты университетов изучают литургику.

Использование топа рода связано с топами признака, качества и свойства, поскольку объединение предметов в классы основано на их группировке по признакам и на обобщенных качественных характеристиках, а отнесение таких классов к роду – на установлении и систематизации общих свойств предметов мысли или их классов-видов. Рассмотрим пример.

“Истина есть одна из естественных и существенных потребностей рода человеческого.

Божественное Откровение говорит в глубоком значении, что Слово Божие, или истина Божия есть хлеб жизни. Не хлебом единым жив будет человек, но всяким словом, исходящем из уст Божиих (Мф. 4:4). Подобно и естественный разум, хотя и не в таком глубоком разумении, может сказать, что истина есть жизненная пища духа человеческого. Уничтожьте истину, в уме останется пустота, голод, жажда, томление, мука, если только он не в омертвлении или не в обмороке от крайнего невежества. Если вздумаете питать его образами воображения, имеющими преходящий блеск, но не заключающими в себе твердой истины, ему вскоре наскучит черпать воду бездонным сосудом, и жажда его останется неутолимой, и мука неисцельной.

Что значит любопытство детей, их желание о всем спросить и все узнать? Это естественная жажда истины, еще не знающая определительно, чего жаждет, и потому стремящаяся поглотить, что только возможно.

Чего ищет судья в законе и в судебном деле? – Истины. Если бы вы могли уверить его, что он не найдет истины, вы уничтожили бы закон и правосудие.

Чего ищет наука в неизмеримом пространстве вселенной и в тайных хранилищах природы человеческой? – Истины. Утвердите, что нельзя найти ее, вы поразите науку смертельным ударом.”[133]

Святитель Филарет использует один из самых распространенных аргументов, основанных на топе рода, – эnumerацию (перечисление) или разделение родового понятия. Истина определяется как необходимая потребность человека и, следовательно, искание истины есть природное свойство человека. Аргумент от противного основан на топе признака – если с уничтожением истины обнаруживаются признаки смерти, то, следовательно, человек может жить только истиной.

Далее выделяются два рода истины: истина Божественная и подобная ей истина человеческая; последняя не получает определения, но искание истины представляется наглядно в качестве отдельных областей деятельности, которые разделяются по видам человеческой истины. Но поскольку всякий вид содержит родовые свойства, искание частной истины есть искание истины как таковой.

Наглядность увеличивается тем, что исчисление оставляет возможность дополнения. Ритор, перечисляя области искания истины, движется от общечеловеческой детской любознательности к науке, останавливаясь далее именно на научной истине как предмете главного интереса аудитории.

Рассматривая понятие индивида, св. Иоанн Дамаскин указывает:

“Слово индивид употребляется в четырех значениях. Индивидом называется то, что не рассекается и не делится: точка, теперь (момент, «квант» времени – А. В.), единица; подобные предметы называются неколичественными. Индивидом называется и то, что с трудом делится или рассыпается, например алмаз и подобное. Индивидом называется вид, не делящийся уже на другие виды, т. е. самый низший вид, например человек, лошадь и т. п. В собственном же смысле индивидом называется то, что, хотя и разделяется, однако после деления не сохраняет своего первоначального вида (в смысле «образа» – А. В.). Например, Петр делится на душу и тело. Но ни душа сама по себе не есть уже полный человек или полный Петр, ни тело. Философы говорят об индивиде в этом смысле, согласно которому он обозначает основывающуюся на субстанции ипостась.”[134]

Таким образом, понятие индивид используется в специальных – научном и философском (минимальная единица научной теории, минимальный вид, конечный таксон классификации) – и в общезыковом значениях.

^ XVIII. Целое и часть

Целью называется отдельный предмет, характеризующийся качественной определенностью и самостоятельным существованием.

Частью называется обладающая набором специфических признаков составляющая целого, назначение (функция) которой дополняет функции других частей и различена с ними.

Отношение целого и части достаточно сложно. Реально существует только целое, которое несводимо на сумму своих частей, часть подчинена целому и существует только в его пределах. Целым может быть отдельное, но не общее – индивид и группа индивидов, например, кошка, стая кошек, но не вид “кошка.”[135]

Целое может быть простым и сложным. Сложное целое разлагается на части и может мыслиться в составе частей, как животный организм, человеческая индивидуальность, общество. Но осколки разбитой вазы или капли воды, пролитой из стакана, не будут в строгом смысле частями вазы или воды, хотя такие фрагменты целого иногда могут называться его частями или гомомериями, если они сохраняют все свойства целого (как капли воды). Простое целое мыслится в составе свойств или признаков: свойства души – воля, разум, память не будут ее частями.

Общество как сложное целое может существовать и мыслиться без конкретного гражданина, но быть гражданином без конкретного общества невозможно, как не бывает общества без граждан. Вместе с тем отдельный человек является частью, членом общества лишь в той мере, в какой он включен в деятельность общества как системы. Быть членом общества – непереносимое, но не единственное свойство человека. Главное свойство человека – быть образом и подобием Божиим. Это важнейшее свойство человека определяет духовно-нравственные цели и содержание всей его деятельности. Поэтому полнота человеческого бытия предполагает включение человека в систему общественных отношений. При этом первое содержательно подчинено второму, как низшие функции подчиняются высшим.

“Каждый член гражданского общества непосредственно имеет у себя в виду только свои особенные цели. Но особенные цели, как цели ограниченные, конечные, сами в себе не имеют самостоятельности; истинное основание бытия их составляет цель нравственно-всеобщая, неограниченная, бесконечная.

Союз лиц, которые при своих особенных целях признают целью своей деятельности еще цель нравственно-всеобщую – совокупность всех высших целей человеческого духа, есть государство. С одной стороны, в государстве все особенные цели получают обширнейшее развитие. С другой стороны, члены этого союза поставляют средоточием своей деятельности не свое особенное благо, но всеобщее благо, благо целого; они не предощадают эту цель только темным образом, а ясно видят ее пред собой, знают ее; их познание не есть только мертвое сознание, а тогда же переходит в самое дело.”[136]

^ XIX. Имя и вещь

Именем называется слово (или заменяющий его знак), обозначающее предмет в его качествах, свойствах или признаках. Посредством топа имени устанавливаются отношения между особенностями обозначаемого предмета и способом обозначения.

“Названия Петра и Павла, и вообще всех людей, различны, но сущность всех одна. Весьма во многом мы друг с другом одинаковы, а отличаемся один от другого теми только свойствами, которые усматриваются в каждом особо, почему названия служат обозначением не сущностей, а особенных свойств, характеризующих каждого.”[137]

Отношение имени к обозначаемому предмету может рассматриваться тройным образом: с точки зрения создания имени; с точки зрения утверждения имени – включения в состав имен; с точки зрения использования имени.

Создание или назначение имени основано на следующих принципах:

1. Без имени вещь не существует как предмет мысли, действия с вещами возможны только при условии их именованя;

2. Имя выделяет свойства и значимые признаки обозначаемой вещи и является ее смысловой моделью;

3. Имя может быть назначено различным образом и способ именования выражает замысел об именуемой вещи.

Когда рождается человек, родители нарекают ему имя, без имени человек не может рассматриваться как общественное существо. Когда родители выбирают ребенку имя, например, Павел, Сергей, то тем самым стремятся через это имя обозначить те особенные качества чада, которые присущи человеку, носящему это имя, – святому апостолу Павлу или преподобному Сергию. Назначая ребенку имя, родители выбирают из ряда возможных имен наиболее приемлемое и уместное.

Поэтому создание или наречение имени представляет собой суждение об именуемом предмете. Имя, понимаемое в широком смысле не только как личное имя, но как именуемое слово или словосочетание, например термин, не выражает сущности именуемой вещи, но “есть некое орудие обучения и распределения сущностей.”[138]

Качество имени зависит как от пронципальности, изобретательности, вкуса дающего имя, так и от частных обстоятельств.

Поскольку же смысловых моделей одного и того же предмета и обстоятельств именования бывает множество, “то ложь говорит тот, кто умствует, будто из различия имен должно заключить и о различии сущности. Ибо не за именами следует природа вещей, а наоборот, имена изобретены уже после вещей.”[139] Действительно, слово подснежник может обозначать любой предмет, который находится под снегом. Судить об именовании можно только зная значение имени: слово подснежник обозначает ранний цветок как находящийся под снегом, а не каким-то иным образом.

Утверждение имен основано на следующих принципах:

1. Имя является произвольным знаком, значение имени не обусловлено его звуковым строем, но звуковой строй имени может быть обусловлен его значением; поэтому имя должно включаться в систему существующих имен, сопоставляясь по значению и звучанию с другими словами языка и точно называя определенное содержание;

2. Имя является условным знаком, поэтому по форме и значению оно должно быть уместным и приемлемым, поэтому оно должно включаться в традицию именования, то есть быть правильным;

3. Имя несет информацию об именуемом предмете и сосуществует с другими именами, поэтому оно должно быть новым, то есть отличным как от имен других предметов, так и от других имен данного предмета.

Первое требование означает, что не рекомендуется утверждать имена, состав которых является экзотическим для данного языка, например, несклоняемые имена в языке с падежной системой, или слишком длинные имена. Второе требование означает, что не рекомендуется утверждать имена, которые могут вызвать ассоциации с запрещенными словами или со словами с уничижительным значением, также не рекомендуется утверждать имена, не связанные с традицией данного общества. Третье правило означает, что имя должно выделять именуемый объект и различаться с другими его именами: так, не следует называть двух братьев одинаковыми именами.

Использование имен основано на следующих принципах:

1. Имя должно быть членораздельным, различимым и благозвучным, поскольку оно используется наряду с другими словами, с которыми оно частично сопоставимо и противопоставлено по значению и звучанию (поэтому значение имени отчасти определено его звуковым строем), и требует удобства произношения и восприятия.

2. Имя должно быть истинным, поскольку оно выражает интенцию[140] мысли на именуемый предмет и в этом смысле тождественно самому предмету.

3. Имя должно быть продуктивным; поскольку оно включено в систему языка, его использование предполагает максимальную свободу сочетаемости и возможность создания на его основе новых слов.

^ XX. Тождество

Тождество – общность у двух или нескольких предметов одинаковых признаков, качеств или свойств, на основе которой эти предметы рассматриваются как равнозначные в определенном отношении.

Тождество условно, поскольку установление тождества предполагает выделение определенных характеристик и признание их значимыми и достаточными для того, чтобы рассматривать предметы мысли как равнозначные.

Рассмотрим пример из творений преподобного Симеона Нового Богослова, в котором на основе топа тождества устанавливается, что всякий грешник есть нечестивец.

“Беззаконник, противозаконник, грешник, нечестивец – всеобщие называются грешниками, но каждый из них имеет свое отличие. Беззаконник есть тот, кто не имеет закона (знать не хочет закона); противозаконник есть тот, кто делает что-либо не доброе или неправильно; нечестивец есть безбожник или многобожник, который неправо умствует о Боге. Писание Божественное нечестивым называет еще и блудника, лихоимца, сребролюбца, славолюбца и всех тех, которые, поработавшись подобными страстями, знают, что Бог, создавший очи, видит все, а живут с такою небогобоязненностью, как бы Бог не видел их. Если б имели они страх Божий и благоговейство перед Богом, Который везде есть и все видит, то не посмели бы презирать Его, греша перед Ним так, как бы Он не видел, как они грешат. Когда же они любят славу человеческую паче славы Божией и делают всякое зло, думая, что не видит их недремлющее око Божие, то скажи мне, какой у них страх Божий и какое благоговение пред Богом, Которого трепещут и сами бездушные твари?”[141]

В примере путем определений устанавливается различие видов грешников. Затем на основе Св. Писания устанавливается, кто является нечестивцем и указываются признаки нечестивца. Далее определяется небогобоязненность как причина всех этих грехов. В результате все перечисленные грешники отождествляются как нечестивцы.

^ 5. Сравнительные топы

Сравнением называется ход мысли, состоящий в определении сходства или различий двух или нескольких предметов.

Сравнение предполагает, что признаки, по которым сравниваются предметы, установлены, по крайней мере, для одного из них. Можно сравнить, например, Ивана, рост которого неизвестен, с Петром, о котором известно, что он имеет такой-то рост.

Операция сравнения предполагает, во-первых, основание сравнения (в виде утверждаемой или предполагаемой идентичности признаков или однородности объектов), поскольку сравниваемые объекты должны обладать определенным подобием или сходством; во-вторых, оценку того, что сравнивается, поскольку одному из членов сравнения отдается предпочтение на том или ином основании.

На основе сравнения строятся аргументы следующего вида: если А подобно В в некотором отношении, то А можно в данном отношении рассматривать как В; если А, подобный В в таком-то качестве, обладает этим качеством в большей (меньшей) степени, то А ценнее В (в положительном или отрицательном смысле).

Например, кто лучше, лошадь или обезьяна? Лучше то, что подобно лучшему. Человек лучше осла. Лошадь подобна ослу, а обезьяна подобна человеку, следовательно, обезьяна лучше лошади. Но лучше то, что подобно лучшим качествам худшего, а не худшим качествам лучшего. Лошадь подобна лучшим качествам осла (постоянство, выносливость, трудолюбие), а обезьяна подобна худшим качествам человека (непостоянство, капризность, лень). Поэтому лошадь лучше обезьяны. [142]

Когда сравниваются объекты, то обнаруживаются их общие черты, которые абстрагируются (отвлекаются) от самих этих объектов и представляются в виде смысловых конструкций, приложимых к новому материалу, в результате чего устанавливаются общие закономерности. Так делаются обобщения, с помощью которых можно объяснять и предсказывать поведение изучаемых объектов в определенных условиях и строить их научную классификацию. Поэтому сравнение является главным инструментом создания нового знания.

^ XXI. Больше – меньше

Количественное сравнение (сравнение в собственном смысле) основано на однородности сравниваемых объектов, тождестве их природы и идентичности основных свойств. Поэтому сравнение предполагает использование признаков или качеств, которые наличествуют в предметах сравнения, но могут иметь различную степень интенсивности и поэтому могут рассматриваться как величины. Количество предполагает меру как норму сравнения.

Сравниваются два типа объектов – непрерывные и дискретные (раздельные).

“Непрерывные величины определяют как такие величины, части которых связываются между собой в какой-либо общей границе. Если, например, имеется дерево двух локтей, т. е. имеющее два локтя, то в нем конец одного локтя и начало другого совпадают, ибо они соединены и связаны вместе и не могут быть отделены друг от друга. Раздельные же величины определяются как такие, части которых не соединяются в каком-либо общем пределе, как например, у десяти камней.”[143]

Степень проявления сравниваемого качества в предметах может оцениваться положительно или отрицательно, тогда в первом случае лучшим будет большее, а во втором – меньшее.

“Кто недостойн низшего звания, тот еще более недостойн высшего звания.”[144] “Епископ, или пресвитер, или диакон, с еретиками молившийся токмо, да будет отлучен. Аще же позволит им действовать что-либо, яко служителям церкви: да будет низвержен.”[145]

В первом примере лучшим оказывается большее как высшее звание (например, консул лучше префекта); во втором примере лучшим оказывается меньшее.

Рассмотрим еще пример.

“Кто вручит власть человеку вредному для Церкви, тот будет виновен в дерзких его поступках. Если же он ни в чем таком не будет виновен, но скажет, что он обманут мнением народа, и тогда он не останется без наказания, а только будет наказан немного менее избранного. Почему? Потому, что избиратели действительно могут сделать это, обманувшись ложным мнением, а избранный никак не может сказать, что не знал самого себя, как не знали его другие. Посему, чем тяжелее принявших его имеет быть наказан, тем строже их должен испытывать самого себя; и если бы они по неведению стали привлекать его, он должен прийти и точно объяснить причины, которыми остановил бы обманутых и, объявив себя недостойным испытания, избежал тяжести столь великих дел. Почему тогда, когда идет совещание о деле воинском, о торговле, о земледелии и других житейских занятиях, ни земледелец не решится плыть по морю, ни воин обрабатывать землю, ни кормчий сделаться воином, хотя бы кто угрожал им тысячью смертей? Очевидно потому, что каждый из них предвидит опасность от своей неопытности. Если же там, где ущерб маловажен, мы действуем с такой осмотрительностью и противимся требованию принуждающих, то здесь, где за предоставление священства несведущим предстоит вечное мучение, как мы без рассуждения и без разбора будем подвергать себя такой опасности, ссылаясь на насилие других? Но имеющий судить нас тогда не примет такого оправдания. Следовало бы соблюдать

осторожность в делах духовных гораздо более, чем в плотских; а теперь мы оказываемся не соблюдающими и одинаковой осторожности.”[146]

Слова: тяжело, строго, с (такой) осмотрительностью, без рассуждения и разбора являются ключевыми в тексте и обозначают образ действия. Поскольку значения этих качественных наречий имеют большую или меньшую степень проявления качества — тяжелее, строже, осмотрительнее, безрассуднее, постольку характер вины и наказания определяется наречиями степени и соответствующими им прилагательными: гораздо более, немного менее, одинаковая. Так топ образа действия соединяется с топом количества, когда аргументация имеет целью оценку фактов.

Как видно из примера, образ действия связан с его причиной или целью: причиной “дерзости” избранного являются как его собственное недостойнство и неосмотрительность, так и действия неосмотрительно избравших его; но действия последних, очевидно, не имеют целью избрание недостойного, в то время как образ действия недостойно избранного может оказаться вполне целесообразным.

^ XXII. Подобие

Подобие — есть сходство объектов, обладающих одинаковыми свойствами, качествами, признаками или образом действия.

На топе подобия основаны сопоставления. При сопоставлении учитываются не количественные характеристики, но только наличие или отсутствие тех или иных особенностей — качеств или свойств, поэтому сопоставляться могут не только однородные, но и разнородные объекты. Рассмотрим пример.

“Сотворим, — говорит Бог, — человека по образу Нашему и по подобию /Быт. 1:26/. Как образом назвал Он образ владычества, так и подобием то, чтобы мы, сколько возможно человеку, делались подобными Ему кротостью, смирением и вообще добродетелью, по слову Христову: да будете сынами Отца вашего Небесного /Матф. 5:45/. Как на этой обширной и пространной земле одни животные более кротки, другие более свирепы, так и в душе нашей одни помыслы — неразумные и скотские, другие — зверские и дикие; их нужно побеждать, одолевая и покоряя власти разума. Но как, скажешь, можно преодолеть зверский помысел? Что ты говоришь, человек? Львов мы побеждаем и души их усмиряем, а ты сомневаешься, можно ли тебе переменить зверский помысел на кроткий? Между тем, в звере лютость — по природе, а кротость — против природы; а в тебе, напротив, кротость — по природе, а зверскость и лютость — против природы. Так ты ли, который истребляешь в звере то, что в нем по природе, и сообщаем ему то, что против природы, сам не в состоянии соблности в себе то, что есть в тебе по природе? Какого заслуживает это осуждения! Но что еще удивительнее и страннее: в природе львов есть еще, кроме этого, и другие неудобные свойства. Эти звери не имеют разума, и, однако ж, мы часто видим, что на площадях водят кротких львов. А многие из сидящих в лавках дают хозяину льва и деньги в награду за искусство и умение, с каким он укротил зверя. А в твоей душе есть и разум, и страх Божий, и многочисленные пособия — так не представляй же извинений и оговорок. Можно тебе, если захочешь, быть кротким, тихим и покорным. Сотворим, сказано, человека по образу Нашему и по подобию.”[147]

В примере топ подобия используется для сопоставления человека с Богом и для сопоставления человека с животными. При этом подобные качества различны и противоположны между собой: если человек подобен Богу своими природными качествами, то животным — своими качествами, привходящими от греха.

Тем самым первое и второе подобия человека противопоставляются между собой. Образ духовно-нравственного делания уподобляется образу укрощения зверя, но и в этом сопоставлении повторяется то же противопоставление по природным свойствам человека и животного. Природные свойства человека — разум, страх Божий — сопоставляются с природными свойствами животных, не обладающих такими способностями. Наконец, действия “сидящих в лавках” сопоставляются с Божиим воздаянием.

Из примера видно, что топ подобия предполагает не одномерное сравнение большего с меньшим, а многомерное. Подобие двух сопоставляемых объектов не переходит на третий, подобный одному из них. Человек подобен Богу, а лев подобен человеку, но отсюда нельзя вывести заключения, будто лев подобен Богу.

^ XXIII. Противное

Противопоставлением называется сравнение или сопоставление объектов по свойствам, признакам или качествам, которые выступают как взаимно отрицающие или несовместимые, или самих таких взаимоотрицающих особенностей.

Члены противопоставления могут обладать каждый своими особенностями: Иван – брюнет, а Петр – блондин, качества природные и привходящие. У одного из них может наличествовать особенность, отсутствующая у другого: кротость или свирепость, разум или отсутствие разума. Противопоставляемое качество может присутствовать в различной степени: одни животные более свирепы, другие – менее свирепы.

“Итак, Бог сотворил человека непричастным злу, прямым, нравственно добрым, беспечальным, свободным от забот, весьма украшенным всякою добродетелью, цветущим всякими благами, как бы некоторый второй мир – малый в великом – другого ангела, смешанного (то есть из двух природ) почитателя, зрителя видимого творения, посвященного в таинства того творения, которое воспринимается умом, царя над тем, что находится на земле, подчиненного горнему Царю, земного и небесного, преходящего и бессмертного, видимого и постигаемого умом, среднего между величию и ничтожностью, в одно и то же время духа и плоть: духа по благодати, плоть – по причине гордости; одного, для того чтобы он оставался в живых и прославлял Благодетеля, другую для того, чтобы он страдал и, страдая, недоумливался и, гордясь величию, был наказываем; живое существо здесь, то есть в настоящей жизни руководимое и преходящее в другое место, то есть в век будущий; и – высшая степень таинства! – вследствие своего тяготения к Богу делающееся богом, однако делающееся богом в смысле участия в божественном свете, а не потому, что он переходит в божественную сущность.”[148]

^ XXIV. Правило справедливости

Этот и последующие два топа используются для сравнения и оценки действий в зависимости от отношений и состояния лиц, эти действия совершающих, или лиц по совершаемым ими действиям.

Правило справедливости устанавливает, что качественно равнозначные (подобные и равные) категории должны оцениваться одинаково, неравнозначные категории (подобные, но не равные) должны оцениваться в меру их количественного различия, несравнимые категории должны рассматриваться исходя из различных норм.

Краткая юридическая формулировка правила справедливости — “каждому свое.” “Правосудие есть неизменная и постоянная воля предоставлять каждому его право”. [149]

Рассмотрим пример.

“О законы, законодатели и цари! Как Творец с одинаковым человеколюбием, для всех общим и неоскудным, дает всем наслаждаться и красотою неба, и светом солнечным, и разлитием воздуха, так и вы всем свободным людям одинаковое и равное предоставляете право пользоваться покровительством законов. А он замышлял отнять у христиан сие право, так чтобы они, претерпевая и насильственные притеснения, и отнятие имущества, и всякую другую важную и неважную обиду, возбраненную законами, не могли получить законного удовлетворения в суде... И какое же, по-видимому, премудрое основание для сего приводил этот убийца и отступник, нарушитель законов и законодатель, или, скажу точнее, – словами наших книг Священных, – сей враг и мстник? – То, что в нашем законе предписано не мстить, не судиться, не иметь вовсе стяжаний, не считать ничего своей собственностью, но жить в другом мире и настоящее презирать как ничтожное, не воздавать злом за зло, когда же кто ударит нас в ланиту, не жалеть ее, а

подставить ударившему и другую, отдавать ударившему не только верхнюю одежду, но и рубашку...

Сверх сего, ты, мудрейший и разумнейший из всех, ты, который принуждаешь христиан держаться на самой высоте добродетели, как не рассудишь того, что в нашем законе иное предписывается как необходимое, так что не соблюдающие его подвергаются опасности, другое же требуется не необходимо, а предоставлено свободному произволению, так что соблюдающие оное получают честь и награду, а несоблюдающие не навлекают на себя никакой опасности? Конечно, если бы все могли быть наилучшими людьми и достигнуть высочайшей степени добродетели – это было бы всего превосходнее и совершеннее. Но поелику Божественное должно отличать от человеческого и для одного нет добра, которого бы оно не было причастно, а для другого – велико и то, если оно достигает средних степеней, то почему же ты хочешь предписывать законом то, что не всем свойственно, и считаешь достойными осуждения несоблюдающих сего? Как не всякий, не заслуживающий наказания, достоин уже и похвалы; так не всякий, недостойный похвалы, посему уже не заслуживает и наказание. Надобно требовать должного совершенства, но не выступая из пределов свойственного нам любомудрия и сил человеческих.”[150]

В приведенном фрагменте топ правило справедливости использован двояким образом.

1. Закон человеческий должен быть справедливым подобно закону Божественному, то есть должен рассматривать равные категории одинаковым образом.
2. Устанавливается ограничение (несимметричность проступка и заслуги и правило минимальности санкции), в соответствии с которым наказанию подлежит только проступок, но не отсутствие заслуги, превышающей норму.
3. Понятие проступка также рассматривается с точки зрения правила справедливости, но в обращенной форме. Категории (язычники и христиане) являются равнозначными, поскольку они имеют одинаковые качества (гражданство). Поэтому в соответствии с правилом справедливости, если к одним гражданам (язычникам) применяется норма права, то и к другим гражданам (христианам) должна применяться та же норма права.

Следует особенно подчеркнуть, что приведенное рассуждение св. Григория Богослова касается вопроса юридического (римского права), но не сотериологического (учения о спасении),[151] что видно из последнего абзаца текста. Отношение подобия необратимо: если закон человеческий подобен закону Божественному как справедливый (относится к нему как вид к роду), то из этого не следует, будто свойства юридической справедливости могут быть распространены на понимание правды Божией (не все принадлежащее виду принадлежит роду).

Примечательно также, что эта аргументация св. Григория Богослова обращена к язычникам и поэтому предполагает оценку аргумента с позиции законоведа-язычника.

^ XXV. Обратимость

Если два лица подобны, то есть относятся к качественно однородным категориям, то оценка действия каждого из них в отношении другого предполагает такую же оценку аналогичного ответного действия.

Если Петр правомерно требует от Ивана возвращения долга, то и Иван может правомерно потребовать от Петра возвращения долга.

Сравнению по топу обратимости подлежат как категории и лица (если, скажем, Иван утверждает, что ему за обоюдную драку с Петром полагается меньшее наказание как несовершеннолетнему), так и сами действия, равнозначность которых может обсуждаться, так как не всегда оказывается одинаковой (например, Иван требует от Петра возвращения долга, а Иван утверждает, что ущерб, нанесенный его имуществу по вине Петра, компенсирует долг).

Пример использования топа обратимости содержится в цитированном выше слове святителя Григория Богослова.

“...как это может быть справедливо и где это предписано, чтобы нам среди всех страданий только терпеть, а им не пощадить нас, хотя мы и щадили их? В самом деле, посмотрите на прошедшее. Были времена и нашего могущества и вашего, и оно попеременно переходило то в те, то в другие руки: какие же напасти терпели вы от христиан, подобные тем, которые терпят от вас христиане? Лишали ли мы вас каких-либо прав? Возбуждали ли против кого неистовую чернь? Вооружали ли против кого начальников, которые поступали бы строже, нежели как им предписано? Подвергли ли кого опасности жизни? Отняли ли у кого власть и почести, принадлежащие мужам отличным? Словом – нанесли ли кому такие обиды, на которые вы так часто отваживались, или которыми угрожаете нам? Без сомнения, сами вы того не скажете, вы, которые ставите нам в вину нашу кротость и человеколюбие.”[152]

^ XXVI. Транзитивность

Если два деятеля подобны в каком-либо отношении, то действие одного из них, будучи направлено на другого, оценивается таким же образом, как аналогичное действие любого из них, направленное на третье лицо.

Если хорошо, что Петр благотворит Ивану, то хорошо, если Иван благотворит Василию, и хорошо, если Петр благотворит Василию.

Рассмотрим пример.

“Везде нужны нам дела, а не уверения на словах, потому что говорить и обещать всякому легко, а сделать не так легко. К чему я это сказал? К тому, что теперь много людей, которые говорят, что они боятся Бога и любят Его, а делами показывают противное. Но Бог требует любви, являемой в делах. Потому-то и ученикам своим говорит: если любите Мя, заповеди Мои соблюдайте. Так как Он сказал: если что просите, Я сотворю, то, чтобы не подумали они, что довольно только просить, Он присовокупил: если любите Мя, – то есть в этом случае сотворю. А как ученики, услышав: Я к Отцу иду, естественно, пришли в смущение, то Он говорит, что любовь состоит не в этом, не в настоящем смущении, а в повиновении словам Его. Я дал вам заповедь, чтобы вы любили друг друга, чтобы вы так же поступали друг с другом, как Я поступал с вами. Любовь в том и состоит, чтобы исполнять это и подражать тому, кто любим.”[153]

На основе топа транзитивности строятся модели и антимодели поведения. Модель есть образец правильного решения или действия в определенной ситуации. Антимодель есть образец неправильного действия, который, однако, содержит указание на характер противоположного, то есть правильного действия.

^ Значение логических топов

Выше были рассмотрены логические топы, на основе которых строятся аргументы.

Классификация логических топов является одновременно и формальной классификацией аргументов, поскольку топ определяет форму мысли, лежащую в основе рассуждения.

Операции с фактами, связывание действий и обстоятельств с деятелем, классификация фактов и подведение их под категории, сравнения являются приемами изобретения, которые позволяют всесторонне рассмотреть проблему и возможности ее обоснования. Поэтому разработка темы состоит в анализе по уместным топам всего положения, содержащего тему, либо его частей.

Искусство построения аргументов основано на умении выбрать и применить подходящий внутренний топ. Каждый ход мысли, который получается на основе применения топа, может быть рассмотрен не только в плане его уместности, но и с точки зрения возможных возражений (как в примере с обезьяной и лошадей), которые могут оказаться вполне основательными. Поэтому проработка аргументов по топам дает основание для отбора и последующего построения наиболее уместных и сильных аргументов.

^ Правила и рекомендации

- Высказывание содержит одну и только одну главную мысль; все содержание высказывания представляет собой развертывание главной мысли.
- Развертывание главной мысли (темы) в высказывание представляет собой ее анализ (примышление) и синтез – объединение частей в цельное содержание.
- Тема высказывания разрабатывается по топам, посредством которых от понятий, входящих в тему, или от всей темы находят уместные и содержательно значимые ходы мысли.
- Каждая мысль должна быть связана с темой или главным положением определенным, ясным для самого ратора образом.
- Разработка аргументации по топам позволяет выявить ошибки и неточности мысли и обнаружить возможные возражения или недоумения, ответы на которые полезно предусмотреть.
- Содержание высказывания подобно статуе, которую скульптор высекает из камня, устраняя все лишнее: в высказывании должно быть только целесообразное – необходимое и достаточное для выражения и обоснования главной мысли.

^ Логические законы аргументации

Ритор находит аргументы как ходы развития мысли, сознательно или бессознательно используя внутренние топы. Каждый топ открывает определенные возможности правильного построения умозаключения. Поэтому лучше использовать топы сознательно, чем бессознательно. Это же относится и к построению схем аргументов: обычно мы строим разумные умозаключения, но поскольку мы делаем это далеко не всегда, то бывает весьма полезно уметь оценить как собственную, так и чужую аргументацию с точки зрения ее логической правильности. Кроме того, изучая логику, мы приучаем себя быть внимательными и критичными по отношению к собственным мыслям.

Логика – наука, изучающая формальные методы обоснования истинности или ложности принятых положений и нормы построения доказательств.

^ Законы или принципы формальной логики

Формальная логика строится на основе допущений, которые принимаются как (1) не требующие доказательства и (2) такие, на которых основываются все доказательства. Четыре таких допущения или принципа называются законами логики.

Закон тождества: всякий предмет равен самому себе, или A есть A .

Закон противоречия: два суждения, одно из которых является отрицанием другого, не могут быть вместе истинными (одно из них ложно).[154]

Закон исключенного третьего: два суждения, одно из которых является отрицанием другого, не могут быть вместе ложными (одно из них истинно), третьего не дано.

Закон достаточного основания: суждение может рассматриваться как достоверно истинное только при условии, если оно обосновано другими мыслями, истинность которых установлена.

^ Суждение и понятие

Суждение

Суждение есть мысль, в которой утверждается что-либо о чем-либо.

Например: человек есть разумное существо; Земля имеет шарообразную форму; сосна не имеет листьев; если существо произошло от другого, то оно не безначально; лошадь есть вид копытных.

Суждение состоит из терминов и связки.

Терминами суждения называются его составляющие части, которые имеют переменное индивидуальное значение.

Термин обозначает некоторый класс – совокупность предметов, объединенных общим для них признаком, или свойство, признак, отношение. Такой класс может включать один предмет (например, государи, правившие Россией с 1801 по 1825 год) и может не включать ни одного предмета, то есть быть пустым (например, существующие ныне животные, имеющие две центральные нервные системы).

Связкой называется составная часть суждения, которая выражает постоянное отношение между терминами, например: есть, не есть, не имеет, все...суть, ни одно...не есть, включается.

В суждении с точки зрения логики имеются два термина.

Субъектом называется термин, обозначающий предмет мысли, о котором высказывается суждение. Например, в суждении: все копытные суть млекопитающие слово копытные выражает субъект суждения.

Предикатом называется термин, обозначающий то, что высказывается о субъекте, например, млекопитающие.

Субъект суждения обозначается латинской буквой S, предикат – латинской буквой P, а связка глаголом быть с относящимися к нему уточняющими словами: S есть P, S не есть P, все S суть P, некоторые S не суть P, вероятно, некоторые S суть P, каждый S должен быть P и т. д.

^ Виды суждений

В логике суждения подразделяются на основании количества, качества, отношения и модальности.

1. С точки зрения количества, то есть класса предметов, который мыслится в субъекте и о котором высказывается предикат, суждения подразделяются на общие, частные и индивидуальные.

Общим называется суждение, предикат которого высказывается о всех предметах какого-либо класса (все S суть P, ни одно S не есть P).

Например: все сосны – хвойные деревья; ни одна сосна не является лиственным деревом.

Индивидуальным называется суждение, предикат которого обозначает один предмет, то есть единичный класс (S есть P, S не есть P).

Например: Иванов – студент семинарии, Петров не студент семинарии. Вселенная есть результат творения, вещество обладает весом.

Частным называется суждение, предикат которого обозначает часть предметов некоторого класса (некоторые S суть P, некоторые S не суть P).

Например: некоторые млекопитающие являются хищными животными, некоторые млекопитающие не являются хищными животными, некоторые виды вещества обладают свойством электропроводности.

Общие и индивидуальные суждения противостоят частным в том смысле, что предикат общих и индивидуальных суждений относится ко всем предметам класса, обозначаемого субъектом, а предикат частных относится лишь к некоторым предметам класса, обозначаемого субъектом.

2. С точки зрения качества суждения делятся на утвердительные и отрицательные.

Связка утвердительного суждения означает, что признак, мыслимый в предикате, наличествует в субъекте.

Связка отрицательного суждения содержит утверждение об отсутствии в субъекте признака, мыслимого в предикате.

Например: человек есть разумное существо, человек не есть разумное существо.

В первом случае мы утверждаем, что человек относится к классу разумных существ, во втором случае мы утверждаем, что человек не относится к классу разумных существ, и, следовательно, отрицаем первое суждение.

Следует отметить, что утвердительное и отрицательное суждения неравноправны, так как условием всякого отрицательного суждения является наличие соответствующего ему утвердительного.

Основные виды суждений. Соединяя качественное и количественное деления суждений, мы получаем четыре основных вида суждений: общеутвердительные (все S суть P), общеотрицательные (ни одно S не есть P), частноутвердительные (некоторые S суть P), частноотрицательные (некоторые S не суть P).

Соответственно: все люди разумны, ни один человек не разумен, некоторые люди разумны, некоторые люди неразумны. В логике принято обозначать суждения по гласным буквам латинских глаголов *affirmo* – утверждаю и *nego* – отрицаю. A – означает общеутвердительное суждение, I – частноутвердительное суждение, E – общеотрицательное суждение, O – частноотрицательное суждение.

3. С точки зрения отношения между субъектом и предикатом суждения подразделяются на категорические, условные и разделительные.

В категорических суждениях предикат утверждается или отрицается без ограничения: S есть P .

Например: человек есть тварное существо, некоторые студенты семинарии учатся во втором классе.

В условных (гипотетических) суждениях предикат утверждается или отрицается при некотором условии: если есть S , то есть P .

Например: если Земля вращается вокруг своей оси, то происходит смена дня и ночи. Условные суждения являются сложными, так как содержат два (или более) взаимосвязанных суждения. Суждение, содержащее условие, называется антецедентом, а суждение, содержащее следствие из условия, называется консеквентом.

В разделительных суждениях относительно субъекта утверждается или отрицается несколько взаимоисключающих или противопоставляемых предикатов: S есть P , или Q , или R ; L , или N , или S есть P .

Например: все треугольники или остроугольные, или тупоугольные, или прямоугольные; либо вращение Солнца вокруг Земли, либо вращение Земли вокруг своей оси, либо периодическое прекращение солнечного излучения является причиной смены дня и ночи.

Следует различать два вида разделительных суждений: этот студент учится или на первом, или на втором курсе филологического факультета, с одной стороны, и этот студент учится или на филологическом, или на математическом факультете университета, – с другой. Первое суждение имеет исключаящий смысл и содержит отношение так называемой строгой дизъюнкции, так как студент не может учиться одновременно на первом и на втором курсе одного факультета. Второе

суждение имеет неисключающий смысл – содержит нестрогую дизъюнкцию, так как студент университета может учиться одновременно на одном факультете и на нескольких факультетах.

В условно-разделительных суждениях соединены свойства двух предшествующих разрядов суждений: если происходит смена дня и ночи, то либо Земля вращается вокруг своей оси, либо Солнце вращается вокруг Земли, либо Солнце светит периодически.

4. С точки зрения модальности, то есть оценки отношения субъекта и предиката, суждения подразделяются на проблематические (вероятностные), ассерторические (утверждающие) и аподиктические (суждения долженствования).

Проблематические суждения содержат утверждения о предполагаемом отношении субъекта к предикату: Земля вероятно вращается вокруг Солнца

Ассерторические суждения содержат утверждение о действительном отношении субъекта к предикату: Земля вращается вокруг Солнца.

Аподиктические суждения содержат утверждение о необходимости отношения субъекта к предикату: треугольник не может иметь сумму углов, большую 180° .

^ Отношения суждений

Суждения с одними и теми же субъектом и предикатом, но с различными связками, называются противоположными: суждения (А) все люди добродетельны; (I) некоторые люди добродетельны; (Е) никакие люди не добродетельны, (О) некоторые люди не добродетельны — противоположны в том смысле, что каждое из них может использоваться как возражение против любого другого.

Некоторые из них совместимы, поскольку могут быть истинными одновременно. Совместимы общеутвердительное и частноутвердительное, общеотрицательное и частноотрицательное, частноутвердительное и частноотрицательное суждения.

Несовместимы, так как не могут быть истинными одновременно, общеутвердительное и общеотрицательное, общеутвердительное и частноотрицательное, общеотрицательное и частноутвердительное суждения. Условия совместимости и несовместимости суждений устанавливаются в так называемом логическом квадрате.

Контрарность есть отношение наибольшей противоположности. Суждение ни один человек не добродетелен является полным отрицанием суждения все люди добродетельны, поскольку оба эти суждения подразумевают все предметы, включенные в класс, то есть всех людей. Но несовместимость их не является максимальной: общеутвердительное и общеотрицательное суждения могут быть одновременно ложными. Если истинно суждение некоторые люди добродетельны (которого достаточно для опровержения суждения ни один человек не добродетелен) или суждение некоторые люди не добродетельны (опровергающее суждение все люди добродетельны), то соответствующие общеутвердительное и общеотрицательное суждения окажутся ложными.

Противность (контрарность): $A \leftrightarrow E$.

Противными являются противоположные общеутвердительное и общеотрицательное суждения. Из истинности каждого из них следует ложность другого, но из ложности одного не следует ложность другого; противные суждения не могут быть одновременно истинными, но могут быть одновременно ложными.

Подчинение (субординация): $A \leftrightarrow I$, $E \leftrightarrow O$. Если истинно суждение все люди добродетельны, то явно истинно суждение некоторые люди добродетельны; если истинно суждение ни один человек не добродетелен, то истинно суждение некоторые люди не добродетельны. Но если истинно

суждение некоторые люди добродетельны, то суждение все люди добродетельны может быть как истинным, так и ложным; если истинно суждение некоторые люди не добродетельны, то суждение ни один человек не добродетелен может также быть истинным и ложным. Если суждение все люди добродетельны ложно, то суждение некоторые люди добродетельны может быть как истинным, так и ложным; если ложно суждение ни один человек не добродетелен, то суждение некоторые люди не добродетельны может быть как истинным, так и ложным.

Подчиненными являются частные суждения по отношению к соответствующим общим. Ложность частного суждения влечет за собой ложность общего, истинность общего суждения влечет за собой истинность частного, но не наоборот. Подчиняющее и подчиненное суждения могут быть вместе истинными и вместе ложными.

Противоречивость (контрадикторность): $A \leftrightarrow O$, $E \leftrightarrow I$. Чтобы опровергнуть суждение все люди добродетельны, достаточно показать, что некоторые люди не добродетельны; равным образом истинность суждения некоторые люди добродетельны опровергает суждение ни один человек не добродетелен. Если истинны суждение некоторые люди добродетельны и суждение все люди добродетельны, то суждение ни один человек не добродетелен ложно. Если истинны суждения некоторые люди добродетельны и некоторые люди не добродетельны, то суждения ни один человек не добродетелен и все люди добродетельны также будут ложными. Если суждение некоторые люди добродетельны ложно, то ложным будет суждение все люди добродетельны, а, следовательно, суждение ни один человек не добродетелен будет истинным, как и суждение некоторые люди не добродетельны.

Противоречащими являются общие и противоположные им частные суждения. Истинность одного противоречащего суждения влечет за собой ложность другого и наоборот. Противоречащие суждения не могут быть вместе ни истинными, ни ложными.

Подпротивность (субконтрарность): $I \leftrightarrow O$. Если некоторые люди добродетельны, то недобродетельными будут некоторые люди при условии, что ложны суждения все люди добродетельны и ни один человек не добродетелен. Если некоторые люди не добродетельны, то добродетельными будут некоторые люди при условии, что ложны суждения все люди добродетельны и никто из людей не добродетелен. Если же ложно суждение некоторые люди добродетельны, то суждение некоторые люди не добродетельны ложным быть не может, потому что в таком случае оказалось бы ложным и суждение ни один человек не добродетелен. Ибо если ложно, что ни один человек не добродетелен и ложно, что все люди добродетельны, то по крайней мере некоторые люди обязательно должны быть добродетельны.

Подпротивными являются противоположные частные суждения, которые могут быть вместе истинными, но не могут быть вместе ложными.

^ Понятие

Для логически правильного построения доказательного рассуждения требуется, чтобы его элементы понимались ясно, точно и однозначно. Чтобы доказать что-либо, необходимо отчетливо понимать, что именно и о чем высказывается в умозаключении, поэтому значения терминов и связей суждений, составляющих аргументы, должны быть определены и выступать в виде понятий.

Понятие есть заданное значение термина, которое позволяет ясно понимать термин, отличать его от сходных по смыслу и использовать в логических операциях.

Понятие содержит три группы признаков: первая группа признаков характеризует вид, вторая – характеризует род, к которому относится понятие, третья – выделяет отличие от других понятий, соположенных с данным понятием.

Так, чтобы доказать или опровергнуть положение о том, что человек смертен, мы должны (1) иметь понятие о человеке как о тварном, обладающем разумной душой, телесном, действующем существе; (2) иметь понятие о смерти как о прекращении телесной деятельности и разрушении

организма; (3) иметь понятие о других живых существах как тварных, обладающих телами и способных к деятельности. Признаки, на основании которых мы конструируем понятие человека, должны иметь конечный состав и быть (1) совместимыми; (2) существенными, то есть свойственными постоянной природе человека; (3) необходимыми и достаточными для отличия человека от любых других существ; кроме того, (4) эти признаки должны частично входить в те понятия смерти и животного, с которыми связывается понятие человека.

Но рассуждение будет бессодержательным, если в понятие человека не войдут такие существенные отличительные признаки (свойства), как обладание душой, ибо в этом случае ничего нового о человеке мы утверждать не сможем и создадим о нем аналитическое суждение, то есть такое, в субъекте и предикате которого будут содержаться одни и те же признаки. Например, суждение все тела протяженны является аналитическим, потому что само понятие тела предполагает протяженность.

Понятия поэтому конструируются таким образом, чтобы при операциях с ними можно было получить новое знание, так называемые синтетические суждения, в которых признаки, общие для ряда сопологаемых понятий (телесность, жизнедеятельность), связываются с признаками, характеризующими то понятие, которое является предметом нашего интереса (наличие разумной души).

Материал мысли, который мы вкладываем в понятие, обычно выходит за пределы конкретного рассуждения, но предполагает разнообразное применение понятия, обеспечивающее накопление знания о предмете мысли.

Это значит, что понятие абстрактно (так как при его конструировании мы отвлекаемся от многочисленных признаков, которые могут мыслиться в предмете, но несущественны для рассуждений) и познавательно (так как содержит потенциальную связь между составляющими его признаками, которая, раскрываясь и конкретизируясь в процессе познания, открывает новые проблемы).

^ Содержание и объем понятия

Назначение понятия состоит в том, что оно обобщает и концентрирует в себе понимание связей между явлениями действительности и их смыслом. Понятия объективны, поскольку они описывают существующие в действительности или возможные предметы. Обычно, называя понятие, мы можем указать предметы, которые подходят под него, например, под понятие металла подходят железо, алюминий, магний, цинк и т. д., обладающие общими свойствами и различающиеся между собой конкретными признаками.

Но не всякое понятие предполагает класс предметов, которые подходили бы под него. Например, понятию “Свод законов Российской Федерации”, которое никак нельзя считать бессмысленным, не соответствует никакой реальный объект.

Под содержанием понятия понимается совокупность свойств и отношений, мыслимых в понятии.

Например, содержание понятия “человек” – тварное существо, обладающее разумной душой и телом; содержание понятия “Свод законов Российской Федерации” – совокупность взаимосогласованных законов Российской Федерации, являющаяся единственным источником права в пределах ее территории.

Но существуют понятия, о содержании которых можно говорить лишь в условном смысле. Например, понятие “индоевропейские языки”, то есть языки, произошедшие от общего языка-предка, который называется индоевропейским праязыком, не имеет содержания, поскольку сущность как индоевропейских языков, так и праязыка, от которого они произошли, не может быть определена в отношении к понятию “язык человека” как вида к роду. Аналогичным образом обстоит дело с биологическим понятием “вид”, с понятием предмета науки психологии и многими другими, в особенности научными, понятиями.

Под объемом понимается класс предметов, к которым относится понятие.

В объем понятия “человек” входят все существа, признаки которых соответствуют его содержанию, то есть люди. В объем понятия “Свод законов Российской Федерации” не входит ни один объект, поэтому объем этого понятия является нулевым. Но в объем понятия “биологический вид”, как и в объем понятия “индоевропейские языки”, входит множество объектов, хотя в строгом смысле эти понятия представляются бессодержательными.

Соотношение объема и содержания понятия таково, что при расширении содержания уменьшается его объем, при сокращении содержания понятия его объем расширяется. Так, в содержании понятия бытие — все существующее, а объем — совокупность существующих вещей. Если расширить понятие — бытие телесное, то из его объема будут исключены ангелы; если еще расширить содержание: бытие телесное, чувствующее, то из объема будут исключены растения; при дальнейшем расширении содержания: бытие телесное, чувствующее, одушевленное, то объем опять сократится — останется только человек.

^ Объемы субъекта и предиката суждения

Если термин высказывания рассматривается как понятие в полном объеме, то в таком случае он называется распределенным.

Например, в суждении все студенты 2 курса являются успевающими имеется в виду весь состав студентов курса, поэтому мы можем утверждать и о каждом студенте, что он успевающий. Если имеется суждение некоторые студенты 2 курса являются успевающими, то мы не можем утверждать о каждом студенте, успевает он или нет. В первом суждении субъект распределен, а во втором не распределен.

Существует общее правило:

[^]В общих суждениях распределен субъект;

в отрицательных суждениях распределен предикат;

в частных суждениях субъект не распределен.

Из этого правила следует:

[^]В общеутвердительных суждениях субъект распределен, а предикат не распределен.

Но если общеутвердительное суждение обратимо, то есть в нем объемы субъекта и предиката совпадают, то распределены оба термина: все люди являются разумными телесными существами — все разумные телесные существа являются людьми.

[^]В общеотрицательных суждениях субъект и предикат распределены.

В суждении ни один человек не есть безгрешный утверждается нечто как обо всех людях, так и обо всех безгрешных существах (ни одно из них не есть человек).

[^]В частноутвердительных суждениях оба термина не распределены.

Из утверждения, что некоторые из дозволенных вещей полезны, мы не можем ничего заключить ни о любой дозволенной вещи, ни о любой полезной вещи.

[^]В частноотрицательных суждениях субъект не распределен, а предикат распределен.

Из утверждения некоторые из дозволенных вещей не являются полезными мы не можем с определенностью сказать, какие дозволенные вещи не полезны, а какие полезны, но предикат распределен потому, что субъект исключен из всего его объема.

^ Классы понятий

Понятия классифицируются в зависимости от характера значения терминов, то есть слов и словосочетаний, в состав общего значения которых входит и понятийное значение.

Единичными называются понятия, которые относятся к единичным предметам.

Например: автор “Евгения Онегина”; Москва.

Общими называются понятия, которые относятся к классам предметов.

Например: растение, животное, организм, геометрическая фигура.

Общие понятия подразделяются на бесконечные и конечные по объему.

К первым относятся такие понятия, как шар, треугольник, ко вторым – такие, как молекулы во Вселенной, 2-й класс “А” семинарии.

Конечные понятия подразделяются на регистрирующие (2-й класс “А”), то есть реально исчислимые, и неисчислимые (молекулы Вселенной).

Собирательными называются понятия, которые относятся к классу, состоящему из однородных единиц. Например: полк, класс. В собирательном значении могут использоваться и единичные понятия: Государственная Дума как совокупность депутатов. Собирательные понятия относятся не к отдельным предметам класса, но ко всему классу.

Относительными называются понятия, которые могут мыслиться только в отношении к другим.

Например: брат, родители, верх.

Положительными называются понятия, выражающие наличие определенного признака, отрицательными – понятия, выражающие отсутствие признака.

Например: красивый, некрасивый.

Следует отметить, что наличие частиц не- или без- само по себе ничего не говорит о свойстве понятия как положительного и отрицательного. В паре понятий добро и зло первое является положительным, а второе отрицательным; в паре понятий бесконечный и конечный первое также является положительным, а второе отрицательным, так как конечное мыслится как лишенное свойства, то есть ограниченное.

^ Отношения понятий

Основой отношений понятий являются топы, наиболее значимые из которых Аристотель обозначил как категории.

Категории представляются возможными предикатами любого единичного понятия, под которые подходят все мыслимые предметы: 1. сущность, 2. количество, 3. качество, 4. отношение, 5. место, 6. время, 7. положение, 8. обладание, 9. действие, 10. страдание. Категории Аристотеля на самом деле не являются универсальными, поскольку существуют единичные понятия, к которым они не применимы. Например, к понятию числа неприменимо большинство категорий.

Сравнимыми называются понятия, в содержании которых имеются общие признаки. Сравнимые понятия подразделяются на совместимые и несовместимые.

Совместимыми называются понятия, признаки содержания которых одинаковы или дополняют друг друга.

Подчинение понятий представляет собой их соотношение по топу род/вид.

Например: млекопитающее и кошка, еретик и арианин.

Соподчинение понятий представляет собой их соотношение по топам род/вид и признак: отношение двух понятий, входящих в один вид.

Например, способности души: разум, воля и чувства.

Эквивалентные понятия соотносятся по топу тождества. Тождество понятий рассматривается как совпадение их объемов, поэтому эквивалентные понятия в строгом смысле не равнозначны.

Например: существо, способное смеяться; прямоходящий примат, способный создавать орудия труда; телесное существо, одаренное разумом и речью; зверь, которому повелено быть богом = человек.

Несовместимыми называются понятия, которые имеют в своем содержании взаимоисключающие признаки.

Противные (контрарные) понятия относятся к одному классу, то есть обладают общими признаками и между ними возможен постепенный переход.

Например: в звуковой системе русского языка фонемы [а] и [и] находятся в отношении контрарности по признаку подъема, поскольку между ними находятся фонемы [о], [э], [у]. Или: понятия темный и светлый, между которыми также существует ряд переходов.

Противоречащими (контрадикторными) являются понятия, взаимно отрицающие друг друга. Контрадикторные понятия относятся к различным классам.

Например: белый и не-белый. При этом отрицательное понятие пары (не-белый) рассматривается как неопределенное, поскольку о нем известно только, что оно есть не другое, противопоставленное ему.

Пересекающиеся понятия соотносятся таким образом, что их объемы частично совпадают.

Например, монахи и священники: некоторые монахи являются священниками.

Несравнимыми являются понятия, которые не имеют общего родового понятия и потому не установлена возможность их координации или не обнаружены общие для них признаки. По Аристотелю, несравнимыми являются понятия, которые нельзя подвести под одну из категорий.

Например: понятия свобода воли и чашка представляются несравнимыми.

Таким образом, чтобы сравнить любые два объекта, мы должны иметь третий объект, обладающий признаками, общими для двух сопоставляемых объектов и отличающийся от каждого из них, по крайней мере, одним признаком, общим другому (tertium comparationis).

^ Операции с понятиями

^ Определение

Определение (дефиниция)[155] есть суждение посредством которого устанавливаются границы понятия и тождество определяемого термина (субъекта) с определяющим.

Определяемым является понятие, признаки и структура которого устанавливаются.

Определяющим является термин-понятие, посредством которого устанавливается значение определяемого понятия и смысл которого поэтому представляется достоверно известным.

Например: “Под нормою разумеется здесь такое правило, которое, определяя цель человека и средства к достижению ее, дает руководительное указание, куда и как следует направлять жизнь свою”.[156]

Определение является инструментом образования понятий и операций с ними, так как оно позволяет ясно представлять себе, в каком смысле употребляются термины.

Главная задача определения – раскрыть сущность определяемого понятия. Но не всякое понятие может быть определено с точки зрения его сущности, например, понятия зеленого цвета, тождества, материи.

Многие понятия хотя и могут быть, очевидно, определены в принципе (например, понятия биологического вида или индоевропейских языков), но не получают содержательного определения либо в силу неполноты наших знаний, либо в силу сложности содержания, которое подлежит определению, либо в силу различных подходов к изучаемому предмету. Поскольку же рассуждения требуют точности значений терминов, существует несколько способов определения, позволяющих ясно и отчетливо понимать, в каком смысле мы употребляем тот или иной термин.

Классическое реальное определение есть логическая операция, посредством которой устанавливаются существенные черты определяемого предмета и определяемый предмет отличается от любых сходных с ним предметов. Оно состоит в отнесении определяемого к ближайшему роду и в установлении его видового отличия.

Например: квадрат есть равносторонний прямоугольник. Прямоугольник – ближайший род (genus proximum), равносторонний – видовое отличие (differentia specifica). Или: дарохранительница – богослужебный сосуд (ближайший род), в котором хранятся запасные Дары (видовое отличие). Или: “Страсть есть противоестественное движение души (род) по направлению либо к неразумной любви, либо к неразборчивой ненависти, питаемой к кому-либо из-за чего-нибудь чувственного (видовое отличие).”[157]

Однако не всегда ближайший род может быть определяющим, или не всегда целесообразно его использовать в качестве определяющего.

^ Правила определения понятий

^ Определение должно быть соразмерным. Объем определяемого понятия должен быть равным объему определяющего понятия.

Это значит, что понятие должно быть обратимым – не слишком широким и не слишком узким. Определение набедренник есть четверугольное украшение, является слишком широким, так как существуют четверугольные украшения, которые не являются набедренниками. Поэтому определение набедренника должно быть дополнено: набедренник есть четверугольное украшение священнического облачения (знаменующее силу, победу, восстание Христово и чистоту от грехов), которое привешивается на пояс или чреслах.[158] Последнее определение обратимо, поскольку набедренником и только набедренником является то, что содержится в предикате высказывания. Слишком узким будет определение: ектения есть молитва всех присутствующих в храме, содержащая ряд прошений о нуждах христианской жизни, каждое из которых завершается словами «Господи, помилуй», потому что не во всякой ектении прошение завершается этими словами. Правильным, то есть достаточным будет определение: ектения есть молитва всех присутствующих в храме, содержащая ряд прошений о нуждах христианской жизни.

Логическую избыточность или недостаточность определения следует отличать от смысловой избыточности, которая в реальных определениях часто целесообразна, поскольку нужна для понимания сущности определяемого. В приведенном определении набедренника информация о

том, что именно знаменует собой набедренник, с логической точки зрения необходимой не является, потому что для отличения набедренника от других частей священнического облачения достаточно указать на его форму и положение, но для уяснения символического смысла набедренника такая информация существенна.

^а Определение не должно содержать круга, то есть не должно быть тавтологичным.

Например, в определении мировоззрение есть система взглядов на мир содержится такой круг – определяющее представляет собой то же определяемое, лишь выраженное в иной словесной форме. Это определение просто тавтологично. Определение материя есть субстанция (основа) всех вещей и явлений в мире содержит скрытый логический круг, поскольку предполагает, что любой наблюдаемый и ненаблюдаемый, познанный и в принципе могущий быть познанным объект в свою очередь является материальным, ибо нематериальных вещей, в той системе представлений, в которой определено это понятие, не существует.[159]

^а Определение не должно содержать двусмысленных и образных выражений.

Например, выражения человек есть мера всех вещей, книга – источник знаний, роза – королева цветов не являются определениями в логическом смысле, так как не содержат указания на существенные черты определяемых предметов, но лишь характеризуют или оценивают их. Подобные выражения являются изречениями, или “ораторскими определениями”, то есть риторическими фигурами.

^а Определение не должно быть отрицательным.

На одной из научных конференций по экологии после бурных дебатов один из участников в перерыве подошел к другому и спросил: “Все-таки, что же такое экология, профессор?” На что раздраженный оппонент ответил: “Экология – это наука, которой занимаюсь я и которой не занимаетесь Вы, коллега.” В данном случае определение экологии подменено суждением об оппоненте, хотя не исключено, что отличительные признаки экологии при этом заданы необходимым и достаточным образом. Но обычно отрицательное определение, например пальма – дерево, которое в природных условиях не растет в России, не содержит информации о субъекте и не указывает на отличительные его признаки: баобаб не есть пальма, но он также не растет в России.

Отрицательное определение (в таком случае оно является так называемым относительным определением) возможно лишь в случае, если класс объектов, в которые входит определяемое, закрыт и в нем имеются элементы, характеризующиеся соотносительными признаками.

Лингвист может определить немецкую фонему /d/ как переднеязычную смычную неназальную и ненапряженную, поскольку немецкие переднеязычные смычные фонемы /t/ и /n/ соответственно обладают признаками напряженности и назальности, а фонема /d/ характеризуется именно отсутствием напряженности как “немаркированный член оппозиции” /t|d/ и назальности как “немаркированный член оппозиции” /n|d/.

Итак, отрицательные определения возможны лишь в случае, когда мы имеем дело с индивидуальными относительными или общими регистрирующими исчислимыми понятиями.

^а Определение не должно содержать противоречия.

Так, хорошо известное людям старшего поколения определение В. И. Лениным материи: “... философская категория для обозначения объективной реальности, которая дана человеку в ощущениях его, которая копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них”[160] грешит, выражаясь мягко, некоторой противоречивостью. Что и кем нам дано в ощущениях и “фотографируется” – философская категория или объективная реальность? Если материя и есть та самая “объективная реальность”, которая “дана в ощущениях”, то поскольку ощущение есть субъективное состояние психики, то и данное в ощущении, то есть

его содержание, субъективно, поэтому выходит, что материя есть то, что субъективно. И если материя – “объективная реальность, которая дана в ощущениях”, то как быть с объективной реальностью, которая в ощущениях не дана? Если, наконец, материя определяется через ощущение, то каким образом и в каком качестве она мыслится независимо от ощущений? Это определение – поучительный пример того, как не следует давать определения.

Номинальное определение представляет собой раскрытие значения, в котором употребляется термин. Поэтому номинальное определение условно, то есть устанавливает лишь правила, в соответствии с которыми следует употреблять то или иное слово.

Большая часть научных и юридических определений являются номинальными, например: “Совокупность законов, действующих в известном государстве, называется законодательством этого государства”;^[161] “Конституционными называются законы, определяющие основные начала государственного устройства страны и издаваемые особым, осложненным порядком”;^[162] “Мы назовем изучение правил, определяющих предложения языка, его грамматикой, а комбинации символов, образующие грамматические единицы, – его фразами.”^[163]

К номинальному определению приложимы те правила реального определения, которые регулируют его формально-логическую правильность. Но номинальное определение требует строгой последовательности в его использовании.

Часто случается так, что дав номинальное определение, автор затем либо незаконно употребляет понятие в сущностном, но не определенном значении, либо столь же незаконным образом приписывает определенному термину свойства, не содержащиеся в определении. С другой стороны, номинальное определение часто принимают за реальное и незаслуженно критикуют автора за то, что он неверно понимает сущность определяемого предмета, в то время когда речь идет лишь об условном значении, в котором понимается термин.

Так, определение грамматики по Х. Керри, если рассматривать его с точки зрения языковедения, будет выглядеть как совершенно неудовлетворительное, но в пределах логической аксиоматики и теории, развиваемой автором, оно вполне отвечает своему назначению.

^ Деление

Деление есть логическая операция, посредством которой перечисляются подклассы предметов, входящие в объем делимого понятия, то есть отыскиваются понятия, подчиненные данному понятию.

Делимое понятие рассматривается как род. Дано понятие права, которое следует разделить. Введем признак, по которому производится деление (субъективность/ объективность); такой признак называется основанием деления.

“Что такое право?”

Это слово, как известно, принимается в двояком значении: субъективном и объективном. Субъективное право определяется как нравственная возможность, или иначе, как законная свобода что-либо делать или требовать. Объективное право есть самый закон, определяющий эту свободу. Соединение обоих смыслов дает нам общее определение: право есть свобода, определяемая законом. И в том, и в другом смысле речь идет только о внешней свободе воли; поэтому полнее и точнее можно сказать, что право есть внешняя свобода человека, определяемая общим законом.”^[164]

Приведенный пример показывает, что смысл деления понятия не сводится к простому перечислению видов какой-либо родовой категории, но состоит в выяснении соотношения объема и содержания понятия: определение права требует уточнения и выяснения, поэтому Б. Н. Чичерин сначала устанавливает признак деления, производит деление и дает определения видов права, то есть осуществляет анализ, а затем синтезирует общее понятие права исходя из его видов.

^ Правила деления понятия

^а Деление должно быть соразмерным: объем делимого понятия должен быть равен сумме объемов членов деления. Это значит, что совокупность членов деления покрывает делимое понятие.

“Права и обязанности могут возникать: 1) из отношений одного члена общества к другим членам; 2) из отношений членов общества к своему обществу; 3) из отношений самого общества к другим, какие могут существовать, обществам. На этом основании можно всегда различать три рода прав и обязанностей в обществе: 1) права и обязанности частные; 2) права и обязанности общественные внутренние; 3) права и обязанности общественные внешние.”[165]

В примере понятие власти (толкуемое как соотношение права и обязанности) разделяется по отношениям субъектов; эти отношения оказываются исчерпывающими.

^а Деление должно производиться по единому основанию. Это значит, что признак, лежащий в основании деления, является постоянным. Классический пример ошибки основания деления: Обувь бывает мужская, женская и сезонная.

“Международные договоры – записанные, закрепленные, официально зафиксированные соглашения между двумя или более государствами о взаимных правах и обязанностях в политических, экономических или иных отношениях...”

По числу участников международные договоры делятся на двусторонние, групповые и многосторонние, или всеобщие, причем групповые договоры с географически ограниченным кругом участников часто называют «региональными».

По порядку присоединения к договору, обычно связанному с общим и конкретным его содержанием, международные договоры делятся на открытые (договоры-законы) и закрытые (договоры-сделки). К открытому договору могут присоединиться все страны, тогда как к закрытому договору другие страны могут присоединиться лишь с разрешения основных участников.”[166]

Понятие международного договора является сложным, и классификация договоров по одному основанию затруднительна. Поэтому авторы словаря последовательно вводят различные основания деления, каждый раз сохраняя принцип единства основания. Кроме того, в качестве дополнительных характеристик разновидностей договоров используются и другие признаки, входящие в содержание понятия договора, но они не влияют на ход деления понятия.

^а Члены деления должны исключать друг друга. При делении должны получаться отдельные соподчиненные понятия, которые находятся в отношении строгой дизъюнкции и, в свою очередь, могут получить соотносимые определения. Это условие выполняется только в случае, если классы объектов, входящие в объемы частей деления, не содержат общих членов. Типичная ошибка: литераторы подразделяются на поэтов, прозаиков и критиков — не литераторы, а литературные произведения могут быть подразделены таким образом; писатель-прозаик может одновременно быть и критиком, и поэтом.

“Права и обязанности, определяемые или охраняемые законами, суть или государственные внутренние или гражданские, или государственные внешние (права и обязанности между народами). Поэтому и законы разделяются на законы: 1) государственные (внутренние), гражданские, 2) законы союза народов или право народное (законы государственные внешние).”[167]

^а Деление должно быть непрерывным. Непрерывность деления означает, что каждая последующая его ступень включает ближайший низший род. Пример скачка в делении: предложения бывают простые, бессоюзные, сложносочиненные и сложноподчиненные. Предложения бывают простые и сложные; сложные предложения бывают бессоюзными и союзными; союзные предложения бывают с сочинительной и с подчинительной связью.

^ Классификация

Классификация есть распределение предметов мысли по разрядам на основе общего переменного признака.

Отличие классификации от деления понятия состоит в том, что в основе классификаций лежат признаки, которые не обязательно включены в содержание понятий, причем это могут быть и внешние, произвольные признаки. В зависимости от того, какие признаки лежат в основании классификации и каким способом классифицируются предметы, классификации бывают естественными и искусственными.

Естественной является классификация на основе деления понятия или по эмпирическим признакам.

Такова, например, генетическая классификация языков, в которой выделяются семьи родственных языков, представляющих собой развитие одного языка, который называется праязыком и реконструируется на основе закономерных сходств и различий родственных языков. Установлены семьи индоевропейских, афразийских (семито-хамитских), тунгусо-маньчжурских, тюркских, монгольских, картвельских, абхазо-адыгских языков и другие группировки, включающие языки, родство которых научно доказано. Родство между отдельными семьями языков научно не доказано, но носит гипотетический характер.

Внутри семей языков выделяются группы, то есть совокупности языков, обладающие более близким родством и восходящие к промежуточным праязыкам. Так, в индоевропейской семье выделяются анатолийская, индоарийская, нуристанская, иранская, тохарская, армянская, фригийская, фракийская, иллирийская, албанская, греческая, итальянская (и романская), кельтская, германская, балтийская, славянская группы.

В свою очередь, в составе групп выделяются подгруппы. В группе славянских языков можно выделить следующие подгруппы: восточнославянскую (русский, белорусский, украинский); южнославянскую (болгарский, македонский, сербохорватский, словенский, старославянский); западнославянскую (чешский, словацкий, польский, кашубский, серболужицкий, полабский[168] и поморский[169]).

Как видно из приведенного списка, языки объединяются в подгруппы, группы и семьи по эмпирическому принципу, поскольку общность происхождения для каждой группы языков устанавливается наукой на основе тех эмпирических признаков, которыми обладают именно данные языки: для славянских языков эти признаки будут одними, а для германских или кельтских – другими. Но внутри каждой такой группировки (единицы классификации – таксона[170]) признаки родства, тем не менее, являются постоянными. Таким образом, получается естественная многоуровневая классификация.

К искусственным относятся классификации по внешним произвольным признакам, наиболее распространенной является алфавитная классификация, которая представляет собой простое распределение объектов независимо от их свойств, например, по алфавиту.

Построение классификаций может быть различным. Наиболее распространенными являются дихотомические (двоичные) и десятичные классификации.

Дихотомические классификации создаются путем выделения на каждом шаге признака, которому противопоставляется отсутствие признака. В рассмотренной выше классификации звуков языка таким признаком была гласность звука, следовательно, получаются два класса звуков – гласные и не-гласные; далее в составе не-гласных звуков выделяются согласные и остаются не-согласные (=полугласные) звуки. Получается:

Десятичная классификация, основы которой разработаны в начале XX века американским философом М. Дьюи, основана на принципе, в соответствии с которым каждый класс, выделяемый на основе какого-либо признака, делится на десять подклассов. Каждый подкласс, в свою очередь,

делится на десять подразделов и т. д. Десятичный принцип лежит в основании универсальной десятичной классификации знаний (УДК), которая принята в различных вариантах во всех странах мира. Основными разрядами УДК являются: 0. – обозначение всего комплекса знаний, общий отдел; 1. – философия; 2. – религия; 3. – социальные науки; 4. – филология; 5. – точные науки; 6. – прикладные науки; 7. – искусство; 8. – литература; 9. – история и география. Более низкие разряды индексируются последовательностью чисел: 3.0. – социология; 3.1. – статистика и т. д.

^ Умозаключение

Умозаключение есть ход мысли, посредством которого из исходных данных выводится новое знание.

С формальной стороны умозаключение представляет собой связь двух или более суждений, из которой следует новое суждение. Например: если все люди разумны, то и Сократ разумен.

Умозаключение является схемой аргумента, поэтому оно включает главные составляющие аргумента:

1. посылки (предпосылки) – суждения, содержащие исходное знание (все люди разумны);
2. обосновывающее знание – правило построения умозаключения (например, если истинно общее суждение, то истинно подчиненное ему частное суждение);
3. вывод или заключение, содержащий новое знание (Сократ разумен).

Существуют два рода умозаключений: с одной посылкой (непосредственное умозаключение) и с несколькими посылками. Умозаключения с несколькими посылками бывают дедуктивными, традуктивными, индуктивными, аналогическими. В умозаключениях непосредственных, дедуктивных и традуктивных, если они построены по определенным правилам, из истинных посылок с необходимостью следует истинный вывод. В умозаключениях индуктивных и аналогических из посылок следует только вероятный вывод.

^ 1. Непосредственные умозаключения

Умозаключения с одной посылкой основаны на рассмотренном выше логическом квадрате: выводное суждение соотносится с посылкой как подчиненное, противоположное (контрарное, контрадикторное), обращенное (отношение контрапозиции). Правильность непосредственных умозаключений очевидна, поэтому они задаются как отношения с примерами, где малые латинские буквы a, i, e, o означают соответствующие виды суждений, заглавные латинские буквы S и P – субъект и предикат, символ $\neg$ – отрицание, а символ $\rightarrow$ – отношение следования “если... то.”

Умозаключения подчинения.

$SaP \rightarrow SiP$ – если все люди разумны, то и некоторые люди разумны.

$SeP \rightarrow SoP$ – если ни один человек не разумен, то и некоторые люди не разумны.

$\neg SiP \rightarrow \neg SaP$ – если неверно, что некоторые люди разумны, то неверно, что все люди разумны.

$\neg SoP \rightarrow \neg SeP$ – если неверно, что некоторые люди неразумны, то неверно, что все люди неразумны.

Умозаключения противоположности.

$SaP \rightarrow \neg SeP$ – если все люди разумны, то неверно, что ни один человек не разумен.

$SaP \rightarrow \neg SoP$ – если все люди разумны, то неверно, что некоторые люди не разумны.

$\neg SaP \rightarrow SoP$ – если неверно, что все люди разумны, то верно, что некоторые люди не разумны и т. д.

^ Обращение и контрапозиция суждений

Обращение есть такое преобразование суждения, или умозаключение, при котором предикат исходного высказывания становится субъектом обращенного, а, соответственно, субъект исходного становится предикатом обращенного.

Наиболее важные умозаключения обращения – следующие:

$SeP \rightarrow PeS$ – если ни один человек не разумен, то ни одно разумное существо не есть человек;

$SaP \rightarrow PiS$ – если все люди разумны, то некоторые разумные существа суть люди;

$SiP \rightarrow PiS$ – если некоторые разумные существа суть люди, то некоторые люди суть разумные существа.

Контрапозиция есть такое преобразование суждения, при котором понятие, противоречащее предикату (разумный – неразумный), занимает место субъекта, а понятие, противоречащее субъекту (человек – нечеловек), – занимает место предиката.

$SaP \rightarrow \neg Pa\neg S$ – все люди разумны, следовательно, все то, что есть не разумное существо, есть не человек.

^ 2. Силлогизм

Силлогизмом называется умозаключение, в котором из двух суждений (одно из них является общеутвердительным или общеотрицательным), связанных общим термином, с необходимостью следует вывод. Пример силлогизма:

Все люди разумны,

Все дети – люди,

Следовательно, все дети разумны

В силлогизме различаются бóльший, средний и мéньший термины, входящие в посылки.

Субъект вывода (дети) называется мéньшим термином.

Предикат вывода (разумны) называется бóльшим термином.

Термин, который не входит в вывод, но связывает посылки (люди), называется средним термином.

Меньший и больший термин вместе называются крайними терминами.

Соответственно, посылка, в которую входит бóльший термин (все люди разумны), называется бóльшей посылкой.

Посылка, в которую входит меньший термин (все дети – люди), называется мéньшей посылкой.

^ Материя и форма силлогизма

Рассмотренный выше силлогизм состоит из истинных посылок, которые приводят к истинному заключению. Но посылка или посылки силлогизма могут быть ложными суждениями, например:

Все млекопитающие имеют жабры;

Лягушки имеют жабры;

Следовательно, лягушки – млекопитающие.

Несмотря на ложность вывода, сам по себе силлогизм является правильным, так как он имеет следующую структуру или форму:

MaP

SaM

SaP,

где P – больший термин; M – средний термин; S – меньший термин. Меньший термин является субъектом меньшей посылки и субъектом вывода. Средний термин является предикатом меньшей посылки и субъектом большей. Больший термин является предикатом большей посылки и предикатом вывода. Это значит, что меньший термин включен в объем среднего термина, средний термин включен в объем большего термина, поэтому меньший термин с необходимостью включен в объем большего термина.

Если под материей силлогизма понимать значение терминов и входящих в силлогизм суждений, а под формой – строение силлогизма, соотношение терминов, посылок и вывода, то формальная правильность силлогизма не зависит от его материи.

Аксиома силлогизма – принцип, в соответствии с которым строятся отношения между терминами в силлогизме.

То, что утверждается или отрицается относительно целого класса, утверждается или отрицается относительно любого индивидуального предмета, входящего в данный класс.

^ Правила силлогизма

Правила построения силлогизма подразделяются на две группы – правила терминов и правила посылок.

Правила терминов.

1. В каждом силлогизме должно быть три и только три термина.

Это значит, что средний термин силлогизма, связывающий посылки, должен быть одним и тем же в большей и меньшей посылках, то есть должен выражать одно и то же понятие. В противном случае происходит так называемое счетверение терминов: значения терминов подменяются и посылки, по видимости связанные общим термином, на самом деле оказываются разорванными. Рассмотрим пример:

Все мыши – грызуны;

Некоторые компьютеры управляются посредством мыши;

Следовательно, некоторые компьютеры управляются посредством грызунов.

В этом силлогизме не три, а четыре термина, поскольку слово *мышь* — животное является омонимом слова *мышь*, обозначающего инструмент управления компьютером.

2. Средний термин должен быть распределен по крайней мере в одной из посылок.

Это значит, что он должен быть либо субъектом общеутвердительного, либо предикатом общеотрицательного суждения.

Рассмотрим пример:

Все люди (P) разумны (M);

Данное существо (S) разумно (M).

Вывод сделать нельзя, потому что средний член является предикатом общего и индивидуального суждения и поэтому ни в большей, ни в меньшей посылке не распределен. Иными словами, исходя из разумности данного существа мы не можем с определенностью утверждать, является ли оно человеком.

Если же мы построим силлогизм следующим образом (допуская истинность посылок):

Ни один человек не разумен;

Данное существо разумно;

то вывод получится:

данное существо не человек.

В этом примере мы в качестве большей посылки взяли общеотрицательное суждение, в котором распределен предикат.

3. Термин, не распределенный в посылках, не может быть распределен в выводе.

Рассмотрим пример:

Все люди (M) – разумны (P);

Это существо (S) не человек (M).

Вывод, что это существо неразумно, сделать нельзя, ибо существуют разумные существа ангелы, которые людьми не являются. Большой термин не распределен в посылке, а в предполагаемом выводе распределен (как предикат отрицательного суждения), поэтому заключение не получается.

^ Правила посылок

4. Из двух частных посылок нельзя сделать вывод.

Пример:

Некоторые люди (M) – разумны (P);

Некоторые существа (S) – люди (M).

Вывод не получается, потому что классы объектов, входящих в понятия некоторых существ, людей и разумных существ, могут не иметь общих членов.

5. Из двух отрицательных посылок нельзя сделать вывод.

Пример:

Ни один учащийся академии (M) не является студентом университета (P);

Ни один учащийся семинарии (S) не является учащимся академии (M).

Из этих посылок невозможно заключить об отношении учащихся семинарии к студентам университета, поскольку субъекты отрицательных посылок не распределены и мы не знаем, как соотносятся классы, образуемые меньшим, средним и большим терминами.

6. Из двух утвердительных посылок нельзя сделать отрицательный вывод.

Теория силлогизма имеет дело с суждениями принадлежности. Если мы утверждаем что-либо, то и устанавливаем такое отношение между классами, что один из них полностью или частично включается в другой. Если мы отрицаем что-либо, то устанавливаем, что один класс объектов полностью или частично не входит в другой.

Так, если мы утверждаем, что все или некоторые люди разумны, то получаем следующие ситуации. ®

Если мы отрицаем, что все или некоторые люди разумны, то есть утверждаем, что все или некоторые люди неразумны, то получаем следующие ситуации.

®

Это значит, что если субъект не включается в область P, то он обязательно включается в область не-P и не может одновременно включиться в обе эти области или в какую-либо третью область. Поэтому если объем среднего термина включен в объем среднего термина, а объем меньшего термина включен в объем большего термина, то и меньший термин должен включаться в больший. Средний термин соединяет больший и меньший в посылках и не может разъединять их в выводе. Общая ситуация с положительными посылками имеет следующий вид:

Все люди (M) разумны (P);

Сократ (S) – человек (M);

Следовательно, Сократ разумен.

7. При одной отрицательной посылке вывод не может быть утвердительным суждением.

Рассмотрим пример:

Все люди (P) разумны (M);

Это существо (S) не разумно (M).

Положительный вывод – это существо человек был бы ошибочным; вывод получается только отрицательный: это существо не человек.

^ Фигуры силлогизма

Если рассмотреть все возможные комбинации суждений А I E O в силлогизме, то их получится 64, но правилам силлогизма отвечают лишь некоторые из них – всего 11: AAA, AAI, AEE, AEO, AII, AOO, EAE, EAO, EIO, IAI, OAO. Однако соотношение посылок и вывода зависит не только от состава суждений, но и от места среднего термина.

Фигурой силлогизма называется форма соотношения посылок и вывода, определяемая положением среднего термина.

Существуют четыре фигуры силлогизма, каждая из которых характеризуется определенной схемой соотношения крайних и среднего терминов. Из этих фигур только первая является “совершенной”, так как к силлогизмам первой фигуры сводятся (редуцируются) силлогизмы всех остальных фигур.

I фигура.

В первой фигуре средний термин является субъектом меньшей посылки и предикатом большей.

Пример первой фигуры:

Все студенты 2 курса (M) семинарии успевают (P);

Иванов (S) является студентом 2 курса семинарии (M);

Следовательно, Иванов (S) является успевающим студентом (P).

II фигура.

Во второй фигуре средний термин является предикатом в обеих посылках.

Пример второй фигуры:

Все студенты 2 курса (P) успевают (M);

Иванов (S) не успевает (M);

Следовательно, Иванов (S) не является студентом 2 курса (P).

III фигура.

В третьей фигуре средний термин является субъектом в обеих посылках.

Пример третьей фигуры:

Все студенты 2 курса (M) успевают (P);

Все студенты 2 курса (M) поют в хоре (S):

Следовательно, некоторые, поющие в хоре (S), являются успевающими студентами (P).

IV фигура.

В четвертой фигуре средний термин является предикатом большей посылки и субъектом меньшей.

Пример четвертой фигуры:

Все студенты 2 курса (P) успевают (M);

Ни один успевающий студент (M) не пересдает экзамены (S):

Следовательно, ни один пересдающий экзамены студент (S) не есть студент 2 курса (P).

^ Модусы фигур силлогизма

Если указанные выше 11 правильных сочетаний суждений в силлогизме рассмотреть во всех фигурах силлогизма, то должно получиться 44 возможных сочетания суждений, но правилам силлогизма из этих 44 сочетаний соответствуют только 19.

Такие правильные сочетания видов суждений в силлогизме называются модусами фигур силлогизма.

Модусы фигур силлогизма принято записывать специальными словами-формулами, гласные буквы которых символизируют виды высказываний, а начальные согласные буквы – отношения (так называемые редукции) модусов различных фигур.

Примеры модусов.

I фигура:

Модус Барбага: обе посылки и вывод являются общеутвердительными суждениями.

Пример:

Все студенты семинарии изучают Священное Писание;

Все студенты 2 курса являются студентами семинарии;

Следовательно, все студенты 2 курса изучают Священное Писание.

Модус Celarent: большая посылка является общеотрицательным суждением, меньшая – общеутвердительным, а вывод – общеотрицательным.

Пример:

Ни один студент семинарии не является студентом университета;

Все студенты 2 курса являются студентами семинарии;

Следовательно, ни один студент 2 курса не является студентом университета.

Модус Darii: большая посылка является общеутвердительным суждением, а меньшая посылка и вывод – частноутвердительными.

Пример:

Все студенты 2 курса изучают риторику;

Иванов – студент второго курса;

Следовательно, Иванов изучает риторику.

Модус Ferio: большая посылка является общеотрицательным суждением, меньшая – частноутвердительным, вывод – частноотрицательным.

Пример:

Ни один студент семинарии не является студентом университета;

Некоторые молодые люди являются студентами семинарии;

Следовательно, некоторые молодые люди не являются студентами университета

При этом соотношение крайних терминов таково, что некоторые молодые люди могут быть студентами университета.

Правила первой фигуры:

меньшая посылка является утвердительной;

бóльшая посылка является общей.

II фигура:

Модус Cesage: большая посылка является общеотрицательным суждением, меньшая посылка – общеутвердительным, а вывод – общеотрицательным.

Пример:

Ни один православный не является протестантом;

Все англикане являются протестантами;

Следовательно, ни один англиканин не является православным.

Модус Satestres: большая посылка является общеутвердительным суждением, меньшая посылка и вывод являются общеотрицательными суждениями.

Пример:

Всякое действие, подлежащее нравственной оценке, предполагает свободу воли;

Отправления организма независимы от воли;

Следовательно, отправления организма не подлежат нравственной оценке.

Модус Festino: большая посылка является общеотрицательным суждением, меньшая посылка – общеутвердительным, а вывод – частноотрицательным. Иными словами, вывод является обращением вывода модуса Ferio.

Пример:

Ни один студент семинарии не является студентом университета;

Некоторые молодые люди являются студентами университета;

Следовательно, некоторые молодые люди не являются студентами семинарии.

Модус Вагоко: большая посылка является общеутвердительным суждением, меньшая посылка и вывод – частноотрицательными.

Пример:

Все христиане считают для себя обязательным жить по правилам Церкви;

Некоторые люди, называющие себя христианами, не считают для себя обязательным жить по правилам Церкви;

Следовательно, некоторые люди, называющие себя христианами, таковыми не являются.

Правила второй фигуры:

одна из посылок является отрицательным суждением,

вывод является отрицательным суждением,

большая посылка является общим суждением.

III фигура:

Модус Dagarti: большая и меньшая посылки являются общеутвердительными суждениями; вывод является частноутвердительным суждением.

Пример:

Все люди являются разумными существам;

Все люди являются теплокровными животными;

Следовательно, некоторые теплокровные животные являются разумными существами.

Модус Disamis: большая посылка и вывод – частноутвердительные суждения, меньшая посылка – общеутвердительное суждение.

Пример:

Некоторые люди занимаются логикой;

Все люди – разумные существа;

Следовательно, некоторые разумные существа занимаются логикой.

Модус Datisi: большая посылка является общеутвердительным суждением, меньшая посылка и вывод – частноутвердительными.

Пример:

Все люди разумны;

Некоторые люди занимаются логикой;

Следовательно, некоторые существа, занимающиеся логикой, разумны.

Модус Felapton: большая посылка является общеотрицательным суждением, меньшая посылка – общеутвердительным, вывод – частноотрицательное суждение.

Пример:

Ни один студент университета не является студентом семинарии;

Студенты университета являются разумными существами;

Следовательно, некоторые разумные существа не являются студентами семинарии.

Модус Bokardo: большая посылка и вывод – частноотрицательные суждения, меньшая посылка – общеутвердительное суждение.

Пример:

Некоторые люди не занимаются логикой;

Все люди – разумные существа;

Следовательно, некоторые разумные существа не занимаются логикой.

Модус Ferison: большая посылка – общеотрицательное суждение, меньшая посылка – частноутвердительное суждение, вывод – частноотрицательное суждение.

Пример:

Ни один женатый не является монахом;

Некоторые женатые люди являются священниками;

Следовательно, некоторые священники не являются монахами.

Правила третьей фигуры:

меньшая посылка является утвердительным суждением;

вывод является частным суждением.

IV фигура:

Модус Bramantip: большая и меньшая посылки являются общеутвердительными суждениями, а вывод – частноутвердительным, при этом средний термин – субъект меньшей и предикат большей посылки. Как и все остальные модусы IV фигуры, Bramantip является искусственным и не несет существенной информации, поскольку более сильный вывод получается из соответствующего модуса первой фигуры; иногда Bramantip обозначается как Barbari.

Пример: [171]

Все явления природы причинно обусловлены;

Все причинно обусловленные явления воспринимаются как естественные;

Следовательно, некоторые явления, воспринимаемые как естественные, суть явления природы.

Модус Сатепес: большая посылка – общеутвердительное суждение, меньшая посылка и вывод – общеотрицательные.

Пример:

Всякое зло этой жизни есть зло преходящее;

Никакого преходящего зла не следует бояться;

Следовательно, никакое зло, которого следует бояться, не есть зло этой жизни.

Модус Dimaris: Большая посылка и вывод – частноутвердительные суждения, меньшая посылка – общеутвердительное суждение.

Пример:

Есть безумцы, которые говорят истину;

Всякий говорящий истину заслуживает того, чтобы к нему прислушивались;

Следовательно, некоторые люди, которые заслуживают того, чтобы к ним прислушивались, безумны.

Модус Fesapo: большая посылка – общеотрицательное суждение, меньшая – общеутвердительное суждение, вывод – частноотрицательное суждение.

Пример:

Ни одна добродетель не есть прирожденное свойство;

Всякое прирожденное свойство дается Богом;

Следовательно, существуют свойства, которые даются Богом и не являются добродетелями.

Модус Fresison: большая посылка – общеотрицательное суждение, меньшая посылка – частноутвердительное суждение, вывод – частноотрицательное суждение.

Пример:

Ни один римо-католик не является православным;

Некоторые православные люди – французы;

Следовательно, некоторые французы не являются римо-католиками.

Правила четвертой фигуры:

если бóльшая посылка является утвердительным суждением, то меньшая посылка является общим суждением;

если мёньшая посылка является утвердительным суждением, то вывод является частным суждением,

в отрицательных модусах бóльшая посылка является общим суждением.

^ Редукция фигур силлогизма

Фигуры силлогизма неравноценны. Основными являются два первых модуса первой фигуры, к которым могут быть сведены все остальные правильные силлогизмы. В обозначении фигур силлогизма показано, каким модусам первой фигуры соответствуют модусы других фигур.

Первые буквы В, С, D, F указывают соответствия модусов; буква s указывает, что предшествующее суждение при сведении подвергается обращению, буква р указывает на ограничение суждения, обозначенного предшествующей гласной, буква m указывает на перемещение посылок, буква k указывает, что данные модусы (Baroko и Bokardo) сводятся к модусу Barbara посредством операции, называемой приведением к абсурду (reductio ad absurdum).

Рассмотрим примеры.

Cesare.

Ни один православный (P) не является протестантом (M),

Все англикане (S) – протестанты (M),

Следовательно, ни один англиканин не является православным.

Как указывает первая буква, Cesare редуцируется к Celarent:

Буква С в слове Catestres указывает на то, что в первой фигуре ему соответствует Celarent, а буква s указывает на обращение большей посылки ни один православный не является протестантом ни один протестант не является православным.

Получается следующий силлогизм:

е Ни один протестант (M) не является православным (P),

а Все англикане (S) – протестанты (M),

е Ни один англиканин (S) не является православным (P).

Рассмотрим обращение силлогизма третьей фигуры Ferison в силлогизм первой фигуры Ferio.

Ни один женатый (M) не является монахом (P),

Некоторые женатые люди (M) являются священниками (S),

Некоторые священники не являются монахами.

Согласно правилу меньшая посылка должна быть обращена: $PiS \leftrightarrow SiP$: некоторые женатые люди являются священниками $\rightarrow$ некоторые священники являются женатыми людьми:

Получаем:

Ни один женатый человек (M) не является монахом (P),

Некоторые священники (S) являются женатыми людьми (M);

Следовательно, некоторые священники (S) не являются монахами (P).

Рассмотрим редукцию с перестановкой посылок.

Дан силлогизм модуса Вгатапир:

Все явления природы (P) причинно обусловлены (M);

Все причинно обусловленные явления (M) воспринимаются (S) как естественные;

Следовательно, некоторые явления, воспринимаемые как естественные (S), суть явления природы (P).

Получаем:

Все причинно обусловленные явления (M) воспринимаются как естественные (P),

Все явления природы (S) являются причинно обусловленными (P);

Все явления природы (S) воспринимаются как естественные (P).

После перестановки посылок при этой редукции делается и обращение вывода (на что указывает буква р): в данном случае вывод по модусу Вабага позволяет сделать более сильное утверждение, чем то, которое допускается правилом обращения

$(SiP \leftrightarrow PiS): SiP \rightarrow PaS$.

Рассмотрим сведение к абсурду. Таким образом к модусу Вабага сводятся силлогизмы модусов Вагоко и Вокардо.

Возьмем силлогизм по модусу Вагоко:

Все христиане считают для себя обязательным жить по правилам Церкви;

Некоторые люди, называющие себя христианами, не считают для себя обязательным жить по правилам Церкви;

Следовательно, некоторые люди, называющие себя христианами, таковыми не являются.

Если отрицать справедливость вывода, то получится суждение все люди, называющие себя христианами, являются таковыми – условно примем его как истинное. Сделав это суждение меньшей посылкой (поскольку к указывает на меньшую посылку), получим следующий силлогизм по модусу Barbara:

Все христиане (P) считают для себя обязательным жить по правилам Церкви (M);

Все люди, называющие себя христианами (S), являются христианами (M);

Все люди, называющие себя христианами (S), считают для себя обязательным жить по правилам Церкви (P).

Но полученный вывод противоречит с принятой меньшей посылкой: некоторые люди, называющие себя христианами, не считают для себя обязательным жить по правилам Церкви. Поскольку эти суждения противоречат друг другу, истинность допущенного положения следует отвергнуть на основе закона тождества. Это значит, что возражение против вывода первого силлогизма абсурдно.

^ Полисиллогизм

Реальные рассуждения и доказательства обыкновенно не сводятся к одному силлогизму, но представляют собой последовательности связанных различными способами умозаключений.

Последовательности или цепочки силлогизмов, в которых выводы предыдущих являются посылками последующих, называются полисиллогизмами.

Рассмотрим пример:

Все тварные существа незначительны;

Живые организмы суть тварные существа;

Следовательно, живые организмы незначительны.

Живые организмы незначительны;

Позвоночные суть живые организмы;

Следовательно, позвоночные незначительны.

Позвоночные незначительны;

Теплокровные суть позвоночные;

Следовательно, теплокровные незначительны.

Теплокровные незначительны;

Человек есть теплокровное;

Следовательно, человек небезначален.

Существуют два вида полисиллогизмов – прогрессивные и регрессивные.

В прогрессивных полисиллогизмах вывод каждого предыдущего силлогизма является большей посылкой последующего (приведенный выше пример – прогрессивный полисиллогизм). В регрессивных полисиллогизмах вывод предыдущего является меньшей посылкой последующего:

Все люди разумны;

Все студенты люди;

Следовательно, все студенты разумны.

Все разумные существа одарены свободной волей;

Все студенты разумные существа;

Следовательно, все студенты одарены свободой воли.

Все одаренные свободой воли существа отвечают за свои поступки;

Студенты одарены свободой воли;

Следовательно, студенты отвечают за свои поступки.

^ 3. Условные и разделительные умозаключения

Условно-категорическое умозаключение

Условно-категорическим называется умозаключение, одна из посылок которого является условным суждением, а другая посылка и вывод – категорическими суждениями.

Условное суждение имеет форму: если А есть В, то С есть D, например: если Земля вращается вокруг своей оси, то происходит смена дня и ночи. Первое суждение есть основание (антецедент), а второе – следствие (консеквент).

Существуют два модуса условно-категорических умозаключений. Первый из них называется modus ponens, то есть устанавливающий, утверждающий, конструктивный модус; второй называется modus tolens, то есть разрушающий, отрицающий, деструктивный модус.

Конструктивный модус имеет следующий вид.

Если А есть В, то С есть D;

А есть В;

Следовательно, С есть D.

Например:

Если Земля вращается вокруг Солнца, то происходит смена дня и ночи;

Земля вращается вокруг Солнца;

Следовательно, происходит смена дня и ночи.

^аВ условно-категорическом умозаключении в конструктивном модусе утверждается антецедент.

Это правило связано с тем, что при несовместимых суждениях-антецедентах, одно из которых ложно, возможно истинное заключение: если Земля вращается вокруг Солнца, то происходит смена дня и ночи, если Солнце вращается вокруг Земли, то происходит смена дня и ночи, поэтому нельзя сделать заключение: происходит смена дня и ночи, следовательно, Земля вращается вокруг Солнца.

Деструктивный модус имеет следующий вид.

Если А есть В, то С есть D;

С не есть D;

Следовательно, А не есть В.

^аВ условно-категорическом умозаключении в деструктивном модусе отрицается консеквент.

При отрицании следствия любой из возможных в принципе альтернативных антецедентов окажется ложным: если смены дня и ночи не происходит, то Земля не вращается вокруг Солнца и Солнце не вращается вокруг Земли.

Если человек есть мера всех вещей, то принципы нравственности условны;

Принципы нравственности не условны;

Следовательно, человек не есть мера всех вещей.

Рассмотрим, однако, следующие умозаключения, которые иногда подводят преподавателя:

*Если студент слушает лекции, то он приобретает необходимые познания;

Студент N слушал лекции;

Следовательно, он приобрел необходимые познания.

Или:

*Если студент слушает лекции, то он приобретает необходимые познания;

Студент N не приобрел необходимых познаний;

Следовательно, он не слушал лекции.

Понятно, что оба они могут оказаться ложными, ибо не всякий, кто слушает лекции, понимает их.

^а Условием истинности условно-категорического умозаключения является наличие в качестве посылок так называемых невыделяющих суждений, удовлетворяющих условию если и только если.

Итак, доказательным (при условии истинности большей посылки) будет следующее рассуждение:

Если и только если студент слушает лекции, он приобретает необходимые познания;

Студент N не приобрел необходимых познаний;

Следовательно, он не слушал лекций.

^ Разделительное умозаключение

Разделительным называется умозаключение, одна из посылок которого является разделительным суждением, а другая посылка и вывод являются категорическими суждениями.

Разделительное умозаключение является правильным при определенных условиях, а именно:

- части разделительного умозаключения в посылке находятся в отношении исключающего разделения (строгой дизъюнкции);
- части разделительного суждения в посылке исчерпывают объем делимого понятия.

Разделительное умозаключение существует в двух модусах: modus ponendo tolens – положительно-отрицательный, modus tollendo ponens – отрицательно-положительный.

Modus ponendo tolens представляет собой умозаключение, большая посылка которого является разделительным суждением, меньшая – утвердительным суждением, а вывод – отрицательным суждением.

Каждое А есть либо В, либо С;

А есть В;

Следовательно, А не есть С.

Например:

Все разумные тварные существа суть либо ангелы, либо люди;

Данное существо есть человек;

Следовательно, оно не есть ангел.

Как было отмечено выше, разделительное суждение должно быть исключающим, а объем членов суждения должен совпадать с объемом делимого понятия.

Студент N не сдал экзамен либо по болезни, либо по нерадению, либо в силу отсутствия на занятиях;

Студент N отсутствовал на занятиях.

Вывод сделать нельзя, поскольку и то, и другое, и третье могло оказаться причиной недостаточной подготовки студента N; кроме того, студент мог не сдать экзамен и по иной причине, которая не указана в разделительном суждении.

Modus tollendo ropens представляет собой умозаключение, большая посылка которого является разделительным суждением, меньшая – отрицательным суждением, а вывод – положительным суждением.

Каждое A есть либо B, либо C;

Данное A не есть B;

Следовательно, данное A есть C.

Например:

Все сущее есть или тварное, или нетварное;

Человек не есть нетварное существо;

Следовательно, человек есть тварное существо.

^ Условно-разделительное умозаключение

Условно-разделительным (леммой) называется умозаключение, в котором одна посылка – разделительное суждение, а другие посылки, число которых равно числу членов деления, являются условными суждениями.

По числу членов деления оно называется дилеммой, трилеммой. Условно-разделительные умозаключения существуют в простом и сложном модусах.

Простой modus ropens (конструктивный) представляет собой условно-разделительное умозаключение, посылки и вывод которого являются положительными суждениями:

Каждое A есть либо B, либо C;

Если A есть B, то A есть D;

Если A есть C, то A есть D;

Следовательно, A есть D.

Пример:

Всякий грешник является либо блудником, либо лихоимцем, либо сребролюбцем, либо славолубцем;

Если грешник блудник, то он и нечестивец;

Если грешник лихоимец, то он и нечестивец;

Если грешник сребролюбец, то он и нечестивец;

Если грешник славолубец, то он и нечестивец;

Следовательно, всякий грешник – нечестивец.

Простой *modus tollens* (деструктивный) представляет собой условно-разделительное умозаключение, меньшие посылки и вывод которого являются отрицательными суждениями.

Если А есть В, то А есть D;

Если А есть В, то А есть F;

Но А не есть D, либо А не есть F;

Следовательно, А не есть В.

Пример:

Если я хочу сдать экзамен, то мне нужно время, чтобы слушать лекции;

Если я хочу сдать экзамен, то мне нужен учебник;

Но у меня нет ни времени, ни учебника.

Следовательно, я не смогу сдать экзамен.

Сложный (конструктивный) *modus ponens* представляет собой условно-разделительное умозаключение, посылки которого являются положительными условными и разделительными суждениями, вывод – разделительным суждением, а в меньшей посылке утверждается консеквент.

Если А есть В, то С есть D;

Если Е есть F, то G есть H;

Но либо А есть В; либо Е есть F;

Следовательно, или С есть D, или G есть H.

Пример:

Если я опоздаю на занятие, то получу выговор от преподавателя;

Если я не выучу урок, то получу плохую оценку;

Но я либо опоздаю на занятия, либо не выучу урок;

Следовательно, я получу либо выговор, либо плохую оценку.

Сложный (деструктивный) *modus tollens* представляет собой условно-разделительное умозаключение, большая посылка которого (разделительное суждение) является отрицательным суждением, меньшие посылки являются положительными суждениями, а меньшая посылка и вывод отрицают антецедент.

Если А есть В, то С есть D;

Если Е есть F, то G есть H;

С не есть D и G не есть H;

Следовательно, А не есть В и Е не есть F.

Пример:

Если я опоздаю на занятие, то получу выговор преподавателя;

Если я не выучу урок, то получу плохую оценку;

Но я не хочу получить ни выговор от преподавателя, ни плохую оценку;

Следовательно, я выучу урок и не опоздаю на занятие.

Альтернативы леммы назывались в средние века “рогатым аргументом”, так как в том же модусе возможно и противоположное умозаключение: “Если будешь говорить справедливое, тебя возненавидят люди; а если несправедливое – боги.”[172]

Полная форма умозаключения.

Если оратор будет говорить справедливое, то его возненавидят люди;

Если оратор будет говорить несправедливое, то его возненавидят боги;

Но политические речи бывают справедливыми и несправедливыми;

Следовательно, политические речи ненавистны либо богам, либо людям.

Но:

Если оратор говорит справедливое, то он угоден богам;

Если оратор говорит несправедливое, то он угоден людям;

Но политические речи бывают справедливыми или несправедливыми;

Следовательно, политические речи угодны либо богам, либо людям.

Аристотель говорит относительно этого аргумента следующее: “Когда за каждой из двух противоположных вещей следует и некоторое добро и некоторое зло, причем те и другие последствия взаимно противоположны, то это называется βλασιότης (кривизна ног, выгнутых в противоположном направлении).”[173]

^ 4. Сложносокращенные умозаключения

Энтимема — умозаключение с опущенной посылкой или выводом, которые подразумеваются и истинность или степень правдоподобия которых представляются очевидными.

Например:

Сократ смертен, потому что он человек; — опущена большая посылка;

Сократ смертен, потому что человек смертен; – опущена меньшая посылка;

Человек смертен, а Сократ – человек; – опущен вывод.

Поскольку обычно мы рассуждаем, используя энтимемы, мы часто допускаем ошибки в собственных рассуждениях и не замечаем ошибок в рассуждениях других: пропуск посылки создает иллюзию очевидности. Например: N знает риторику, потому что имеет отличную оценку по этому предмету; – пропущена посылка, истинность которой сомнительна: все получившие отличную оценку по риторике, знают этот предмет.

Поэтому при построении и анализе аргументации рекомендуется мысленно восстанавливать пропущенные элементы рассуждения и оценивать их истинность и достоверность.

Соритом называется сокращенный полисиллогизм, в котором опущены одна или несколько посылок.

Существуют два вида соритов — прогрессивные, или аристотелевские (с опущенной меньшей посылкой) и регрессивные, или гоклениевские (с опущенной большей посылкой).

Строение аристотелевского сорита:

Пример:

Сократ есть грек;

А есть В; Грек есть человек;

В есть С; Человек есть живое существо;

С есть D; Живое существо есть субстанция;

А есть D; Сократ есть субстанция.

Если восстановить сорит в полисиллогизм, получится следующая картина:

[Греки – люди];

Сократ – грек

Сократ – человек.

Человек есть живое существо;

[Сократ – человек];

Сократ есть живое существо.

Живое существо есть субстанция;

[Сократ есть живое существо]

Сократ есть субстанция.

Из примера мы видим, что в первом силлогизме опущена большая посылка, во всех силлогизмах, кроме первого, опущена меньшая посылка.

Строение гоклениевского сорита:

Живое существо есть субстанция;

Человек есть живое существо;

Грек есть человек;

Сократ есть грек;

Сократ есть субстанция.

Восстанавливая гоклениевский сорит до полисиллогизма, получаем:

Живое существо есть субстанция;

Человек есть живое существо;

Человек есть субстанция.

[Человек есть субстанция];

Грек есть человек;

Грек есть субстанция.

[Грек есть субстанция];

Сократ есть грек;

Сократ есть субстанция.

Эпихейрема представляет собой умозаключение, посылками которого являются энтимемы.

Структура эпихейремы, если строить ее в самом упрощенном виде по первой фигуре, может выглядеть, например, следующим образом:

М есть Р, так как М есть N;

S есть M, так как S есть O;

Следовательно, S есть P.

При этом предполагается истинность следующих умозаключений:

N есть P;

M есть N;

M есть P;

O есть M;

S есть O;

S есть P.

Например:

Человек смертен, так как всякое телесное существо смертно;

Сократ – человек, потому что является существом разумным и телесным; Следовательно, Сократ смертен.

В реальности эпихейремы гораздо сложнее и, как правило, включают различные типы умозаключений, которые, к тому же, могут быть соединены не только последовательной, но и

параллельной связью, при которой одно и то же положение может обосновываться несколькими линиями умозаключений. Рассмотрим пример – фрагмент сложной энтимематической аргументации, в которую включены силлогизмы, условно-разделительные и условно-категорические умозаключения, примеры, предполагающие индуктивное или топическое умозаключение.

В нижеследующем примере можно видеть последовательный ряд энтимем.

“Дарвин уверяет, что именно вследствие борьбы за существование сохраняются лишь наиболее приспособленные к ней организмы. Но в таком случае должны бы исчезнуть все низшие формы, а между тем они существуют рядом с высшими. Если они сохраняются, то значит между ними и высшими борьбы нет, и тогда борьба не может быть признана всеобщим законом. Против этого нельзя возразить, как делает Дарвин, что существующие низшие формы и высшие так разошлись, что они могут жить рядом, не оспаривая друг у друга условий существования, прежде, нежели исчезли промежуточные формы, они должны были уничтожить низшие; если последние не уничтожились, то это опять означает, что борьбы не было, и что тем и другим было достаточно просторно. Когда же затем вновь нарождающиеся высшие формы начинают теснить низшие, которые все-таки, по этому предположению, уничтожатся прежде, нежели непосредственно над ними стоящие и имеющие над ними превосходство в строении.

Борьба за существование не объясняет и превращения органов, которые для того, чтобы перейти из одного полезного состояния в другое, должны пройти через промежуточное бесполезное состояние, где носитель их будет находиться в худшем положении, нежели прежде. Так, например, предполагается, что крыло птицы развилось из лапы пресмыкающегося. Очевидно, что для подобного превращения нужны сотни тысяч лет, в течение которых превращающийся орган не будет ни лапой, ни крылом, следовательно, не будет служить ни к чему. В борьбе за существование обладатель его, имея более несовершенные орудия, нежели другие, непременно погибнет, а потому крыло никогда не разовьется. Польза крыла может оказаться только в конце развития, а потому и здесь необходимо предположить целесообразно действующую силу, которая достигает своей цели не с помощью борьбы за существование, а напротив, несмотря на борьбу за существование. Последняя может служить только препятствием, ибо она ставит животное, находящееся в переходном состоянии, в невыгодные условия”. [174]

Эпихейрема 1. Если борьба за существование является всеобщим законом, то низшие организмы должны исчезнуть, уступив место высшим; (так как в борьбе за существование более совершенные организмы вытесняют менее совершенные; высшие организмы являются более совершенными, чем низшие); но низшие организмы существуют (отрицание консеквента); следовательно, борьба за существование не является всеобщим законом.

Эпихейрема 2. (вспомогательный контраргумент, приведение к абсурду). Если высшие организмы происходят от низших путем борьбы за существование, то вытеснение низших форм должно происходить непрерывно (энтимема); если развитие происходит непрерывно; и если каждая предыдущая менее совершенная форма должна вытесняться последующей более совершенной, то не может существовать промежуточных форм (энтимема); но промежуточные формы существуют (деструктивный модус); следовательно, либо низшие формы не вытесняются высшими, либо борьба за существование не имеет места. Но это противоречит исходной посылке: “борьба за существование существует и низшие формы вытесняются высшими.”

Энтимема 3. Если имеет место борьба за существование, то либо каждый орган живого существа всегда должен быть максимально эффективным, либо живое существо погибнет (если орган не эффективен, то он препятствует выживанию; если орган препятствует выживанию, то весь организм оказывается в неблагоприятных условиях; если организм находится в неблагоприятных условиях, то он не может выиграть борьбу за существование, если живое существо не может выиграть борьбу за существование, то оно погибает, – сорит). Но орган, находящийся в промежуточном состоянии развития, не может выполнять свою функцию. Пример: недоразвившееся из лапы крыло птицы не является ни лапой, ни крылом (энтимема с топической посылкой: если частное суждение истинно, то контрардикторное ему общее суждение ложно: если

один орган не может развиваться в ходе борьбы за существование, то неверно утверждение, что все органы развиваются в ходе борьбы за существование). Но следствия из консеквента противоречат друг другу, следовательно, консеквент ложен, а при ложности консеквента ложен антецедент. И так далее.

^ 5. Индукция и аналогия

Индукцией или наведением называется умозаключение от частного к общему.

Посредством индукции мы устанавливаем, что положение, истинное в частных случаях, будет истинным во всех сходных случаях. Так, на основе того, что всякий раз, как у человека поднимается температура, он оказывается больным, мы устанавливаем, что болезнь проявляется в повышении температуры тела, при этом представляется возможным установить устойчивую связь между этими двумя явлениями.

Существуют два вида индукции: полная и неполная.

Полная индукция представляет собой вывод о классе предметов на основании знания о всех предметах данного класса. Полная индукция предполагает перечисление всех элементов класса, о свойствах которого делается вывод, например, успевающих студентов курса: студент А является успевающим, студент Б является успевающим,... студент Я является успевающим, следовательно, все студенты курса являются успевающими. Вывод по полной индукции представляется в следующем виде.

S имеет признак P;

S имеет признак P;

...

S имеет признак P;

S имеет признак P;

S исчерпывают класс P;

Следовательно, все S имеют признак P.

Неполная индукция предполагает вывод о всем классе предметов на основании знания свойств лишь части предметов данного класса. Простым видом неполной индукции является индукция через перечисление, при которой некоторое число объектов класса, обладающих определенным признаком (например, больше 50 % голосов избирателей при голосовании), по тем или иным причинам признается достаточным, чтобы вынести суждение о всем классе (например, что общество поддерживает данного кандидата в президенты). Такая индукция иногда и называется популярной.

Сложная или научная индукция предполагает установление для некоторой совокупности однородных объектов определенного класса совместной представленности двух или более признаков в определенных условиях. Если такие признаки не просто совместно встречаются, но некоторые из них изменяются в зависимости от значения других, мы устанавливаем связь, которая часто выражается в виде математической функции.

Затем, рассматривая другую группу объектов данного класса, мы проверяем, выполняется ли на них установленная функция, и если она выполняется, то мы приходим к заключению, что все явления данного класса будут обладать некоторым свойством, выражением которого является полученная нами функция.

Индуктивное умозаключение предполагает эмпирическое наблюдение, то есть операции с феноменами — проявлениями вещей. Значит, мы имеем дело не с сущностью, не со свойствами вещей как таковыми, а только с их отношениями, и вывод делаем лишь об отношениях объектов. Но при этом возникают серьезные проблемы.

- Во-первых, что мы наблюдаем? Сама по себе однородность тех данных, с которыми мы имеем дело, не обоснована, поэтому всегда имеется возможность того, что кажущиеся нам однородными события таковыми не являются. Чтобы скомпрометировать индуктивное построение, скажем, что все лебеди — белые, а вороны — серые, потому что все наблюдаемые нами лебеди белого цвета, а вороны серого цвета, достаточно, в принципе, одного факта, противоречащего выводу, — белой вороны или черного лебедя.

Эта проблема называется проблемой верификации и компрометации.

- Во-вторых, функциональная зависимость есть всего лишь факт закономерной совместной представленности данных, но не их причинной связи или, тем более, сущности. Такие закономерности нуждаются в объяснениях, которые всегда оказываются дедуктивными, но не всегда научными. Поэтому индуктивные построения весьма часто содержат ошибку *post hoc ergo propter hoc*, яркий пример которой — так называемая теория дарвинизма в биологии.

Эта проблема называется проблемой демаркации, то есть разграничения научного и мифологического содержания индуктивного построения.

- В-третьих, принцип индуктивизма как общих выводов из наблюдений над фактами связан с психологией обыденного здравого смысла, который внушает нам, “что чудес не бывает”, поскольку стоит на мнении, будто бывает только то, что может наблюдать всякий. Но это требование очевидности несовместимо не только с верой, но и с наукой и даже с обыденной практикой.

Наука тем в основном и занимается, что создает строго последовательные объяснительные дедуктивные теории, совершенно невероятные с точки зрения обыденного сознания, как, например, гелиоцентрическая.

- Наконец, в-четвертых, маленький ребенок начинает рисовать человека не с глаза или носа, но сначала чертит угловатую фигуру, а потом пытается разместить в ней детали, что не всегда удается. Взрослый ученый, да и любой человек, поступает точно так же: факты нуждаются в обобщении прежде, чем мы начинаем их наблюдать, ибо мы должны знать, что наблюдаем. Тот класс, к которому относится множество объектов, обобщаемых индукцией, и те признаки объектов, которые мы считаем существенными для всего класса, должны из чего-то выводиться.

Вот почему на самом деле “индукция, то есть вывод, опирающийся на множество наблюдений, представляет собой миф. Она не является ни психологическим фактом, ни фактом обыденной жизни, ни фактом научной практики.”[175]

Мышление движется от целого к частям, от общего к частному, а не наоборот.

Аналогия (παράδειγμα) представляет собой вероятностное умозаключение по подобию, устанавливающее сходство предметов в одной группе признаков на основе их сходства в другой группе признаков, которые представлены в обоих сопоставляемых предметах.

Аналогия как метод используется в основном в гуманитарных науках и в прогностических системах, основанных на гуманитарном знании: метод истории практически всецело основан на аналогии.

Так, если во время Северной войны армия шведов, наступая на Украину, оказалась оторванной от тыловых баз в Польше и была разгромлена под Полтавой, во время Отечественной войны 1812 года армия Наполеона, также будучи оторванной от тыловых баз в Польше, была вынуждена

оставить Москву и при отступлении была разгромлена русской армией, если во время Великой Отечественной войны немецкая армия при наступлении в 1941 году, будучи оторвана от тыловых баз в Польше, была разгромлена под Москвой, то можно сделать вывод, что эти события подобны: разрыв коммуникационной линии и невозможность оперативного маневра резервами ставят армии, вторгающиеся в Россию, в неблагоприятное стратегическое положение, которое при правильном его использовании русским командованием приводит к одинаковым последствиям.

Умозаключение по аналогии строится по следующей схеме:

А имеет признаки a, b, c, d; e, f;

В имеет признаки a, b, c;

Следовательно, вероятно, В имеет признаки d, e, f.

Но при этом степень правдоподобия и, что самое важное, предсказательной силы аналогии определяется соотношением этих признаков. В случае, если рассматриваются просто отдельно взятые признаки предмета, или проявления какой-либо ситуации, имеет место простая аналогия, предсказательная сила которой невелика. Если же сходные признаки сопоставляемых объектов взаимосвязаны и эта взаимосвязь может быть объяснена и подтверждена другими подобными фактами, то имеет место аналогия распространения, предсказательная сила которой повышается по мере того, как связи признаков систематизируются.

Таким образом, аналогия как метод мышления связана с понятием системы, то есть организованной совокупности взаимосвязанных функционально различных и дополнительных составляющих объекта, которые обеспечивают его существование как целого.

^ Построение аргументов. (Доказательства и опровержения)

Завершающим этапом изобретения является построение аргументов. После того как сформулировано главное положение речи, разработан состав доводов, найдены формы умозаключений, совместимые с общими местами аргументации и делающие истинность главного положения очевидной для самого ратора, можно приступить к разработке ходов мысли, оптимальных в конкретных условиях аргументации.

Ниже рассматриваются особенности строения риторического аргумента и приводятся примеры аргументов, которые реально применялись в практике публичной аргументации. Эти примеры дают неизбежно неполное, но ориентирующее представление о технике обоснования положений.

^ Основы классификации аргументов

Аристотель указывает в “Топике”, что “имеется три вида положений и проблем, а именно: одни положения, касающиеся нравственности, другие – природы, третьи – построенные на рассуждениях.”[176] Основание аргумента можно находить либо в фактах реальности, либо в общественных установлениях и опыте культуры, либо в самом рассуждении, то есть в его логической структуре. К этим трем классам аргументов следует добавить четвертый класс аргументов, основанных на категории личности и обращенных к самосознанию и внутреннему опыту личности как критерию истины или правильности положения.

Аргументация к личности апеллирует как к свидетельству личного самосознания, так и к утверждению внутренней цельности личности, которое предполагает последовательность и ответственность.

^ Примеры аргументов к реальности, к разуму, к авторитету, к личности

Неизвестный в “Диалогах” о. Валентина Свенцицкого, утверждая, что психические явления сводимы к физиологическим, что причинно-следственные отношения суть физические взаимодействия, апеллирует к законам природы как критерию истинности своих рассуждений.

“Неизвестный... Научные опыты с несомненностью устанавливают, что так называемая психическая жизнь является результатом физико-химических процессов, и поэтому нельзя совершенно отделять ее от материи. А отсюда следует, что с уничтожением этих физико-химических процессов в живом организме – должна уничтожаться и вся жизнь. Значит, никакой “души” остаться не может.

Духовник. О каких опытах ты говоришь?

Неизвестный. О тех опытах, которые устанавливают, что мысль есть результат определенных физико-химических процессов мозга. Искусственное раздражение некоторых желез вызывает определенные психические явления. Повреждение определенных клеток в результате дает как механическое следствие изменение определенных психических состояний и т. д. Ты, конечно, знаком с этим. Неужели эти факты не доказывают неопровержимо, что все явления “душевной” жизни есть простое следствие тех изменений и процессов, которые происходят в нашем теле?”

Апелляция Неизвестного сводится к утверждению: “В истинности моего утверждения убеждает принудительная сила реальности.” Например, утверждение “если я отпущу чашку, то она упадет на пол” правильно, потому что оно учитывает закон тяготения; или утверждение “если я поеду в метро, то приеду в университет не раньше чем через час, потому что мне нужно сделать пересадку” правильно, поскольку поезда метро ходят с определенной скоростью. Аргументы такого рода мы будем называть аргументами к структуре реальности.

Другим классом аргументов являются аргументы к личности.

Продолжим пример.

“Духовник. Что ты разумеешь под словом “доказательства”?

Неизвестный. Под этим словом я разумею или факты, или логические рассуждения, общеобязательные для человеческого разума.

Духовник. Хорошо. Применительно к вопросу о бессмертии, какие доказательства тебя удовлетворили бы?

Неизвестный. Прежде всего, конечно, факты. Если бы с “того света” были даны какие-либо свидетельства о жизни человеческой души, продолжающейся после смерти, я считал бы вопрос решенным. Этого нет. Остается другое – логика. Логика, конечно, менее убедительна, чем факты, но до некоторой степени может заменить их.

Духовник. Свидетельств, о которых ты говоришь, множество. Но таково свойство неверия. Оно всегда требует фактов и всегда их отрицает. Трудно что-нибудь доказать фактами, когда требуют, чтобы сами факты, в свою очередь, доказывались.

Неизвестный. Но как же быть, нельзя же достоверными фактами считать рассказы из житий святых?

Духовник. Можно, конечно, но я понимаю, что тебе сейчас такими фактами ничего не докажешь, потому что эти факты для тебя нуждаются в доказательствах не менее, чем бессмертие души.

Неизвестный. Совершенно верно.

Духовник. Мы подойдем к решению вопроса иначе. Мы тоже будем исходить из фактов. Но из факта для тебя несомненного – из твоего собственного внутреннего опыта.

Неизвестный. Не совсем понимаю.

Духовник. Подожди, поймешь. А пока я спрошу тебя. Допустим, ты видишь своими собственными глазами зеленое дерево. Тебе докажут путем логических выводов, что никакого дерева на самом деле нет. Скажешь ли ты тогда: “Неправда, оно есть”?

Неизвестный. Скажу.

Духовник. Ну вот. Именно такой путь выбираю и я в своих рассуждениях. Я беру то, что ты видишь и в чем ты не сомневаешься, затем условно встаю на точку зрения “отрицания бессмертия.” Доказываю тебе, что то, что ты видишь и в чем ты не сомневаешься, – “бессмыслица” и на самом деле этого не существует. Скажешь ли ты мне тогда: “Неправда, существует, – я это знаю”?

Неизвестный. Скажу.”

Неизвестный признает, что аргументы к реальности (то есть к фактам) в пользу бессмертия души для него были бы неубедительными, поэтому Духовник предлагает другой вид аргументации, апеллируя к личности Неизвестного, самосознание которого оказывается критерием приемлемости аргумента. Самосознание доказательно, поскольку признание свободы воли и нравственного закона, основанного на ней, свойственно всякому человеку.

Как видно из примера, аргументы к личности могут оказаться более сильными, чем аргументы к реальности.

Особенность аргументов к разуму состоит в признании критерием правильности положения саму форму умозаключения, из которого это положение следует, – “логические рассуждения, общеобязательные для человеческого разума.”

Продолжим пример.

“Духовник. Прекрасно. Итак, несомненными фактами для тебя являются свобода воли, различие добра и зла и какой-то смысл жизни.

Неизвестный. Да.

Духовник. Все это ты видишь, во всем этом ты не сомневаешься?

Неизвестный. Да.

Духовник. Теперь на время я становлюсь неверующим человеком и никакого иного мира, кроме материального, не признаю. Начинаю рассуждать и прихожу к логически неизбежному выводу, что “несомненное” для тебя на самом деле – бессмыслица: нет ни свободы воли, ни добра, ни зла, ни смысла жизни. И если в моих доказательствах ты не найдешь ни малейшей ошибки – скажешь ли ты все-таки, что я говорю неправду, что свобода воли существует, существуют добро и зло и смысл жизни, что это не бессмыслица, а несомненный факт?

Неизвестный. Да, скажу.

Духовник. Но если ты это скажешь, не должен ли ты будешь отвергнуть основную посылку мою, из которой сделаны эти выводы, то есть мое неверие?

Неизвестный. Да... Пожалуй...

Духовник. Теперь тебе ясен путь моих рассуждений?

Неизвестный. Да..”

Духовник педантично строит аргументацию как цепь умозаключений, а главная задача Неизвестного состоит в оценке их логической правильности и непротиворечивости, которая, по установленному прежде условию, признана обязательным критерием согласия. Поэтому, в аргументации от противного несогласие с выводами в соответствии с правилами логики будет означать обязательное согласие с положениями, которые этим выводам противоречат.

Аргументы к норме апеллируют к общественному установлению – норме, обычаю или признанному суждению как критерию правильности. Авторитет, лежащий в основании аргументации к норме, может быть тройкого рода:

относительный, который признается постольку, поскольку данный источник или правило прежде не ошибались или ошибались редко;

принудительный, который признается, поскольку противоречие ему влечет за собой санкцию, например, закон;

абсолютный, который по своей природе есть истина и поэтому не может утверждать неправильное.

Рассмотрим пример.

“Неизвестный. Но если “злая воля”, действующая в нас, окажется сильнее, если зло не по силам пережить во благо? Тогда Бог “попускает” человеку погибнуть?”

Духовник. Никогда По церковному учению, активная Божественная воля, попускающая зло, всегда пресекает действие на нас злой воли, через которое создается непосильное искушение. Божественный Промысел попускает зло только потому, что оно может быть пережито во благо нашего спасения и потому не допускает зла “непосильного.” Если зло попущено Богом – это всегда значит, что оно для нашей жизни, для нравственной задачи посильно. А потому и каждый человек, не переживший его во благо, – согрешает, и сам за это несет ответственность перед Богом. Церковь не знает “непосильных искушений.” В слове Божиим говорится прямо: “...верен Бог, Который не попустит вам быть искушаемыми сверх сил...” /1 Кор. 10:13/. [177]

В приведенном аргументе Духовника критерием правильности положения являются слова Священного Писания, теперь уже принимаемые Неизвестным в качестве авторитета.

^ I. Аргументы к реальности

Синхронические аргументы к реальности на связи положения и обоснования вне отношения предыдущего к последующему. Цель синхронических аргументов к реальности состоит в обосновании положения исходя из строения и организации данных.

Аргументы верификации представляют собой удостоверение сообщений путем нахождения в них такой информации и зависимостей, которые указывают на обстоятельства их создания и исключают возможность фальсификации.

^ Аргумент к уникальности

Положением является обыкновенно экзистенциальное суждение (суждение существования), а доводами – суждения о строении или связях субъекта положения или о строении сообщения – свидетельства о нем: “X действительно существует или произошло, потому что оно имеет или имело такое-то строение, или потому что сообщение о нем содержит такие-то свойства, и, следовательно, не может быть ложным”; или: “Сообщение об X истинно, потому что его строение или обстоятельства создания исключают возможность вымысла или ошибки.”

Реальность явления и, соответственно, правдивость сообщения о нем признается на основе двух противоположных оснований, которые, однако, дополняют одно другое и составляют поэтому единое целое: упорядоченности и неупорядоченности, или закономерности и случайности. И мы всегда пытаемся восстановить равновесие – найти порядок в нарушении порядка.

Когда мы создаем сообщения, то стремимся представить в них данные в некоторой понятной для нас организации – содержание сообщения должно вписываться в привычный порядок вещей. Но интересные сообщения – как раз те, в которых содержатся данные о необычном порядке.

Сообщения о вымышленных фактах обычно на самом деле оказываются тривиальными, так как отражают наше стремление имитировать реальность исходя из собственных представлений о ней. Остроумный фальсификатор, подделывая рукопись, имитирует в ней орфографические ошибки, но эти ошибки отражают особенности его собственной орфографии. Поэтому фальсифицированные сообщения на деле оказываются сообщениями о фальсификаторе.

Интересные сообщения, отражающие реальность, содержат в одном ряду привычные данные, которые согласуются с другими источниками, и подробности, которые невозможно измыслить, то есть “случайные” стечения обстоятельств, объяснимые только уникальными признаками источника.

Пример аргумента к уникальности.

“Объективная реальность отличается не только сложностью; она, по моим наблюдениям, нередко выглядит странно. Она какая-то нескладная, неясная, словом – не такая, как нам хотелось бы.

Например, когда вы постигли идею, что Земля и другие планеты вращаются вокруг Солнца, у вас, естественно, возникает предположение, что все планеты созданы по тому же принципу, на равном расстоянии друг от друга, к примеру, или на расстоянии, равномерно увеличивающимся; или что все они одинакового размера либо увеличиваются или уменьшаются по мере удаления от Солнца. В действительности же вы не находите ни ритма, ни смысла (понятного вам) ни в размерах планет, ни в расстояниях между ними; у некоторых из них – по одному спутнику, у одной – четыре, у другой – два, у некоторых – ни одного, а одна из планет окружена кольцом.

Итак, объективная реальность таит в себе загадки, разгадать которые мы не в силах. Вот одна из причин, почему я пришел к христианству. Это религия, которую вы не могли бы придумать. Если бы христианство предлагало вам такое объяснение Вселенной, какого мы всегда ожидали, я бы посчитал, что мы сами изобрели его. Христианству свойствен тот странный изгиб, который характерен для реальных, объективно существующих вещей. Так что отрешимся от детской философии, от этого пристрастия к слишком простым ответам.”[178]

^ Аргумент к совместимости

Эта техника обоснования противоположна предыдущей, так как основана на согласовании данных, приводимых в обоснование положения, с однородными данными того же источника или других связанных с ним источников; но вместе с тем она предполагает, как и в аргументе к уникальности, неповторимую и не воспроизводимую комбинацию данных, которые связываются.

Рассмотрим аргументацию митрополита Антония Храповицкого в обоснование положения, что Иисус Христос исполнял ветхозаветный Закон.

“Если вы желаете понять существеннейшие события земной жизни Спасителя и окружающих Его лиц, в частности, события, связанные с судом или взятием кого-либо под стражу, то непременно ознакомьтесь с 17-й главой Второзакония. Отсюда вы узнаете правила, коими должно было руководиться общество при задержании или карательном наказании виновных.

Правила эти следующие. Казнь может присуждаться не иначе как по показаниям двух или трех свидетелей (Втор. 17:6–7;[179] ср. Чис. 35:30[180]). “Рука свидетелей должна быть на нем прежде всех, чтоб убить его, потом рука всего народа” (ст. 7). Это правило о том, что свидетель должен быть и первым палачом, введено, конечно, для того, чтобы удерживать людей от клеветы, так как, если клеветник окажется и палачом, то подвергнет себя сугубой мести родственников и друзей убитого.

Свидетели, предъявляющие обвинение, должны были возложить руку на голову обвиняемого; так и поступили известные нечестивые старцы с безвинной Сусанною. “Оба старейшины, встав посреди народа, положили руки на голову ее” и начали излагать свое клеветническое обвинение, заключив его словами: “Об этом мы свидетельствуем” (Дан. 13:34, 40). Так выполняли они повеление Божие Моисею об известном богохульстве: “Выведи злословившего вон из стана, и все слышавшие пусть положат руки свои на голову его, и все общество побьет его камнями” (Лев. 24:14). По-видимому, без этого судебного ритуала, то есть возложения рук обвинителя на голову обвиняемого, нельзя было предать человека суду.

Вот почему слова Евангелия: “некоторые из них хотели схватить Его; но никто не наложил на него рук” (Ин. 7:44) не должно понимать как простой плеоназм в выражении; эти слова имеют такой смысл: Спасителя хотели арестовать, но никто не решился выступить против Него обвинителем и исполнить требовавшийся для сего судебный обряд, то есть возложить свою руку на Его голову. Можно думать, что, кроме этого обряда, от свидетеля требовалось сознание собственной непричастности к греху, подобному тому, в коем он обвинял преступника. Такую мысль можно находить в том же повествовании Даниила о Сусанне; смотрите, каким возгласом юный тогда еще Даниил потребовал себе права третьей стороны по сему делу: “Он закричал громким голосом: чист я от крови ее!” (Дан. 13:46).

Отсюда становится понятным и требование Спасителя к обвинителям жены, взятой в прелюбодеянии: “Кто из вас без греха, первый брось на нее камень” (Ин. 8:7). Кстати сказать, в этом случае, точно так же, как на допросе у первосвященника и у Пилата, Господь говорил и поступал в полном соответствии с вышеприведенными постановлениями ветхозаветного Закона, ибо когда удалились пристыженные обвинители от той женщины, то Господь не сразу отпустил ее, но спрашивает женщина, где твои обвинители? и заключает – и Я тебя не обвиняю, иди и впредь не греши. После приведенных изречений закона Моисеева можно видеть, как далеки от истины те толкователи, которые находят в этом событии пример отмены Христом ветхозаветного закона.”[181]

Аргументация допускает привлечение новых данных. Приводимые данные объединяются в комплексы, которые предстают как независимые ряды.

Во втором и третьем абзацах текста излагаются ветхозаветные нормы и обычаи, составляющие большую посылку умозаключения. В третьем и четвертом абзацах сообщаются данные из Нового Завета, которые совмещаются в общем смысле и в конкретных подробностях с исходными данными.

Поскольку как первые, так и вторые образуют, с одной стороны, независимые и внутренне связанные комплексы, а с другой, – подтверждаются преемственностью контекста Ветхого и Нового Заветов, случайное совпадение исключается.

^ Диахронические аргументы к реальности

Диахронические аргументы к реальности представляют собой обоснования на основе топа “предыдущее – последующее” положений, в которых содержится утверждение о преимущественной значимости фактов или идей в зависимости от характера их преемственности.

На аргументах приоритета строятся представления об истории и культуре. И, в сущности, диахронические аргументы скорее организуют, чем отражают историческую реальность.

^ Аргумент регресса

Аргумент регресса основан на идее приоритета предыдущего перед последующим.

Поскольку начальное состояние всякой вещи или идеи является исходным и содержит ее в полноте, то по мере использования или заимствования происходит порча вещи: старое пальто было лучше, когда оно было новым.

Если высказывается некоторая идея или создается вещь, то первый, кто высказал идею, имеет приоритет перед теми, кто высказал ее позже, потому что последователь мог заимствовать идею; а тот, кто сделал нечто первым, действовал более энергично и смело. Всякое последующее основано на предыдущем и зависит от накопленного опыта, поэтому следует уважать старших и ценить их опыт и т. д.

Но вместе с тем и грех, совершенный впервые, имеет особое значение, потому что создает прецедент и определяет последующее состояние: чем ниже пал человек, тем труднее ему подняться.

Пример аргумента регресса.

“Разум спрашивает: сотворена ли тьма вместе с миром и первоначальнее ли она света, а потому точно ли худшее старше? – Ответствуем, что и сия тьма не что-либо самостоятельное, но видоизменение в воздухе, произведенное лишением света. Какого же света лишенным вдруг нашлось место в мире, так что поверх воды стала тьма? Полагаем, что если было что-нибудь до составления сего чувственного и тленного мира, то оно, очевидно, находилось в свете... когда по Божьему повелению вдруг распростерто было небо вокруг того, что заключилось внутри собственной его поверхности, и стало оно непрерывным телом... тогда по необходимости само небо сделало неосвещенным объемлемое им место, пресекши лучи, идущие совне. Ибо для тени нужно быть в одно время свету, телу и неосвещенному месту. Таким образом, тьма в мире произошла от тени небесного тела.”[182]

^ Аргумент прогресса

Аргумент прогресса основан на идее приоритета последующего перед предыдущим, нового перед старым.

Поскольку действие человека или состояние вещи сохраняется в памяти и осмысливается в опыте, происходит накопление опыта. Поэтому действие, совершенное после другого, содержит в себе лучшее, что имеется в предшествующем ему: зрелый человек ценится выше, чем незрелый, образованный – выше, чем необразованный, современность – выше, чем прежние времена. К этому часто добавляется вывод о целесообразности замены старого, как отжившего свой век, новым – более совершенным и разумным.

Пример аргумента прогресса.

“И все богатство твари, на земле и в море, уже было приготовлено, но еще не было того, кому владеть этим. Ибо не появилось еще в мире существ это великое и досточестное существо, человек. Ведь не подобало начальствующему явиться раньше подначальных, но сперва приготовив царство, затем подобало принять царя. Потому Творец всего приготовил заранее как бы царский чертог будущему царю: им стала земля, и острова, и море, и небо, наподобие крыши утвержденное вокруг всего этого, и всякое богатство было принесено в эти чертоги.”[183]

На идее прогресса в ее естественнонаучной форме основана современная цивилизация с ее социальными проектами, техникой и массовой коммуникацией. Общие места естественнонаучного понимания мира отрицают ценность прошлого и культуру как накопленные знания, поэтому современные теории культуры рассматривают ее как творчество, а не как образец. Тем самым обесценивается не только опыт прошлого, но и любая творческая деятельность.

“Итак, механика Ньютона основана на мифологии нигилизма. Этому вполне соответствует новоевропейское учение о бесконечном прогрессе общества и культуры. Исповедовали часто в Европе так, что одна эпоха имеет смысл не сама по себе, но лишь как подготовка и удобрение для другой эпохи, что эта другая эпоха не имеет смысла сама по себе, но она тоже – навоз и почва для третьей эпохи и т. д. В результате получается, что никакая эпоха не имеет никакого самостоятельного смысла и что смысл данной эпохи, а равно и всех возможных эпох, отодвигается все дальше и дальше, в бесконечные времена. Ясно, что подобный вздор нужно назвать мифологией социального нигилизма, какими бы «научными» аргументами ее ни обставлять.”[184]

^ Аргумент прехождения

Аргумент прехождения основан на идее общности предыдущего и последующего: поскольку все в мире изменяется, само изменение предполагает, что изменяется нечто, что остается постоянным, иначе никаких изменений быть не может, а будет неслучайное превращение одного хаотического состояния в другое.

На этом аргументе основано представление исторической закономерности, но равным образом – и представление о несущественности любых изменений, которые суть только видимость. Поэтому, если в изменении имеется и усматривается постоянная основа, пребывающая в изменяющейся вещи и придающая изменению определенную форму, то такое изменение рассматривается как развитие и может иметь ценность как проявление во времени сущности этой вещи.

Пример аргумента прехождения.

“Царская власть развивалась вместе с Россией, вместе с Россией решала спор между аристократией и демократией, между православием и инославием, вместе с Россией была уничтожена татарским игом, вместе с Россией была раздроблена уделами, вместе с Россией объединяла страну, достигла национальной независимости, а затем начала покорять и чужеземные царства, вместе с Россией сознала, что Москва – третий Рим, последнее и окончательное всемирное государство. Царская власть – это как бы воплощенная душа нации, отдавшая свои судьбы Божьей воле. Царь заведует настоящим, исходя из прошлого, и имея в виду будущее.”[185]

^ II. Рациональные аргументы

Рациональные аргументы представляют собой обоснования положений, обращенные к форме рассуждения: очевидность умозаключения представляется основанием истинности или достоверности положения аргумента.

Апелляция к структуре доказательства как критерию истинности вывода связана с представлением о логике как науке о законах мышления, отражающих естественный здравый смысл. Для рационального универсализма характерна вера в возможность убеждения любого нормального человека правильными умозаключениями и в существование единого метода мышления, с помощью которого можно разрешить любой вопрос.[186] Действенность и реальная убедительность рациональных аргументов (или того, что обычно выдается за рациональные аргументы) как инструмента убеждения основана на этой вере.

Рациональные аргументы полезно подразделить в зависимости от характера приемлемости основания на аргументацию к здравому смыслу и аргументацию к логической правильности. Эти типы аргументов, хотя и входят в один класс, противостоят друг другу и часто оказываются несовместимыми.

Здравый смысл как основание аргументации принимает мир таким, каким его видит “всякий нормальный человек”, и содержит категории связи, подобия, вероятности и пользы, которые составляют основу не только практического мышления и обсуждения любой житейской проблемы, но и научного знания. Аргументы здравого смысла значимы всегда и повсеместно и противостоят необходимости формального доказательства: невозможно логически доказать, что существует что-либо реальное, кроме моего представления, а тем более, что другой человек подобен мне. Здравый смысл утверждает реальность, упорядоченность и сложность действительности, подобие существующих в мире вещей, ценность опыта, и возможность ориентации человека в мире. И в этом плане он разумнее, значительнее и сильнее логики.

Вместе с тем здравый смысл или, как в большинстве западно-европейских языков, *sensus communis* – “общий смысл”, и есть та самая рациональная психологическая очевидность, которая убеждена в достоверности лишь того, что одинаково воспроизводится в опыте любого нормального человека: “...солнце видят все, а чувствование, о котором ты говоришь, имеют некоторые.”

И в этом плане идея здравого смысла содержит в себе противоречие, ибо ненормальным оказывается тот, чей опыт противоречит опыту большинства. Но опыт отдельного “я” неизбежно отклоняется от опыта большинства, поэтому всякий человек ненормален и должен верить “объективному” общественному опыту больше, чем своему “субъективному.” Выходит, что нормальное большинство состоит из ненормальных индивидов.

Здравый смысл не видит факта человеческой личности, хотя исходит из психологической очевидности реальности и собственной мысли. Норма есть то, в чем согласно большинство одинаково думающих и воспринимающих людей, – вот главный принцип здравого смысла.

Этой норме здравого смысла в равной мере противостоят религиозный опыт и научная логика, которые приводят человека к неправдоподобным, но последовательным выводам, отчего Духовник в первом диалоге и применяет аргументацию к логической правильности.

Духовник, по существу дела, освобождает Неизвестного из плена общего мнения, побуждая его к признанию свидетельства собственного опыта и разума:

“Если ты видишь солнце своими собственными глазами, неужели твоя уверенность, что оно существует, хоть сколько-нибудь зависит от того, что его видят и другие. И неужели, если бы большинство потеряло способность видеть солнце и стало утверждать, что его нет, ты поколебался бы в том, что видел собственными глазами и стал бы говорить о солнце, что, «может быть», оно существует.”[187]

И в этом он неожиданно оказывается согласным с первым принципом Декарта и несогласным с его конформистской прагматической моралью “общего смысла”, полагающей признавать за хорошее и правильное то, о чем можно условиться, не вступая в конфликт с общественным мнением.[188]

Задачей найти и раскрыть противоречия обыденного здравого смысла и ограничивается аргументация к логической правильности или рациональной очевидности, потому что правильно построенная энтимема приводит только к правильному выводу, но чтобы получить истинный вывод, нужно иметь истинные топы: “Против насилия повседневного элементарного рассудка протестует бессмертный дух наш и побуждает совесть искать истину.”

^ Аргументы к здравому смыслу

Аргументы к здравому смыслу представляют собой обоснования положений, обращенные к представлениям о пользе, правдоподобии, общепринятости или психологической достоверности данных, из которых исходит рассуждение.

Эти аргументы могут строиться индуктивным или дедуктивным способом и их топы весьма многочисленны: “возможно то, что часто случается”, “случайность есть форма необходимости”, “на все своя причина”, “нет дыма без огня”, “если больших ростом считать взрослыми, то почему малых ростом не считать детьми”, “сначала помоги себе, а потом другим”, “делает тот, кому выгодно”, “кто не уважает себя, не уважает другого”, “лучше знать мало, чем знать плохо”, “лучше то, что я знаю, чем то, что мне неизвестно”, “никто от миру не прочь”, “что лучше для меня, то лучше и для другого”, “справедливый друг лучше справедливого врага”, “добродетель лучше удачи”, “быть здоровым лучше, чем лечиться”, “талант лучше знания”, “синица в руках лучше, чем журавль в небе”, “лучше то, что имеет лучшие последствия”, “хороша ложка к обеду, а слово к ответу”, “лучше то, что реже встречается и дороже”, “избыток лучше достатка” и подобная народная мудрость, которая составляет пословичный фонд – так называемые паремии, по содержанию и смыслу примерно одинаковые у всех народов и отражающие суждения обыденного здравого смысла.

^ Аргументы к причинно-следственным связям

Как указано в разделе “Топика”, существует два основных вида причины: действующая и телеологическая, или конечная.

Первый тип причинной связи предполагает понимание причины как взаимодействия вещей во временной последовательности: например, движение бильярдного шара вследствие удара кием со скоростью и в направлении, определяемыми импульсом, сообщенным шару.

Второй тип причинной связи предполагает понимание причины как действия и его результата – изменения состояния объекта: например, движение того же бильярдного шара и его падение в лузу вследствие замысла игрока, который предпочел сыграть определенный шар определенным образом, и сохранение значения результата хода на протяжении партии как обстоятельства, которое влияет на характер последующих ходов.

Понятно, что в каждом из этих случаев основание и топы аргумента, его схема и система редукций будут различными.

“Есть определенные виды актов, которые... могут осуществляться только рефлексивно, человеком, который знает, что он намерен сделать, и потому способен, производя намеченное действие, оценить его, сопоставив результат и намерение. Характерная черта всех таких актов состоит в том, что они могут выполняться лишь, как мы говорили, “целенаправленно”: основой данного акта, на который базируется вся его структура, оказывается определенная цель, а сам акт должен соответствовать этой цели. Рефлексивные акты могут быть грубо определены как целесообразные акты, и они – единственное, что может стать предметом истории.”[189]

^ Аргумент к общности

Аргумент к общности (тождественные причины вызывают тождественные следствия). Что является причиной свечения электрической лампы? Чтобы ответить на этот вопрос, будем наблюдать устройство и работу различных электрических ламп: в одной лампе электрический ток нагревает спираль, которая светится, в другой лампе электрический ток, протекая в инертном газе, вызывает его свечение, в третьей лампе между двумя электродами в вакууме образуется электрическая дуга, которая также светится.

Мы видим электрические лампы различного устройства, и, чтобы установить причину свечения, нам следует найти общее в их действии таким общим будет преобразование электрической энергии в световую, которое происходит при применении различных физических принципов устройства электрической лампы. Следовательно, причиной свечения лампы является преобразование электрической энергии в световую. Итак, если имеется $АБВ \rightarrow а$, $АГД \rightarrow а$, $АЕЖ \rightarrow а$, то причиной а является А, которое присутствует во всех ситуациях, где имеется а.

Аргумент к общности, однако, не всегда доказателен, особенно если имеются в виду не физические события, а действия людей. Так, если при совершении ряда преступлений, даже однородных, фигурирует одно и то же лицо в сочетании с несколькими другими, то это обстоятельство является достаточным основанием лишь для подозрения: данное лицо могло быть виновником всех или некоторых преступлений.

^ Аргумент к различию

Аргумент к различию (если имеется ряд обстоятельств, при которых наблюдается некоторое явление, и имеется случай, когда явление не наблюдается при тех же обстоятельствах за исключением одного, то оно и является причиной данного явления). Мотор работает с перебоями, в чем причина – плохой бензин, грязная свеча, неисправный карбюратор? Заменяем бензин – мотор работает хорошо. Следовательно, причина – бензин.

Аргумент к различию, как и аргумент к общности, не всегда доказателен: хор поет плохо, когда присутствует Иван, в отсутствие Ивана хор поет хорошо. Является ли присутствие Ивана причиной плохого пения хора?

^ Аргумент к остатку

Аргумент к остатку (если есть следствие, то есть и причина: если имеется ряд обстоятельств, при которых наблюдается ряд явлений, и известны причины всех явлений ряда за исключением одного, то, вычитая установленные причинно-следственные связи, мы получим причину данного

явления). Мотор работает с перебоями: либо плохой бензин, либо грязная свеча, либо неисправный карбюратор. Меняем свечу – мотор работает плохо. Меняем бензин – мотор работает плохо. Меняем карбюратор – результат тот же. Следовательно, не в порядке аккумулятор... Ничего подобного – просто в бензобаке каким-то образом очутился кусок резины.

^ Аргумент к воспроизводимости

Аргумент к воспроизводимости (если некоторое явление имеет установленную причину, то другое тождественное явление будет иметь тождественную причину). Например, если в автомобиле “Москвич” неисправность свечи является причиной плохой работы мотора, то и в автомобиле “Мерседес” неисправность свечи также приведет к плохой работе мотора.

Этот аргумент успешно используется в естественных и технических науках, но применительно к человеку он теряет доказательную силу. Если Первая симфония П. И. Чайковского была вызвана религиозным вдохновением, то из этого еще не следует, что всякий раз в порыве религиозного вдохновения П. И. Чайковский сочинял симфонии. Если в некоторых странах причиной революции были неудачные войны, то из этого не следует, что неудачная война в какой-нибудь конкретной стране обязательно стала или станет причиной революции.

^ Аргументы к данным

Аргументы к данным представляет собой обоснование положения посредством частных или индивидуальных суждений, которые включаются в доводы: “Истинность или правильность положения следует из таких-то фактов или подтверждается такими-то фактами.”

Аргументы к фактам не являются аргументами к реальности: факт, который приводится в примере, подтверждает мысль или общее правило – нечто, что стоит за фактом как таковым.

Аргументы к данным в логике обычно рассматриваются как индукция. Однако не всякое использование фактов является индукцией, поскольку факт, к которому обращаются при аргументации, может содержать различные виды данных и само понимание его может быть различным.

Рассмотрим два типа аргументов к факту: пример и иллюстрацию.[190]

“Что же это за судьба России вести войны против передовых и культурнейших человеческих обществ? Что такое мы, русские, – разрушители или спасители европейской культуры? Я думаю, что наш разлад, наше противоречие с Европой лежит глубже наблюдаемой поверхности текущих событий; противоречие касается идейных основ самого непонимания.”

Те культурные успехи, которых достигли наши просвещенные противники, конечно, возможны только при условии, что на достижение этих успехов обращена наибольшая доля народного внимания. Культурный прогресс для своего процветания непременно требует полного перед ним рабства со стороны человеческого общества. Культурный прогресс достигается скорее теми, для кого он стал своего рода идолом. И то, конечно, несомненно, что для европейского сознания прогресс уже давно сделался не идеалом только, но именно идолом. Ведь слова: «культура», «прогресс» и им подобные современным европейцем и нашими западниками произносятся прямо с каким-то благоговением; для них это – слова священные, каждое слово против ценности культуры готово объявить кощунством. Еретика, сомневающегося в ценности прогресса или совсем этой ценности не признающего, грозит побиение всяким дреколем.

Но не трудно показать, что прогресс и идейно, и практически неразрывно связан с войной, и с некоторого рода необходимостью из него вытекают даже жестокости и зверства немцев, о которых мы читаем теперь в газетах. Ведь идея прогресса есть приспособление к человеческой жизни общего принципа эволюции, а эволюция есть узаконение борьбы за существование. В борьбе за существование погибают слабейшие и выживают наиболее к ней приспособленные. Перенесите борьбу за существование во взаимные отношения целых народов, – вы получите войну и поймете смысл железного германского кулака. Война есть международная борьба за существование, а вооруженный кулак – наилучшее к этой борьбе приспособление. Но последнее

слово эволюции сказано Ницше. Он указал цель дальнейшему развитию. Эта цель – сверхчеловек. Он жесток и безжалостен. Христианство с его кротостью, смирением и милосердием для Ницше отвратительно. Сверхчеловек должен навсегда порвать с христианскими добродетелями; для него они – порок и гибель. У Горького Игнат Гордеев поучает в ницшеанском духе своего сына Фому, как относиться к людям: “Тут... такое дело: упали, скажем, две доски в грязь – одна гнилая, а другая – хорошая, здоровая доска. Что ты тут должен сделать? В гнилой доске какой прок? Ты оставь ее, пускай в грязи лежит, по ней пройти можно, чтобы ноги не замарать” (“Фома Гордеев”). Перенесите эти слова в политику, и вы получите политику Германии. Ведь разве не ищет Германия, какой бы народ не затоптать в грязь, по которому пройти бы можно, “чтобы ног не замарать”? Германская политика, можно сказать, проникнута духом ницшеанства. “Deutschland über alles!” – вот припев германского патриотизма. Слабые народы – это доски, по которым, не мараю ног, идет вперед по пути прогресса великий германский народ. Даже на большие народы, даже на русский народ германцы готовы смотреть как на навоз для удобрения той почвы, на которой должен расти и процветать германский культурный прогресс. Для прогресса нужны богатства, – так подайте их нам! Разоритесь сами и хоть с голоду помрете, но да здравствует наш германский прогресс! Смотрите, какая политическая дружба у просвещенной Германии уж с несомненными варварами – турками! “Восстановившим истинное христианство” протестантам магометане, оказывается, несравненно милее православных христиан. Почему? Да потому, что те уж не протестуют против грабительства немцев и покорно готовы стать народом-навозом. В прошлом году воевали на Балканах. Какое бы, казалось, дело немцам! Но когда особенно сильно замахали немцы мечом? Когда сербы подошли к Адриатическому морю. Маленький народ получал возможность вести свою торговлю и стать независимым от немцев экономически. Этого прогрессивная немецкая нация снести не могла. Немецкое бряцание мечом в этом случае можно передать словами: “Не смей! Вы должны работать, а обогащаться можем только мы, потому что это необходимо для культурного процветания нашей подлинно просвещенной страны.” И вот теперь запылала Европа, подоженная немцами!

Так открывается неразрывная и существенная связь прогресса с войной и жестокостью. Железо и меч прокладывают человечеству дорогу вперед. Колесница прогресса едет по трупам и оставляет позади себя кровавый след.”[191]

Иллюстрация обычно включается в умозаключение от частного к частному, так называемую традукцию, либо как одна из посылок в энтимеме. Так, рассуждение о том, что для европейца культура и прогресс стали идолами, содержит посылки-примеры двух умозаключений, входящих в эпихейрему: о “священных словах” и о каждом слове “против ценности культуры.”

Пример представляет собой индуктивную в собственном смысле аргументацию, когда отдельные суждения фактического характера представляют собой посылки, которые обобщаются в выводе умозаключения. Пример-наведение – указание на сверх-человека Ф. Ницше, цитата из М. Горького, известный немецкий националистический лозунг представляют собой конкретные факты, которые подтверждают мысль автора и могут быть умножены.

Суждение, которое содержится в примере или иллюстрации, может быть индивидуальным (конкретным): Максим Горький, частным или общим: каждое слово..., по трупам слабых восходит... сверхчеловек, и т. д.

^ Сравнительные аргументы

Сравнительные аргументы представляют собой обоснование положения посредством сопоставления данных, смысл или строение которых неизвестны, с данными, которые признаются достоверными и понятными, при этом очевидность общности или сходства рядов данных выступает как основание аргумента, а свойства известных данных – как одна из посылок: “если вы признаете правильность некоторого положения относительно данных ряда А, то вы должны признать правильность того же положения относительно данных подобного ему ряда Б.”

“Неизвестный... Вот ты православный священник и убежден, что знаешь истину. По твоей истине Бог троичен в лицах и един по существу. Ты веруешь в этого Бога и всякую другую веру считаешь заблуждением. Если бы я от тебя пошел к мутле, он стал бы мне говорить о едином Аллахе и тоже

утверждал бы, что знает истину и твоего троичного Бога считал бы ложью, совершенно не соответствующей учению Магомета. Потом я пошел бы к буддисту. Он мне стал бы рассказывать легенды о Будде. И утверждал бы, что он только один знает истину. Я пошел бы к язычнику. Он назвал бы мне несколько десятков своих богов и тоже утверждал бы, что он только один знает истину. Это множество всевозможных религий, часто исключаящих друг друга и всегда утверждающих, что истина только у них, прежде всего заставляет меня усомниться, что в какой бы то ни было из них есть истина. Логика в вопросах веры бессильна, а субъективная уверенность, очевидно, недостаточна. Ведь все представители этих различных религий имеют одинаковую субъективную уверенность и тем не менее только свою истину считают настоящей. Другими словами, только за своими субъективными состояниями они признают объективное значение.

Духовник. Твое мнение подобно тому, как если бы кто усомнился в истинности научного знания только потому, что по каждому научному вопросу десятки ученых высказывают различные взгляды. Ясно, что прав кто-то один. И для тебя научной истиной будет то, что соответствует твоему пониманию этой истины. Возьми хотя бы вопрос о происхождении видов. Разве достигнуто здесь полное единомыслие? до сих пор многие совершенно опровергают теорию Дарвина. Многие возвращаются к ламаркизму. Есть неоламаркисты и неodarвинисты. До сих пор еще в науке идут споры по этому основному вопросу биологии. Однако ты не говоришь: “Биология не знает истины, потому что разные ученые разное считают истиной.”

Неизвестный. Да, но в науке есть вопросы, решенные одинаково всеми.

Духовник. Есть они и в религии. Все религии признают бытие Божие. Все признают Бога первопричиной всего сущего. Все признают реальную связь божественной силы с человеком. Все признают, что Бог требует исполнения нравственного закона, все признают кроме видимого невидимый мир, все признают загробную жизнь. Поэтому одна религия исключает другую не безусловно. В каждой религии есть доля истины. Но полнота ее заключается действительно в одной, в христианской, поскольку она раскрыта и сохраняется в Православной Церкви.

Неизвестный. Вот видишь, опять новое подразделение: поскольку она раскрыта в Православной Церкви. А католики? Протестанты? Англиканцы? Кальвинисты? А множество всевозможных сект? Менонниты, баптисты, квакеры, молокане, духоборы, хлысты и другие ведь все они только себя считают настоящими христианами, и Православие кажется им грубым искажением Евангелия. Как же быть? Кому же из вас верить?

Духовник. Сколько бы ни было разногласий, истина от этого не перестает быть истиной. Ты это понимаешь в отношении науки. Пойми и в отношении религии. Частную правду многие по разным причинам признают за полную истину, но полная истина существует, и когда ты ее увидишь, то сразу узнаешь.”[192]

^ Аргументы к вероятности

Аргументы к вероятности представляют собой обоснования положений, исходящие из идеи вероятности как основы приемлемости положения. Классическим примером аргумента к вероятности является знаменитое “пари” Паскаля как аргумент бытия Божия:

“Будем рассуждать теперь на основании природного рассудка.

Если Бог есть, то Он окончательно непостижим, так как, не имея ни частей, ни пределов, Он не имеет никакого соотношения с нами. Поэтому мы неспособны познать, ни что Он, ни есть ли Он. Раз это так, кто осмелится взять на себя решение этого вопроса? Только не мы, не имеющие с Ним никакого соотношения. Как же после этого порицать христиан, что они не могут дать отчета в своем веровании, когда они сами признают, что их религия не такова, чтобы можно было давать в ней отчет? Они заявляют, что в мирском смысле это безумие. А вы жалуетесь, что они вам не доказывают ее! Если бы стали доказывать, то не сдержали бы слова: именно это отсутствие с их стороны доказательств и говорит в пользу их разумности. “Да, но если это извиняет тех, кто говорит, что религия недоказываема, и снимает с них упрек в непредставлении доказательств, то это самое не оправдывает принимающих ее.”

Исследуем этот вопрос и скажем: Бог есть или Бога нет. Но на которую сторону мы склонимся? Разум тут ничего решить не может. Нас разделяет бесконечный хаос. На краю этого бесконечного расстояния разыгрывается игра, исход которой не известен. На что вы будете ставить? Разум здесь не при чем, он не может указать нам выбора. Поэтому не говорите, что сделавшие выбор заблуждаются, так как ничего об этом не знаете.

“Но я порицал бы их не за то, что они сделали тот или другой выбор, а за то, что они вообще решились на выбор; так как одинаково заблуждаются и выбравшие чет, и выбравшие нечет. Самое верное совсем не играть.”

Да, но сделать ставку необходимо: не в вашей воле играть или не играть. На чем же вы остановитесь? Так как выбор сделать необходимо, то посмотрим, что представляет для вас меньше интереса: вы можете проиграть две вещи, истину и благо, и две вещи вам приходится ставить на карту, ваш разум и волю, ваше познание и ваше блаженство; природа же ваша должна избегать двух вещей: ошибки и бедствия. Раз выбирать необходимо, то ваш разум не потерпит ущерба ни при том, ни при другом выборе. Это бесспорно; а ваше блаженство?

Взвесим выигрыш и проигрыш, ставя на то, что Бог есть. Возьмем два случая: если выиграете, вы выиграете все; если проиграете, то не потеряете ничего. Поэтому не колеблясь ставьте на то, что Он есть.”[193]

Если рассматривать этот аргумент в общем виде, то его схему можно свести к следующему виду: если А вероятно (с такой-то степенью вероятности) является С; и если В является А; то В с такой-то степенью вероятности является С; поскольку выбор В имеет такие-то (положительные) следствия, а выбор не-В имеет такие-то (противоположные) следствия; то следует выбрать В.

Этот аргумент часто основательно отвергается, но отметим, что и аргументация Духовника в “Диалогах” о. Валентина Свенцицкого ставит Неизвестного перед выбором – альтернативой из равновероятных возможностей, поскольку “в конечном итоге и вера и безверие логически одинаково недоказуемы: “Но что может сделать логика? Она может вскрыть ложь основной посылки, показав, к каким нелепым выводам эта ложная посылка приводит. Но если человек лучше готов принять явно нелепые выводы, чем отказаться от этой посылки, – тут логика бессильна.”[194]

Таким образом, дело в основании аргумента: если аргумент Паскаля имеет в качестве основания равновероятность выбора и ставку на реальный результат против нулевого, то о. Валентин Свенцицкий имеет в виду внутренний опыт, который необходимо требует смысла человеческой жизни. Впрочем, в конце фрагмента Паскаль пишет: “Если эта речь вам нравится и кажется сильной, знайте, что она написана человеком, который до и после нее становился на колени и молился бесконечному Существо, коему он предается всецело, чтобы Он предал Себя и нас ради вашего блага и Его славы. Знайте, что сила в немощи совершается.”[195]

Аргумент к вероятности особенно ясно показывает, что убедительность аргументации определяется аудиторией, к которой она обращена: то, что приемлемо для рационального рассудка шеваляе де Мере, было бы неприемлемо для Неизвестного, который напряженно ищет для себя смысла жизни.

^ Прагматический аргумент

Прагматический аргумент представляет собой обоснование положений, которое исходит из идеи пользы как основы приемлемости положения.

“Самая лучшая философия есть та, которая основывает должности человека на его счастье. Она скажет нам, что мы должны любить пользу отечества, ибо с нею неразрывно связана наша собственная; что его просвещение окружает нас самих многими удовольствиями в жизни; что его тишина и добродетели служат щитом семейственных наслаждений; что слава его есть наша слава; и если оскорбительно человеку называться сыном презренного отца, то не менее оскорбительно и

гражданину называться сыном презренного отечества. Таким образом, любовь к собственному благу производит в нас любовь к отечеству, а личное самолюбие – гордость народную, которая служит опорой патриотизма. Так, греки и римляне считали себя первыми народами, а всех других – варварами; так, англичане, которые в новейшие времена более других славятся патриотизмом, более других о себе мечтают”.[196]

Будучи весьма распространенным и убедительным, прагматический аргумент является далеко не самым основательным: соображения личного блага в такой же и даже большей мере могут быть и основанием всяческого рода отрицания любви к отечеству: “Рыба ищет где глубже, а человек – где лучше” гласит народная мудрость, поэтому патриотизм в подобном понимании хорош только до тех пор, пока в отечестве все в порядке.

^ Аргумент к реальному основанию

Аргумент к реальному основанию представляет собой вариант прагматического аргумента, но с тем отличием, что в качестве основания умозаключения приводится действительный прагматический мотив той или иной позиции, к которому она логически сводится в противоположность мнимому, заявленному основанию. Аргумент к реальному основанию обычно используется либо в критике, либо в апологетике той или иной мировоззренческой позиции.

“Но какое положение по отношению к европейскому шовинизму и космополитизму (как выражению западноевропейского эгоцентризма, присущего свойства самосознания европейца – А. В.) должны занять нероманогерманцы, представители тех народов, которые не участвовали с самого начала в создании так называемой европейской цивилизации.

Эгоцентризм заслуживает осуждения не только с точки зрения одной европейской романогерманской культуры, но и с точки зрения всякой культуры, ибо это есть начало антисоциальное, разрушающее всякое культурное общение между людьми. Поэтому если среди неромано-германского народа имеются шовинисты, проповедующие, что их народ – народ избранный, что его культуре все прочие народы должны подчиняться, то с такими шовинистами следует бороться всем их единоплеменникам. Но как быть, если в таком народе появляются люди, которые будут проповедовать господство в мире не своего народа, а какого-нибудь другого, иностранного народа, своим же соплеменникам будут предлагать во всем ассимилироваться с этим “мировым народом.” Ведь в такой проповеди никакого эгоцентризма не будет, – наоборот, будет высший эксцентризм. Следовательно, осудить ее совершенно так же, как осуждается шовинизм, невозможно. Но, с другой стороны, разве сущность учения не важнее личности проповедника? Если же господство народа А над народом В проповедовал представитель народа А, это было бы шовинизмом, проявлением эгоцентрической психологии, и такая проповедь должна была бы встретить законный отпор как среди В, так и среди А. Но неужели все дело совершенно изменится, лишь только к голосу представителя народа А присоединится представитель народа В? Конечно, нет; шовинизм останется шовинизмом. Главным действующим лицом во всем этом предполагаемом эпизоде является, конечно, представитель народа А. Его устами говорит воля к поработлению, истинный смысл шовинистических теорий. Наоборот, голос представителя народа В, может быть, и громче, но по существу менее значителен. Представитель В лишь поверил аргументу представителя А, уверовал в силу народа А, дал увлечь себя, а может быть, и просто был подкуплен. Представитель А ратует за себя, представитель В – за другого: устами В, в сущности, говорит А, и поэтому мы всегда вправе рассматривать такую проповедь как тот же замаскированный шовинизм.”[197]

Аргумент к реальному основанию представляет собой, таким образом, ответ на классический вопрос Цицерона: кому выгодно? Аргумент этот – один из самых сильных и убедительных. Поэтому его часто критикуют за “некорректность.”

^ Аргументы к логической правильности

Аргументы к логической правильности основаны на оценке обоснования с точки зрения возможности в нем логической ошибки (паралогизма) или софизма – намеренного нарушения правил логики с целью ввести в заблуждение.

Если логическая ошибка имеет место, то она рассматривается как основание отвержения аргумента; отсутствие в умозаключении ошибки, соответственно, рассматривается как основание приемлемости аргумента. Поскольку любая аргументация может содержать логические ошибки, то аргументы к логической правильности представляют собой опровержение или защиту аргументации исходя из видов логических ошибок.

Последние традиционно подразделяются на ошибки слов, ошибки дедукции, ошибки индукции и ошибки аналогии; в состав логических ошибок включаются также паралогизмы (софизмы), основанные на использовании логических парадоксов, и некоторые приемы эристической аргументации, если они используются с целью ввести в заблуждение.

^ Ошибки слов (homonymia)

Состоят либо в счетверении термина, либо в подмене значения термина. В первом случае в посылках одно и то же слово используется в различных значениях, как в классическом примере с вулканами и гейзерами. Во втором случае в посылках используется одно значение термина, а в заключении – другое.

^ Ошибки дедукции

1. Уклонение от тезиса, то есть ошибки, которые состоят в несоответствии положения доводам.

2. Незнание опровержения (ignotatio elenchi) представляет собой неправильный выбор посылок или формы умозаключения, которым можно было бы опровергнуть оппонента. Например, действия, совершенные А, не являются преступлением, потому что он хороший человек.

3. Кто доказывает слишком мало, ничего не доказывает (qui minimum probat nihil probat), представляет собой доказательство суждения меньшей степени общности вместо доказательства суждения большей степени общности. Например: “Если А недостоин быть президентом, потому что был недостойным губернатором (что правильно), то В достоин быть президентом, потому что был достойным губернатором (что неправильно).”

3. Неправильное использование аргумента к человеку (или аргумента к авторитету) представляет собой обоснование или отвержение положения, потому что это положение было выдвинуто человеком с теми или иными качествами.

4. Основная ошибка (error fundatentalis) состоит в принятии неверной предпосылки. Например: “Все мужчины бреются; Иван – мужчина; следовательно, Иван бреется.”

5. Предвосхищение основания (petitio principii) состоит в том, что в качестве основания доказательства приводится положение, которое само нуждается в обосновании. Например: “Ребенок вырастает в год на пять сантиметров, следовательно, через двадцать лет он вырастет на метр, через сорок лет – на два метра, а через восемьдесят лет – на четыре метра.”

6. Логический круг (circulus in demonstrando) состоит в доказывании положения посредством довода, который сам доказывается из положения. Например: “Лошади домашние (Equus caballus) – семейство непарнокопытных животных отряда лошадиных (Equidae). Лошадиные (Equidae) – семейство млекопитающих животных отряда непарнокопытных.”[198] Получается, что лошади потому лошади, что они лошадиные, а лошадиные потому лошадиные, что все они лошади. Или, например, определение акад. В. И. Вернадского: “Живое вещество биосферы есть совокупность живых организмов, в ней живущих.”[199]

7. От сказанного в относительном смысле к сказанному безотносительно (a dicto secundum quid ad dictum simpliciter). Ошибка полемической аргументации, состоящая в подмене условного суждения безусловным. Например, из суждения “если цель наказания – исправление преступника, то само уголовное наказание есть проявление человеколюбия” можно получить нелепое суждение, которое вполне удобно критиковать: “Уголовное наказание есть проявление человеколюбия.”

8. Подмена общего значения собирательным значением (*falatia a sensu cotposito ad sensum divisum*): то, что говорится о классе в целом, не обязательно относится к любому члену этого класса; эта ошибка часто используется как софистический прием, например, вывод из суждения “служебные собаки легко поддаются дрессировке” о том, что любая собака служебной породы должна легко поддаваться дрессировке.

9. Подмена собирательного значения общим значением (*falatia a sensu diviso ad sensum cotpositum*): то, что справедливо относительно индивида (или совокупности индивидов), не обязательно справедливо относительно целого класса. Например, каждый русский в отдельности не знает русского языка, в котором (не считая терминологий) несколько сотен тысяч слов; из этого можно сделать неправильный вывод, что русские (как культурная общность) не знают русский язык.[200]

^ Ошибки индукции

10. Поспешные обобщения (*falatia fictae universalitatis*), которые состоят в том, что на недостаточных примерах делается общий вывод, например, что все греки опаздывают, все итальянцы любят макароны и у всех француженок хороший вкус, или оттого, что в Риге, скажем, чище, чем в Москве, русская культура ниже латышской.

11. Сюда же относится ошибка после значит вследствие (*post hoc ergo propter hoc*), например, если утверждают, что зима наступает оттого, что опали листья с деревьев.

^ Ошибки аналогии

Неправильные обобщения по аналогии делаются вследствие подмены присущего приводящим признаком или качеством, общим для сопоставляемых объектов, например, утверждения, основанные на ложной аналогии истории общества с жизнью организма, биологического сообщества (пчелиного семейства) и человеческого общества.

^ Логические парадоксы

Представляют собой суждения, противоречащие логическим законам.

Если я утверждаю, что все люди лжецы, то тем самым я включаю и себя в этот класс. В таком случае, если мое суждение истинно, то, по крайней мере, один человек, высказавший его, не лжец (подчиненное высказывание); следовательно, суждение “все люди лжецы” ложно. Если это мое суждение ложно, то контраридикторное суждение истинно; следовательно, суждение “все люди лжецы” истинно и ложно одновременно, что невозможно.

У этого парадокса есть два условных решения: если понятие “лжец” обозначает человека, который иногда допускает ложь, то парадокс предстает как софизм; если суждение “все люди лжецы” относится ко всем высказываниям, сделанными людьми доселе, то есть если оно равнозначно высказыванию “все высказывания, сделанные людьми доселе, ложны”, или “все люди, кроме меня, лжецы”, то парадокс предстает как двусмысленное высказывание, которое требует уточнения.

^ III. Аргументы к норме

Аргументы к норме представляют собой обоснования положений, обращенные к общественным установлениям и сложившейся общественной практике.

В рационалистической философии нового времени нормативные аргументы часто рассматривались как доказательства в лучшем случае “второго сорта”, а то и вовсе софизмы,[201] поскольку в их обоснование включаются обращения к интересам и убеждениям человека, к различного рода социальным установлениям и авторитету, а также оценочные суждения. Однако принимать решения без обращения к тем мотивам и ценностям, на основе которых строятся общественная жизнь и взаимоотношения людей, невозможно: “Существует, – как отмечает Лейбниц, – *argu-mentum ad igno-antiam* (аргумент к незнанию), когда требуют, чтобы противник либо принял представляемое ему доказательство, либо дал другое, лучшее.”[202]

Такая аргументация может рассматриваться как некорректный полемический прием. Но как возразить человеку, который только и умеет что критиковать любые предложения? – очевидно, сказав ему: “Сделайте лучше.” Поэтому, продолжает Лейбниц: “Несомненно, следует проводить различие между тем, что нужно сказать, и тем, что следует признать истинным... Аргумент *ad ignoantiam* хорош в случае презумпции, когда разумно придерживаться известного мнения, пока не будет доказано противное.”[203]

Основание аргумента к норме – общественное установление, общепринятый порядок вещей – может быть двоякого рода в зависимости от того, в какой форме предстает факт культуры, к которому ритор адресуется как к основанию, – в виде нормы или в виде прецедента.

Под нормой мы будем понимать формулировку установления: авторитетного правила, позиции или мнения, которая принимается обществом и понимается всеми одинаково, например, статью закона, пословицу, техническое правило, догмат веры, конкретное высказывание авторитетного лица или источника.

Под прецедентом мы будем понимать решение, деяние, обычай, которые не сформулированы в виде правила, но пользуются авторитетом, например, обычай выслушивать на совещании сначала мнения младших, а затем мнения старших.

Различие нормы и прецедента состоит в том, что нормы отрабатываются и формулируются специально таким образом, чтобы их можно было использовать как основания аргументов, и часто получают специальное истолкование, которое определяет смысл нормы и ограничивает ее применение. Прецедент, который, в свою очередь, часто полагается в основание нормы, может не иметь ясной формулировки, поэтому истолкование прецедента более произвольно и требует специальной аргументации.

^ Аргумент к норме

Аргумент к норме (в собственном смысле) состоит в том, что случай, конкретная ситуация, конфликт, проблема, которая называется казусом, подводится под норму (сформулированное правило) и представляет собой так называемый юридический или нормативный силлогизм (энтимему).

Большой посылкой нормативного силлогизма является формулировка нормы, меньшей – формулировка казуса, а выводом – определение казуса или предложение, которое выносится как возможное решение вопроса.

“Почтеннейший Стефан сказал: «Прошу прочитать каноны, которые говорят, что рукоположенный в один город не может быть поставлен в другой». Славнейшие сановники сказали: «Пусть будут прочитаны каноны».

Леонтий, почтеннейший епископ Магnezийский, прочитал (из кодекса) правило девяносто пятое: «Если какой-нибудь епископ, не имеющий епархии, вторгнется в церковь, не имеющую епископа, и завладеет ею без совершенного собора, да будет изгнан, хотя бы его избирал весь народ, которым он овладел. Совершенный же собор есть тот, на котором присутствует и митрополит»[204] ...

Далее следует изложение 16-го канона Антиохийского Собора и обстоятельств дела.

“... Славнейшие сановники сказали: “Так как все дело рассмотрено и прочитаны все каноны, то пусть сам Святой Собор скажет, что думает он о епископах Ефеса.”...

Анатолий, почтеннейший епископ Константинополя, нового Рима, сказал: “Тех, которые противозаконно обручились с Невестой Христовой, то есть со святейшею Ефесскою Церковью, она совершенно законно изгнала от себя. Посему, как почтеннейший епископ Вассиан, который вскочил на престол, так и почтеннейший епископ Стефан, который после него неправильно посадил себя самого, пусть останутся в покое, перестав управлять этой церковью. Ефесской же

митрополии будет дан епископ, указанный Богом, избранный к рукоположению (в епископы) этой церкви всеми будущими его пасомыми, право проповедующий слово истины; а упомянутые епископы пусть имеют только достоинство епископское и общение и получают приличное вспомоществование от этой святейшей церкви.”

Святой Собор сказал: “Это мнение справедливо; этот суд справедлив.”[205]

Нормативный силлогизм часто оказывается недостаточным. В каждой конкретной ситуации существует множество обстоятельств, которые требуют принимать, в рамках нормы, решения, соответствующие тем принципам, на основе которых установлена сама норма, или руководствоваться реальными обстоятельствами, которые иногда требуют существенной коррекции решения или применения нескольких норм. Эти нормы могут оказаться частично или полностью несовместимыми. В таком случае аргументация исходит из истолкования обычая или прецедентов.

Так, отцы IV Вселенского Собора, прежде чем принять решение, рассуждали следующим образом:

Почтеннейшие епископы азийские, повергшись перед Святейшим Собором отцов, сказали: “Сжальтесь над нами; мы умоляем Святой Собор сжалиться над нашими детьми, чтобы они не погибли за нас и за наши грехи, оказать им человеколюбие и для отвращения зла дать нам хотя Вассиана; потому что, если кто-либо рукоположен будет здесь, то и дети наши умрут и город погибнет.”

Славнейшие сановники сказали: “Так как по отзывам Святого Собора ни Вассиан, ни Стефан почтеннейшие недостойны быть епископами города Ефеса, то епископы азийские, находящиеся здесь, говорят, что если другой епископ будет рукоположен здесь, в городе Ефесе произойдет возмущение: то пусть Святой Собор скажет, где рукоположить епископа для святейшей церкви Ефесской повелевают каноны.”

Почтеннейшие епископы сказали: “В области.”

Диоген, почтеннейший епископ Кизический, сказал: “Обычай позволяет здесь. Если епископ был поставлен от Константинополя, то этого (возмущения) не получилось. Там рукополагают конфетчиков (кондитеров), оттого бывают и возмущения.”

Леонтий, почтеннейший епископ Магнезия, сказал: “От святого Тимофея доньше поставлено было 27 епископов; все они рукоположены были в Ефесе. Один Василий насильственно поставлен был здесь, и произошли убийства.”

Филипп, почтеннейший пресвитер святой Великой Константинопольской церкви, сказал: “Святой памяти епископ Константинопольский Иоанн, отправившись в Азию, низложил 15 епископов и на место их рукоположил других; здесь же утверждён был и Мемнон.”

Аэтий, архидиакон Константинопольский, сказал: “Здесь рукоположен был и Кастин; Ираклид и другие рукоположены были с согласия здешнего архиепископа; подобным образом и Василия рукоположил блаженной памяти Прокл, и такому рукоположению содействовал блаженной памяти император Феодосий и блаженный Кирилл, епископ Александрийский.”

Почтенные епископы воскликнули: “Пусть каноны имеют силу! Голоса к императору!”

Клирики константинопольские воскликнули: “Пусть имеют силу постановления 150 отцов! Пусть не нарушаются преимущества Константинополя! Пусть рукоположение совершается по обычаю тамошним архиепископом!...”[206]

Дискуссия строится на основе топики: приводятся соображения милосердия, соображения церковной экономики, прагматические соображения о возможности волнений, соображения приоритета, соображения канонического подчинения, соображения, связанные с прецедентами, и в

результате достигается взвешенное решение, учитывающее все высказанные мнения, но располагающее их в надлежащем порядке и применительно к конкретным лицам.

“Славнейшие сановники сказали: “Так как всем угодно рассуждение боголюбезнейшего архиепископа царствующего Константинополя Анатолия и почтеннейшего епископа Пасхазина, занимающего место боголюбезнейшего архиепископа древнего Рима Льва, требующее, чтобы ни один из них (епископы Вассиан и Стефан) не назывался епископом и не управлял святейшей церковью Ефесскою, потому что оба они поставлены были неканонически, и так как весь Святой Собор узнал, что они поставлены были вопреки канонам, и согласен с рассуждениями почтеннейших епископов, то почтеннейшие Вассиан и Стефан будут устранены от святой церкви Ефесской, а будут иметь епископское достоинство и для содержания и утешения себя получат из доходов упомянутой святейшей церкви каждый год по двести золотых (монет); для этой же святейшей церкви будет рукоположен другой епископ по канонам.”[207]

^ Аргумент к авторитету

Аргумент к авторитету отличается от предшествующего тем, что в качестве основания приводится высказывание или поступок авторитетного лица или текст авторитетного источника (Священного Писания, закона, просто известного автора, специалистов или большинства).

“Итак, миллионный убыток в прошедшем угрожает в будущем не только миллионными потерями, но, по заключению ревизии, и ликвидацией. Как ни печальны эти последствия, грозящие Москве еще невиданным крахом, но можно сказать, что они почти ничтожны сравнительно с общественным злом, причиненным заправилами Кредитного общества.

Они извратили выборное начало; они создали пародию самоуправления. Системою долголетнего хищения они развили опасную спекуляцию и самое низкопробное маклачество. Зрелищем безнаказанного прибыльного обмана они развращали массы. Говоря словами достойнейшего гражданина Москвы Митрофана Павловича Щепкина, это была “гибель общественного доверия и общественного достояния.”[208]

При построении аргумента к авторитету следует помнить о двух вещах: во-первых, высказывание не должно быть с искажением смысла вырвано из контекста; во-вторых, источник должен быть действительно авторитетным для тех, к кому обращен аргумент. Второе требование может сниматься значительностью мысли, которая содержится в высказывании: в таких случаях авторитет источника, наоборот, утверждается высказыванием, но содержание и значимость высказывания нуждаются в разъяснении.

“Духовник. Я постараюсь раскрыть тебе, как на твои вопросы отвечает вера, и тотчас ты увидишь, как беспомощно перед этими вопросами неверие.

Неизвестный. Надеюсь только, что ты обойдешься без ссылок на Отцов Церкви и прочие авторитеты.

Духовник. Ты, вероятно, заметил, что в разговорах с тобой я избегаю таких ссылок, хотя все время имею в виду и Слово Божие и творения Отцов Церкви. Но по этому поводу, может быть, я приведу слова святых Отцов не потому, что считаю их для тебя авторитетом, а потому, что они с таким совершенством выражают почти невыразимое человеческими словами.”[209]

^ Аргумент к свидетельству

Аргумент к свидетельству содержит в качестве основания утверждение лица авторитетного или заслуживающего доверия в глазах аудитории, о достоверности факта, или о своих взглядах: это положение истинно или правильно, потому что о нем свидетельствует такое-то лицо. Понятно, что в умозаключении опущена большая посылка: такое-то лицо само пользуется авторитетом и заслуживает доверия, или: такое-то сообщение по таким-то причинам не может быть ложным.

Аргумент к свидетельству очень широко используется для обоснования самых различных положений, потому что на самом деле свидетельство лица, которому мы доверяем, для нас более достоверно и убедительно, чем логические выводы и даже наши собственные наблюдения и опыт.

Не говоря уже о Священном Писании, где он имеет важное значение, аргумент к свидетельству, по существу дела, лежит в основании всего нашего обыденного опыта и всякого научного и исторического знания: мы верим не только сообщениям своих близких или газет, мы верим, что сообщения историков об источниках, которые они изучали, и сообщения исследователей об экспериментах, которые они провели, неложны.

В помещенном ниже примере мы видим умозаключение от противного, когда посылке умозаключения Неизвестного (имеются авторитеты ученых, утверждающие неверие, ученые заслуживают доверия, следовательно, некоторые авторитеты, утверждающие неверие, заслуживают доверия) противостоит аналогичная посылка умозаключения Духовника при сохранении большей посылки имеются некоторые авторитеты ученых, утверждающие веру, ученые заслуживают доверия, следовательно, некоторые авторитеты, утверждающие веру, заслуживают доверия.

“Неизвестный... И если я не знаю, что тебе возразить, из этого не следует, что ты убедил меня. У меня силу твоих рассуждений подтачивает мысль: а как же другие? Сколько великих ученых не имеют веры и признают только материальный мир! неужели им неизвестны эти рассуждения? Очевидно, возражения есть, только я их не знаю. Иначе все должны были бы быть верующими. Ведь все признают, что Земля движется вокруг Солнца, и что сумма не меняется от перемены мест слагаемых. Значит, бессмертие не математическая истина. Эти соображения превращают для меня твою истину в простую возможность. Но возможность в вопросах веры – это почти ничто.

Духовник. Представь себе, я согласен со многим из того, что ты сказал. Но доводы мои совсем иные. Прежде чем говорить об этом, уклонюсь в сторону об ученых и математических доказательствах. Ведь нам с тобой придется говорить о многом, и это мне пригодится. Вот ты сказал о неверующих ученых, что в тебе их имена подтачивают безусловную веру. Но почему тогда имена верующих великих ученых не подтачивают безусловной твердости твоего неверия? Почему ты так же не хочешь сказать: “Неужели им неизвестны возражения неверующих людей? Очевидно, возражения есть, только я их не знаю. Иначе все должны бы стать “неверующими.” Ведь тебе известны слова Пастера: “Я знаю много и верую, как бретонец, если бы знал больше – веровал бы, как бретонская женщина.” Ты прекрасно знаешь, что великий Лодж, председательствуя в 1914 г. на международном съезде естествоиспытателей заявил в публичной речи о своей вере в Бога. Ты знаешь, что наш Пирогов в изданном после его смерти «Дневнике», подводя итог всей своей жизни, говорит “Жизнь-матушка привела наконец к тихому пристанищу. Я сделался, но не вдруг, как многие, и не без борьбы, верующим. Мой ум может уживаться с искреннею верою и я, исповедуя себя очень часто, не могу не верить себе, что искренне верую в учение Христа Спасителя... Если я спрошу себя теперь, какого я исповедания – отвечу на это положительно – православного, того, в котором родился и которое исповедовала моя семья.

...Веру я считаю такую психологической способностью человека, которая больше всех отличает его от животного...”

А Фламарион, Томсон, Вирхов, Лайель? Не говоря уже о великих философах и писателях. Неужели все эти великие ученые люди чего-то не знали, что знаешь ты, и неужели они знали меньше, чем рядовой современный человек (неверующий). Почему эти имена не заставляют тебя сказать о неверии хотя бы то же, что ты говоришь о вере “эти соображения превращают для меня неверие в простую возможность.” Теперь о математических истинах. Даже здесь не все так безусловно, как это тебе кажется. Иногда элементарные математические истины находятся в противоречии с математическими истинами высшего порядка...”[210]

Аргумент к свидетельству, как видно из примера, может строиться и по индуктивной схеме, когда одно или ряд свидетельств подтверждают истинность положения.

Аргумент к свидетельству часто используется в полемической аргументации, когда одни свидетельства противопоставляются другим (как в примере) или свидетельство компрометируется:

“Неизвестный. Подожди, но почему ты совершенно обходишь молчанием новейшую теорию, что Христа вовсе не было, что это просто миф, созданный народной фантазией в течение нескольких веков.

Духовник. Новейшая теория! Но, во-первых, этой новейшей теории без малого сто лет. Во-вторых, когда она появилась, не богословы, а историки, филологи и археологи – словом, все европейские ученые отвергли ее столь единодушно, что она была безнадежно сдана в архив. Ведь надо было для приятия этой “теории” уничтожить все памятники, все документы, всю историю Римской империи. Не богословы, а историки и филологи, кропотливые кабинетные специалисты, изучившие каждое слово, каждую черточку в дошедших до нас памятниках, не могли отодвинуть время написания книг Нового Завета дальше конца первого века. Я не говорю об этой “новейшей теории” потому, что ее современное извлечение из научного архива можно объяснить мотивами, ничего общего не имеющими ни с научной теорией, ни с богословием, ни вообще с какими бы то ни было исследованиями истины. Это возможно назвать на современном языке “агитацией” против Христа. Какое же нам с тобой до этого дело, когда наша цель узнать истину, ибо без этой Истины жизнь для нас не имеет никакого смысла.”[211]

Техника компрометации аргумента к свидетельству состоит не только в выдвигании контрпримеров, но и в применении аргументов, основанных на топе “цель и средства”: устанавливается недобросовестность или зависимость свидетельства от целей или мировоззрения свидетельствующего авторитета – убеждений, личных целей, неискренности или необходимости следовать общему мнению, боязни сказать правду и т. д. Напротив, для утверждения свидетельского авторитета утверждается добросовестность, независимость, согласие нескольких независимых свидетельств, незаинтересованность и отсутствие специальных целей свидетельствующего, или даже его действия вопреки поставленным целям (“не могли отодвинуть время” – значит стремились это сделать).

^ Модель и антимодель

Модель и антимодель представляют собой иносказание – конкретный по форме рассказ или описание, на которые указывают как на образец. Исходным материалом модели может быть реальный факт, представленный в форме повествования или описания, или специально вымышленное событие. Но структура модели позволяет обобщить и подвести под нее очень широкий класс или даже несколько классов ситуаций.

Если модель представляет собой положительный образец, то антимодель представляет собой отрицательный образец. Антимодель иллюстрирует или дополняет этическую норму, которая обычно содержит запрет. Запрет в принципе более продуктивен, чем предписание, поскольку допускает все, что не запрещено. Но запрет не раскрывает правильный образ действия, и в этом смысле не поучителен.

В нижеследующем примере используются модель и антимодель.

“Так сделай и ты; поревнуй тому евангельскому самарянину, который показал столько заботливости о раненом.

Так шел мимо и левит, шел и фарисей; и ни тот, ни другой не наклонился к лежащему, но оба они без жалости и сострадания оставили его и ушли. Некий же самарянин, несколько не близкий к нему, не прошел мимо, но, остановившись над ним, сжалился, и возлив на него масло и вино, посадил его на осла, привез в гостиницу и одну часть денег отдал, а другую обещал за излечение совершенно чуждого ему человека /Лук. 10:30–35/. [212] И не сказал сам себе: “Какая мне нужда заботиться о нем? Я самарянин, у меня нет ничего общего с ним; мы вдали от города, а он не может идти. Что если он не в состоянии будет вынести дальности пути? Мне придется привезти его мертвым, могут заподозрить меня в убийстве, обвинят в смерти его?”

Ведь многие, когда, идя домой, увидят раненых и едва дышащих людей, проходят мимо не потому, чтобы им тяжело было поднять лежащих, или жалко было денег, но по страху, чтобы самих их не повлекли в суд как виновных в убийстве. Но тот добрый и человеколюбивый самарянин ничего этого не побоялся, но пренебрегши всем, посадил раненого на осла и привез в гостиницу; не страшился он ничего: ни опасности, ни траты денег, ни чего другого.

Если же самарянин был так сострадателен и добр к незнакомому человеку, то мы чем извиним свое небрежение о наших братьях, подвергшихся гораздо большему бедствию? Ведь и эти христиане, постившиеся ныне, впали в руки разбойников-иудеев, которые даже свирепее всех разбойников и делают даже больше зла тем, кто им попался. Не одежду они разодрали у них, не тело изранили, как те разбойники, но изъязвили душу и, нанеся ей тысячу ран, ушли, а их оставили лежать во рве нечестия.

Не оставим же без внимания такое бедствие, не пройдем без жалости мимо столь жалкого зрелища, но, хотя бы другие так сделали, ты не делай так, не скажи сам себе: “Я человек мирской, имею жену и детей, это дело священников, дело монахов. Ведь самарянин так не сказал: где теперь священники? где теперь фарисеи? где учителя иудейские? – Нет, он, как будто нашедши самую великую ловитву, так и схватился за добычу. И ты, когда увидишь, что кто-либо нуждается во врачевстве для тела или для души, не говори себе: “Почему не помог ему такой-то и такой-то?” Нет, избавь страждущего от болезни и не обвиняй других в беспечности.”[213]

Евангельская притча о добром Самарянине, как известно, имеет принципиальное значение, ибо она содержит в себе образ отношения Христа Спасителя к каждому человеку и образ отношения христианина к ближнему практически в любой житейской и нравственной ситуации. Интерпретация модели, как это видно из примера, всегда имеет более узкий и специальный характер, чем ее содержание. Так, св. Иоанн Златоуст подчеркивает мужество Самарянина и неосуждение ближнего, представляя эти качества как образец для подражания.

^ Аргумент к прецеденту

Аргумент к прецеденту представляет собой умозаключение, основание которого решение, принятое авторитетной инстанцией по аналогичному вопросу. Одна из посылок аргумента выводится из установлении подобия между рассматриваемым вопросом и прецедентом, другая посылка представляет собой само решение, которое было принято, а вывод – решение, которое предлагается принять.

Рассмотрим пример аргумента к прецеденту.

“Перехожу ко второму пункту обвинения, к форме, приписываемой г. Нотовичу клеветы, к вопросу о том, возможна ли клевета в такой именно форме. Эта форма – сравнение, сопоставление двух близких по своему прошлому банков... Если вопрос об уголовном тождестве обоих банков будет отвергнут, то с тем вместе будет разрешен вопрос, все еще количественный, о полной доказанности или неполной тех признаков, которые были выставлены в “Новостях” как черты сходства между обоими банками.

Окружной суд держался того начала, что если указано, положим, десять признаков сходства и из них подтвердилось семь-восемь, а без подтверждения остались два или три, то подсудимый признан будет, все-таки, клеветником и как таковой будет наказан. Чтобы установить полную несостоятельность такого взгляда, я позволю себе преподнести Палате не решение, а приговор уголовного Кассационного департамента, постановленный им в качестве апелляционной инстанции по делу Куликова 20-го февраля 1890 года. Конечно, этот приговор не решение; только решения публикуются для руководства судам при однообразном применении законов. Но я полагаю, что никто не станет оспаривать высокой авторитетности приговоров Сената. Крестьянин Куликов был бухгалтером в Новоузенской земской управе; он донес губернатору и сообщил прокурору о совершившихся в управе злоупотреблениях, да и напечатал статейку в “Саратовском листке” 1887 года, № 182, в которой содержались следующие слова: “Все сделанное мною заявление (губернатору) подтвердилось и с поразительной ясностью обнаружено хищение земских

денег.” При следствии по обвинению Куликова по 1, 039 ст. ул. о нак. далеко не все обвинения подтвердились выдержками из печатных журналов земских собраний и волостных правлений. Саратовская палата осудила Куликова; он апеллировал в Сенат и Сенат его оправдал по следующим соображениям: “Одно наименование действий членов земской управы систематическим хищением земских денег, хотя и есть выражение неуместное, но еще не служит для применения к Куликову 1,039 ст. ул., так как характеристика не содержит в себе прямого указания на совершение членами управы каких-либо преступных действий, а может быть относима и к беспорядочному и невыгодному для земцев ведению земских дел.” Что же касается того обстоятельства, что не все злоупотребления, которые заявлены Куликовым, подтвердились, то на этот счет правительствующий Сенат говорит: “документальные данные в пользу Куликова, содержащиеся в подробном его показании при предварительном следствии, а равно приложенные по делу выдержки из журналов земских собраний и удостоверения земских старшин содержат в себе некоторое подтверждение указаний обвиняемого на непроизводительность трат земских денег и на известные неправильности в их расходовании.” На этом основании Сенат оправдал Куликова. В этом решении Сенат установил и распределение *oneris probandi*. Если А обвиняет Б в нехороших деяниях и Б ищет за клевету, то А обязан доказать справедливость хотя бы некоторых нехороших фактов, которые он возводит на Б. Но если Б желает, чтобы А был наказан, то он должен быть сам чист, потому что если он даже немножко замаран, то уже не вправе претендовать за клевету.”[214]

Итак, посылка: авторитетное решение Сената по делу Киселева привело к таким-то следствиям (оправдательный приговор и распределение бремени доказательств между истцом и обвиняемым);

Посылка: действия обвиняемого Нотовича таким-то образом тождественны с действиями оправданного Киселева и имели за собой такие-то одинаковые последствия;

Вывод: решение Сената по делу Киселева распространяется на дело Нотовича;

Посылка: решения Сената являются авторитетными для судов;

Вывод: следовательно, и решение по делу Нотовича должно быть подобным решению по делу Киселева.

^ IV. Аргументы к личности

Аргументы к личности представляются, как отмечалось выше, самыми убедительными для любой аудитории при условии, если они правильно построены. Любое знание или мнение человека в конечном счете сводится к свидетельству его личного опыта, который принимает или не принимает факты и умозаключения в той мере, в какой они с этим опытом совместимы.

Но топика современного здравого смысла, основанная на позитивистской философии, антиперсональна: слово “субъективный” означает в толковом словаре “1. присущий только данному субъекту, лицу; 2. пристрастный, предвзятый.”[215] Поэтому самосознание человека или утверждение достоверности личного опыта нуждается в обосновании. В “Диалогах” о. Валентина Свенцицкого предпосылкой аргументации бессмертия души является простое утверждение достоинства и независимости личного суждения:

“Духовник. Подожди, поймешь. А пока я спрошу тебя. Допустим, ты видишь своими собственными глазами зеленое дерево. Тебе докажут путем логических выводов, что никакого дерева на самом деле нет. Скажешь ли ты тогда: “Неправда, оно есть”?”

Неизвестный. Скажу.

Духовник. Ну вот. Именно такой путь выбираю и я в своих рассуждениях. Я беру то, что ты видишь и в чем ты не сомневаешься, затем условно встаю на точку зрения “отрицания бессмертия.” Доказываю тебе, что то, что ты видишь и в чем ты не сомневаешься, – “бессмыслица” и на самом деле этого не существует. Скажешь ли ты мне тогда: “Неправда, существует, – я это знаю”?

Неизвестный. Скажу.”[216]

Обоснованием такого утверждения может быть редукция коллективного опыта к индивидуальному, основанная на идее принципиальной однородности индивидуального и коллективного опыта:

“Существование субъекта как реального единичного существа, лежащего в основании всех явлений внутреннего мира, не подлежит ни малейшему сомнению. Только полное недомыслие может отвергать этот всемирный факт, выясняемый метафизикой и составляющий необходимое предположение всякого опыта. Когда эмпирики утверждают, что я есть не более как наше представление, они признают во множественном числе то самое я, которое отрицают в единственном. Для того чтобы было представление, надобно, чтобы оно кому-то представлялось; для того чтобы было сознание, необходим сознающий субъект. Это такие очевидные истины, о которых странно даже спорить. Утверждать противное можно, только отказавшись от всякой логики.”[217]

Но подобного рода редукция, в свою очередь, нуждается в последующем уточнении и разведении категорий индивидуального и коллективного опыта, потому что она может привести к другой крайности – отвержению коллективного опыта. Выход из противоречия “субъективное – объективное” – в обращении к духовному опыту Церкви, к Божественному откровению.

“Неизвестный. Да, я с этой стороны никогда не рассматривал Церковь. Я видел в ней только определенную исторически изменяющуюся религиозную организацию, подобную всякой другой организации, ставящей себе те или иные общественные задачи.

Духовник. Вот именно. Это-то незнание истины и привело тебя к искаженным суждениям о Церкви. Но пойдем дальше. Теперь тебе легче будет понять мои слова. У нас есть общая основа, на которой мы стоим. Церковь, возглавляемая Христом, является единственной хранилищем абсолютной истины. Никакое самое высокое индивидуальное сознание, в силу поврежденности человеческой природы, не может быть вместилищем истины абсолютной. Там, где начинается индивидуальная человеческая мудрость, там начинается большее или меньшее искажение истины. Ограниченный человеческий разум может вмещать лишь частичную истину, а для того, чтобы могла раскрыться и сохраниться истина абсолютная, должно быть не индивидуальное сознание, хотя бы самого мудрого человека, а абсолютное, совершенное и сверхъестественное сознание Церкви. Отсюда ясно, что без Церкви не может быть веры. Потому что не может быть первого ее условия: для того чтобы верить, надо знать, во что верить.

Неизвестный. Но получается какой-то заколдованный круг: с одной стороны, чтобы сделаться членом Церкви, нужна вера, а чтобы иметь веру, надо быть уже членом Церкви, как же так?”[218]

Далее о. Валентин Свенцицкий обосновывает развитие индивидуального опыта веры:

“Духовник. Для того чтобы сделаться членом Церкви, нужна та степень веры, которая доступна каждой человеческой душе, не потерявшей образ и подобие Божие. Это состояние выражается в словах: “... верую, Господи! Помози моему неверию” /Мк. 9:24/. Но вера, о которой говорим мы, – это совсем другое, она так же отличается от веры вне Церкви, как индивидуальное сознание от сознания церковного. Только в Церкви она получает свою полноту и возможность беспредельного совершенствования.

Неизвестный. Мне так важно уяснить вопрос о вере, что я просил бы тебя как можно подробнее сказать об этом.

Духовник. Прекрасно. Мы уже несколько раз, поскольку это было нужно, касались понятия веры. Мы уже говорили с тобой, что вера – это не есть простое доверие чужим словам, то есть поверхностное, непроверенное знание. Вера – это высшая форма познания. Она видит и ощущает то, что не могут видеть глаза и воспринимать внешние чувства. Это особое восприятие,

таинственное и непостижимое в нас, превышающее все остальные формы познания и заключающее их в себе. Она за видимым открывает невидимое, и невидимое делает столь же реальным, как и видимое: ибо вера объемлет в полноте и разум, и внешнее чувство, и всю его душу. Органом веры является все внутреннее существо человека, приведенное в свой надлежащий строй. Ум здесь занимает свое, подобающее ему скромное место. Когда разум отравлен ложью, а душа изломана страстями, – испорчен аппарат веры.

Вера без Церкви не может быть совершенной. Не только потому, что для этого надо знать совершенную истину, но и потому, что для этого надо иметь благодать Святого Духа. Ведь если бы вопрос был только в знании истин веры, можно было бы выучить их, поскольку они сохраняются в Церкви. Но для того, чтобы поверить в эти истины, а не только знать их, недостаточно одного их изучения, а нужно познать их внешним познанием веры. Не имея благодати Божией, это невозможно. Как говорит Апостол: "... никто не может назвать Иисуса Господом, как только Духом Святым" /1 Кор. 12:3/. Значит, для веры нужно принять Духа Утешителя, который сошел на Апостолов в огненных языках и по сие время пребывает в таинствах Церкви. Вот что такое вера, и вот почему без Церкви ее не может быть." [219]

Таким образом, в основании аргументации к личности лежит понятие веры и вся топика, связанная с этим понятием.

^ Аргумент к человеку

Аргумент к человеку (*ad hominem*) представляет собой включение данных о лице, выдвинувшем те или иные положения, об обстоятельствах аргументации или дополнительных данных, содержащихся в аргументации, в систему доводов об истинности или ложности самих выдвинутых им положений. Например: "Вы судите о моей работе таким образом, потому что невнимательно прочли и не поняли ее, из чего следует, что ваши суждения ложны, неточны или предвзяты."

Такое свидетельство полемика противника против его собственных положений включается в посылки и ставится в один ряд с данными опровержения. [220]

"По твоим словам, те из иконоборцев, что понаглее и позловреднее, полагая мудростию хитроумие, задают вопрос: которая из икон Христа истинная – та, которая у римлян, или которую пишут индийцы, или греки, или египтяне, – ведь они непохожи друг на друга, и какую бы из них ни объявили истинной, ясно, что остальные будут отвергнуты. Но это их недоумение, а вернее кознодейство, о прекрасное извращение Православия, можно многими способами отразить и обличить как исполненное великого безумия и злочестия.

Во-первых, можно сказать им, что они сразу же тем самым, с помощью чего решили бороться против иконоверия, даже против воли засвидетельствовали его существование и поклонение иконам по всему миру, где есть христианский род. Так что они скорее говорят в пользу того, что пытаются опровергнуть, и уловляются собственными доводами.

Во-вторых, они, говоря такие вещи, незаметно для самих себя становятся в один ряд с язычниками – ведь сказанное о честных иконах можно равным образом применить и к другим нашим таинствам, ведь можно было бы сказать: какие евангельские слова вы называете богодухновенными, и вообще которое Евангелие? Ведь римское пишется буквами одного облика и вида, индийское – другого, еврейское – третьего, а эфиопское – четвертого, и они не только пишутся несходным обликом и видом буквами, но и произносятся разнородным и весьма непохожим звучанием слов. Ведь и эта дерзость свойственна именно вашим доводам – ибо даже какой-нибудь эллин не мог бы легко выдвинуть против нас такие вещи, потому что и у них почитается много похожего. И как у них общая с нами природа, и ум, и слово, и одинаковое смешение души с телом, и тысячи других свойств, так и относительно представлений о Божестве, хотя они очень во многом и самом важном с нами расходятся, но есть вещи, против которых даже они не осмеливаются возражать из-за очевидности общих понятий. Поэтому даже эллин не усомнится у нас в этом, но кто-то другой, совершенно безбожный и безверный, совсем не допускающий ни понятия о Божестве, ни служения Ему..." [221]

^ Аргумент к последовательности

Аргумент к последовательности (как более мягкий вариант аргумента к человеку) представляет собой доказательство несовместимости критикуемого положения оппонента с положением, которое он заведомо принимает. Из этой несовместимости выводится необходимость отказа оппонента от принятого им положения и, следовательно, принятия противоположного.

В отличие от *ad hominem* в собственном смысле, аргумент к последовательности широко применяется и в диалектической аргументации.

“Во всех обвинениях, мною высказанных против различных ветвей раскола, я строго придерживался правила ограничиваться выводами из начал, ими самими признаваемых. Все мои приговоры основаны единственно на внутренних противоречиях, которые они в себе содержат. Так я показал, что поставление папы, в котором латиняне хотят видеть как бы завершение рукоположения, на самом деле упраздняет это таинство; далее я показал, что протестантство, опираясь на Библию и в то же время отвергая Церковь, тем самым уничтожает Библию. Думаю, что это самый логичный и самый доказательный способ опровержения всякой системы, как философской, так и религиозной.”[222]

^ Аргумент к совести

Аргумент к совести представляет собой обоснование положения путем апелляции к суждению совести. Но указывает, каким именно должно быть это совестное суждение.

В нижеследующем отрывке защитник, обращаясь к совести присяжных, по существу дела, ставит коллегия присяжных перед выбором: либо отказаться от осуждения, либо подвергнуться осуждению самим, что нельзя считать вполне добросовестным, поскольку суд обязан присягой судить по позитивному закону, который не должен быть нарушаем.

“Но вернемтесь еще раз на одну минуту к основному утверждению обвинителя. Он настаивает на умысле на убийство у обвиняемого. Сопоставьте это утверждение с фактами дела. К роковому для него дню он выстраивает большой и ценный дом, отдается всегдашним заботам жизни, строит лавку и, весь погруженный в деловые заботы, возвращается домой. Где же тут место умыслу? Умысел, если бы он в действительности существовал, нашел бы иные формы покончить с женою. Да и зачем было искать их? Стоило только не поберечь ее, чтобы случай явился и сделал то, что сделала его рука. Нет, здесь была нечаянность, роковой момент, затмение человеческой мысли. Я знаю, вам будут говорить: “Да, ведь, не мог же он не знать, ударяя топором, что он лишает жизни.” Это – не признак умысла. Сумасшедший, стреляя в другого, тоже знает, что лишает жизни; животное, ударяя рогами, знает и хочет отнять жизнь. Но их не судят: у них нет рассудка. То же бывает и с человеком. У одних в злые минуты – гнева, злости, ожесточения, у других – в пору горя, скуки, стыда, отчаяния. Последнее и есть признак помрачения ума, бессилия воли, способной удержать порыв, сдерживать негодование. По-моему, все эти черты здесь налицо перед вами, и вам надо решать, что здесь – злодеяние или несчастье, – и решить, только руководясь одним своим убеждением, ибо только вы несете ответ за свои слова. Закон наделяет вас величайшей властью – определять виновность и невиновность. И нет границы ей, кроме вашей совести. Отпустив его, вы скажете лишь: “Да рассудит их Бог.” Теперь я отдаю вам его судьбу. Да укрепит Господь ваш разум, да смягчит ваши сердца!.. ”[223]

А. С. Хомяков строит такой аргумент в виде сложной леммы.

“Если вы в состоянии заглушить в себе разум, забыть Предание первобытной Церкви, отказаться от прав христианской свободы и принудить свою совесть к молчанию: смиритесь перед папством и будьте римлянами.

Папство, конечно, вовсе не то, что Церковь; оно есть нечто, может быть, даже несколько унижительное, нечто более похожее на христианское идолопоклонство, чем на христианство: но, по крайней мере, это нечто логичное, хоть на вид.

Если вы в состоянии забыть, что разум человеческий познает истину только при помощи нравственного закона, которым человек соединяется с своими братьями, и что под условием лишь свободного подчинения своей личности этому закону нисходит на человека Божественная благодать, если вы можете держаться за свидетельства Церкви первых веков, искажая в то же время их смысл и упуская из виду их цельность, если вы способны горделиво повергаться ниц перед всевластием личной свободы и принимать искание истины за веру, тогда будьте протестантами.

Это опять не христианство, это не более как скептицизм, худо замаскированный, но, по крайней мере, это логично, хоть на первый взгляд.

Вы не можете в одно и то же время поклоняться Риму (основанному при содействии ваших предков) и бунтовать против его власти, вы не можете в одно и то же время оставаться вне Церкви (отвергнутой вашими предками) и взывать к ее законам и преданиям, вы не можете быть янсенистом, ибо янсенизм – явная бессмыслица.

Но если ваше одиночество тяготит вас (а оно не может не быть в тягость для душ, требующих сочувствия), если вы дорожите спокойствием религиозной совести и уверенностью в вере, если вы искренне ищете истину и верите преданиям и наставлениям первобытного христианства тогда отступитесь от десятивековых заблуждений, отвергните наследие раскола, переданное вам предками, словом, возвратитесь в лоно Церкви.

Миллионы сердец пойдут к вам навстречу, миллионы отверстых рук примут вас в свои объятия, примут вас как равноправных, как братьев возлюбленных, миллионы уст призовут на вас благословения и дары благодати, обетованные от Спасителя верным Его последователям. Церковь, милостивый государь, не блистает наружностью. Подобно своему Божественному основателю и Его первым ученикам, она проходит почти незаметно в человечестве, она живет забытою и непознаною тем обществом, которое основало западный раскол, она как бы смиренная плебейка перед лицом монархического могущества Рима или ученой аристократии протестантства, она есть то, чем была и чем всегда пребудет, она – тот камень, которого не сокрушат стихии мира, она – неприступное и тихое пристанище, открытое для того, кто любит и жаждет веры.”[224]

^ Правила и рекомендации

Хорошими аргументами являются не аргументы, убедительные для ратора, а аргументы, убедительные для аудитории.

Выбирая основание аргумента, следует учитывать привычки и уровень подготовки аудитории.

Ритор может применить эристическую (полемическую) аргументацию, только если ее применяет оппонент.

Не рекомендуется применять эристическую аргументацию, если дискуссия ведется посредством диалектических аргументов.

Если правила аргументации в конвенциональной аудитории (например, в суде) допускают эристическую аргументацию, то ее следует применить.

Ритор, применяющий эристическую аргументацию, должен помнить, что тактическая победа в полемике легко может обернуться стратегическим поражением в оценке ратора аудиторией.

Применение софистических аргументов не рекомендуется, даже если оппонент их использует.

^ Глава третья. Расположение

^ Понятие расположения

Расположением называется раздел риторики, в котором рассматриваются приемы построения завершённого высказывания.

Построение высказывания определяется его коммуникативной целесообразностью, содержательным единством и смысловой завершенностью.

Коммуникативная целесообразность высказывания означает, что в его строении отражаются отношения между адресатом (отправителем), адресантом (получателем) и решаемой проблемой.

Содержательное единство высказывания означает, что главная его мысль, тема, развернута в последовательный ряд взаимосвязанных мыслей.

Смысловая завершенность высказывания означает, что цель, ради которой высказывание создается и адресуется аудитории, достигнута применением необходимых и достаточных словесных средств.

^ Членение высказывания с точки зрения получателя

Задача начала речи состоит в установлении контакта между ее участниками. Получатель стремится составить представление об отправителе исходя из своих целей и интересов и уясняет себе, насколько значим предмет речи и в какой мере отправитель заслуживает внимания и доверия. Отправитель, со своей стороны, стремится привлечь внимание, вызвать интерес к теме, указать получателю ценность содержания речи и снискать его доверие.

Когда контакт установлен, получатель переключает внимание на содержание высказывания, стремясь уяснить себе мысли отправителя и оценить их, руководствуясь представлением об отправителе, которое может меняться в ходе речи. Отправитель стремится ясно, убедительно и наглядно высказать и обосновать свои мысли и предложения. В диалоге та же задача решается всеми участниками общения, которые попеременно выступают в роли отправителей и получателей речи, обсуждая проблему.

Когда проблема в достаточной мере рассмотрена или обсуждена, получатель речи обращает внимание на решение, которое надлежит принять, или на действие, которое надлежит совершить, а отправитель стремится побудить получателя к такому решению или действию, мобилизуя его волю и чувства. В диалогической речи такая мысль-волеие формируется совместными словами и действиями участников диалога.

Таким образом, в завершенном высказывании выделяются: начало, связанное преимущественно с отношением отправителя и получателя речи – этосом; середина, связанная с оценкой получателем отношения отправителя к содержанию речи – логосом; завершение, связанное с эмоционально-волевым отношением получателя к решению – пафосом.

^ Членение речи с точки зрения отправителя

Форма произведения слова с точки зрения отправителя связана с понятием диалогизма. В реальности диалог и монолог взаимосвязаны: диалог распадается на части, представляющие собой относительно завершенные реплики-высказывания или группы тесно связанных реплик, например, вопросо-ответов. Монолог включает в себя смысловые элементы, которые имитируют реплики диалога, потому что речь воспринимается и понимается порциями, и от отправителя требуется, чтобы он членил речь в соответствии со способностью получателя ее воспринимать.

Существенная особенность монологической речи состоит в том, что отправитель управляет ее восприятием, выделяя в монологическом высказывании порции-сегменты различного размера и строения и располагая их в целесообразную последовательность. При этом он может использовать различные речевые тактики, предполагающие большую или меньшую активность и самостоятельность восприятия речи получателем, приближая строение высказывания к диалогической речи или изображая диалог в монологическом высказывании.

Имитация диалога в монологической речи, при которой смысловые фрагменты высказывания воспроизводят свойства различных типов реплик диалога, называется диалогизмом или диалогичностью.

Главные средства диалогизма – вопросо-ответ, несобственная речь, сообщение, побуждение, обращение.

^ Членение высказывания с точки зрения содержания

Форма словесного произведения не сводится к его коммуникативному членению – монологическая речь сложнее и содержательнее диалогической: словесность, то есть культура языка, включает монологические высказывания, поскольку произведение слова хранится и воспроизводится в виде монолога.

Произведение выделяет в себе содержательные части, которые представляют собой словесное изображение ходов мысли – смысловых конструкций. Предмет мысли можно определить, описать, о событии можно повествовать, саму мысль можно растолковать в объяснении, а правомерность или истинность ее можно доказать или обосновать в рассуждении.

Смысловые фрагменты высказывания, воспроизводящие способы представления предмета речи в мысли, называются композиционно-речевыми конструкциями.

Главные композиционно-речевые конструкции – повествование, описание, объяснение, рассуждение, побуждение.

Коммуникативная целесообразность, содержательное единство и смысловая завершенность проявляются в единораздельности, или форме высказывания, которая и делает его произведением слова.

^ Форма произведения слова

В произведении слова выделяются относительно самостоятельные взаимосвязанные части, каждая из которых служит для решения определенной задачи и вызывает явный словесный или внутренний ответ аудитории таким образом, что последовательное согласие аудитории с мыслями, выраженными в частях высказывания, приводит к согласию с его главным положением. Формой произведения слова называется состав, строение, соотношение и последовательность частей, которые позволяют понимать его и делают сопоставимым с другими словесными произведениями.

Форма произведения слова предполагает его членимость на так называемые части высказывания: (1) вступление, (2) положение, (3) разделение, (4) изложение, (5) подтверждение, (6) опровержение, (7) обобщение (рекапитуляцию), (8) побуждение. Из них только вступление и побуждение естественно связаны с началом и завершением высказывания; положение остальных частей может быть различным.

^ Элементы расположения

1. Вступление

Главная задача вступления – выражение этических отношений ратора к аудитории, определение места данной речи в ряду других и значения темы для аудитории.

В слове о Московском университете святитель Филарет говорит о причине своего выступления, о значении Московского университета, но главное – об уместности избранной темы и о значении поставленной проблемы.

Во вступлении проявляются так называемые ораторские нравы – этические свойства, на основе которых устанавливается взаимное доверие между ратором и аудиторией: честность, скромность, доброжелательность, предусмотрительность.

Проявление и правильное выражение ораторских нравов во вступлении имеет большое значение: если ритор недостаточно ясно или недостаточно тактично представит аудитории свое отношение к ней и к предмету речи, то последующая установка аудитории будет не просто критической, но отрицательной.

Вступление решает следующие задачи:

- привлечь внимание аудитории к риторике и предмету речи;
- вызвать интерес к проблеме;
- установить главные общие места речи, приемлемые для аудитории и ратора;
- установить доверие между ритором и аудиторией – создать благоприятное отношение к тем предложениям, которые ритор выдвинет, и к той аргументации, которую он применит.

В обычном вступлении решаются только перечисленные задачи. Помимо обычного вступления иногда используются особые формы вступления, которые связаны с более сложными отношениями между ритором и аудиторией.

^ Вступление с ораторской предосторожностью

Применяется, когда аудитория настроена отрицательно к позиции ратора: например, если в речи предлагается принять закон или решение, против которых аудитория выступала или которые, по мнению аудитории, несовместимы с ее интересами.

Вступление с ораторской предосторожностью можно видеть в речи П. А. Столыпина “О морской обороне”, произнесенной в Государственной Думе 24 мая 1908 года.

“После всего что было тут сказано о морской смете, вы поймете, господа, то тяжелое чувство безнадежности отстоять испрашиваемые на постройку броненосцев кредиты, с которым я приступаю к тяжелой обязанности защищать почти безнадежное, почти проигранное дело. Вы спросите меня: почему же правительство не преклонится перед неизбежностью, почему не присоединится к большинству Государственной Думы, почему не откажется от кредитов?

Ведь для всех очевидно, что отрицательное отношение большинства Государственной Думы не имеет оснований какие-нибудь противогосударственные побуждения; этим отказом большинство Государственной Думы хотело бы дать толчок морскому ведомству, хотело бы раз навсегда положить конец злоупотреблениям, хотело бы установить грань между прошлым и настоящим. Отказ Государственной Думы должен был бы, по мнению большинства Думы, стать поворотным пунктом в истории русского флота; это должна быть та точка, которую русское народное представительство желало бы поставить под главой о Цусиме для того, чтобы начать новую главу, страницы которой должны быть страницами честного, упорного труда, страницами воссоздания морской славы России.

Поэтому, господа, может стать непонятным упорство правительства: ведь слишком неблагодарное дело отстаивать существующие порядки и слишком, может быть, недобросовестное дело убеждать кого-либо в том, что все обстоит благополучно. Вот, господа, те мысли или приблизительно те мысли, которые должны были возникнуть у многих из вас; и если, несмотря на это, я считаю своим долгом высказаться перед вами, то для вас, конечно, будет понятно, что побудительной причиной к этому является вовсе не ведомственное упрямство, а основания иного, высшего порядка.

Мне, может быть, хотя и в слабой мере, поможет то обстоятельство, что, кроме, конечно, принципиально оппозиционных партий, которые всегда и во всем будут противостоять предложениям правительства, остальные партии не совершенно единодушны в этом не столь простом деле, и среди них есть еще лица, которые не поддались, быть может, чувству самовнушения, которому подпало большинство Государственной Думы. Это дает мне надежду если не изменить уже предрешенное мнение Государственной Думы, то доказать, что может существовать в этом деле и другое мнение, другой взгляд, и что это взгляд не безумен и не преступен.”[225]

Вступление с ораторской предосторожностью строится следующим образом:

- Ритор присоединяется к эмоциональной оценке проблемы аудиторией и высказывает огорчение тем, что ему приходится выступать в столь сложных обстоятельствах.
- Ритор устанавливает топы, в основном нравственного характера, но также и специальные, связанные с технической стороной вопроса, которые объединяют его с аудиторией (в примере – патриотические чувства и стремление к благу отечества, ответственность за общее дело); эти общие места представляются как наиболее значимые.
- Ритор высказывает понимание позиции аудитории и уважение к ней, но при этом указывает на чувство долга и необходимость, которые побуждают его отстаивать свою позицию.
- Ритор представляет позицию аудитории как коллективную и вызванную естественной эмоцией (чувство внушения), но не как самостоятельную, продуманную и трезвую, что не утверждается прямо, но подразумевается.
- Ритор стремится показать, что аудитория в своих подходах к проблеме неоднородна, и находит те пункты, в которых можно разделить аудиторию.
- Мнению аудитории, основанному на эмоции, ритор противопоставляет необходимость трезвого, всестороннего и самостоятельного анализа проблемы, руководствуясь теми общими местами, которые объединяют ратора с аудиторией. Тем самым он отвлекает аудиторию от коллективной эмоции, максимально разделяет ее и начинает организовывать группу своих сторонников, сочувствующих и готовых, по крайней мере, выслушать и оценить его аргументы.
- Общие с аудиторией позиции ритор противопоставляет расхождениям как существенно менее важным.
- После вступления с ораторской предосторожностью рекомендуется сразу переходить к аналитической технической аргументации – доказательствам, которые требуют внимания и понижают эмоцию.

Вступление с ораторской предосторожностью обычно бывает более пространным, чем обычное вступление, потому что вступительной частью речи ритор успокаивает аудиторию и достигает более тесного речевого и эмоционального контакта с ней.

^ Вступление *ex abrupto*

Этот тип вступления применяется, когда аудитория сильно возбуждена, и ратору нужно успокоить ее, прежде чем перейти к изложению проблемы. Главная задача вступления *ex abrupto* – добиться внимания аудитории и сохранить единодушие с ней на протяжении всей речи.

Классический пример вступления *ex abrupto* – начало первой речи Цицерона против Катилины.

“Доколе же ты, Катилина, будешь злоупотреблять нашим терпением? Как долго еще ты, в своем бешенстве, будешь издеваться над нами? До каких пределов ты будешь кичиться своей дерзостью, не знающей узды? Неужели тебя не встревожили ни ночные караулы на Палатине, ни стража, обходящая город, ни присутствие всех честных людей, ни выбор этого столь надежно защищенного места для заседания сената, ни лица и взоры всех присутствующих? Неужели ты не понимаешь, что твои намерения открыты? Не видишь, что твой заговор уже известен всем присутствующим и раскрыт? Кто из нас, по твоему мнению, не знает, что делал ты последней, что предыдущей ночью, где ты был, кого сзывал, какое решение принял? О, времена! О, нравы! Сенат все это понимает, консул видит, а этот человек все еще жив.”[226]

Смысл вступления *ex abrupto* в том, что оратор не пытается переломить эмоцию аудитории, но, наоборот, присоединяется к ней и еще возбуждает ее, делая это до тех пор, пока эмоция не достигнет предела и тем самым не разрядится. Иногда в этот переломный момент оратор стимулирует аудиторию к совместному действию, например, к пению гимна, скандированию

лозунгов и т. п. После этого оратор переходит к основной части речи, поддерживая, однако, достаточно высокий уровень эмоционального напряжения.

Технически такое вступление, как это видно из примера, концентрирует внимание на полемическом противнике. Оратор обращается к нему, использует фигуры диалогизма (обращения, вопросы, указания, воззвания, заимословие) с тем, чтобы эти диалогические приемы стали собственными словами аудитории.

Вступление *ex abrupto* требует от оратора хорошей техники и самообладания, умения говорить с аудиторией ее языком и способности поддерживать высокий уровень эмоции на протяжении всей, часто весьма пространной, речи.

^ Общие рекомендации

Следует отнестись к вступлению с особым вниманием, так как от него зависит последующий успех речи.

Важно обратить внимание на ораторские нравы: честность, скромность, доброжелательность, предусмотрительность, не навязывая, однако, себя аудитории: ритор именно проявляет эти качества, а не говорит о них.

Вступление должно быть умеренно эмоциональным, оратор входит в речь постепенно; если речь начата слишком энергично, то эмоции аудитории будут угасать по ходу речи, а сам ритор быстро устанет и не сможет долго удерживать на напряженный строй речи.

Вступление должно быть максимально кратким, затянутое вступление приводит к тому, что ритор и аудитория утрачивают представление об основном содержании речи.

Следует избегать посторонних источников вступления, всякого рода историй, примеров из жизни ратора, анекдотов и подобного: вступление не должно отвлекать аудиторию от главного содержания речи и должно быть связано с ее основным положением.

Вступление произносится или читается первым, а сочиняется в последнюю очередь; только составив и подготовив речь, следует обратиться к вступлению.

Приступая к публичному выступлению, оратор всегда сталкивается с более или менее неожиданной ситуацией, и заранее подготовленное, а тем более написанное, вступление может ему повредить.

Стиль вступления должен быть простым, не следует употреблять незнакомые аудитории, ученые, труднопроизносимые слова и сложные конструкции; во вступлении оратор использует язык аудитории, но при этом ни в коем случае не прибегает к низким, грубым, нелитературным словам и выражениям.

^ 2. Предложение

Предложение (теза) представляет собой тщательно сформулированное применительно к обстановке, строению, конкретной композиции произведения главную мысль – тему (см. раздел Изобретение).

В отличие от этой главной мысли, само наименование – предложение – подразумевает решение, которое предлагается на рассмотрение аудитории. Предложение остается главной мыслью, которая развертывается в текст высказывания, обосновывается и воспроизводится во всех его частях.

Предложение обычно находится в начале высказывания: либо непосредственно после вступления, либо после разделения предмета, либо после изложения (как в речи святителя Филарета), либо даже после опровержения, особенно когда опровержение помещается в начале речи. Иногда предложение помещается в конце речи, статьи или книги и совпадает с выводом.

Что касается построения предложения, то оно может быть простым по форме: “... вы делом исповедуете, что Христос есть Божия премудрость поучающая и Он же есть предмет поучающей премудрости – истина: что Господь дает премудрость наставляющим, и от лица Его познание и разум в наставляемых” (Притч. 2:6).

Предложение может быть и развернутым, то есть содержать в себе некоторое обоснование, которое называется положением: “...цель у правительства вполне определена: правительство желает поднять крестьянское хозяйство, оно желает видеть крестьянина богатым, достаточным, так как где достаток, там, конечно, и просвещение, там и настоящая свобода. Но для этого необходимо дать возможность способному, трудолюбивому крестьянину, то есть соли земли русской, освободиться от тех теперешних условий жизни, в которых он в настоящее время находится. Надо дать ему возможность укрепить за собой плоды трудов своих и представить их в неотъемлемую собственность.”[227]

П. А. Столыпин здесь использует не только развернутое, но и разорванное предложение, части которого разделены вставной конструкцией: сначала дается положение, которое развертывается вставной частью, а затем – собственно предложение.

^ Общие рекомендации

Предложение должно быть:

- ^а максимально простым по форме;
- ^а понятным;
- ^а завершенным грамматически и по смыслу;
- ^а воспроизводимым;
- ^а новым;
- ^а спорным;
- ^а этически приемлемым для аудитории;
- ^а реалистичным (осуществимым силами аудитории).

^ 3. Разделение

Разделение представляет собой перечисление и наименование в последовательном порядке составляющих содержания всего произведения или его части: видов родового понятия, частей целого, свойств или признаков, последовательности событий, аспектов проблемы.

Состав и последовательность частей разделения поэтому организуют весь текст или его часть. Но значение разделения не сводится к его непосредственному использованию в тексте: разделение является важнейшим инструментом расположения как такового, и работа над расположением начинается с построения разделения, поскольку композиционные части речи в своем составе, соотношении и порядке следования должны быть ясно и отчетливо поняты самим ритором.

В хорошо построенном произведении разделение, даже если оно не представлено в явном виде, заметно по последовательности и четкости композиции.

Разделение как часть высказывания рекомендуется лишь в тех случаях, когда создаваемое произведение пространно, содержательно сложно или если автору нужно особо выделить составные части содержания. Так, полезно строить разделение в лекции, в учебнике, в полемической статье, в судебной речи, в докладе, в послании и т. п.

Существуют три основных вида разделения: (1) предмета речи, то есть понятия, лежащего в основании предложения; (2) содержания произведения, то есть тех вопросов, которые излагаются в нем; (3) полемической позиции, то есть предмета полемики.

Разделение предмета речи основано на делении понятия и подчиняется соответствующим логическим правилам.

“Переходя к вопросу о том, в чем же состоит подготовка пастыря к его будущей деятельности, сразу же надо расчленив эту тему на: 1) подготовку духовную, 2) подготовку интеллектуальную и 3) подготовку внешнюю.”[228]

Разделение содержания основано на составе излагаемых тем или вопросов, поэтому оно зависит от внешних причин, например, от дидактических требований, степени ясности или значимости частей разделения, задач построения системы аргументации.

“Чтобы изучить историческое явление, нужно прочитать известие о нем в письменных памятниках. А для правильного отношения к этим памятникам нужно знать целый ряд наук, смотря по тому, к какому роду памятники относятся. При пользовании документами нужна архивистика; если мы имеем дело с печатями, понадобится сфрагистика; если известие написано на камне, нужна эпиграфика; если мы пользуемся монетами, необходима нумизматика. Наиболее же необходимыми для историка являются палеография, филология, география и хронология. Вообще, вспомогательные науки, содействуя выполнению критической задачи, а) выясняют, можно ли по внешнему виду принять памятник за то, за что его выдают, б) помогают прочитать его, в) правильно понять его, г) определить положение в пространстве и времени.”[229]

Полемическое разделение основано на содержании того произведения или позиции, которые рассматриваются ритором, и от тех вопросов, которые он выделяет в качестве предмета полемики, но также и от соображений убедительности критики.

“Есть два основных соблазна о Церкви, к которым можно применить имена двух христологических ересей: монофизитства и несторианства.

Экклезиологические монофизиты желают только хранить Истину и умерщвляют церковную иконономию, ту многообразную и всегда различную в зависимости от времени и места деятельность Церкви, посредством которой Она питает мир. Экклезиологические несториане ради икономии готовы забыть о неизменной полноте Истины, обитающей в Церкви, и, вместо того чтобы оплодотворять ею мир, начинают искать их во вне, в человеческом творчестве (философском, художественном, социальном и т. д.) питания для Церкви. Первые забывают, что Церковь хранит божественные сокровища ради спасения мира; вторые перестают видеть, что источник жизни и ведения Церкви не мир, а Дух Святой.”[230]

^ Общие рекомендации

Разделение:

является основой расположения;

используется в пространственных произведениях или в произведениях сложного содержания;

рекомендуется в официальных докладах, академических лекциях, судебных речах;

помещается в начале произведения или его части;

состав и последовательность членов деления отражаются в построении текста произведения или его части.

^ 4. Изложение

Изложение – часть высказывания, назначение которого состоит в представлении фактического материала.

Самыми сильными доводами являются факты, поэтому изложение занимает особое место в композиции произведения.

Главное правило расположения изложений состоит в том, что чем более значительными и неоспоримыми представляются факты, тем ближе к началу речи помещается изложение. Если же излагаемые факты подлежат обсуждению с точки зрения их значимости или достоверности, то и само изложение помещается после предложения или разделения.

Во-первых, изложение строится в формах повествования, описания и объяснения.

- Во-вторых, последовательность изложения отражает структуру индуктивного или дедуктивного умозаключения, причем оба способа могут сочетаться.

- В-третьих, в построении изложения особую роль играет выбор слов и речевых приемов, создающих диалогизм речи и отражающих отношение говорящего к сообщаемым фактам.

^ Повествование

Словесное изображение последовательности взаимосвязанных событий, составляющих конкретный факт.

Предмет повествования – действие, поэтому сказуемое и зависимые от него члены предложения (дополнения и обстоятельства), смысловые и грамматические связи между ними и образуют смысловую конструкцию повествования.

Поскольку повествование развертывает предикат высказывания, грамматические категории глагола – лицо, время, вид, число, наклонение, залог и грамматические категории обстоятельства (время, место, образ действия, цель, условие) получают преимущественное значение. Связь между предложениями и их частями достигается за счет специальных лексических средств (слов, указывающих на смысловую связь следования, одновременности, причины, уступки, условия и т. д.) и лексико-грамматических средств (согласования видов, времен и наклонений глагола).

Повествование строится от первого или непервого лица, в нем через грамматические категории наклонения и залога выражается отношение говорящего к предмету речи, последовательная связь предшествования, одновременности и последовательности, завершенности и незавершенности, реальности и возможности действия. Эти грамматические и лексические отношения и связи в тексте создают единство, ясность и достоверность повествования.

Но, помимо составляющих словесную ткань повествования лексико-грамматических связей, существует еще и общая конструкция повествовательного текста, называемая сюжетом, которая образует его смысловую цельность и завершенность.

Повествование есть “рассказ о событиях в последовательном порядке”: факт, о котором повествуется, разлагается в ряд таких отдельных “атомарных” событий. Этот ряд может в принципе дробиться до бесконечности, но в текст изложения входят только некоторые из них. Для читателя эта связь естественна и очевидна, а смысловые пропуски незаметны. Такая цепочка-последовательность выделенных и изображаемых событий называется фабулой.

Но факт не сводится к фабуле. Из фабулы, как из строительного материала, воздвигается здание сюжета, который представляет собой оценку и распределение фабульных событий с точки зрения их значения для внутреннего единства и осмысления факта, о котором идет речь в повествовании. Элементы сюжета: экспозиция (представление действующих лиц, проблемы и исходной ситуации), завязка (образование конфликта или проблемы), нарастание действия (столкновение позиций и усиление напряжения), кульминация (момент максимальной напряженности), развязка

или кризис (разрешение конфликта). Эти элементы сюжета универсальны, и по их наличию в тексте всегда можно определить, завершено ли повествование.

Рассмотрим пример разработки повествования.

“Послы выехали из Москвы 2 марта (1613 г. – А. В.), но еще прежде, от 25 февраля, разосланы были грамоты по городам об избрании Михаила: “И вам бы, господа, – писал собор, – за государево многолетие петь молебны и быть с нами под одним кровом и державою и под высокою рукою христианского государя, царя Михаила Феодоровича. А мы, всякие люди Московского государства от мала до велика и из городов выборные и невыборные люди, все обрадовались сердечною радостью, что у всех людей одна мысль в сердце вместились – быть государем царем блаженной памяти великого государя Феодора Ивановича племяннику, Михаилу Федоровичу; Бог его, государя, на такой великий царский престол избрал не по чьему-либо заводу, избрал его мимо всех людей, по своей неизреченной милости; всем людям о его избрании Бог в сердце вложил одну мысль и утверждение.”

Вместе с этим известием разослана была и крестоцеловальная запись, в которой нет ничего о порче на следу и о тому подобных вещах, встречаемых в годуновской записи. Присяга областей последовала быстро: уже 4 марта воевода Переяславля-Рязанского дал знать в Москву, что жители его города присягнули Михаилу; за этим известием последовали другие – из областей более отдаленных.

Наконец пришло известие от послов соборных, которые нашли Михаила с матерью в Костроме, в Ипатьевском монастыре. Послы доносили собору, что 13 марта они приехали в Кострому к вечеру, дали знать Михаилу о своем приезде и он велел им быть у себя на другой день. Послы повестили об этом костромскому воеводе и всем горожанам и 14 числа, поднявши иконы, пошли все с крестным ходом в Ипатьевский монастырь.

Михаил с матерью встретили образа за монастырем, но когда послы объявили им, зачем присланы, то Михаил отвечал “с великим гневом и плачем”, что он государем быть не хочет, а мать его Марфа прибавила, что она не благословляет сына на царство, и оба долго не хотели войти за крестами в соборную церковь; насилу послы могли упросить их.

В церкви послы подали Михаилу и матери его грамоты от собора и говорили речи по наказу, на что получили прежний ответ; Марфа говорила, что “у сына ее и в мыслях нет на таких великих православных государствах быть государем, он не в совершенных летах, а Московского государства всяких чинов люди по грехам измалодушествовались, дав свои души прежним государям, не прямо служили.” Марфа упомянула об измене Годунову, об убийстве Лжедмитрия, сведении с престола и выдаче полякам Шуйского, потом продолжала: “Видя такие прежним государям крестопреступления, позор, убийства и поругания, как быть на Московском государстве и прирожденному государю государем? Да и потому еще нельзя: Московское государство от польских и литовских людей и непостоянством русских людей разорилось до конца, прежние сокровища царские, из давних лет собранные, литовские люди вывезли; дворцовые села, черные волости, пригородки, и посады розданы в поместья дворянам и детям боярским и всяким служилым людям и запустошены, а служилые люди бедны, и кому повелит Бог быть царем, то чем ему служилых людей жаловать, свои государевы обиходы полнить и против своих недругов стоять?” Потом Михаил и Марфа говорили, что быть ему на государстве, а ей благословить его на государство только на гибель; кроме того, отец его митрополит Филарет теперь у короля в Литве в большом утеснении, и как сведает король, что на Московском государстве учинился сын его, то сейчас же велит сделать над ним какое-нибудь зло, а ему, Михаилу, без благословенья отца своего на Московском государстве никак быть нельзя.

Послы со слезами молили и били челом Михаилу, чтоб соборного моления и челобитья не презрил; выбрали его по изволению Божию, не по его желанью, положил Бог единомышленно в сердца всех православных христиан от мала до велика на Москве и во всех городах. А прежние государи: царь Борис сел на государство своим хотеньем, изведши государский корень царевича Дмитрия, начал делать многие неправды, и Бог мстил ему кровь царевича Дмитрия

богоотступником Гришкою Отрепьевым; вор Гришка-расстрига по своим делам от Бога месть принял, злою смертью умер; а царя Василья выбрали в государство немногие люди, и, по вражьему действию, многие города ему служить не захотели и от Московского государства отложились; все это делалось волею Божиею да всех православных христиан грехами, во всех людях Московского государства была рознь и междуусобие. А теперь Московского государства люди наказались все и пришли в соединение во всех городах.

Послы молили и били челом Михаилу и матери его с третьего часа дня до девятого, говорили, чтоб он воли Божьей не снимал, был на Московском государстве государем. Михаил все не соглашался; послы стали грозить ему, что Бог взыщет на нем конечное разоренье государства; тогда Михаил и Марфа сказали, что они во всем положились на праведные и непостижимые судьбы Божии; Марфа благословила сына, Михаил принял посох от архиепископа, допустил всех к руке и сказал, что поедет в Москву скоро.”[231]

Отбор фактического материала и построение сюжета в повествовании подчинены той мысли, которую подтверждает приводимый факт. Повествование является аргументом, поэтому оно завершается обобщением, которое строится в форме более или менее развернутого вывода-объяснения:

“Слова Феодорита с товарищами, что Михаилу нечего было бояться участи своих предшественников, потому что люди Московского государства наказались и пришли в соединение, эти слова были вполне справедливы. Страшным опытом люди Московского государства научились, что значат рознь и шатость, развязывающие руки вора.”[232]

В приведенном фрагменте содержатся все обязательные элементы сюжета, при этом кульминация и развязка – те доводы, которые убедили Михаила Федоровича принять царский венец, и его согласие на царство – соответствуют этой главной мысли, выделяют и подтверждают ее.

Словесным построением повествования достигаются последовательность, достоверность и связность текста. Последовательность достигается подробным изложением событий в двух параллельных планах – действий собора и одновременных действий послов, которые перетекают один в другой, образуя смысловое единство.

В экспозиции и завязке излагаются отношения послов и собора, нарастание действия начинается с диалога между послами и Романовыми. Достоверность достигается особым приемом исторического повествования, свойственным стилю С. Н. Соловьева, – использованием несобственной речи, воспроизводящей выражения документов времени; контраст авторской и несобственной речи создает эффект присутствия – участия читателя в чтении источников. Связность достигается использованием лексических и синтаксических средств связи предложений и диалогической формы изложения.

^ Описание

Словесное изображение предмета мысли с точки зрения его строения или расположения.

Предмет описания обозначается именем (например, Московский Кремль) и предстает как индивидуальный цельный законченный образ, который проявляется в признаках, выделяющих и обособляющих изображаемый предмет и делающих его сопоставимым с другими подобными. При этом предмет описания предстает как неизменный или постоянно существующий.

Эти свойства описания проявляются в широком использовании словесных характеристик изображаемого предмета и глаголов несовершенного вида в форме настоящего времени (а также прошедшего или будущего в значении настоящего).

“Как прекрасен, как великолепен наш Кремль в тихую лунную ночь, когда вечерняя заря тухнет на западе и ночная красавица, полная луна, выплывая из облаков, обливает своим кротким светом и небеса, и всю землю! Если вы хотите провести несколько минут истинно блаженных, если хотите испытать этот неизъяснимо-сладостный покой души, который выше всех земных наслаждений,

ступайте в лунную летнюю ночь полюбоваться нашим Кремлем, сядьте на одну из скамеек тротуара, который идет по самой закраине холма, забудьте на несколько времени и шумный свет с его безумием, и все ваши житейские заботы и дела и дайте хоть раз вздохнуть свободно бедной душе вашей, измученной и усталой от всех земных тревог... Поздно вечером вы никого не встретите в Кремле; часу в одиннадцатом ночи в нем раздаются одни только редкие оклики и мерные шаги часовых. Внизу, под вашими ногами, гремят проезжие кареты, кричат извозчики, раздаются громкие голоса гуляющих по набережной; с противоположного берега долетают до вас веселые песни фабричных, и глухой, невнятный говор всего Замоскворечья как будто шепчет вам на ухо о радостях, забавах и суете земной жизни. Но все это от вас далеко, – вы выше всего этого. Вот набежали тучки, светлый месяц прикрылся облаком, внизу густая тень легла на Замоскворечье, потухли сверкающие волны реки и все дома подернулись туманом. Но здесь, на кремлевском холме, облитые светом главы соборов блестят по-прежнему и позлащенный крест Ивана Великого горит яркой звездой в вышине. Поглядите вокруг себя: как стройно и величаво поднимаются перед вами эти древние соборы, в которых почивают нетленные тела святых угодников московских. О, как эта торжественная тишина, это безмолвие, это чувство близкой святости, эти изукрашенные терема царей русских и в двух шагах их скромные гробницы, – как это отрывает вас от земли, тушит ваши страсти, умиляет сердце и наполняет его каким-то неизъяснимым спокойствием и миром! Внизу все еще движенье и суета: люди или хлопочут о делах своих, или помогают друг другу убивать время; а здесь все тихо, все спокойно и все так живет, но только другую жизнь. Эти высокие стены, древние башни и царские терема не безмолвны, – они говорят вам о былом, они воскрешают в душе вашей память о веках давно прошедших. Здесь все напоминает вам и бедствия и славу ваших предков, их страдания, их частые смуты и всегдашнюю веру в Провидение, которое, так быстро и так дивно возвеличив Россию, хранит ее как избранное орудие для свершения неисповедимых судеб своих. Здесь вы окружены древнею русской святостию, вы беседуете с ней о небесной вашей родине. Как прилипший прах, душа ваша потрясает с себя все земные помыслы. Мысль о бесконечном дает ей крылья, и она возносится туда, где не станут уже делить людей на поколения и народы, где не будет уже ни веков, ни времени, ни плача, ни страданий... Испытайте это сами, придите в Кремль попозже вечером, и если вы еще не вовсе отвыкли беседовать с самим собой, если можете несколько минут прожить без людей, то вы, верно, скажете мне спасибо за этот совет. Впрочем, во всяком случае, вы не станете досадовать, если послушаетесь меня и побываете в Кремле, потому что он при лунном свете так прекрасен, что вы должны непременно это сделать, – хотя из любви к прекрасному.”[233]

Описание может строиться или от частного (последовательного представления частей предмета) к общему – единому образу или назначению предмета, или от общего к частному, то есть от единого образа, который предстает как характеристика или определение, к его частям.

Но, как правило, индуктивный и дедуктивный способы построения совмещаются в описании, как это видно из примера. М. Н. Загоскин начинает описание оценкой красоты Кремля и советом посетить его вечером, продолжает перечислением впечатлений и мыслей читателя, возникающих при созерцании красот Кремля, а завершает тем впечатлением, которое остается у читателя. Тем самым писатель соединяет свой образ Кремля с образом, возникающим в душе читателя.

При построении описания изображаемый предмет должен представляться органично и правдоподобно.

Органичность – соответствие описания восприятию изображаемого предмета. Внимательно вчитываясь в пример, человек, хотя бы раз побывавший в Московском Кремле, представит себе, через какие ворота он входит, в каком направлении и каким шагом идет, что видит, как движется и на чем останавливается его взор; как отдельные образы сочетаются в мысли, а мысли переходят в размышление об исторических судьбах России и о смысле человеческой жизни, а затем снова возвращаются к предмету описания.

Правдоподобие – соответствие описания опыту читателя, которое позволяет воспринимать описываемый предмет как действительно существующий или возможный. Так, при описании Кремля М. Н. Загоскин указывает те образы, чувства и мысли, которые свойственны его читателю

в повседневной жизни, но отбор и сочетание которых автором создают нужную мысль и настроение.

Кроме органичности и правдоподобия, хорошее описание отличается интересом и информативностью.

Интерес создается, в основном, движением мысли от известного к такому неизвестному, которое представляется значимым получателю речи. В примере хорошо видно это ступенчатое восхождение от обычного удовольствия к созерцанию образов вечной жизни, которое одновременно сочетается с чувством облегчения, создающим привлекательность описания.

Информативность – новый взгляд на известный предмет, открывающий в нем нечто значительное. Основными приемами создания информативности описания являются изменение плана и перспективы.[234] Представление новизны возникает обычно не от предмета описания как такового – большинство читателей М. Н. Загоскина прекрасно знают Кремль, – но от взгляда на предмет.

В примере взгляд на Москву из Кремля открывает широкую перспективу Замоскворечья, предметы изображения в которой даются мелким планом, в смутном очертании; при изменении направления обзора пространство оказывается организованным иначе: в центре перспективы – укрупненным планом крест колокольни Ивана Великого, вокруг которого распределяются все остальные предметы описания. Эти два перспективных образа противопоставляются – как земной и небесный, что и создает коллизию, читательский интерес.

^ Построение описания

В основании описания лежит обозначение предмета – слово или словосочетание (Московский Кремль).

В первую очередь нужно максимально ясно и отчетливо представить в зрительном воображении предмет описания как целое на фоне окружения, переходя затем к образам его частей. Разделение целого на части должно следовать принципу отношения уровней целого и частей: представить целое как совокупность частей, каждая из которых имеет в составе целого особую функцию, дополняющую функции других частей.

Затем определяется содержание описания – рассматриваются внешние и внутренние характеристики предмета: место, положение, состояние, действие и претерпевание, порядок, части предмета в отношении к целому. Для характеристики предмета находятся его отличительные и переменные признаки, которые отражают индивидуальные свойства данного предмета, его качественные и количественные особенности. При этом важно помнить, что описание не должно включать лишних подробностей – необязательных данных о деталях частей предмета, неоправданных отступлений, повторов и т. д.

Далее подбираются словесные характеристики элементов описания, при этом основное внимание уделяется эпитетам и общим обозначениям действий и состояний. Эпитеты должны создавать конкретный зрительный образ.

Порядок рассматривания предмета в воображении играет важную роль в описании: воображаемый предмет движется относительно зрителя (или зритель относительно предмета) таким образом, в таком плане и в таком темпе, что видно осмысленное строение и соотношение частей предмета.

“НАЛИМ. Это единственный пресноводный представитель целого отряда рыб – безколючих, к которому относятся треска, навага и другое семейство – камбалы. Из последних, впрочем, один вид, *Platessa flesus* – камбала, встречается и в Ладожском озере, входит в устья Невы и других рек, а в Северной Двине и в Висле поднимается, по-видимому, очень высоко.

По своему наружному виду налим имеет некоторое, хотя и довольно отдаленное, сходство с сомом. Голова у него очень широкая, сильно приплюснута, как у лягушки, на подбородке

находится небольшой усик; глаза малые, пасть широкая, усаженная очень мелкими многочисленными зубками, вроде щетки, и верхняя челюсть несколько длиннее нижней. Грудные плавники короткие; два первых луча брюшных, находящиеся впереди последних, вытянуты в нитевидные отростки; спинных плавников два и короткий передний близко примыкает ко второму, который простирается до закругленного хвостового плавника; последний имеет очень большое количество лучей (36–40) и соединен с заднепроходным, тоже очень широким. Все тело покрыто очень мелкими, нежными чешуйками, которые сидят глубоко в коже, притом покрытой обильной слизью, почему налима весьма трудно удержать в руках.

Цвет тела налима зависит от качества воды и весьма разнообразен; обыкновенно же вся спинная сторона, равно как и плавники, на серовато-зеленом или оливково-зеленом фоне испещрены черно-бурыми пятнами и полосками, брюхо и брюшные плавники остаются беловатыми. Вообще, кажется, чуть не повсеместно отличают две породы, т. е. разновидности налимов, одну пеструю, мраморную, и другую, совсем черную. По моим наблюдениям, чем моложе налим, тем он темнее; самцы также темнее самок, но главное наружное отличие между полами состоит в том, что у молочников голова относительно толще, а туловище тоньше. Кроме того, самцы вряд ли достигают половины веса самок и гораздо многочисленнее.”[235]

В этом учебном описании максимально соблюдены требования точности, ясности, полноты, наглядности, краткости, последовательности.

Точность описания проявляется в тщательном отборе словесных характеристик данных о предмете, в отнесении предмета описания к родовой категории, в нахождении необходимых сравнений и в указании признаков, по которым предмет описания может быть легко отождествлен и различен с подобными.

Ясность проявляется в отборе словесных средств, которые исключают двусмысленность выражений и обеспечивают воспроизводимость описания.

Полнота проявляется в том, что описание является исчерпывающим: сообщаются необходимые и достаточные данные о предмете.

Наглядность описания проявляется в том, что автор создает запоминающийся образ предмета, используя конкретные характеристики. Описание строится так, как будто читатель держит в руках налима, последовательно разглядывая его от головы через брюхо к хвосту и затем через спину опять к голове, затем обращает внимание на общий вид и свойства рыбы – форму тела, чешую и слизь, после чего переходит к сопоставлениям разновидностей налимов.

Краткость описания проявляется в отборе минимально необходимого и достаточного состава данных. Требование краткости означает, что в описании должно быть обозримое число основных частей описываемого предмета (не более пяти-семи), которое позволяет читателю не утратить в ходе изложения единый образ предмета.

Последовательность проявляется в правильном расположении описания: оно начинается с общего – отнесения вида к роду и с указания на распространение рода; затем автор последовательно переходит к частному – строению тела налима, его окраске и завершает описание указанием на половые, возрастные различия и разновидности налимов.

Последовательность описания может быть дедуктивной – от общего к частному (деталям), от частного (деталей) к общему, но наилучшим является смешанное построение: от общего к деталям, а затем опять к обобщению. Именно такое построение и использует Л. П. Сабанеев.

^ Портрет

Особый вид описания – словесное изображение личности.

“Человеческая личность не может быть выражена понятиями. Она ускользает от всякого рационального определения и даже не поддается описанию, так как все свойства, которыми мы

пытались бы ее охарактеризовать, можно найти и у других индивидов. “Личное” может восприниматься в жизни только непосредственной интуицией или же передаваться каким-нибудь произведением искусства. Когда мы говорим: “Это – Моцарт” или “это – Рембрандт”, то каждый раз оказываемся в той “сфере личного”, которой нигде не найти эквивалента.”[236]

Описать личность как таковую невозможно, но можно представить словом или изображением проявления души в индивидуальном облике человека. Портрет основан на том, что личность человека едина, душевно-телесна, и сам телесный облик человека является символом его внутреннего бытия. Внешние признаки, отражающие состояние души, схватываются интуитивно и выражаются в символическом образе.

Поэтому портрет символичен: признаки-символы указывают на ту духовную реальность, которая стоит за ними и проявляется в них.

Символика портрета связана с оценкой, с видением духовного бытия сквозь призму внешнего облика. Но сами по себе символы – глаза, руки, лоб, голос, губы, брови, движения – представляют собой принятые в конкретной культуре алфавитные знаки, посредством которых задается характеристика личности.

“Из-за моего плеча порывисто протянулась рука, успевшая вовремя подхватить падавшую свечку... Я оглянулся... и обомлел от неожиданности: в полоборота от меня стоял сам батюшка... Во век не забыть мне того впечатления, какое оставила в моей душе эта первая моя с ним встреча! Я был потрясен; даже испуган, как если бы из образа Иоанна Крестителя, каким его обыкновенно пишут на иконах, вдруг вышел сам Предтеча Господень. Облик отца Егора в старой, заношенной ризе, обвисшей на его высокой, сухощавой фигуре мятыми складками потертой от времени парчи; его темные с большой проседью волосы, закинутые со лба назад непослушными, мелко вьющимися, точно крепированными прядями, с одной прядкой, непокорно выбившейся на дивный, высокий лоб; реденькая бородка, небольшие усы, охватывающие характерный, сильный рот, в котором так и отпечатлелся характер стойкий, точно вычеканенный из железа; небольшие глаза, горящие каким-то особенным ярким внутренним светом, и взглядом, глубоко, глубоко устремленным внутрь себя из-под глубоких, резких складок между бровями: вся фигура отца Егора поразила меня сходством с тем, кто по преданию рисуется нашему верующему представлению, как “глас вопиющего в пустыне.” Та же пустыня окружала отца Егора, но только не та знойная берегов Иордана, а наша холодная, снежная... Правда, со времен Крестителя успел остыть и огонь души человеческой!”[237]

Портрет строится по определенной композиционной схеме, которая имеет особое значение, так как цельность и осмысленность образа – основное свойство портрета.

Описание начинается и завершается сравнительными чертами внешнего и духовного сходства, которые разрабатываются и подтверждаются несколькими конкретными чертами – частными признаками. Эти частные символические признаки – фигура, одеяние, волосы, лоб, рот, глаза, складка между бровями – также располагаются в последовательности от общего плана – фигуры и одеяния – к частям внешности по движению взгляда сверху вниз, причем каждый из признаков снабжается характеристикой-оценкой.

Изобразительность портрета достигается сжатой образной характеристикой, сгущением эпитета и ритмизацией речи: “в заношенной ризе, обвисшей... мятыми складками потертой от времени парчи”, “мелко вьющимися, точно крепированными прядями.”

Обобщение описания – мысленный образ духовной среды отца Егора – Пустыни, который нарастает от изображения взгляда, устремленного внутрь себя, через устойчивый эпитет (“глас вопиющего в пустыне”) к указанию на пустыню, за которым следует сравнение и необходимое по замыслу противопоставление людей и времен.[238]

^ Характеристика

Представляет собой систематическое перечисление качеств или свойств предмета мысли с целью представления его структуры и сопоставительной оценки. Предметом характеристики может быть как индивидуальный объект, так и класс объектов.

“Интеллигент. Это полная противоположность только что упомянутому образу простеца. И по своему прошлому, и по образованию, и по культурному наследию, и по своему отношению к Церкви и по подходу к греху, он несет что-то очень непростое, для себя тягостное и болезненное, а для исповедующего духовника это испытание его пастырского терпения и опытности.

Тип человека, отличающегося высокой интеллектуальностью, свойственен всякой культуре и всякому народу. Тип этот всегда занимал и будет занимать в Церкви положение, отличное от положения простеца, и к нему духовнику всегда придется подходить иначе, чем он подходит к человеку, далекому от интеллектуальных запросов. Но тип интеллигента есть продукт только русской истории, неведомый западной культуре. На нем сказались влияния исторические, культурные, бытовые, европейской цивилизации несвойственные. Этот тип, в его классическом облике второй половины XIX и начала XX вв., вероятно, историческим процессом будет сметен с лица этой планеты, но в своем основном он носит какие-то типично русские черты, которые останутся в жизни, как бы история не повернулась. Вот эти существенные особенности интеллигента:

- 1) повышенная рассудочность и следовательно привычка говорить от книжных авторитетов;
- 2) недисциплинированность мысли и отсутствие того, что так отличает людей латинской, романской культуры, а именно уравновешенность и ясность мыслей и формулировок;
- 3) традиционная оппозиционность всякой власти и иерархичности, будь то государственная или церковная;
- 4) характерная безбытность и боязнь всякой устроенности: семьи, сословия, церковного общества;
- 5) склонность вообще к нигилизму, вовсе не ограничивающемуся классическим типом Базарова и Марка Волхова, а легко сохраняющемуся и в духовной жизни;
- 6) влияние всяких в свое время острых течений, вроде декадентства, проявляющееся в изломанности и изуродованности душевной.

Все это можно было бы при желании умножить, но достаточно и сказанного.

В своем подходе к покаянию такой тип часто бывает очень труден и для себя и для священника. Мало кто мог бы окончательно отрясти с себя прах этих былых болезней. Симптомы старого часто выбиваются на поверхность и несчастный чувствует себя пленником былых привычек. Эти неясность и смятенность души обнаруживаются и в образе мышления и в способе выражаться. Такие люди зачастую не способны ясно сформулировать свои душевные состояния. Они почти всегда находятся в плену своих “настроений”, “переживаний”, “проблематик.” Они не умеют даже просто перечислить свои грехи, ходят “вокруг да около”, иногда признаются в том, что не умеют исповедаться. У них нет ясного сознания греха, хотя это вовсе не означает, что они лишены нравственного чувства. Как раз наоборот: это зачастую люди с высоким моральным уровнем, щепетильные к себе, неспособные ни на какой предосудительный поступок; они в особенности носители общественной честности, “кристальной души люди.” Но в своем отношении к внутренней жизни они пленены мудрованиями и излишними рассуждениями. Исповедь их носит характер рассудочный; они любят резонировать, “не соглашаться с данным мнением.” Они и на исповеди готовы вступать в прения и “оставаться при своем особом мнении.” Они прекрасные диалектики и эту свою способность приносят и к исповедному аналою. Кроме того, от своей часто расплывчатой исповеди, в которой преобладают неопределенные части речи: “как-то”, “до некоторой степени”, “мне думается”, “как бы вам это объяснить” и пр., они легко пускаются в отвлеченные совопросничества. Они любят на исповеди, – совершенно не считаясь с тем, что за ними стоит целый хвост ожидающих исповеди, – задавать священнику замысловатые

философские и богословские вопросы, забывая, что исповедь никак не есть удобный момент для этого. Приходится слышать от этих людей: “меня страшно мучает вопрос о страданиях людей; как это Бог допускает страдания невинных детей?” или что-либо в таком роде. Они часто жалуются на свои “сомнения.” Маловерие типично для этой категории кающихся.

Их прекрасно можно охарактеризовать следующими словами о. А. Ельчанинова, человека с коротким пастырским стажем, но большим духовным опытом и вдумчивостью: “греховная психология, вернее психический механизм падшего человека. Вместо внутреннего постижения – рассудочные процессы, вместо слияния с вещами – пять слепых чувств, поистине “внешних”; вместо восприятия целого – анализ. К райскому образу гораздо ближе люди примитивные, с сильным инстинктом и неспособностью к анализу и логике” (“Записки”, с. 63 первого издания). [239]

Описание-характеристика обычно строится на основе дедуктивно-индуктивного принципа. В примере в начале излагаются черты интеллигента, отличающие его от других типов кающихся, а также черты, выделяющие его на фоне западноевропейской культуры, затем последовательно излагаются и комментируются черты, составляющие духовно-нравственный облик интеллигента, а в заключение дается общая оценка интеллигента через отношение особенностей этого типа к норме христианского сознания.

Построение характеристики, в особенности, выбор общих существенных признаков, определяется конкретным замыслом: в примере, очевидно, было важно отличить интеллигента от других типов православных кающихся, в основном русских, но в условиях специфически французской культуры – указать отличительные особенности интеллигента, как именно русского.

Начальная часть характеристики дает, таким образом, общее представление о объекте в виде определения или замещающего его описательного приема, что необходимо для ясного отграничения предмета речи.

Средняя, индуктивная часть характеристики содержит последовательное изложение и объяснение особенностей предмета. Сначала даются существенные особенности – свойства, без которых невозможно отождествление, например, конкретного человека с типом интеллигента. Такое перечисление должно быть достаточным, но не обязательно полным, что видно из примера: не нужно перечислять все известные, хотя бы и существенные, особенности интеллигента, скажем, образование.

На основе существенных признаков обнаруживаются наиболее яркие и представительные, практически значимые для целей характеристики особенности предмета, которые при этом объясняются и оцениваются.

Эти частные особенности в изложении могут располагаться в различном порядке. Архимандрит Киприан располагает их в восходящей последовательности, таким образом, что наиболее важная особенность внутреннего мира интеллигента, маловерие, предстает последней и завершает все изложение по смыслу.

Заключение содержит обобщение или истолкование – общую характеристику, вытекающую из приведенных данных.

^ Реферативное описание

Представляет собой изложение системы взглядов или теории, позволяющее составить объективное суждение о ней на основе данных, которые приводятся составителем реферата.

Поэтому в реферативном изложении особенно важны отбор и точное представление данных, а не композиция, которая обычно зависит от построения реферируемого материала или от системы важнейших понятий излагаемой теории.

Реферативное описание представляет собой компрессию (сжатие при сохранении основного содержания) источника и должно удовлетворять следующим минимальным условиям:

отражать основные понятия источника, которые выражены терминами или свойственными источнику специфическими оборотами; это значит, что автор реферативного описания ясно представляет себе систему понятий и категорий источника и стремится не заменять свойственные источнику обороты речи своими, а при необходимости сохраняет специфический термин, толкуя его значение;

отражать главные положения и выводы источника (и его разделов) в том виде, в каком они объективно в нем представлены, максимально близко к тексту, ничего не примышляя от себя, но при необходимости лишь сокращая избыточные выражения и обороты;

отражать композицию и членение (на главы, разделы и т. д.) источника, полностью воспроизводя его смысловую структуру;

не подменять изложение содержания его оценкой или собственной интерпретацией, используя при изложении максимально нейтральные языковые средства;

более подробно представлять положения и данные, наиболее значимые с точки зрения состояния данной области знания или информационной ценности источника.

Реферативное изложение представляет собой как бы уменьшенную в несколько раз наглядную модель источника, которая сохраняет его строение и пропорции.

^ Аналитическое описание

Представляет собой последовательное изложение содержания учения или концепции.

Оно часто встречается в критических и полемических, например, апологетических сочинениях, так как основательная критика концепций требует ясного представления того, что именно и почему критикуется.

“Буддизм, основанный принцем Siddhartha по прозванию Сакуятупи или Buddha, представляет из себя самостоятельное учение, развившееся, несомненно, на почве системы Samkhya-Yōga.

Вместе с Капилой и Патанджяли Будда признавал, что мир никем не создан, а возникает автоматически, благодаря закону притяжения духовной субстанции к материи; он также признавал всякое бытие страданием и причину этого страдания тоже видел в разнородности двух субстанций (материальной и духовной), из соединения которых происходит всякое бытие. Но причину того, что душа, тем не менее, продолжает соединяться с материей, Будда видел не в том, что духовная субстанция не сознает своей коренной разнородности с субстанцией материальной, а в том, что душе присуща жажда или влечение (trshna) к жизни. Сообразно с этим, и путь к выходу из круговорота бытия Будда указывает в уничтожении влечения.

Всякое возникновение живых существ основано на желании: с одной стороны, зарождение есть результат полового влечения, а с другой – всякое родившееся существо, согласно учению о Карме, родилось таким именно потому, что в предшествующем своем воплощении данная душа совершила разные поступки, вызванные влечениями и желаниями. Если бы удалось уничтожить влечение – жизнь, бытие прекратились бы.

По учению Будды, душа человека окружена некоторой оболочкой (samskāra), на которой откладываются отпечатки всех мыслей, желаний и чувств, испытываемых человеком при жизни. Благодаря этой оболочке душа сознает себя индивидуумом (nāmagāra), а утверждение своей индивидуальности порождает волю к жизни. После смерти человека душа в силу этой воли к жизни непременно переселится в другое живое существо, которое, опять-таки благодаря своей воле к жизни, непременно будет действовать и совершать разные поступки. Поступки сопровождаются мыслями, желаниями и чувствами, которые вновь осаживаются вокруг души и

образуют новую оболочку со всеми дальнейшими последствиями. Таким образом, при нормальном ходе дела переселение душ и круговорот никогда не могут прекратиться.

Для того чтобы пресечь это зло, надо устранить его первопричину. Человек должен уничтожить в себе всякий интерес и волю к жизни. Он должен жить так, чтобы не иметь ни чувств, ни желаний, ни впечатлений, которые могли бы отложиться оболочкой вокруг его души. Таким образом, он препятствует образованию новой оболочки, а вместе с тем, убивая в себе сознание своей индивидуальности, разрушает и старую оболочку души. Это состояние полного бесстрастия, пассивности и равнодушия и, в сущности, полного прекращения какой-либо психической жизни, по буддийской терминологии, называется нирваной. Душа человека, достигшего нирваны, после смерти уже не воплощается в новом теле. Она “преодолеват без остатка рождение и смерть” и больше никогда уже не соединится с материальной субстанцией. Она уже больше не существует, ибо существование, бытие есть соединение духовной жизни с материальной.

Путь к достижению нирваны Будда указал двоякий. С одной стороны, психофизические упражнения самопогружения сосредоточенной медитации, задержки дыхания и проч., по приемам, почти тождественным с системой Йога. Но с другой – самопожертвование и любовь ко всему существующему (*metta*). Однако этот второй путь есть как бы часть первого, особое психофизическое упражнение. Любовь, милосердие, сострадание – все это для буддиста не чувства, ибо ведь чувств у него в душе остаться не должно, а [остается] лишь результат, следствие полной утраты чувства своей индивидуальности и своих личных желаний: при таком психическом состоянии человеку ничего не стоит жертвовать собой для ближнего, ибо, не имея собственного желания, он, естественно, с легкостью исполняет желания других. Подавить свою волю настолько, чтобы поступать исключительно по воле другого, рекомендуется именно в виде упражнения. Всепрощение рассматривается как средство уничтожения чувства: равнодушие (*upekkhā*) находит свое завершение, когда человек относится к врагу совершенно так же, как к другу, когда он равнодушен к радости и к боли, к чести и к бесчестию.

Путь к нирване оказывается настолько трудным, что в течение одной человеческой жизни пройти его не представляется возможным. Но не следует унывать, ибо часть пути, пройденная душой в течение одной жизни, после смерти и переселения души в другое тело засчитывается. Человек, находящийся на пути к нирване и имеющий достигнуть нирвану в одном из своих следующих земных воплощений, называется *Bôdhisattva*; человек, достигший нирваны, но при этом не сохранивший способности учить других, называется *Pratyêkabuddha*; наконец, человек, достигший нирваны и помогающий другим идти по тому же пути, называется *Buddha*. Это три категории святых буддизма.

Будда-Сакьямуни был последователен. Он отверг авторитет “Священного Писания”, лицемерно признававшийся другими школами, отверг и кастовый строй. Старых богов, не исключая Индры и Брахмы, Будда-Сакьямуни не отрицал, но считал, что перед ними стоит та же проблема выхода через нирвану из круговорота бытия, которая стоит перед людьми. А так как эти боги в нирвану не впали и продолжают жить в круговороте бытия, то не только всякий полный будда или пратьека будда, но и всякий кандидат в будду, “*bôdhisattva*”, стоит неизмеримо выше богов. Здесь, таким образом, завершается низведение богов, начавшееся уже с эпохи старого браманизма.

Если в начале эпохи старого браманизма люди стараются сравняться с богами, то теперь появляются люди, которые считаются уже превзошедшими богов. И таких людей, в общем, немало: северные буддисты полных будд считают десятками, а бодхисатв – тысячами.”[240]

Аналитическое описание – самый сложный вид описания, так как требует профессионального владения материалом и внимательного изучения источников.

Н. С. Трубецкой на полутора страницах представляет основное содержание конфессии с более чем двухтысячелетней письменной традицией, система понятий которой радикально отличается от понятий знакомых его читателю философских систем. Основная задача аналитического разбора состоит в изъяснении действительного духовного смысла этой конфессии, который неясен

читателю, не стоящему “на твердой почве христианского мировоззрения”, из-за кажущегося сходства ее положений с христианским вероучением.

В аналитическом описании на первый план выступает логико-понятийный каркас системы взглядов, подлежащих анализу.

Автор выделяет ключевые понятия анализируемого учения, которые получают определения или толкуются через сходные понятия, известные читателю. Некоторые из специфических категорий представляются в оригинальном виде, даются в транскрипции и получают толкование в контексте, например, путем перифразы: “всякий кандидат в будду, “bôdhisattva.”

Эта система ключевых понятий с взаимосвязанными толкованиями располагается в порядке логического развертывания.

В начале описания Н. С. Трубецкой представляет основные положения онтологии (учения о мироздании) буддизма. Затем излагает вытекающие из них антропологические представления, связанные с пониманием цели жизни, из которых следуют нормы поведенческого характера. Далее рассматривается метод достижения идеала, дается характеристика этого метода и его результата в представлениях буддизма. Наконец, представляется историческая характеристика буддизма в отношении к предшествующим ему учениям.

^ Объяснение

Представляет собой сообщение мыслей автора о предмете речи, толкующих изложенные факты, раскрывающих их содержание или выражающих отношение к ним автора.

Объяснение является самой распространенной, “обычной” формой речи, поэтому на его построение как композиционно-речевой конструкции редко обращают специальное внимание, но на самом деле объяснение сложно, так как представляет собой слово о слове – такое истолкование высказываний, которое делает их понятными и осмысленными.

Так, в приведенных выше примерах описания система буддизма предстает, как некоторый реальный факт, имеющий определенное строение и содержание, но смысл этого факта остается неясным. Чтобы рассуждать об этом факте, например, сравнивая его с другими подобными или оценивая, и сделать вывод о нем, необходимо уяснить, что он значит, как автор его понимает и как его следует понимать читателю.

Завершив повествование о развитии религиозных систем Индии и описание их, Н. С. Трубецкой объясняет изложенные факты. Это объяснение отражает вероисповедную позицию автора.[241]

“С точки зрения христианской вся история религиозного развития Индии проходит под знаком непрерывного владычества сатаны. Это владычество начинается с того момента, когда существовавший в религиозном сознании не вполне ясно, но все же уже определенно обозначившийся образ истинного Бога-Творца и Промыслителя был отодвинут на задний план образами бесовскими. Затем, в эпоху старого брахманизма, вслед за лицемерным поклонением этим порождающим страх, но не вызывающим благоговения бесам появляется стремление сравняться с ними в отношении чудесной их силы, и отсюда – использование богослужения и аскезы для магических целей. Одновременно с развитием самоутверждающей гордыни человек, поставивший сам себя лицом к лицу с духом бездны, не может не содрогаться постоянно, вглядываясь сам в эту бездну. Лишенный разумного Бога и населенный бесами мир бессмыслен и страшен. Появляется стремление куда-то уйти, убежать от кошмарно-бессмысленной закономерности этого мира с его бесконечными повторениями.

И тут-то в учении буддизма сатана подсказывает человеку страшную мысль о полном самоубийстве, об уничтожении своей духовной жизни, с тем, чтобы душа человека растворилась в бездне, превратившись в ничто, в пустоту. Эта ужасная мысль, поднесенная, однако, в самом привлекательном виде, с лестным для человеческой гордости превозношением человека выше всех “богов”, надолго овладевает религиозным сознанием Индии. Затем появляется реакция,

желание поклониться настоящему, недостижимому Богу. Но когда человек, отвернувшись от бездны, перед которой его поставил буддизм, поворачивается, с тем чтобы найти достойного поклонения Бога, он, сам не замечая того, вместо Бога опять обретает сатану. На этот раз сатана заставляет человека простереться перед собой и так держит его распростертым и подавленным. Оскалившая зубы чудовищная десятирукая богиня Кали, едущая на колеснице, под тяжелыми колесами которой находят смерть, фанатики-шиваиты, что это, как не символ полного торжества сатаны над человеком...”[242]

Нижеследующие принципы являются в той же мере техническими, как и этическими, потому что нарушение их влечет за собой неясность и непоследовательность объяснения и недоверие аудитории к риторике.

Первый принцип: неизвестные или неясные аудитории факты и понятия приводятся к известным и усвоенным ею понятиям и фактам.

Второй принцип: позиция, с точки зрения которой толкуются факты или события, должна быть совершенно ясной, последовательной и осознанной самим толкователем.

Третий принцип: объяснение должно быть отделено от объясняемого текста.

^ Общие рекомендации
Изложение должно быть:

правдоподобным. Это значит, что из состава данных, соответствующих действительности (а не вымышленных), отбираются и представляются те факты и в такой форме, чтобы изложение не вызывало сомнений в реальности приводимых данных.

приемлемым. Факты, которые приводятся в изложении, и выражения, которые используются для изображения фактов, должны утверждать нравственное чувство аудитории.

ясным. Слова и фразы, которые использует автор, должны быть знакомы аудитории, а само построение изложения – создавать воспроизводимую картину изображаемого предмета.

интересным. Излагая факты, автор переходит от более известного аудитории к менее известному.

последовательным. Факты должны быть организованы в определенном смысловом порядке и не должны повторяться.

завершенным. Сообщаемые и изображаемые факты и события характеризуются единством предмета изложения; изложение завершается выводом или объяснением.

^ 5. Подтверждение

Подтверждение – композиционная часть высказывания, которая содержит техническую (логическую или квазилогическую) аргументацию в пользу главного положения.

Объем, строение, уровень сложности и композиция технической аргументации определяются предметом речи и характером подготовки аудитории. Бывают случаи, когда практически все произведение представляет собой последовательность технических аргументов. Но обычно техническая аргументация подтверждения занимает ограниченное место в составе текста.

Чем более пространны доводы, тем более сомнительны выводы. Поэтому не следует увлекаться рассуждениями. Убедительность технической аргументации определяется не числом доводов, а их силой и последовательностью.

Если положение выводится из фактического материала изложения, то подтверждение обычно размещается непосредственно после положения, которое следует за изложением. Если техническая аргументация содержит преимущественно анализ фактического материала и связана с

ним содержательно, то за изложением обычно следует положение, после которого помещается подтверждение.

Бывают сложные случаи, когда имеется несколько частных положений вспомогательного характера, каждое из которых нуждается в обосновании фактическим материалом и связанными с ним рассуждениями. В таких случаях каждый пункт разделения оформляется, как отдельный блок аргументации, включающий изложение и подтверждение частного положения, а сами эти блоки располагаются в соответствии с гомерическим правилом (см. ниже) или иным принятым порядком.

Так строится аргументация крупных сочинений – диссертаций, теоретических статей, монографий, пространных докладов, обзорных работ, в которых для этого выделяются разделы, подразделы, главы, параграфы и т. п.

Порядок расположения аргументации (технической и нетехнической) может быть троякого рода: по хрии, по логической форме простого или сложного силлогизма, в возрастающей последовательности силы аргументов, в так называемой гомерической последовательности аргументов.

Порядок расположения аргументов по логической форме определяется характером основного силлогизма, лежащего в основании сложного силлогизма – сорита или эпихейремы. Особенность его состоит в том, что выводы-положения обычно выносятся вперед, а за ними следуют посылки, хотя это и не обязательно.

В отличие от хрии и логического расположения, которые исходят из строения предмета речи, применяются коммуникативные принципы расположения, которые основаны на характере восприятия речи.

Лучше всего запоминаются и усваиваются крайние сегменты аргументации – начальный и конечный, а из крайних – конечный. Поэтому доводы можно располагать в восходящей последовательности от слабых к самому сильному.

Нисходящий порядок обычно не рекомендуется, но встречается довольно часто. Он используется в тех случаях, когда аудитория так или иначе вынуждена принимать аргументацию без критического обсуждения.

Лучшим порядком считается гомерический, при котором сильные доводы даются в начале, основной довод – в конце подтверждения, а более слабые располагаются в середине. При этом сильные доводы предлагаются в максимально кратком виде и даются по отдельности, а слабые – соединяются вместе так, что образуют единый неразрывный комплекс. Такое расположение затрудняет анализ и возможную критику аргументации и часто используется в полемических речах и статьях, например, в судебном красноречии.

Указанные принципы могут совмещаться и сочетаться. Поскольку наиболее важными из них являются хрия и гомерический порядок, их полезно рассмотреть особо.

^ Хрия

Хрия[243] представляет собой сложный квазилогический аргумент, положение которого развернуто и обосновано рядом доводов, обеспечивающих защиту положения от возможных возражений.

Хрия состоит из трех частей: положения, обоснования и заключения. Положение хрии может быть распространено путем изъяснения, например, похвалы автору или перифраза содержания. Обоснование положения также включает две части: доказательство в виде причины (основания) и объяснение в виде доводов от противоположного, от подобия, от примера, от авторитета (свидетельство). Объяснение как вспомогательное доказательство может включать и иные доводы, например, уступление, прагматический аргумент, аргумент долженствования и пр., но оно также может и

ограничиваться лишь некоторыми из этих доводов. Заключение может повторять положение или содержать следствие из него, если положение формулируется в виде посылки умозаключения.

Например: человеку свойственно искать истину – положение, меньшая посылка; Бог есть истина – большая посылка, человеку свойственно искать веры в Бога, следовательно, каждый должен ее искать – вывод силлогизма и заключение хрии. Далее следуют ответы на вопросы: почему человеку свойственно искать истину? что противоположно исканию истины? чему подобно искание истины? кто может найти истину? что сказано об этом в Св. Писании? Если эти ответы даны в надлежащей форме и расположены в надлежащем порядке, то и получается хрия.

Таким образом, порядок расположения аргументов по хрии определяется естественным развертыванием содержания мысли, при котором (1) положение сначала (2) изъясняется, затем посредством силлогизма или энтимемы обосновывается (3) причина его истинности (аксиология – собственно доказательство), далее предлагаются доводы (4) от противного, за которыми следует (5) сравнение, потом даются (6) примеры, вся последовательность завершается (7) свидетельством (аргументом к авторитету) и (8) заключением.

Хрия представляет собой развернутую эпихейрему, посылки которой получают обоснования, то есть оказываются выводами энтимем, построенных на основаниях главных топов: всего выходит семь суждений, к которым прибавляется распространение.

Хрия часто используется в гомилетике, и многие проповеди до середины XIX века и даже до нашего времени построены по хрии в строгой форме или в различных ее модификациях, например, в виде так называемой искусственной хрии, в которой положение-вывод выносится в конец, а сама аргументация строится от вступления через пример, причину, подобие, противное и т. д. Образец искусственной хрии – манифест императора Александра I “О изгнании французов из России.”

Широкое использование хрий в гомилетике объясняется не только тем, что почти все риторики, начиная с IV в., когда хрия была впервые разработана и описана ритором Аффонием Антиохийским, содержат учение о ней, но и потому, что хрия является самым простым и естественным ходом развития мысли от положения к заключению.

Для проповедника хрия особенно привлекательна тем, что владение стандартизированной последовательностью элементов проповеди, каждый из которых строится по известному правилу, позволяет импровизировать завершённое по содержанию и сжатое по форме слово, обходясь без специальной предварительной подготовки.

В “Слове в день свершившегося столетия Московского университета” святителя Филарета Московского, хотя в целом аргументация в нем выстроена по иному композиционному принципу, есть последовательности элементов построения, повторяющиеся в различных местах текста, которые можно рассматривать как хрию:

Положение: “Видно, истина нужна миру, видно, нужно чрезвычайное о ней свидетельство, видно, не была бы она достойно и удовлетворительно засвидетельствована, если бы не свидетельствовал о ней воплощенный Бог-Слово.”

Причина. “Истина есть одна из естественных и существенных потребностей духа человеческого.”

Свидетельство: “Божественное откровение говорит в глубоком значении, что слово Божие, или истина Божия, есть хлеб жизни. Не о хлебе едином жив будет человек, но о всяком глаголе, исходящем из уст Божиих” (Мф. 4:4).

Подобие: “Подобно и естественный разум, хотя не в таком глубоком разумении, может сказать, что истина есть жизненная пища духа человеческого.”

Противное: “Уничтожьте истину, в уме останется пустота, голод, жажда, томление, мука, если только он не в омертвлении или не в обмороке от крайнего невежества. Если вздумаете питать его образами воображения, имеющими преходящий блеск, но не заключающими в себе твердой истины, ему вскоре наскучит черпать воду бездонным сосудом, и жажда его останется неутолимой, и мука неисцельной.

Пример: Что значит любопытство детей, их желание о всем спросить и все узнать?”

Свидетельство – аргумент *ad hominem*: “Но можно ли действительно находить истину? – должно думать, что можно, если ум без нее не может жить, а он, кажется, живет, и, конечно, не хочет признать себя лишенным жизни.”

Затем снова следует аргумент от противного и т. д.

Свободный порядок предполагает взаимное расположение аргументов, которое требует от ратора значительно больших искусства, опыта и творческих усилий, чем хрия.

Прибегая к свободному гомерическому порядку, ритор должен:

- во-первых, хорошо представлять себе особенности аудитории, ее мировоззрение и характер приемлемой для нее аргументации;
- во-вторых, уметь свободно строить цепочки аргументов, преобразуя суждения и умозаключения по логическим правилам, и стилистически организовать рассуждение в связный текст так, чтобы смысловые швы между умозаключениями или отдельными их элементами были незаметными.

В качестве примера рассмотрим построение аргументации в “Слове” святителя Филарета.

Состав аудитории – профессеры и студенты, собравшиеся в храме по случаю университетского юбилея, люди не всегда церковные, и, может быть, не всегда верующие, на что указывает и содержание речи: обосновываются те положения, которые представляются аудитории сомнительными. Святитель Филарет обосновывает совместимость веры и науки и необходимость не только признавать истину, но и жить по учению Церкви.

Схема аргументации исходит из тезы, включающей положение и предложение: поскольку вы делом исповедуете, что Христос есть Божия премудрость поучающая и Он же есть предмет поучающей премудрости – истина; что Господь дает премудрость наставляющим, и от лица Его познание и разум в наставляемых, то следовательно, путем истины стремитесь к истинной жизни. Задача аргументации состоит, таким образом, в обосновании правильности (истинность и необходимую связь) обоих утверждений.

Система аргументации включает пять положений:

1. истина есть одна из естественных и существенных потребностей духа человеческого;
2. достижение истины возможно;
3. корень и основание истины есть идея Бога, Творца, Вседержителя; и сия истина весьма доступна познанию всех человеков;
4. Господь Христос Спаситель Сам есть истина и путь к истине и жизни;
5. путем истины стремитесь к истинной жизни.

Первое положение обосновывается наведением: общечеловеческое стремление к истине, которое проявляется в любознательности детей; стремление к моральной истине как социальной норме,

которое проявляется в праве; стремление к истине как основе картины мира и человека, которое проявляется в научном знании.

Второе положение обосновано аргументом *ad hominem*, создающим логический парадокс (приведение к абсурду).

Обоснование третьего положения строится на трех аргументах: к авторитету (общего мнения философии); прагматическом (из нескольких равнозначных решений предпочтительно то решение, которое дает наилучший результат); к личности и действию (по творению познается Творец).

Четвертое положение обосновано более сложным образом.

Обоснование начинается развернутой формулировкой антиномии, основанной на столкновении выводов предшествующей аргументации с реальностью: познание истины естественно и необходимо, между тем человек пребывает в заблуждении.

Для обоснования ответственности человека используется аргумент долженствования. Если существует истина и познание ее есть необходимость духовной жизни, то человек обязан познавать истину. Если человек не делает то, что обязан делать, он виновен. Если познание истины есть условие духовной жизни человека, и человек не познает ее, то следовательно, душа его погибает.

На этом выводе основывается умозаключение: духовная смерть есть естественное следствие незнания истины; правосудие Божие осуждает человека, виновного в том, что он не познал истину; следовательно, правосудие Божие о человеке идентично естественному следствию поведения человека.

Выход из антиномии строится через сопоставление естественной истины с милостью Божией – воплощением Бога Слова: Господь Иисус Христос, как совершенный Бог и совершенный человек, есть Истина и свидетельствует истину. Это значит, что Бог ведет к истине человека, который сам не в состоянии познать ее. Принимающий свидетельство Христа Спасителя следует за Ним. Поэтому Иисус Христос есть истина и путь.

Здесь используется аргумент направления: движение, направленное к цели, содержит в себе элементы ее осуществления, поэтому каждый шаг к цели открывает возможность последующего шага; если для первого шага к цели имелось достаточное основание, то же основание тем более достаточно и для последующих шагов.

Аргумент от противного: если причиной незнания человеком истины является его вина, то нужна милость Божия, чтобы устранить причину, ибо устранение причины устраняет следствие.

Пятое положение, развивающее результаты предшествующей аргументации, является общим заключением речи. Оно обосновано рядом последовательных доводов, которые утверждают (1) единство истины, объединяя христианскую религию и культуру через отношение целого и частей и (2) посредством наведения – разделительного аргумента, который так же строится, как аргумент к человеку, – единство истины в видах научного знания.

Этот разделительный аргумент к человеку построен в виде наведения и основывается на обоснованном ранее положении о единстве Божественной и естественной истины. Особенность его в том, что он касается собственно пути к истине человека науки: философа и естествоиспытателя, историка, астронома, филолога. Наведение обобщается в выводе: “Христос есть не только истина, но и жизнь”, который выступает в качестве опущенной посылки завершающей энтимемы, приводящей к утверждению: “Путем истины стремитесь к истинной жизни.”

Система аргументации в “Слове” святителя Филарета строится в свободной гомерической последовательности. Из примера видно, что понятие силы аргументов – относительное: положения и аргументы, которые представляются наиболее ценными с богословской точки зрения, располагаются в середине аргументации. Из-за своей сложности они, с точки зрения риторической, оказываются менее действенными, чем положения и доводы, размещенные в начале и в конце подтверждения и явно ориентированные на общие места аудитории. При этом аргументация строится, как последовательная цепочка доказательств, на выводе каждого из которых основано последующее.

Убедительность аргументации укрепляется последовательной мотивацией: положение первое привлекает внимание, положение второе пробуждает интерес, положение третье предлагает визуализацию, то есть наглядную реализацию интереса как привлекательную цель, положения четвертое и пятое указывают действие как путь достижения цели.

^ Общие рекомендации

- не следует умножать число аргументов;
- предмет аргументации разделяется на составные части-положения, которые логически следуют одно из другого, образуя единую систему обоснования;
- сильные аргументы разделяются, слабые аргументы объединяются;
- сильные аргументы располагаются в начале и в конце подтверждения;
- самый сильный аргумент располагается в завершении обоснования;
- наиболее сильные аргументы суть те, которые затрагивают интересы аудитории и указывают конкретные действия для достижения привлекательной цели;
- небольшие по объему речи и сочинения дидактического содержания располагаются по хрии.

^ 6. Опровержение

Опровержение – композиционная часть высказывания, которая содержит аргументацию позиции ратора через обоснование ложности или неприемлемости взглядов или мнений, несовместимых с ней.

Цель опровержения не демонстрация ошибок или несостоятельности тех или иных взглядов как таковых, но обоснование выдвинутых ритором положений через отвержение несовместимых с ними утверждений.

Увлекаться полемикой не следует, лучший способ опровергнуть неверные мнения состоит в убедительном обосновании правильных. Поэтому к опровержению следует прибегать лишь по мере необходимости, когда нет других возможностей утвердить правильное положение, или когда приходится защищать свои убеждения от критики.

Существуют три техники опровержения – диалектическая, эристическая и софистическая аргументация.

Цель диалектической аргументации – установление истины или принятие правильного решения, поэтому критика в диалектической аргументации основана на совместном поиске истины. Диалектическая критика называется дискуссией[244] и применяется, по существу, к действительным или потенциальным единомышленникам. Цель дискуссии – согласие, поиск истины или правильного решения, поэтому критическая аргументация в дискуссии строится по логическим правилам и исключает аргументы, связанные с личностью, мировоззрением или интересами оппонента.

Цель эристической аргументации – утверждение принятой позиции и отвержение позиции оппонента, поэтому критика в эристической аргументации основана на принципе добросовестного спора. Эристическое опровержение называется полемикой.[245]

Добросовестная эристическая аргументация не исключает компрометации критикуемой позиции или самого оппонента. Поэтому помимо собственно диалектических аргументов эристическая аргументация включает аргументы к человеку, к авторитету, к аудитории, и полемизирующие стороны отбирают для защиты своих позиций доводы, которые убедительны в первую очередь не для оппонента, а для аудитории.

Цель софистической аргументации – подавление оппонента и введение аудитории в заблуждение относительно его действительных взглядов, целей и намерений. Поэтому софистическая полемика сознательно использует приемы введения в заблуждение, включая прямую ложь и клевету. Обычно именно софистическая аргументация прикрывается требованиями “политической корректности”, “ненасилия”, “терпимости”, “гармонизации”, представляя любую критику в свой адрес как агрессию.

Софистика всех времен прокламирует познавательный и нравственный нигилизм, поэтому она отвергает саму правомерность прямой полемики и борьбы мнений и называет “пропагандой” защиту всякого положительного мировоззрения и всякую философию. Опровержение софистической аргументации – демонстрация обмана и разоблачение обманщика, поэтому оно неизбежно имеет полемический характер.

Рассмотрим диалектическое и эристическое опровержение как разоблачение софистики.

^ Дискуссионное (диалектическое) опровержение

Связано с решением ряда задач технического характера, которое позволяет обеспечить объективность, обоснованность и точность критики.

Во-первых, критиковать обычно приходится концепцию, то есть совокупность взглядов, развиваемых в крупной работе или целом ряде сочинений и часто обоснованных специальной сложной аргументацией научного или философского характера. Поэтому критик должен решить сложную задачу – точно, кратко и объективно описать критикуемую концепцию.

Во-вторых, концепция, подлежащая критике, обычно содержит в себе истинные или правильные положения, которые перемешаны с неверными. Поэтому критику нужно отделить правильные положения от неправильных и тщательно определить предмет критики.

В-третьих, критикуемая концепция обычно достаточно серьезно обоснована; в составе положений и аргументов, подлежащих критике, имеются принципиальные и непринципиальные, сильные и более слабые. Поэтому задача критика состоит в том, чтобы найти слабое звено в аргументации принципиальных положений и не подменить опровержение принципиальных положений разбором второстепенных и частных деталей критикуемой концепции, то есть критиковать основные положения концепции.

В-четвертых, критика исходит, с одной стороны, из позиции самого критика, а с другой, из особенностей и внутреннего строения критикуемой концепции. Оба эти источника критических суждений должны быть тщательно разведены, чтобы критика приводила к обоснованию, и, следовательно, принятию именно тех положений, исходя из которых критик строит опровержение.

Это значит, что логическая форма несовместимости критикуемого и выдвигаемого положений должна определять построение опровержения и выбор критических аргументов.[246]

^ Полемическое опровержение

Правильное полемическое опровержение строится в основном по тем же правилам, что и диалектическое. Но составные части опровержения в полемическом опровержении выглядят иначе, чем в диалектическом. Поскольку цель полемического опровержения – переубедить не

самого оппонента, а тех, кто склонен принять его аргументацию, полемическое опровержение обычно включает критическую характеристику самого оппонента.

В добросовестной полемике не искажаются позиции и слова оппонента, не применяются угрозы, запугивание, инсинуация, провокация, (побуждение оппонента к необдуманным высказываниям, которые могут быть обращены против него). Если оппонент применяет недозволенные приемы спора, они разбираются и оцениваются полемистом как некорректные. Рассмотрим пример.

“О. С. Булгаков полагает, что догматическому суждению о том или ином учении должно предшествовать богословское обсуждение, споры, столкновение различных мнений, на основе которых в результате является Истина. “Это обсуждение совершается иногда бурно и длительно (христологические споры) и завершается торжественным вероопределением на вселенском или поместном соборе, принимаемом Церковью в качестве слова истины (а иногда и отвергаемом: лжесоборы) или же *tacito consensu*, самую жизнью Церкви. В данном частном случае в отношении к моей доктрине еще даже не началось ее надлежащее богословское обсуждение, которое должно совершаться, не насилуемое никаким преждевременным судом” (с. 53). Заметим, что это требование предварительных богословских обсуждений и полемики находится в странном противоречии с заявлением о. С. Булгакова о том, что он привык “оставлять без внимания многочисленные нападения” на свою доктрину. О. С. Булгаков считает свою софиологию “еще принадлежащей к области богословского обсуждения.” “Такого обсуждения по тяжким условиям нашей жизни до сих пор она почти не имела. Из истории догматов мы знаем, что окончательному определению Церкви всегда предшествовало догматическое брожение, состязание разных школ и идей, друг друга взаимно исключавших (как было и в эпоху Вселенских Соборов), доколе Дух Божий не открывал церковной истины соборному сознанию Церкви. Вопрос о Софии, Премудрости Божией, можно сказать, еще не начинался обсуждением, которое хочет завершить своим приговором м. Сергий. Здесь имеют применение слова ап. Павла: “Ибо надлежит быть и разномыслиям (*αἰρέσεις*) между вами, да откроются искуснейшие.”

О. С. Булгаков хочет превратить богословские споры, разделения (“ереси”), смуту – в нормальное явление церковной жизни, в необходимую норму, без которой невозможно постижение Истины. Он обличается прежде всего ап. Павлом, на которого хочет опереться. Следует рассмотреть цитату во всем ее контексте (1 Кор. 11:16–19). Ап. Павел прекращает споры коринфян о покрывании волос женами в храме, указывая на принятый церквами обычай: “А если кто бы захотел спорить, то мы не имеем такого обычая, ни церкви Божии. Но предлагая сие (т. е. разрешая спор как “искуснейший”), не хвалю вас, что вы собираетесь не на лучшее, а на худшее. Ибо, во-первых, слышу, что, когда вы собираетесь в Церковь, между вами бывают разделения (*σχίσματα*): чему отчасти и верю, ибо надлежит быть и разномыслиям между вами, да откроются искуснейшие.” Иного толкования приведенного текста, т. е. в смысле “необходимости” ересей для нормальной жизни Церкви, быть не может. В противном случае пришлось бы толковать в том же смысле слова Господа: “Горе миру от соблазнов, ибо надобно прийти соблазнам; но горе тому человеку, чрез которого соблазн приходит” (Мф. 18:7), т. е. приписывать Богу происхождение зла, соблазнов и нестроений в мире.

Бурные и длительные “богословские обсуждения” (например, христологические споры, на которые указывает о. С. Булгаков) сами по себе отнюдь не являются нормальным и желательным явлением церковной жизни. Достаточно вспомнить ту глубокую 60-летнюю смуту и расстройство, в которые повергли Церковь “богословские обсуждения”, вызванные арианством. Соборные вероопределения, которыми обычно заканчивались споры, всегда являлись экстренной мерой. Они ни в какой степени не оправдывают тех, кто вынуждает Церковь к столь крайней мере, возбуждая споры и смуту, становясь причиной соблазна (*σκανδαλον*). Героизм, проявляемый на войне защитниками отечества, не делает войну саму по себе положительным и необходимым явлением.

Если бы о. С. Булгаков был прав, утверждая, что надлежащее богословское обсуждение его доктрины еще не началось, что всякий суд о нем епископов Церкви является “преждевременным” и “насилующим”, если бы богословские споры и обсуждения были нормой догматической жизни, единственным путем к познанию Истины, то никогда не было бы Отцов и Православия бы не существовало... были бы мнения, блуждания впотьмах, множество комиссий, разбирающих и

обсуждающих отдельные положения, громадная литература, подготовка материалов к “будущему Собору”, – и покинутое стадо верных, предоставленное “ветрам учения”, не знающее за кем идти, как верить, в ожидании “обоснованного суждения” Собора, который в результате, по словам о. С. Булгакова, может еще “оказаться разбойничьим.” Об этом стаде верных, ради которых пролилась драгоценная Кровь Христова, ради которых в Пятидесятницу сошел Дух Святой, ради которых существует Церковь, о. С. Булгаков забывает. Забывает и о том, что в Церкви людям вручена сама Божественная Истина, а вместе с тем и ответственность за чистоту ее усвоения всеми членами Тела Христова, каждым в свою меру. Сознание этой ответственности, ревность о Церкви побуждают их не к промедлению и обсуждению, но прежде всего к решительному противодействию тому, что может принести духовный вред верным. Слово – не безразличное сотрясение воздуха, а действенная духовная сила, особенно слово учения в Церкви. Здесь не может иметь места квиетизм, но необходимо бодрствование церковной власти и немедленное принятие тех или иных мер для наставления и ограждения паствы. Богословские споры, которые при этом загораются, являются печальной необходимостью, той войной, в которой выдвигаются “искуснейшие”, защищая общее достояние Церкви.

Итак, отсутствие предварительных богословских споров отнюдь не может быть аргументом против права м. Сергия ограждать свою паству от того, что ему представляется ложным и духовно опасным в учении о. С. Булгакова. Это не исключает, однако, возможности догматических споров и обсуждений в дальнейшем.”[247]

Полемическое опровержение строится в гомерической последовательности: наиболее сильные доводы расположены в начале и в конце. Сильными в полемическом опровержении оказываются доводы, приводящие критикуемую доктрину не к внутреннему противоречию, а к противоречию с основными общими местами, в данном случае с коренными положениями учения Церкви.

Предметом обсуждения фактически является этическая позиция оппонента. Но полемист воздерживается от явных формулировок, строя энтимемы с опущенным выводом и предоставляя формулировку выводов читателю или слушателю. Например, что приносит духовный вред верным? от кого “искуснейшие” защищают общее достояние Церкви?

^ Общие рекомендации

Не следует увлекаться критикой: опровержение используется только тогда, когда оно необходимо.

Выбор типа опровержения (диалектического или эристического) определяется характером критикуемой позиции и условиями дискуссии, а не вкусами ратора: в любом случае следует предпочесть диалектическую технику опровержения эристической.

Не следует использовать эристические, а тем более софистические аргументы в диалектическом опровержении.

Если в условиях диалектической дискуссии оппонент переходит к эристической или софистической аргументации, следует немедленно применить ответную эристическую технику: ритор должен помнить, что он отстаивает не свои личные интересы.

Эристическое опровержение может быть критикой или разоблачением: в первом случае ритор ставит оппонента перед альтернативой, во втором случае его задача состоит в компрометации полемического противника перед аудиторией.

Эристическое опровержение обычно начинается с компрометации пафоса, затем переходит к компрометации логоса и завершается компрометацией этоса оппонента.

^ 7. Рекапитуляция

Рекапитуляция[248] (обобщение) – композиционная часть высказывания, содержащая обобщение изложенного материала.

Рекапитуляция иногда рассматривается как звено, связывающее середину и конец высказывания – побуждение. Рекапитуляция может строиться в виде цельного фрагмента текста или серии выводов.

Завершающая рекапитуляция не является простым повторением главной мысли произведения: желательно, чтобы она содержала развитие этой мысли и возбуждала дальнейший интерес к предмету, открывая тем самым возможность продолжения речи.

В первом случае рекапитуляция позволяет сделать завершение речи более ясным и убедительным: напомнить главное положение и непосредственно связать его с побуждением. Так строится рекапитуляция в речи святителя Филарета о столетии Московского университета, представляющая собой краткую и ясную словесную формулу всей речи.

“Все мы, христиане, и любомудрствующие, и в простоте смиренно-мудрствующие, да не забываем никогда, что Христос есть не только истина, но и жизнь. В Своем слове и в Своем примере Он сделался для нас путем, чтобы привести нас к истине и через истину к истинной жизни. Кто думает обеспечить себя достижением некоторого познания истины Христовой и недостаточно старается обратить ее в действительную жизнь по учению и примеру Христову, тот самой истиной обманывает себя и подвергает себя опасности умереть на пути и никогда не достигнуть истинной, вечной, блаженной жизни со Христом в Боге. – Тако тецыте, да достигнете.”

Рекапитуляция в виде выводов обычно является завершением высказывания.

^ 8. Побуждение

Побуждение – завершающая часть высказывания, в которой, как и в предшествующей рекапитуляции, концентрируется и выражается основной пафос.

Побуждение строится, как призыв к действию или решению, и иногда объединяется с рекапитуляцией. Но в любом случае основными требованиями к побуждению являются краткость, ясность, приемлемость, воспроизводимость.

Что касается выражения пафоса, то следует помнить, что сила речевой эмоции больше зависит от значения и смысловых ассоциаций слов, чем от их стилистических характеристик, поэтому слова высокого стиля обычно не только не оставляют слушателя или читателя равнодушным, но даже могут быть восприняты иронически, особенно в завершении устной публичной речи.

Избегать неуместного пафоса в завершении речи так же важно, как добиваться пафоса истинного. Ложный пафос не только фальшивая, наигранная или неуместная эмоция речи, но равным образом неэтичная эмоция: гнев, зависть, пренебрежение, уныние, безразличие не должны проявляться, в особенности, как основной пафос. И риторю следует тщательно взвесить выражения, которые он использует в побуждении, чтобы избежать случайного пафоса, вызванного неточным или необдуманном употреблением слов.

Одно из важнейших правил пафоса состоит в том, что даже если предмет речи связан с печальными событиями, угрозой, надвигающейся опасностью, а может быть, в таких случаях в особенности, пафос побуждения должен быть оптимистическим, потому что побуждение предполагает возможность осуществления решения силами аудитории.

“Так теки царским путем, царская обитель знаний, от твоего первого века в твой второй век. Оглянувшись на достигнутые успехи, благодари Бога и поревнуй достигнуть больших. Не прикрывай лестью неразлучных с делами человеческими несовершенств, но в беспристрастном их признании найди наставление и побуждение к усовершенствиям. Распространяй не поверхностное образование, но просвещение, проникающее от ума до сердца, и да будет плодом знания добродетель и истинное благо, частное и общее. Подвизайся образовать подвижников истины и правды, веры и верности к Богу, царю и Отечеству, которые бы жили истиной и правдой и готовы были за них пожертвовать жизнью. Ибо истина, когда за нее умирают, бывает особенно животворна. Аминь.”

^ Общие рекомендации

Завершение – важнейшая часть высказывания, успех аргументации всецело зависит от качества завершения.

Завершение речи должно быть кратким, ясным и энергичным.

Аудитория должна понять, к чему призывает ее ритор.

Следует избегать ложного пафоса, который компрометирует ратора.

Рекапитуляция используется, в основном, в пространных высказываниях.

^ Глава четвертая. Элокуция

Элокуцией[249] называется раздел риторики, в котором рассматриваются средства и приемы словесного выражения замысла.

Публичное высказывание предназначено для аудитории, которая стремится правильно понять ратора и ожидает от него точной и ясной формулировки мыслей. Если ритор ограничивается задачей быть правильно понятым аудиторией, ему достаточно соблюсти общепринятые нормы речи. Но если тема требует от аудитории значительных усилий, то элементарной культуры речи недостаточно: сложное содержание невозможно выразить простыми средствами.

Высказывание принадлежит к определенному виду словесности, нормы которого определяют характер содержания и речевые средства. Если автор не соблюдает эти нормы, произведение утрачивает необходимые качества, на основе которых получатель использует текст определенным, соответствующим замыслу образом. Если, например, построение и язык документа не соответствуют нормам деловой речи, то документ теряет юридическую силу.

Автор статьи или книги сознательно создает литературное произведение, предназначенное для многократного чтения. Текст литературного произведения требует серьезной работы над словом, ибо важнейшим свойством литературы, в отличие от текущей словесной продукции, является стиль.

Стиль – это отбор и согласованное сочетание в словесном произведении целесообразных выразительных средств языка, создающее устойчивый образ речи, который служит основанием эстетической оценки произведения.

^ Стиль и слог

Стилистическая оценка является критерием включения литературного произведения в культуру. Словесное произведение оценивается аудиторией с точки зрения продуктивности и новизны идей, которые выдвигает автор, но литературная судьба произведения определяется в основном тем, каким образом эти идеи выражены в слове, то есть качеством стиля.

Пример (1).

“Аристотель говорил о познавательном характере искусства и отвергал точку зрения Платона, противопоставлявшего искусство и познание. Источником воображения (фантазии), как способности создавать образы, он считал ощущения и, в отличие от Платона, признавал эстетическое значение чувственного восприятия действительности.”[250]

В этом отрывке из академической “Истории философии” заметна профессиональная работа литературного редактора. Изложение отличается правильностью, чистотой, ясностью, соразмерностью; соблюдены все литературные нормы; нет эмоционально окрашенных, редких или сколько-нибудь неожиданных слов; содержание фраз кажется понятным; текст гладко читается про себя и вслух; уточняющие обороты расположены в непосредственном соседстве со словами, значение которых они поясняют. Но мысли автора не видно, поскольку отсутствует стиль. Речь

настолько обезличена, что трудно даже судить, насколько искажены действительные взгляды Аристотеля. Не всякая особенная манера выражения может считаться стилем.

Пример (2) (Написание слов и пунктуация оригинала).

“Сходство в поведении может быть также продолжением морфологического сходства. Так, сходство мимики человекообразных обезьян и человека должно обуславливаться, по крайней мере, одинаковой лицевой мускулатурой. Сравнительное исследование поведения может констатировать лишь внешнее сходство в поведении. При попытке его /сходства/ интерпретации психические свойства человека не могут быть спроецированы на животное. И наоборот, при исследовании поведения в русле эволюционной теории человек нередко “низводится” до уровня животного. То есть, человека, в принципе, рассматривают стоящим на одной ступени с животным.”

В приведенном фрагменте перевода-подстрочника неповторимо сочетаются следы языка оригинала (немецкого), особенности научной речи и индивидуальная речь (идиолект) переводчика. Но стилем это стечение речевых стихий не является, потому что особенности речи переводчика (например, специфическое написание глагола “обуславливать” как производного, по-видимому, от существительного “слава”, а не “условие”, употребление слова “продолжение” в значении следствия и т. п.) образуют своего рода мозаичную форму, элементы которой не несут никакой смысловой нагрузки и представляются результатом недостаточно внимательного редактирования текста.

Пример (3).

“Отвергая подражательных художников за их “многоделание” и “подражание подражанию”, Платон, по-видимому, просто исключает из своего государства всякое искусство как самодовлеющее творчество. Если он признает неподражательное искусство, то это в сущности значит, что он признает только вполне искреннее и непосредственное жизненное отношение к миру. Так, например, можно молиться, произносить речь, писать картину, но все это имеет чисто жизненное значение. В каком смысле искреннюю и непосредственную молитву можно назвать искусством (ибо есть, ведь, искусство и молиться; один умеет, другой не умеет молиться), в таком, и только в таком, смысле Платон и допускает искусство. Но это и значит, что: 1) Платон не признает искусство в нашем смысле за допустимое творчество; 2) такое самодовлеющее творчество для него есть “подражание”, т. е. как бы творчество не всерьез; и что 3) подлинное творчество есть усовершенствование себя самого, являясь единственно допустимым подражанием – на этот раз уже вечному образцу.”[251]

Мысль формулируется не вполне ясно; некоторые слова используются в значении, непонятном широкому читателю; встречаются неловкие и неточные выражения, так называемые “стилистические погрешности”; книжная речь перебивается элементами разговорной; вводные слова и уточняющие обороты, союзы и предлоги стоят на неожиданном месте; порядок слов отражает становление мысли автора, которому решительно нет дела до легкости чтения. Но здесь есть стиль. И это стиль Алексея Федоровича Лосева, который невозможно спутать ни с каким иным и который не осмелится править ни один редактор, потому что в стиле выражается авторская мысль, то принципиально новое и неповторимое, что А. Ф. Лосев знает и умеет сказать о Платоне.

Итак, в словесном строении произведения проявляются слог и стиль.

Под слогом мы будем понимать совокупность общеобязательных выразительных качеств речи, надежно обеспечивающих ее понимание и приемлемость.

Под стилем мы будем понимать совокупность особенных свойств речи, побуждающих читателя или слушателя опознавать, выделять и ценить речь именно данного автора.

Хороший слог, таким образом, составляет основу, на которой может строиться стиль, как особая манера речи, порой нарушающая норму.

^ I. Качества слога

Качества слога определяются отношением авторской речи к общим нормам литературного языка (правильность и чистота) и к нормам ведения речи (ясность, уместность, красота). Отношение общественно-языковой практики к нормам литературного языка изучается дисциплиной, которая называется культурой речи.

Правильность – соответствие речи общеобязательным нормам современного литературного языка. Под современным литературным языком понимается язык художественной, философской, научной, публицистической, духовной, деловой словесности с 30-х годов XIX до нашего времени.

Понятие современного литературного языка относительно: если в его объем включить только текущий речевой обиход, то утратит смысл понятие культуры языка, ибо содержание культуры – опыт, который сохраняется обществом. Поэтому система норм литературного языка должна включать по возможности такой состав правил, который позволяет понимать и воспроизводить максимально полный объем произведений словесности за максимально долгий период его развития. Но в таком случае нормы литературного языка утрачивают внутреннее единство, а объем классического материала становится труднообозримым.

Поэтому приходится ограничивать понятие современного литературного языка исходя из относительной цельности его системы и стилистической однородности произведений.

^ Нормы литературного языка

Устанавливаются и определяются филологической дисциплиной историей литературного языка на основе изучения языка классиков литературы – писателей, язык и стиль которых рассматривается, как образцовый, а произведения обязательно изучаются в школе сначала в курсе русского языка в составе грамматических примеров, а затем в курсе истории литературы – как высшие достижения языкового, в частности художественного, творчества.

Нормы литературного языка обеспечивают единообразное понимание текста и преемственность культуры. Нормы литературного языка охватывают всю совокупность речевой деятельности и противостоят солекизмам – нарушениям грамматической, логической, семантической связности речи, а также речи нелитературной – диалектам, просторечию, различного рода социальным и профессиональным жаргонам, табуированным выражениям, засорению речи иностранными словами и оборотами, архаизмам и неоправданному речетворчеству в виде неологизмов.

По сфере действия нормы литературного языка подразделяются на общие (нормы языка) и частные (нормы речи). Общие нормы распространяются на любые высказывания, а частные – на произведения отдельных видов словесности, например, поэтических произведений, документов и т. д.

К общим нормам принадлежат:

- орфоэпические нормы устной речи, которые подразделяются на фонетические (нормы произнесения слов и словосочетаний) и просодические (нормы построения интонации), например, ударение в слове обеспечение на третьем слоге;
- морфологические нормы построения слов, например, множественное число от слова офицер – офицеры с ударением на третьем слоге;
- словообразовательные нормы, например, образование от существительного условие глагола обуславливать со звуком и соответственно буквой о в корне, а не *обуславливать;
- лексические нормы употребления слов и устойчивых словосочетаний в определенных значениях, например, слово знаковый означает “относящийся к знаку, имеющий функцию знака”, а слово

значимый означает “имеющий существенное значение”, поэтому нельзя сказать “знаковая речь президента”, но “значимая или значительная речь президента”; или: “Дай Бог нам преодолеть наши очень сложные социально-экономические и политические проблемы” – проблемы можно решить.

- логико-синтаксические нормы построения словосочетаний и предложений, регулирующие правильную смысловую связь элементов высказываний. Например, если опущен обязательный элемент словосочетания, создается неопределенность смысла:

“Пожалуйста, тот, кто вносил, может высказаться. Кто вносил?... Кто хотел бы с иных позиций? Дайте, пожалуйста, возможность...”;[252]

- собственно синтаксические нормы, регулирующие устойчивые формальные связи слов в словосочетаниях и предложениях; нарушение этих норм приводит к неразличению синтаксических значений и обеднению смысла фразы: “Начальник охраны завода доложил по вопросу о подготовке по заводу мероприятий по очистке территории”;

- орфографические нормы, регулирующие написания слов; нарушение орфографических норм затрудняет понимание письменной речи;

- пунктуационные нормы, регулирующие членение предложений и обеспечивающие правильное понимание строения высказывания.

Общие нормы литературного языка изучаются в соответствующих разделах общего курса русского языка и в курсе стилистики.

К частным нормам принадлежат правила построения документов, публичных выступлений, научных сочинений, писем, художественных произведений и т. д.

Частные нормы литературной речи изучаются в специальных разделах курсов стилистики и в курсах теории словесности, риторики, поэтики, деловой речи. К частным нормам прозаической речи относятся, например, логические правила аргументации, правила построения высказываний, периодов и фигур речи.

По характеру использования литературные нормы подразделяются на действующие и классические. К действующим относятся нормы, которые используются в текущей устной и письменной речи. К классическим относятся нормы, которые используются в классических произведениях, но вышли из постоянного употребления.

Рассмотрим пример несоответствия классических и действующих норм.

Раз он спал.

У невской пристани. Дни лета

Клонились к осени. Дышал

Ненастный ветер. Мрачный вал

Плескал на пристань, ропща пени

И бясь о мрачные ступени,

Как челобитчик у дверей

Ему не внемлющих судей.

/А. С. Пушкин/

В языке этого отрывка из “Медного всадника” заметны отличия классической литературной речи пушкинской поры от современной. Так, слова челобитчик, внимать, деепричастие бьясь (от глагола биться) в современной речи почти не употребляются, а выражение роптать пени, тем более с деепричастной формой глагола ропща, – вообще непонятно: оно означает невнятно шептать упрек.

Действующие нормы часто приходят в столкновение с классическими, но четкую границу между ними провести невозможно, тем более что классические нормы иногда активизируются, как, например, использование в русской речи церковнославянских слов и оборотов, некоторых формул речевого этикета, свойственных дореволюционному обиходу, написаний слов в дореволюционной орфографии и т. д.

Чистота слога – однородность речи в отношении к общим и частным нормам литературного языка.

Чистый слог облегчает восприятие речи, так как позволяет слушателю или читателю сосредоточить внимание на ее содержании, не отвлекаясь переменой способа выражения мысли. Засоренность слога является результатом механического смешения в речи различных функциональных, исторических, авторских стилей, включения в речь нелитературных слов и оборотов – и часто производит комическое впечатление:

“Мы часто думали о тех процессах, которые протекают с точки зрения самостоятельности республик; вопрос межнациональных отношений самый тонкий, ранимый такой.”[253]

Помимо обычных стилистических ошибок (с точки зрения самостоятельности, ранимый вопрос) в этой краткой фразе сталкиваются общенаучные (процессы протекают), документально-деловые (самостоятельность республик), политические (вопрос, межнациональные отношения) обороты официальной речи со словами и оборотами, свойственными беллетристике (тонкий, ранимый такой), что и создает неожиданный комический эффект.

Речь ценят не за умные слова, а за мысли. Чтобы сохранить чистоту речи, следует избегать нагромождения ненужных иностранных слов и варваризмов, калькирования иноязычных слов, словосочетаний и оборотов речи. Если языковая однородность изложения нарушена, речь становится настолько заумной, что читатель задает себе законный вопрос: а стоит ли содержание тех усилий, которые приходится делать, чтобы разгадать этот странный словесный шифр?

“В своей генеративной способности мистический опыт уникален. Хотя бытие-действие включает в себя еще два горизонта, отвечающие “виртуальным событиям” и “событиям наличествования”, и опыт таких событий, также будучи деятельностью “опытом бытия”, равно может служить порождающим ядром некоторой антропологии, однако в этом случае могут возникать лишь антропологически редуцированные, не обеспечивающие полноты самоосуществления человека.”

Слог может быть засорен различного рода архаизмами, историзмами и неологизмами, которые появляются в речи иногда как неудачная попытка выразить содержание исторического факта или мысли старинного писателя, а иногда из-за стремления стилизовать речь. В контрасте с церковнославянской богословской терминологией научная, деловая или газетная лексика выглядят особенно неуместно: *“... плоды аскетической аналитики включают в себя тонкую и детальную дескрипцию развития страсти, укоренения ее в душе.”

Стилизация порядка слов может привести к двусмысленности: “Не удержал мяч вратарь, но добить его было некому.”

Слова и выражения грубые (вульгаризмы), свойственные речи уголовного мира или маргинальных слоев общества (жаргонизмы), известной части молодежи (сленг), специфическая профессиональная лексика, употребляемая не к месту, засоряют речь.

Вulgарные и жаргонные выражения особенно опасны, потому что они резко снижают авторитет того, кто использует их в публичной речи.

Русский язык, как и всякий развитый литературный язык, представляет собой систему так называемых функциональных стилей – разновидностей литературной речи, особенности которых определяются ее назначением и содержанием. Обычно выделяются обиходно-разговорный, документально-деловой, научно-технический, общественно-политический, художественно-литературный функциональные стили русского языка.

Очевидно, имеет смысл говорить о духовной речи, как о особом функциональном стиле русского литературного языка, лингвистическое отличие которого от других функциональных стилей, основанных только на современном русском языке, состоит в синтезе церковнославянской и русской речи.[254]

В различных видах и жанрах духовной речи (в богослужении, проповеди, богословской, апологетической литературе, в академической речи, в газетных публикациях) церковнославянская и русская языковые стили сочетаются различным образом. Развитый жанровый состав духовной словесности и активное использование произведений, принадлежащих ко всем периодам развития русского литературного языка, делают функциональный стиль духовной речи уникальным явлением в составе современного русского литературного языка. Несмотря, однако, на эту кажущуюся разнородность, как позволяют думать исследования последнего времени[255], в духовной словесности обнаруживается возрастающее единство выразительных средств и становление особенных норм устной и письменной речи.

В условиях становления функционального стиля духовной речи следует особенно внимательно относиться именно к чистоте слога, потому что требование чистоты связано с отбором выразительных средств, качество которого определяется знанием языка и литературным вкусом.

Органическое слияние различных выразительных средств достигается в произведениях ряда современных церковных авторов, например, митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна (Снычева), которого можно с полным основанием считать классиком современной русской духовной прозы.

Ясность слога означает, что любой, кто владеет языком, может однозначно и без усилий воспринять речь и понять ее содержание.

Чем яснее речь, тем в большем объеме она усваивается и в большей мере экономит усилия создателя и получателя. Темная речь, напротив, создает дополнительные трудности понимания и поэтому быстро утомляет. У вынужденного слушателя или читателя она вызывает законное раздражение против автора и неизбежное отвращение от предмета.

Достигается ясность в основном использованием ограниченного запаса общепонятных употребительных слов в словарных значениях, слитным построением слабо распространенных словосочетаний, отказом от вводных и уточняющих оборотов, привычным порядком слов в предложении и простотой синтаксических конструкций.

“Видим ли мы воздух, слышим ли, чувствуем ли мы его? Посмотрите в даль, хоть в самый ясный ведряный день: какая причина, что далекие леса, рощи, села и холмы виднеются словно в тумане, тогда как тумана вовсе нет? Разумеется, воздух: он мешает нам ясно видеть далекие вещи; хоть он сквозит как хрусталь, а все же когда его много, то он собою застит. Если налить в хрустальную посуду самой чистой ключевой воды, то кажется, будто в посуде нет ничего; а налей этой самой воды в водоем обширный, то хоть сквозь нее и видны все камешки на дне водоема, но все же не так ясно, как без воды: значит, воздух можно видеть – это вещь видимая.”[256]

Уместность слога – правильный выбор выразительных средств языка в отношении к предмету речи.

В системе выразительных средств языка выделяются слова и обороты, соответствующие регистрам речи: так называемым высокому, среднему и простому (низкому) слогу.

Регистр речи – совокупность выразительных средств языка, указывающих на оценку говорящим уровня значимости предмета речи по отношению к общественной норме: как возвышенного и санкционирующего общественную норму, общепринятого и соответствующего общественной норме или частного и занимающего положение ниже общественной нормы.

Так, слова-синонимы лик, лицо, личико относятся соответственно к высокому, среднему и низкому регистрам. Высокий слог (лик) применяется в торжественной официальной речи о предметах возвышенных; простой слог (личико) применяется в обыденной неофициальной речи о предметах повседневных; средний слог (лицо), который используется для большинства прозаических сочинений, ограничен снизу обиходно-разговорной лексикой и оборотами речи, а сверху – высокой лексикой.

Пример высокого регистра современной речи:

“Теперь же, когда книги церковные и толкования, кои изрекали святые Божьи люди, движимые Духом Святым, приобрести легче, чем хлеб насущный, именно теперь, присваивая себе имя христиан, обрушиваются на Церковь еретичествовавшие служители сатаны. Они возвещают вероломство под предлогом веры, антихриста под именем Христа и, прикрывая ложь правдоподобием, хитростью, уничтожают для нас истину.”[257]

Пример среднего регистра современной речи: “Нам необходимо научиться постоянно анализировать свои собственные поступки и мысли. Надо знать свои пороки и грехи. Это сознание побудит нас просить у Бога помощи в деле покаяния. Только сознание своей греховности поможет нам изменить свою жизнь, если до сих пор мы находились в нераскаянности.”[258]

Пример простого регистра современной речи:

“Твою посылочку и письмо получил я своевременно. За посылочку надо тебя не благодарить, а побранить: сама живешь в скудости и выдумала посылать посылочки, да еще схимнику, который должен питаться хлебом и водой по примеру святых отцов. Говорю тебе строго, чтобы впредь этого не было.”[259]

В первом примере широко использованы церковнославянские обороты речи и порядок слов там, где они не обозначают реалии и могли бы быть заменены общепринятыми русскими: не книги церковные и толкования, а церковные книги и толкования, не кои, а которые, не изрекли, а создали, не хлеб насущный, а продукты питания, не еретичествовавшие, а еретики, не возвещают, а проповедуют. Эти выражения и обороты указывают на особо высокую значимость предмета речи.

Во втором примере, взятом из проповеди того же автора, использован средний регистр речи – обычные книжно-литературная лексика и синтаксис: постоянно анализировать, сознание, побудит нас, просить помощи, в деле покаяния. Выбор этих выражений и оборотов показывает, что автор представляет предмет как безусловно важный, но соответствующий обычному, нормальному образу действий и помыслов христианина.

В третьем примере используются русские разговорно-обиходные слова и обороты: обращение на “ты”, побранить, выдумала, чтобы этого не было, слова с уменьшительным значением: посылочка, автор избегает церковнославянских слов и даже свой монашеский образ передает разговорным словом: не схимонах, а схимник.

Автор стремится не обременять расходами свою духовную дочь (письмо написано в 1952 году) и, не огорчая ее, тактично побудить больше не посылать ему продукты. Письмо носит личный характер, и запрещение посылок употреблением разговорных слов предстает как мотив частный и обыденный. Такое намеренное снижение регистра позволяет сделать духовное наставление практически исполнимым, а наставника – близким и доступным.

Смещение или неправильное применение регистров речи, в особенности неуместные церковнославянские выражения и слова, может создать неожиданный комический эффект, чего следует всячески избегать. Точное применение речевых регистров особенно трудно в речи проповедника: обычные в церковном обиходе и в духовной словесности слова, формы и обороты являются в то же время стилистическими показателями высокого стиля светской речи.

Учитывая, что современная светская публичная словесность даже в своих наиболее официальных и торжественных проявлениях, как, например, инаугурационная речь Президента, избегает высокого стиля, но предпочитает пользоваться средним регистром с существенными элементами низкого, применять высокий регистр следует с большой осторожностью и выбором. Как выражение возвышенного высокий регистр и вообще церковнославянская речевая стихия, очевидно, с трудом доступны современному языковому сознанию, которое формируется средствами массовой информации и потому способно вращаться в основном в сфере, по выражению М. М. Бахтина, “материально-телесного низа.”

В проповеди и в церковной публицистике вполне возможны удачные и оправданные сочетания различных регистров.

“Оглядывая отечественную историю, непредвзятый наблюдатель повсюду находит несомненные следы промыслительного Божия попечения о России. События здесь происходят почти всегда вопреки “объективным закономерностям”, свидетельствуя о том, что определяют историю не земные, привычные и, казалось бы, неизблемые законы, а мановения Божии, сокрушающие “чин естества” и недалекий человеческий расчет. Чудо сопровождает Россию сквозь века. Вот и нынче – по всем планам закулисных дирижеров современной русской трагедии наше национально-религиозное самосознание давно должно бы захлебнуться в смрадном и мутном потоке пропаганды насилия и бесстыдства, космополитизма, богоборчества и животных страстей. Наша государственность должна была давно рухнуть под грузом бесконечных предательств и измен, внутренних интриг и внешнего давления. Наши дети давно должны были бы убивать друг друга на полях новой братоубийственной гражданской войны, для разжигания которой приложено столько усилий мнимыми “миротворцами” и лукавыми “посредниками.” Наша хозяйственная жизнь должна бы давно замереть, опутанная удушающей сетью “реформ”, ввергнув страну в экономический и политический хаос.

Ан нет – хранит Господь! Гнется Русь – да не ломается, и зреет в народе (прежде всего – в народе церковном) понимание своей великой судьбы, своего подлинного призвания: быть народом Божиим, неся жертвенное, исповедническое служение перед лицом соблазнов, искушений и поношений мира, по слову Господа Иисуса Христа: “Будут предавать вас на мучения и убивать вас; и вы будете ненавидимы всеми народами за имя Мое... и многие лжепророки восстанут, и прельстят многих; и, по причине умножения беззакония, во многих охладет любовь; претерпевший же до конца спасется” /Мф. 24: 9:11–13/. [260]

Фрагмент начинается аллюзией, которая сразу же вводит читателя в объективно-нейтральный стиль исторической прозы: деепричастный оборот в начале фразы, ритм академической лекции, “непредвзятый наблюдатель”, оглядывающий русскую историю с высоты птичьего полета, – излюбленный герой историков-позитивистов XIX века. Но автор сразу же сталкивает научно-историческую лексику среднего регистра с высокой церковнославянской и при этом продолжает изложение, сохраняя особенности синтаксиса научного изложения, близкие манере речи В. О. Ключевского.

Подчеркнутая ирония первых двух фраз резко сменяется, начиная с третьей, сначала разговорным выражением “вот и нынче”, а затем острым ораторским пафосом, который стремительно достигает уровня высокого регистра обличительной речи псогоса [261] с его продолженным трехчастным ритмизованным периодом, объединенным анафорой, заимословием (“Наши... должны” — слова “дирижеров”) и фигурой соответствия. Но после слова “хаос” – снова резкий поворот смысла и столь же резкая смена стиля речи явно просторечным пословичным оборотом: “ан нет” и замедление темпа речи с помощью инверсии глагола и фигуры экзергазии – синонимии оборотов

(“своей великой судьбы, своего подлинного призвания”). Наконец – высокий славяно-византийский стиль торжественной проповеди – энкомия, завершающийся цитатой из Св. Писания.

Все переходы ритма и смены стиля и регистров речи воспринимаются как органическое единство. Это мастерство слова выглядит совершенно естественно и становится заметным только при специальном анализе текста.

Красота слога – совершенное выражение мысли посредством оптимального отбора, сочетания и соразмерного расположения слов и выражений.

Украшенной речь становится, когда мысль выражена так, что ее невозможно выразить иначе. Рассмотрим пример.

“Народ... От частого и бессовестного употребления слово это так истерлось, истрепалось и выщело, что теперь почти невозможно определить его истинное значение. Но, по счастью, жив еще сам народ униженный и обманутый, обворованный и оболганный, – русский народ еще жив.”[262]

В этом примере можно увидеть целый ряд приемов выражения смысла, риторических фигур, которые придают речи органическое совершенство.

^ Выбор и сочетание слов

В примере используются фигуры слов: антилогия – соединение в одно целое слов с различным несовместимым значением, создающее парадоксальный смысл: частое и бессовестное употребление; синонимия с градацией – использование ряда синонимов, каждый из которых усиливает значение предыдущего: истерлось, истрепалось и выщело; экзергазия – повтор (часто с усилением) синонимических оборотов или словосочетаний: униженный и обманутый, обворованный и оболганный.

Использование словесных фигур превращает свободное словосочетание в связанное и придает каждому слову контекстное идиоматическое значение: отдельное слово становится элементом связной конструкции, которая имеет значение как целое – единораздельное имя ситуации.

Но на фоне этой конструкции, при столкновении несовместимых или неожиданно сочетающихся слов, значение каждого слова, включенного в фигуру, приобретает выпуклость и особую выразительность.

Так, выбор и сочетание слов в первом предложении содержит противопоставление. Слова первой части предложения – синонимический эпитет к отглагольному существительному (“частого и бессовестного употребления”) – указывают на действие и, следовательно, на деятеля, часто и бессовестно употребляющего слово “народ.” Слова второй части предложения (придаточного изъяснительного) относятся к образу автора и содержат параллелизм: “частое и бессовестное употребление” – “истинное значение”, “так истерлось, истрепалось и выщело” – “что невозможно определить.”

Таким образом, противопоставление охватывает все предложение: оно начинается на уровне отдельного словосочетания и завершается на уровне сложноподчиненной конструкции.

Действительно, второе предложение в свою очередь противопоставлено первому: эпитеты слова “народ” – страдательные причастия (“униженный и обманутый, обворованный и оболганный”), связанные с эпитетом первой части фразы, как претерпевание с действием. Фраза образует противительный период – фигуру антитезы с рамочной конструкцией слов: “народ” – “жив.” В этой фигуре слово “народ” противопоставлено реальности народа, ложное слово как обман и кажимость – истине как жизни.

^ Расположение слов и конструкций

В примере использован ряд фигур мысли, которые определенным образом оформляют высказывание, выделяя особенности строя мысли автора.

Пример начинается словом “Народ...”, которое оторвано от последующей фразы и представляет собой начало намеренно прерванной мысли. Но это слово повторяется в последнем предложении уже в составе завершенной мысли. Эта риторическая фигура, называемая эллипсом, создает наложение (аппликацию) мыслей: одна мысль течет как бы в подводном русле, а на поверхность выходит другая, чтобы впоследствии слиться с первой в завершении фразы.

Другой фигурой, характерной для примера, является дважды использованный хиазм: фраза строится таким образом, что ее смысл разворачивается не от начала к концу, а влево и вправо от центра, левая и правая части конструкции зеркально отражают друг друга и могут быть связаны как причина и следствие или как-нибудь иначе.

В первом предложении часть конструкции “от частого и бессовестного употребления” стоит перед словом “слово”, во втором предложении параллельная ей по смыслу часть стоит после слова “его”: “истинное значение”; ближе к центру слева стоят слова: “так истерлось, истрепалось и выщвело” и “что теперь почти невозможно определить”, которые уже непосредственно связаны по смыслу и синтаксически.

Так получается зеркальная структура параллельных элементов: 2—1—1—2, которая создает смысловую и одновременно фонетический ритм предложения.

Во втором предложении использован вариант хиазма эпанодос (превращение); здесь слова первого предложения повторяются в обратном порядке во втором: “жив еще сам народ” и “русский народ еще жив”: 1—2—3—4—4—3—2—1. Между этими частями стоят слова: “униженный и обманутый, обворованный и оболганный”, которые, образуя в составе конструкции фигуру парантезу (вставку), сами по себе также являются хиазмом: “униженный” параллельно “оболганный”, “обманутый” параллельно “обворованный”, поскольку унижен тот, кто оболган и обманут тот, кто обворован.

Такой разрыв синтаксических или семантических связей, создающий неожиданные смысловые группировки слов, называется в риторике силлепсом.

Если мы сопоставим фигуры слов и фигуры мыслей, то увидим, что одни фигуры вставляются в другие, а все вместе они создают особый смысл, дополнительный с точки зрения обычной последовательности слов. Благодаря использованию фигур речи фраза получает смысловую глубину и строится нелинейно, поскольку связи ее элементов образуют сложное смысловое пространство.

^ Ритм речи

Разделим пример на смысло-ритмические группы так, как он должен, членясь паузами, произноситься в ораторской речи.

Смысло-ритмические группы по примерному соотношению (мы имеем дело с прозой, а не со стихом) числа ударных слогов и общего числа слогов подразделяются на три разряда краткие, средние и длинные, которые, как видим, повторяются и связаны с фигурами слов и мыслей.

Красота слога качественно отличается от других его качеств.

Первые четыре качества слога (правильность, чистота, ясность, уместность) отражают всего лишь речевую культуру говорящего и пишущего и предполагают, по существу, лишнюю индивидуальности правильную линейную последовательность речи, которая обеспечивает

надежную коммуникацию. Такая речь представляет собой последовательное склеивание слов и словосочетаний в соответствии с правилами языка.

Красота речи есть результат синтеза выразительных средств, создающего смысловую и выразительную глубину, многомерность слова.

^ II. Стиль

В отличие от стилистики, наблюдающей стиль как факт, риторика понимает стиль как задачу.

Высокое достоинство мысли требует достоинства выражающего ее слова. Стиль не самовыражение, которое в лучшем случае рождает лишь стилизацию. Ритор создает стиль напряженным усилием выразить мысль, что удастся, только если содержание, которое он сообщает, действительно достойно совершенного выражения.

^ Составляющие стиля

Работа над стилем включает:

- отбор и использование слов и словосочетаний, которые составляют основу содержания текста;
- оформление и смысловую группировку мыслей в риторических фигурах;
- организацию отдельных предложений текста, которая обеспечивает движение мысли в слове – осмысленное и ясное представление новой информации в отношении к сообщенной ранее, что достигается соответствующим замыслу порядком слов и словосочетаний в предложении (актуальное членение предложений);
- обеспечение связности текста в виде упорядоченной зависимости последующих предложений от предшествующих (прогрессия и дискурсивная последовательность);
- смысловое членение текста на отдельные, относительно завершенные мысли и выражение каждой мысли путем организации ее в конструкцию, выделения, смыслового и ритмического согласования ее частей (период);
- развертывание отдельных мыслей путем их необходимого дополнения (амплификацию);
- членение и организацию текста в целом, согласование приемов выражения и устранение длиннот и повторов и восполнение смысловых пробелов.

^ Лексические средства

Слово связано в своем значении, строении, звучании с другими словами. В системе языка оно включено одновременно в несколько рядов объединенных или противопоставленных по тем или иным признакам слов. Такие ряды бывают двоякого рода: ряды слов, из которых мы выбираем нужное слово, и ряды слов, на основании которых мы отбираем уместное слово, отвергая другие, неуместные.

Мы выбираем слово из синонимических и паронимических рядов.

Синонимами называются слова и устойчивые словосочетания, которые имеют близкие или тождественные значения и могут быть взаимозаменяемыми в контексте таким образом, что подстановка одного синонима вместо другого не влечет за собой изменения основного смысла предложения.

Например: спешить и торопиться, втихомолку и потихоньку, искренне и откровенно, аморальный и безнравственный.

Паронимами называются однокоренные слова, сходные по звучанию и значению, но не совпадающие в значениях.[263]

Например: деяние и действие, безответный и безответственный, существо и сущность, жизненный и житейский, прогрессирующий и прогрессивный, реактивный и реакционный, диалектный и диалектический.

Различие между синонимами и паронимами состоит в том, что неправильный выбор синонима приводит к неточности выражения, а неправильный выбор паронима является речевой ошибкой, так как приводит к изменению основного смысла предложения.

Действительно, мы можем употреблять синонимы вместе как однородные члены предложения, поясняя одним синонимом значение другого или строя риторические фигуры сгущения и наращения: “Началась анархия, то есть безначалие”, “яд религиозного индифферентизма, безразличия к святыням веры”, но не можем таким образом употребить паронимы: **“Смотрите, летят реактивные, реакционные самолеты.”* В дальнейшем мы будем рассматривать в основном именно синонимические ряды слов.

Итак, синонимы употребляются двояким образом: скрытым, когда выбирается один из синонимов, и открытым – в контексте, когда синонимы уточняют, разъясняют друг друга, противопоставляются или составляют группу слов с объединенным значением.

Но как выбор, так и контекстное употребление синонимов предполагают их отбор на основании сочетаемости слова и тех несинонимических лексических рядов, в которые оно входит.

Рассмотрим пример.

“Раннее (солнце, солнышко, дневное светило) (разбудило, активизировало, пробудило, подняло) меня (задолго, за много времени) до (колокольного звона, благовеста). (Как, каким образом) я (заснул, уснул, задремал, забылся сном), (полураздетый, полуодетый) не (знаю, помню). (Поднялся, встал, восстал, воспрянул, воздвигнулся) я (освеженный, свежий, с обновленными силами) и (веселый, здоровый, энергичный, бодрый), (будто, словно, как будто, точно) (за моей спиной, прежде, раньше, недавно, в недалеком прошлом) не была (пройдена, преодолена, брошена) почти тысяча верст (изнурительного, трудного, утомительного, мучительного, нелегкого, сложного) (дороги, пути, маршрута). Но (недуги, болезни, недомогания, страдания, немощи) мои (оставались, были, сохранялись, находились) при мне, даже еще как будто (сильнее, ожесточеннее, мучительнее, злее, болезненнее) (вцепились, впились, вгрызлись) в мой (прочно, крепко, основательно) (скроенный, сшитый, сделанный) организм, столько (времени, лет, годов) (работничавший, борющийся, сражавшийся, воевавший, сопротивлявшийся, бившийся) с моими “лихими болезнями” и (только, лишь) (в последнее время, недавно) (ставший, начавший) им (уступать, сдаваться, поддаваться) с (устрашающей, пугающей, зловещей, подозрительной, настораживающей, угрожающей) (слабостью, бессилием, пассивностью, беспомощностью).”

Синонимические ряды, представленные в примере, могут дать огромное количество вариантов фразы, при этом каждая из возможных комбинаций будет передавать то же основное содержание.

Выбор слова из синонимического ряда зависит от собственного значения этого слова. Слова *солнце, солнышко, дневное светило* обозначают один и тот же предмет, но различаются нейтральным и уменьшительно-ласкательным значением, с одной стороны, и стилистическим значением регистра речи: среднего и возвышенного, с другой. Наречие *задолго* и наречный оборот *за много времени* различаются тем, что первое указывает на субъективное состояние говорящего, а второй – на объективно протекающий промежуток времени. Глагол *разбудить* содержит значение активного действия субъекта (солнца), а глагол *пробудить, пробудиться* означает проснуться и направлен на объект действия. Форма слова *благовест* содержит значение благой вести, в то время как словосочетание *колокольный звон* нейтрально и никакой оценки не содержит.

Поэтому предложения: **“Рано взошедшее солнце подняло меня с постели за много времени до колокольного звона”* и **“Раннее солнышко разбудило меня задолго до благовеста”*, хотя и “несут одинаковую информацию”, но говорят различные, даже прямо противоположные вещи о самом

важном – об отношении автора к предмету речи. В первом случае автор внутренне отстранен от события и даже как бы недоволен происшедшим; во втором случае он явно радуется солнышку, раннему утру, благовесту, узнает в солнышке живое существо и чувствует к нему теплую благодарность.

По большей части слова многозначны (полисемичны), хотя существуют слова с одним значением (кофе, зловещий). Среди значений слова выделяются основное и второстепенные, а также прямые и переносные. Значения слова могут быть не просто различными, но такими, что понятое в основном значении слово уместно в речи, а понятое в дополнительном значении – неуместно. Выбор слова из синонимического ряда часто определяется составом его значений.

Так, слова “тысяча верст утомительного пути” или “тысяча верст трудного пути” указывают на полисемию слова как на основание выбора синонима. Слово “путь” означает порядок и направление движения и в своем синонимическом ряду является так называемой доминантой, то есть словом с наиболее общим значением, которое может заменить остальные слова ряда. У “пути” помимо значения “дороги” имеются и иные значения, например, “жизненный путь”, “духовный путь.” Слово же “утомительный” имеет только одно конкретное значение “причиняющий утомление.”

В повествовании о конкретном событии, чтобы избежать ненужной ассоциации с “духовным путем”, уместно именно сочетание “утомительный путь”, а не “трудный путь.”

Слова и словосочетания могут быть нейтральными и эмоционально окрашенными (экспрессивными), разговорными и книжными.

Экспрессивное слово может содержать положительную и отрицательную оценку предмета. Выбор разговорного или книжного слова указывает как на близость или отстраненность автора и читателя, так и на самооценку автора. Выбор слова как нейтрального или экспрессивного, разговорного или книжного задает в первую очередь модальность речи – отношение говорящего к ее содержанию, а следовательно, выражает образ автора: эта модальность речи определяет общий взгляд автора и читателя на ее содержание.

Среди слов с экспрессивным значением особенно выделяются слова с уничижительным значением или оттенком значения, слова вульгарные и слова грубые с оскорбительным значением, которые запрещены в употреблении (табуированные слова). Вместо слов с уничижительным значением часто используются синонимические эвфемизмы, слова или словосочетания с тем же значением, но не несущие оттенка уничижительности.

Но принципиальный отказ от использования слов, обозначающих неприятные реалии, оценивается как манерность речи, своего рода лицемерие, и потому отрицательно влияет на этическую оценку образа ратора. Поэтому, если речь идет, например, о недостатке совести у политика или журналиста, то правильным будет сказать прямо: “частое и бессовестное употребление слова.”

В примере синонимический ряд (недуги, болезни, недомогания, хвори, немощи, страдания) открывает автору широкую возможность пожаловаться на свои недомогания, но уместным оказывается слово “недуги” в эвфемистическом значении и ироническое употребление просторечной формы слова “болезнь” – “лихие болести.”

Слова могут быть исконными и заимствованными.

Заимствованные слова, в свою очередь, подразделяются на освоенные в языке и новые, несущие дополнительную информацию о своем происхождении. Освоенные языком заимствованные слова не всегда даже распознаются как иноязычные по происхождению, и существует множество незаметных переходов в степени осознания иноязычного происхождения слова: хлеб, богатырь, князь, русалка, капуста, башмак, сарафан, церковь, стихия, псалом, пробирка, томат, кофе, проблема, фантастика, этимология, фанфарон, активизировать, менеджмент, консенсус. Кроме того, язык, из которого заимствовано слово, небезразличен для его стилистической оценки.

Заимствованные слова могут иметь более или менее близкие синонимы в виде исконных слов (фанфарон – хвостун, консенсус – согласие), могут иметь в виде синонимов более употребительные заимствованные же слова (томат – помидор), но могут и не иметь близких синонимов исконного происхождения (организм, церковь, свекла, кофе).

Обычно, но не всегда, иноязычные слова оказываются более книжными и нейтральными, чем соответствующие им исконные русские или неотличимые в современном языке от русских церковнославянские (ср. активизировать – оживлять, но комбинация – сочетание, концепт – понятие).

Выбор слова по происхождению определяется его собственным значением, отношением к этимологии синонимов, но главным образом – содержанием речи. Неуместное использование иноязычных слов наряду с книжными создает комический эффект:

“Ранний восход солнца активизировал меня задолго до колокольного звона. Как я заснул полуодетый, не помню. Воздвигнулся я с реабилитированным потенциалом нервной системы и энергично, как будто в недалеком прошлом мною не был реализован комплексный маршрут повышенной трудности почти в тысячу километров.”

Наконец, выбор слова определяется его местом в тексте. В начале текста автор свободен в выборе слова из синонимического ряда, но в дальнейшем этот начальный выбор будет определяющим для последующего отбора слов. В противном случае текст окажется стилистически непоследовательным, безвкусным. Чувство слова, эстетический вкус требует, чтобы общий образ речи сохранялся на всем пространстве текста.

Внимательно прочтем отрывок из “Поездки в Саровскую пустынь” С. А. Нилуса, чтобы по достоинству оценить ясную, емкую, удивительно соразмерную русскую речь этого замечательного писателя.

“Раннее солнышко разбудило меня задолго до благовеста. Как я задремал, полураздетый, не помню. Поднялся я свежий и бодрый, точно за моей спиной не была брошена почти тысяча верст утомительного пути. Но недуги мои были при мне, даже еще как будто злее вцепились в мой крепко скроенный организм, столько лет ратоборствовавший с моими “лихими болястями” и только в последнее время начавший им поддаваться с зловещей слабостью.

Стояло чудное летнее утро, когда я вышел из монастырской гостиницы и пошел к “святым” воротам, ведущим в самый монастырь, где сосредоточена вся святая пустыня и живет вся монастырская братия, рассеянная по келиям больших каменных корпусов. Довольством и богатством хорошо организованного хозяйства, и притом хозяйства крупного, дышит от каждой монастырской постройки: видно – не на день, не на два, а на времена вековечные строилось это братское общежитие. Теплый зимний и летний холодный соборы изумительны по своему великолепию, особенно, если их сопоставить с келиями братии: в них не только не видно следов роскоши, даже у самого настоятеля, но незаметно склонности и к обыденному комфорту, без которого современный изнеженный человек, кажется, уже и существовать не может. Простота и незатейливость келейной обстановки тех, по крайней мере, келий, куда я заходил случайным гостем, граничат с бедностью.”[264]

^ III. Тропы

Тропом называется прием речи, состоящий в таком замещении речения (слова или словосочетания) другим, при котором замещающее речение, используя в значении замещенного, обозначает последнее и сохраняет смысловую связь с ним.

Выражения “черствая душа”, “линия понимания вещей”, “столица мгновенно прервала свои занятия”, “не слышно русского гражданина”, “и меч и гром пушек не в силах занимать мир”, “мир в дороге, а не у пристани, не на ночлеге, не на временной станции или отдыхе” содержат тропы.

Читая эти выражения, мы понимаем, что “черствая душа” означает, во-первых, человека с душой, а не только душу, во-вторых, черствым бывает хлеб, поэтому черствая душа – это душа, которая, подобно черствому хлебу, лишилась способности чувствовать и сопереживать другим людям; что выражение “столица мгновенно прервала свои занятия” означает не сам город, а жителей города, которые ничего не рвали, а решительно прекратили свои занятия, подобно тому как разрывают веревку; что выражение “не слышно русского гражданина” означает, что ни один из многочисленных русских граждан не высказывается в письменной или устной форме, и потому, очевидно, отсутствует, либо вовсе не осталось людей, которые вели бы себя достойным гражданина образом, и т. д.

Каждое из этих слов – “черствый”, “линия”, “столица”, “не слышно”, “меч”, “гром пушек”, “мир”, “в дороге” — замещает другое слово и потому используется в несобственном, переносном значении. Переносное значение, однако, содержит связь того слова, которое использовано, с тем словом, вместо или в смысле которого оно использовано, и эта связь каждый раз представляет собой специфическое пересечение значений двух или нескольких слов, которое создает особый образ предмета мысли, обозначенного тропом.

Тропы часто рассматриваются как украшения речи, без которых можно бы и обойтись и которые, более того, порой делают речь излишне образной, темной и напыщенной. Отчасти это суждение верно – троп может быть средством художественного изображения и украшения речи, как, например, у Ф. Соллогуба: “В метафорический наряд речь стихотворная одета.”

Но троп не только средство художественного изображения, но и в гораздо большей степени – средство раскрытия смысла, например: “Личность, призванная к соединению с Богом... связана с природой урезанной, искаженной грехом...” (В. Н. Лосский); здесь выражение “урезанная природа” нужно, чтобы точно, емко и кратко передать мысль автора: “урезанный” означает “насильственно и неправильно ограниченный.” В прозаической речи троп является важнейшим инструментом определения и выражения смысла.

Троп родственен определению, но, в отличие от определения, способен выражать оттенок мысли и создавать смысловую емкость речи.

Многие слова языка, которые мы привыкли использовать, не особенно задумываясь об их значении, образовались как тропы. Мы говорим “электрический ток”, “поезд пришел”, “сырая осень”, но также “Слово Божие”, “милосердие Божие”, “в руце Твои предаю дух мой”, но во всех этих выражениях слова использованы в переносном смысле, хотя мы часто не представляем себе, как можно было бы заменить их словами в собственном значении, ибо таких слов может и не быть в языке.

Тропы подразделяются на стершиеся общезыковые (как “электрический ток”, “железная дорога”) и речевые (как “сырая осень”, “черствая душа”), с одной стороны, и авторские (как “мир не у пристани”, “линия понимания вещей”) – с другой. Но между этими двумя разрядами тропов лежит третий: это такие выражения, как “Бог Слово”, “Десница Божия”, “Дух Святой.”

Если нет никакой необходимости размышлять о происхождении выражения “железная дорога”, то, осмысливая богословские понятия, следует понимать их внутреннюю форму и помнить, что прямое значение, которое они передают, абстрактно и доступно нам лишь отчасти и что мы здесь имеем дело со сравнением от доступного восприятию к недоступному для мысли.

Если мы обратим внимание не только на связь значений замещаемого и замещающего слов, но и на то, каким способом эта связь получается, то увидим различие приведенных выше выражений. Действительно, если замкнутый и недружелюбный человек подобен черствому хлебу, линия понимания вещей подобна направлению мысли, то столица включает в себя жителей, которые являются ее составной частью, голос есть условие речи, а речь – свойство человека, быть гражданином есть родовое свойство граждан, обнаженный меч есть символ войны, а извлечение меча из ножен предшествует бою.

² Тропы различаются в зависимости от тех смысловых отношений (общих мест), которые лежат в их основании.

^ Метафора

Троп, основанный на подобии, признак которого характеризует предмет мысли:

“И опять звезда ныряет в легкой зыби невых волн” /Ф. И. Тютчев/.

Метафора – самый значимый и употребительный троп, поскольку отношение подобия раскрывает широкий круг сопоставлений и образов предметов, не связанных обязательными отношениями, поэтому область метафоризации практически безгранична и метафоры можно видеть практически в любых видах текстов, от поэзии до документа.

В нижеследующем примере видно, как система метафор выстраивает философско-публицистический текст, в основе которого лежат два образа: разоренной сокровищницы и птицы, обессиленной ветром.

“При таком слепом и наивно морализирующем подходе все огромное хранилище духовной культуры оказывается опустошенным и сокровища его извергнутыми; все творческое напряжение человеческого духа оказывается осужденным и запрещенным. Религиозно обескрыленный, осмеянный и низведенный; познавательно обессиленный и ослепленный; художественно урезанный и поработанный; лишенный прав, обороны и родины, человек остается к концу этого противодуховного циклона жалким существом об одном, моральном измерении; и высшим понуждением его остается самопонижение к безвольно-сентиментальной жалости.”[265]

Метафора легко разворачивается в эпитет, сравнение, характеристику, притчу и даже в целый текст аллегорического характера, в котором персонажи, их отношения, действия и слова, сама композиция образуют целую сеть метафор.

Скатившись с горной высоты,

Лежал во прахе дуб, перунами разбитый;

А с ним и гибкий плющ, кругом его обвитый...

О Дружба, это ты!

В. А. Жуковский.

^ Метонимия

Троп, основанный на отношении смежности.

Метонимический перенос связан с описанием и обстоятельственными топами, которые являются смысловой основой метонимии: предыдущего и последующего, причины и действия, деятеля и действия, содержащего и содержимого, знака и означаемого, времени и предмета или действия, материала и вещи.

• Предыдущее ~ последующее:

“...принуждены мы были с болезненным и сокрушенным сердцем, призвав в помощь Бога, обнажить свой меч и обещать царству нашему, что мы не опустим оный во влагилице, доколе хотя один из неприятелей оставаться будет вооружен на земле нашей.”

Манифест имп. Александра I.

Сначала обнажают меч, а потом им сражаются, сначала побеждают, а затем опускают меч в ножны.

• Причина ~ действие:

“Бизнес плодит компаньонов, вера – рождает подвижников правды и добра.”

Митрополит Иоанн.

Бизнес, как и вера, являются причинами соответствующих действий, а не самими действиями: деловые отношения в бизнесе создают компаньонов; христианская нравственность, причина которой – вера, создает подвижников добра и правды. Как и в предшествующем примере: быть вооруженным – условие военных действий.

• Деятель ~ действие:

“Читал охотно Апулея, а Цицерона не читал.”

А. С. Пушкин.

Автор читал произведения Апулея и не читал произведений Цицерона.

• Личность ~ общество:

“... князья северных племен движутся на юг по великому водному пути из Балтийского моря в Черное, утверждают свое пребывание в Киеве, откуда начинают частые сношения с Византией...”

С. М. Соловьев.

Князья вместо славянских племен, которые двигались на юг.

• Содержащее ~ содержимое:

“Брега Невы руками плещут.”

М. В. Ломоносов.

Рукоплещут люди, находящиеся на берегах Невы.

• Знак ~ означаемое:

О Росс! твоя лишь добродетель

Таких великих дел содетель;

Лишь твой орел луну затмил.

Г. Р. Державин.

Орел – российский герб, луна – символ Османской империи.

• Действие ~ время:

“Не умрет из нашей старины ни зерно того, что есть в ней истинно русского и что освящено Самим Христом.”

Н. В. Гоголь.

Старина вместо деяний людей в прежние времена.

• Материал ~ произведение:

Янтарь на трубках Цареграда,

Фарфор и бронза на столе

И чувств изнеженных отрада,

Духи в граненом хрустале...

А. С. Пушкин.

Фарфор, бронза, хрусталь вместо произведений из них.

^ Синекдоха

Троп, основанный на отношениях рода и вида, части и целого, единичного и множественного.

• Часть ~ целое:

На недоступные громады

Смотрю по целым я часам, —

Какие росы и прохлады

Оттуда с шумом льются к нам!

Вдруг просветлеют огнецветно

Их непорочные снега:

По ним проходит незаметно

Небесных ангелов нога...

Ф. И. Тютчев.

Вместо целого (ангел) часть (нога); вместо множественного (ноги) единичное (нога).

• Род ~ вид:

“Начинают яснее обозначаться будущие пределы позднейших западных государств и частных культур Италии, Франции, Германии, близятся крестовые походы, близится цветущая эпоха рыцарства, феодализма германского, положившего основы чрезмерному самоуважению лица (самоуважению, которое перейдя путем зависти и подражания сперва в буржуазию, произвело демократическую революцию и породило все эти нынешние фразы о беспредельных правах лица, а потом, дойдя до нижних слоев западного общества, сделало из всякого поденщика и сапожника существо, исковерканное нервным чувством собственного достоинства).”

К. Н. Леонтьев.

Вместо человека (вид) существо (род); вместо третьего сословия (род) поденщика и сапожника (вид); вместо феодалов (частное) феодализм (общее); вместо конкретных людей (носитель свойства) абстрактное свойство (самоуважение).

• Единичное ~ множественное:

Я буду помнить звездный кров

В сияньи вечных слав

И маленьких баранчуков

У черноколых матерей

На молодых руках.

А. А. Ахматова.

Вместо единичного “слава” – “вечные славы” во множественном числе, то есть звезды; употребление абстрактного существительного во множественном числе конкретизирует его значение: поэт говорит о “вечной славе”, которую тварь поет Творцу.

• Другой пример – единичное вместо множественного:

Вошел! – не бойся, рек, и всюды

Простер свой троегранный штык...

Г. Р. Державин.

Речь идет о взятии Измаила: имеются в виду русские солдаты, которые называются в единственном числе (“Росс”).

^ Антономазия

Троп, основанный на отношении имени и именуемого качества или признака: использование собственного имени в смысле качества или собирательного образа:

“... гений всегда остается для своего народа живым источником освобождения, радости и любви. Он есть очаг, на котором, прорвавшись, вспыхнуло пламя национального духа. Он есть тот вождь, который открывает своему народу прямой доступ к свободе и к божественным содержаниям, – Прометей, дарящий ему небесный огонь, Атлант, несущий на своих плечах духовное небо своего народа, Геракл, совершающий от его лица свои подвиги.”

И. А. Ильин.

Имена мифологических персонажей Прометея, Атланта, Геракла олицетворяют духовное содержание личного подвига человека.

Пример использования нарицательного имени как собственного для персонификации соответствующего качества.

“Однако сегодня людям вновь пытаются навязать мировоззрение, в котором нет места святыням. Сердце человека – престол Божий – пытаются занять уродливые безблагодатные идола материального преуспеяния: Успех, Богатство, Комфорт, Слава.”

Митрополит Иоанн.

^ Гипербола

Троп, основанный на отношении “большее ~ меньше” и состоящий в явно неправдоподобном преувеличении качества или признака.

“Творец мой! оглушил звончее всяких труб.”

А. С. Грибоедов.

^ Литота

Троп, противоположный гиперболе и состоящий в чрезмерном преуменьшении признака или качества.

“Ваш шпиц, прелестный шпиц, не более наперстка.”

А. С. Грибоедов.

^ Металепсис

Сложный троп, который образован от другого тропа, то есть состоит в двойном переносе значения.

Небывалая осень построила купол высокий,

Был приказ облакам этот купол собой не темнить.

И дивилися люди: проходят сентябрьские сроки,

А куда подевались студёные, влажные дни?

А. А. Ахматова.

Олицетворение осени позволяет построить новый метафорический образ: осень строит высокий купол, то есть высокое небо.

^ IV. Фигуры речи

Риторическая фигура – воспроизводимый прием словесного оформления мысли, посредством которого ритор показывает аудитории свое отношение к ее содержанию и значимости.

Существуют два основных типа риторических фигур: фигуры выделения и фигуры диалогизма. Различие их состоит в следующем: фигуры выделения суть конструктивные схемы представления содержания, посредством которых сопоставляются или подчеркиваются те или иные стороны мысли; фигуры диалогизма являются имитацией диалогических отношений в монологической речи, то есть включением в речь говорящего элементов, которые представляются как явный или подразумеваемый обмен репликами между ритором, аудиторией или третьим лицом. Рассмотрим пример.

“Совесь – вот первое осязательное проявление духовной жизни. Ответьте мне, материалисты и рационалисты, скептики и прагматики, – кто вложил вам в душу властную потребность следовать в своей деятельности нормам морали и нравственности даже тогда, когда это грозит неудобствами и бедами? Кто определил сами нормы? Кто изобразил в душе вашей идеал жертвенности, чистоты и целомудрия, а проще сказать – святости, который влечет и манит вас неодолимой силой Истины и Любви? Кто всеял в сердце ваше жажду праведности и добра, отвращения к лицемерию, лжи и подлости?”

Бог, всемилостивый и всемогущий, праведный, человеколюбивый и истинный!”[266]

Первая фраза примера содержит фигуру определения – образную характеристику предмета в форме суждения. Определение относится к фигурам выделения, потому что существует конструктивная схема его построения.

Во второй фразе мы видим фигуру обращения: ритор обращается к своим оппонентам с рядом последовательных вопросов, на которые сам, как бы вместе с аудиторией, и отвечает. Обращение относится к числу фигур диалогизма: оно представляет собой прием, посредством которого монологическая речь предстает в диалогической форме, но какой-либо специфической словесной конструкции обращения нет. В данном случае обращение строится посредством фигуры выделения – анафоры местоимения “кто”, но может в конструктивном отношении строиться иначе.

^ Фигуры выделения

Фигуры выделения могут строиться путем добавления, значимого пропуска, полного или частичного повтора, видоизменения, перестановки или распределения слов, словосочетаний или частей конструкции.

^ 1. Добавления и повторы

^ Эпитет

Характеристика выделяемого слова посредством слов или оборотов, раскрывающих или уточняющих его значение в тексте.

Эпитет может быть обязательным и факультативным. Обязательным является эпитет, который выражает существенное свойство или признак предмета и устранение которого невозможно без потери основного смысла. Факультативным является эпитет, который выражает привходящее качество или признак и может быть устранен без утраты основного содержания.

“В нашем осуетившемся сознании понятия о духовных сокровищах Церкви почти не сохранились. Искореженный “менталитет” русского человека конца XX столетия замусорен и поврежден – стыдно сказать – “идеалами” общества потребления, “общечеловеческими ценностями”, парламентским жаргоном и неестественными ужимками “звезд голубого экрана”!

Митрополит Иоанн, Санкт-Петербургский и Ладужский.

Слова “духовный”, “потребление”, “общечеловеческий”, “парламентский” – обязательные эпитеты. Слова “осуетившийся”, “искореженный”, “неестественный” – факультативные эпитеты.

^ Плеоназм

Избыточное повторное употребление слова или синонима, посредством которого уточняется или подчеркивается оттенок значения слова или авторское отношение к обозначаемому предмету.

Бесцельный плеоназм является серьезной стилистической погрешностью, стилистически оправданный плеоназм – одна из наиболее распространенных фигур речи.

“... мы лучше понимаем даже свое собственное лицо, когда оно изображено неизменно и удачно, хотя бы на хорошей, искусной фотографии, не говоря уже о прекрасной акварели или талантливом полотне...”

К. Н. Леонтьев.

Плеоназм “свое собственное” усиливает и подчеркивает значение определяемого слова, а плеонастический эпитет “хорошей, искусной фотографии” уточняет значение основного эпитета.

^ Синонимия

Фигура, состоящая в развертывании, уточнении и усилении значения слова посредством добавления ряда его синонимов.

“Кажется, человек, встреченный на Невском проспекте, менее эгоист, нежели на Морской, Гороховой, Литейной, Мещанской и других улицах, где жадность, и корысть, и надобность выражаются на идущих и летящих в каретах и на дрожках.”

Н. В. Гоголь.

Слова “жадность”, “корысть”, “надобность” являются синонимами, каждый из которых, однако, имеет особый оттенок и свою степень интенсивности значения.

^ Аккумуляция (сгущение)

Фигура, которая состоит в перечислении слов, обозначающих предметы, действия, признаки, свойства и т. п. таким образом, что образуется единое представление множественности или быстрой смены событий.

Пошел! Уже столпы заставы

Белеют; вот уж на Тверской

Возок несется чрез ухабы.

Мелькают мимо будки, бабы,

Мальчишки, лавки, фонари,

Дворцы, сады, монастыри,

Бухарцы, сани, огороды,

Купцы, лачужки, мужики,

Бульвары, башни, казаки,

Аптеки, магазины моды,

Балконы, львы на воротах

И стаи галок на крестах.

А. С. Пушкин.

^ Градация

Представляет собой развертывание слова или словосочетания в синонимический ряд таким образом, что интенсивность значения каждого последующего члена ряда нарастает (восходящая градация) или убывает (нисходящая градация).

“Не только гимназисты, но и все почтенные ученые не замечают, что мир их физики и астрономии есть довольно-таки скучное, порою отвратительное, порою же просто безумное марево, та самая дыра, которую ведь модно тоже любить и почитать. Дыромоляи, говорят, еще и сейчас не перевелись в глухой Сибири. А я, по грехам своим, никак не могу взять в толк: как это так земля может двигаться? Учебники читал, когда-то сам хотел быть астрономом, даже женился на астрономке. Но вот до сих пор никак не могу себя убедить, что земля движется и что неба никакого нет. Какие-то там маятники да отклонения от чего-то куда-то, какие-то параллаксы... Неубедительно. Просто жидковато как-то. Тут вопрос о целой земле идет, а вы какие-то маятники качаете. А главное, все тут как-то неуютно, все какое-то неродное, злое, жестокое. То я был на земле, под родным небом, слушал о вселенной, “яже не подвижется.”.. А то вдруг ничего нет, ни земли, ни неба, ни “яже не подвижется.” Куда-то выгнали в шею, в какую-то пустоту, да еще вслед матерщину пустили. “Вот-де твоя родина, – наплевать и размазать!” Читая учебник астрономии, чувствую, что кто-то палкой выгоняет меня из собственного дома и еще готов плюнуть в физиономию. А за что?”

А. Ф. Лосев.

^ Экзергазия

Фигура, которая состоит в добавлении к словосочетанию или обороту синонимических выражений.

Экзергазия, как и синонимия, используется для уточнения значения словосочетания, но также для усиления эмоционального напряжения речи.

“Когда я слушал доклады “всемирного христианского студенческого союза”, печалью и горестью наполнялось сердце мое. Сколько ищущих Бога, жаждущих жизни искренних людей “гладом гибнут”, “питаются от рожец” какого-то заморского студенческого союза! Неужели не знают они, как можно избыточествовать хлебы в доме Небесного Отца, в Церкви Православной? Нужно только забыть всякие “федеративные начала”, свободно отдаться в полное послушание Православной Церкви и прилепиться к полноте церковной жизни, к жизни тела Христова.”

Священномученик Иларион (Троицкий), архиепископ Верейский.

^ Реприза

Представляет собой подхват предшествующего слова в последующем словосочетании или предложении.

“Послушаем песнь его, песнь восторга безотчетного; она также проста, также очаровательна, как первый луч света, как первое чувство любви.”

Д. В. Веневитинов.

Реприза используется для создания эмоционального напряжения речи и для выделения ключевого слова, которое может повторяться в последующей фразе или композиционной части высказывания, связывая ее с предыдущей и развертывая тему. В “Речи по совершении священного коронования императора Александра Павловича” митрополита Платона используется реприза слова “бремя”, которое в последующем фрагменте амплифицируется в новую тему.

“Вселюбезнейший государь! Сей венец на главе Твоей есть слава наша, но Твой подвиг. Сей Скиптр есть наш покой, но Твое бдение. Сия Держава есть наша безопасность, но Твое попечение.

Сия Порфира есть наше ограждение, но Твое ополчение. Вся сия утварь есть нам утешение, но Тебе время...

Время поистине и подвиг!..”

Платон (Левшин), митрополит Московский и Коломенский.

^ Восхождение (климакс)

Представляет собой подхват в каждом последующем элементе конструкции последнего слова предшествующего элемента, образуя таким образом цепочку связанных и последовательно развертывающихся друг друга частей.

Вот пример из речи митрополита Платона.

“И нас, чад своих, призвала прославить имя Твое; а в имени Твоем прославить добродетель; а в добродетели прославить самого Бога.”

Платон (Левшин), митрополит Московский и Коломенский.

Или:

“Разум естественный, конечно, сказал бы: это несообразность – молиться за людей, которые хотят вас истребить. Но любовь христианская говорит: молитесь за сих; желайте и просите им всякого блага, может быть, в благодеяниях познают они Благодетеля Бога, познав, уверуют в Него; уверовав, умиротворятся в отношении к другим верующим в Него; если же и не так, по заповеди возлюбленного Спасителя, молитесь за обижающих вас и гонящих вас” /Мф. 5:44/.

Святитель Филарет, митрополит Московский и Коломенский.

^ Отличение (плоче)

Повтор слова в различных значениях.

“Восклонись, несчастный поклонник чрева, и если ты не можешь вдруг вознести выше себя твоих очей, стань прямо перед зеркалом и посмотри, не написан ли на тебе самом закон против раболепства чреву?”

Святитель Филарет, митрополит Московский и Коломенский.

Или:

“Убо, оставляя нас разрушением тела, дух свой оставил нам.”

Стефан (Яворский), митрополит Рязанский и Муромский.

^ Наклонение (полиптотон)

Повтор слова в различных грамматических формах.

Себя собою составляя,

Собою из Себя являя,

Ты Свет, откуда свет истек.

Г. Р. Державин.

^ Сочетание (симплоче)

Повтор одних и тех же слов или оборотов в начале и в конце ряда речений, обрамляющий эти речения и создающий параллелизм их содержания.

“Кто на протяжении тысячи лет ковал и пестовал несгибаемый державный дух русского патриотизма? – Церковь Православная! Кто вдохновлял отважных и укреплял малодушных, освящая дело защиты Отечества как личный религиозный долг каждого, способного носить оружие? Кто научил русского человека быть верным – без лести, мужественным – без жестокости, щедрым – без расточительства, стойким – без фанатизма, сильным – без гордости, милосердным – без тщеславия, ревностным – без гнева и злобы? – Церковь Православная!”

Иоанн (Снычев), митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский.

Фигуру сочетания образуют слова “Кто...?” и “Церковь Православная!”

^ Анафора

Повтор слова или оборота в начале параллельных конструкций (словосочетаний, оборотов, предложений, фраз, периодов, абзацев).

Анафора выделяет такие параллельные элементы и позволяет свести в один ряд зачастую различные по строению и синтаксическому уровню конструкции (например, отдельное словосочетание и предложение), соотнося с одним и тем же предшествующим или последующим элементом. Вместе с тем анафора развертывает веером содержание речи в определенной смысловой точке изложения.

В предыдущем примере видна анафора вопросительного предложения со словом “кто.” Продолжим пример, в котором можно видеть продолжение этой фигуры ответственности с анафорой начального слова вопросительного предложения, начинающегося словом “разве.”

“Разве это католические прелаты набатом поднимали новгородское ополчение на брань со псами-рыцарями и подавали последнее духовное напутствие дружинникам святого благоверного князя Александра Невского на залитом кровью льду Чудского озера? Разве это протестантские пасторы вдохновляли святую ревность донского героя, великого князя Димитрия на поле Куликовом, где страшная сеча с татарами решала: быть или не быть Святой Руси?”

Разве это мусульманские муллы удержали нашу Отчизну от распада в лютую годину Смуты, подвигнув Кузьму Минина и Димитрия Пожарского на их жертвенный подвиг, а ратников русского ополчения на борьбу до победы? Разве это иудейские раввины с крестом в руках, под свист японской “шимозы” поднимали в атаку преданные, смертельно уставшие роты под Мукденом и Порт-Артуром, спасая русскую честь от позора?

Разве это кришнаиты и буддисты на протяжении тысячи лет ежедневно, сосредоточенно, неспешно и благоговейно возносили ко Господу молитвы о “богохранимой” земле русской, “властех и воинстве ея”, отдельным молитвенным чинопоследованием поминая “вождей и воинов, за Веру и Отечество живот свой на поле брани положивших”? Многие ли могут вспомнить сегодня хоть один случай, когда иноверцы или инославные – будь то католики или иудеи – в трудный для России час делом доказали ей свою верность, до конца разделив ее неласковую судьбу? Зато противоположных примеров в русской истории – сколько угодно!”

Иоанн (Снычев), митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский.

^ Эпифора

Фигура, подобная предшествующим, но состоящая в повторе конечного слова или оборота.

“Все мы, христиане, и любомудрствующие, и в простоте смиренно-мудрствующие, да не забываем никогда, что Христос есть не только истина, но и жизнь. В Своем слове и в Своем примере Он сделался для нас путем, чтобы привести нас к истине и через истину к истинной жизни. Кто думает обеспечить себя достижением некоторого познания истины Христовой и недостаточно

старается обратить ее в действительную жизнь по учению и примеру Христову, тот самой истиной обманывает себя и подвергает себя опасности умереть на пути и никогда не достигнуть истинной, вечной, блаженной жизни со Христом в Боге. – Тако тецьте, да постигнете. Путем истины стремитесь к истинной жизни.”

Святитель Филарет, митрополит Московский и Коломенский.

В различных сочетаниях повторяются ключевые слова “истина” и “жизнь.” Эпифора обычно используется как средство выделения основного смысла фразы или периода и создает параллелизм выражений, делая ремой такое ключевое слово.

^ Окружение

Сочетание анафоры и эпифоры: повторение того же слова или оборота в начале и в конце предложения, создающее симметричную конструкцию.

Окружение позволяет представить мысль в виде сентенции и обычно используется в торжественной речи.

“Итак, вот дом молитвы под одним кровом с домом любомудрия. Святилище таин приглашено в жилище знаний, и вступило сюда, и здесь основалось и утвердилось своими тайнодейственными способами. Видно, что религия и наука хотят жить вместе и совокупно действовать к облагорожению человечества. Снисходительно со стороны религии – возблагодарим ее снисхождению. Благоразумно со стороны науки – похвалим ее благоразумие.”

Святитель Филарет, митрополит Московский и Коломенский.

^ Конкатенация (присоединение)

Представляет собой добавление обыкновенно в конце фразы или периода слов, дополнительно характеризующих предмет речи или выражающих отношение к нему говорящего.

“Никогда ни одна истина живая, а тем паче истина Божественная, не укладывается в границах логического постижения, которое есть только вид человеческого познавательного процесса; но в то же время никакая, ни человеческая, ни Божественная истина не может быть законам логики противна, иначе говоря, не может заключать в себе действительного противоречия. Христос также не есть и “да” и “нет.”

А. С. Хомяков.

Последнее предложение, присоединенное к основной формулировке мысли и в данном случае особо выделенное автором, и составляет конкатенацию как дополнительное добавление особенно значительного содержания.

^ Интерпретация (истолкование)

Представляет собой дополнение основного содержания авторской характеристикой обычно в виде вводного предложения или оборота с поясняющим или модально-оценочным значением.

“Нет! Новой пятидесятницы не будет, как не будет нового воплощения Сына Божия. Она не может повториться, ни как союз, заключенный в один известный день и час (о чем теперь мечтают), ни как добыча долгого и терпеливого труда целого ряда поколений.”

А. С. Хомяков.

Слова “Нет!” и “о чем теперь мечтают” представляют собой интерпретацию: слово “Нет!” используется для усиления, дополнительного подтверждения суждения, а слова “о чем теперь мечтают” – для уточняющей характеристики критикуемого мнения.

^ Эксплестия (заполнение)

Фигура, состоящая в добавлении к словам, выражающим основное содержание мысли, слов или оборотов, увеличивающих размер фразы или оттеняющих это главное содержание второстепенными элементами содержания. По существу, эксплестия – развернутый плеоназм.

“О, огромное большинство наших интеллигентных русских и тогда, при Пушкине, как и теперь, в наше время, служили и служат мирно в чиновниках, в казне или на железных дорогах и в банках, или просто наживают разными средствами деньги, или даже науками занимаются, читают лекции — и все это регулярно, лениво и мирно, с получением жалования, с игрой в преферанс, безо всякого поползновения бежать в цыганские таборы или куда-нибудь в места более соответствующие нашему времени.”

Ф. М. Достоевский.

Автор использует уточняющие или дополняющие, но по существу избыточные для основного содержания обороты (выделены курсивом), намеренно растягивая фразу, чтобы дать слушателю возможность полностью усвоить мысль и одновременно заполнить возникающие ритмические пустоты.

^ Многосоюзие (полисиндетон)

Фигура, состоящая в присоединении посредством повторяющихся союзов словосочетаний, предложений или фраз таким образом, что соединенные союзами части выступают как параллельные и тем самым рассматриваются на одном смысловом уровне независимо от их грамматической организации или степени развернутости.

“Благословен мир между народами, ибо все братья, всех призывает Господь мирно трудиться на земле, для всех уготовал Он Свои неисчислимыя блага. И Святая Церковь непрестанно возносит молитвы о мире всего мира, уповая, что восторжествует на земле правда Христова и соединит враждующих братьев в единое стадо под водительством Единого Небесного Пастыря. И несчастный русский народ, вовлеченный в братоубийственную кровавую войну, нестерпимо жаждал мира, как некогда народ Божий жаждал воды в палящей зноем пустыне. Но не было у нас Моисея, который бы напоил свой народ чудодейственной водой, и не ко Господу своему Благодетелю воззвал народ о помощи – явились люди, отрекшиеся от веры, гонители Церкви Божией, и они дали народу мир.”

Святитель Тихон, патриарх Московский и всея России.

В примере в начале второго, третьего и четвертого периодов повторяются союзы “и”, “но” (выделены жирным курсивом), а в четвертом периоде союз “и” связывает сопоставляемые и противопоставляемые по смыслу части не только последней фразы, но также и с предшествующими двумя периодами.

^ Бессоюзие (асиндетон)

Взаимное присоединение конструкций при значимом отсутствии соединительных средств.

Бессоюзие повышает самостоятельное значение каждого присоединенного элемента (слова, словосочетания, предложения), создавая смысловые паузы, одновременно подчеркивает их смысловой параллелизм, поэтому при бессоюзии сопоставляемые элементы обыкновенно строятся подобно.

В нижеследующем примере смысловое ударение падает на начальные слова каждого из предложений, кроме последнего, и эти начальные слова образуют самостоятельную смысловую связь.

“Пробил последний час фашистской Германии.

Разбита и сокрушена сила ее.

В прах повержена Германия.

Знамя победы развивается над вражьей страной.

Слава и благодарение Богу!”

Алексий I, патриарх Московский и всея Руси.

^ 2. Сокращения и значимые нарушения смысловой и грамматической связи

^ Эллипсис

Намеренное опущение слова или оборота, которые предполагаются по смыслу, что создает значимую незавершенность речи.

В поэзии:

“И он подумал: “Время было,

И я, как ты, младенец милый,

Был чист, на небеса смотрел,

Как ты, молиться им умел

И к мирной алтаря святыне

Спокойно подходил... а ныне...?

И голову потупил он.”..

В. А. Жуковский

В прозе:

“Не нужно упускать того из виду, что все выставленные лица и характеры должны были доказать истину моих собственных убеждений, а мои убеждения... Как сравню эту книгу с уничтоженными мною “Мертвыми душами”, не могу не возблагодарить за насланное мне внушение их уничтожить.”

Н. В. Гоголь.

^ Силлепсис

Значимое нарушение синтаксической связи или смыслового согласования в словосочетании или между предложениями, которое особенно выделяет и подчеркивает значение выделенной таким образом конструкции.

Силлепсис – явление, характерное для разговорной речи:

“Это вот возьму и это возьму... две сменки, да... И еще рубаху, расхожую, и причащальную возьму, а ту на дорогу, про запас. А тут, значит, у меня сухарики... – пошумливает он мешочком, – с чайком попить – пососать, дорога-то дальняя.”

И. С. Шмелев.

В качестве риторической фигуры силлепсис используется достаточно часто, но в современной речи, особенно в некоторых авторских стилях, он настолько распространен, что не всегда воспринимается как фигура.

“Раз молодому человеку в наше время (еще не совсем отрешившемуся от старой привычки чрезмерно поклоняться разуму), раз этот самый разум дал, так сказать, рациональное разрешение верить, все ресурсы воображения сердца, воли и опять ума же могут пойти на пользу. “Путей много!” Любовь к семье, если она религиозна и привлекательна; потребность иной душевной опоры, если в семье тяжело; любовь к народу и народному; жажда сближения с этим простым народом на общей идеальной почве. Поэтическое влечение к образам и формам жизни родной страны, которую, слава Богу, и до сих пор еще не дотла вытравил у нас европейский прогресс. Вообще, чувство прекрасного, художественное чувство, которое, с одной стороны, не может не оскорбляться глубоко прозаическими формами европейского прогресса и его деревянными, однообразными идеалами, а с другой – не может же не видеть, сколько есть поэзии и в морали евангельской, и в богослужении православном, и в учении аскетическом.

Путей много, повторяю я. Самые противоположные чувства могут способствовать утверждению веры в том, кто уже ищет ее, в том, кто перестал избегать ее, кто перестал ее стыдиться.”

К. Н. Леонтьев.

В первом предложении можно видеть анаколупф или гипербатон (см. ниже) с нарушением синтаксической связи и вынесением выделенной части в начало предложения (выделено курсивом). В последующих предложениях представлен в основном силлепсис: в каждом из них опущен состав сказуемого, которое подразумевается, но это общее сказуемое выражено в последнем предложении фрагмента (выделено курсивом), поэтому все предшествующие части фрагмента по смыслу представляют собой не именные предложения, но сложную разорванную синтаксическую конструкцию.

^ Эналлага (подстановка)

Употребление слова или конструкции вместо ожидающейся другой или как перестановка с видимым нарушением смысла:

“Нева металась, как больной в своей постели беспокойной”

А. С. Пушкин.

Здесь эналлага эпитета (“беспокойный”) создает эффект олицетворения, перемещая центр восприятия на объект: для больного беспокойна именно постель.

Как риторический прием, наиболее значима эналлага-подстановка а) глагольных форм – употребление настоящего времени глагола вместо прошедшего и будущего времени вместо настоящего; б) личных и притяжательных местоимений (и лица глагола), использование местоимений первого лица “я”, “мы” вместо местоимений второго “ты”, “вы” или третьего лица “он”, “они.”

Эналлага местоимений первого и второго лица используется для объединения аудитории, эналлага местоимений третьего лица используется для разделения аудитории.

“Я изыскатель истины бытописаний человеческих, чем я должен истине Божией? – Не попусти себе тупым взором видеть в бытиях человечества только нестройную игру случаев и борьбу страстей или слепую судьбу, изощри свое око и примечай следы провидения Божия, премудрого, благого и праведного. Остерегись, чтобы не впасть в языческое баснословие, доверчиво следуя тем, которые в глубине древности мира указывают так называемые ими доисторические времена. У язычников басня поглотила истину древних событий, мы имеем истинную Книгу Бытия, в которой нить бытия человеческого начинается от Бога и первого человека и не прерывается, доколе, наконец, входит в широкую ткань разнородных преданий и бытописаний.”

Святитель Филарет, митрополит Московский и Коломенский.

В примере местоимение “я” использовано вместо местоимений второго лица, а единственное число второго лица глагола – вместо множественного числа.

^ Ирония

Фигура, состоящая в неожиданном и как бы неуместном использовании слова, вызывающим комический эффект. Комический эффект не всегда означает смех – ирония часто относится к предметам весьма серьезным.

“Евномий же, поелику звезды движутся во времени, называет их зиждителями времени. А таким образом, по учению этого мудреца, поелику и жужелицы движутся во времени, определим время так: оно есть какое-то качественное движение жужелиц.”

Св. Василий Великий.

В примере использованы две разновидности фигуры иронии: слово мудрец в противоположном значении (антифразис) и ироническое сравнение звезд с жужелицами (диасирм – “пояснение мысли в противоположном направлении”).

^ Анаколупф

Представляет собой нарушение синтаксической связи в предложении, при котором подчиненный член словосочетания выносится на уровень отдельного члена предложения.

“Так вот она, эта прозорливость! Совершившееся превзошло все мои ожидания. Но как обнаружился этот благодатный дар?! Батюшка все время говорил не то полувопросами, не то полуутверждениями: он точно хотел скрыть значение этого дара, усиливаясь словам своим, представлявшим для меня целое откровение, придать форму обыкновенной интимной беседы старшего с младшим.

С. Нилус.

В предложении “Так вот она, эта прозорливость!” слова “эта прозорливость” связаны со словом “она” и являются повтором, подобно “В море бросился он, в бурное”, как и в последнем примере из К. Н. Леонтьева, где анаколупф состоит в нарушении синтаксической связи и в переносе синтаксически связанного слова или словосочетания в начало предложения: “Раз молодому человеку в наше время, раз этот самый разум дал рациональное разрешение верить...”

^ Удержание (апозиопея)

Фигура, которая включает обрыв речи, как в эллипсисе, иногда даже со словами о невозможности продолжить сказанное, но затем ее продолжение.

“Ни предсказать хода событий, ни гарантировать себя от ошибок и падений мы сами не можем. Так и в оценке людей бывает – есть такие, которые лишь прикидываются благочестивыми, а сами... Не зря же Господь предупреждал о хищных волках в овечьих шкурах. А сразу и не узнаешь.”

Иоанн, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский.

^ 3. Перестановки и трансформации

^ Гипербатон

Фигура, состоящая в выделении темы высказывания путем ее постановки в начале или в конце фразы обыкновенно с разрывом синтаксической связи (в чем гипербатон близок анаколупфу).

“Я исследователь звезд, планет и их законов, чего требует от меня истина Божия? – Ты очень искусно возвысил пронизательность твоего зрения, чтобы видеть в небесах невидимое простому оку, потщись возвысить так же искусно пронизательность твоего слуха, чтобы ты мог ясно слышать и возвестить другим, как небеса поведуют славу Божию.”

Святитель Филарет, митрополит Московский и Коломенский.

Здесь первое предложение содержит гипербатон: “Я исследователь звезд, планет и их законов, чего требует от меня истина Божия?” который состоит в выносе в начало и специальном оформлении темы высказывания с разрывом, но не нарушением синтаксической связи.

^ Хиазм

Фигура, состоящая в центральной симметрии сложной фразы, параллельные части которой зеркально отражают друг друга.

“Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей,

И по множеству щедрот Твоих очисти беззаконие мое.

Наипаче омый мя от беззакония моего,

И от греха моего очисти мя.”

Псалом 50.

^ Метабола (эпандос, перестановка)

Повторение тех же или сходных по смыслу слов или оборотов в измененном или обратном порядке.

Метабола представляет собой последовательное выделение того же слова или оборота сначала в качестве темы, а затем в качестве ремы высказывания. В нижеследующем примере в первой части фразы в качестве ремы выделяются слова “сам народ”, а во второй – слова “еще жив.”

“Но, по счастью, жив еще сам народ – униженный и обманутый, обворованный и оболганный, – русский народ еще жив.”

Иоанн, митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский.

^ Антиметабола (перемещение с противопоставлением)

Фигура, которая состоит в зеркально-симметричном повторе левой части сложного предложения в его правой части таким образом, что субъект и предикат меняются местами.

“Человек делает историю; но столь же верно и еще более значительно, что история образует человека.”

К. П. Победоносцев.

Антиметабола – одна из самых сильных и распространенных риторических фигур и применяется как для установления соответствия и связи понятий (как в примере), так и для их противопоставления: “Не для того живем, чтобы есть, а для того едим, чтобы жить” (Марк Катон).

^ 4. Распределение элементов фразы

^ Разделение (энумерация)

Перечисление видов одного рода или частей целого (в примере курсивом выделены следующие одна за другой и сопоставленные фигуры разделения).

“Каковой пример храбрости, мужества, благочестия, терпения и твердости показала Россия! Вломившийся в грудь ее враг всеми неслыханными средствами лютоостей и неистовств не мог достигнуть до того, чтоб она хотя единожды о нанесенных ей от него глубоких ранах вздохнула. Казалось, с пролитием крови ее умножался в ней дух мужества, с пожарами градов ее воспалялась любовь к отечеству, с разрушением и поруганием храмов Божиих утверждалась в ней вера и возникало непримиримое мщение. Войско, вельможи, дворянство, купечество, народ, словом, все

государственные чины и состояния, не щадя ни имуществ своих, ни жизни, составили единую душу, вместе мужественную и благочестивую, толико же пылающую любовь к отечеству, колико любовь к Богу.”

Манифест императора Александра I.

^ Соответствие

Смысловая пропорция, представляющая собой постановку слов или оборотов со сходным значением в аналогичные позиции в параллельных конструкциях.

“Народы дикие любят независимость, народы мудрые любят порядок; а нет порядка без власти самодержавной.”

Н. М. Карамзин.

Или:

“Нельзя любить при электрическом свете; при нем можно только высматривать жертву. Нельзя молиться при электрическом свете, а можно только предьявлять вексель.”

А. Ф. Лосев.

^ Антанаклаза (возвращение с разделением)

Соединение понятий, которые разворачиваются в параллельных конструкциях.

“Воспитанный на либерально-эстетической литературе 40-х годов (особенно на Ж. Санд, Белинском, Тургеневе), я в первой юности был в одно и то же время и романтик, и почти нигилист. Романтику нравилась война; нигилисту претили военные.”

К. Н. Леонтьев.

Или:

“Вся военная теория его (Суворова) состояла в трех словах: взор, быстрота, удар; но взор сей дает природа немногим, но быстрота сия была тайною для самых аннибалов, но удар сей разителен единственно с Суворовым.”

Н. М. Карамзин.

^ Эпимона (эпифонема)

Фигура, состоящая в полном или перифрастическом повторе частей какой-либо фразы в различных контекстах и в сочетании с различными словами.

“Рук ни на кого не возлагай поспешно

и не делайся участником в чужих грехах.

Храни себя чистым.”

/1 Тим. 5:22/.

...Остерегись, благонамеренный избиратель, чтобы ничего такого не случилось, будь внимателен – ревностно, дальновидно внимателен, не допусти последствий избрания, нежелательных ни для общества, ни для тебя: не делайся участником в чужих грехах. Храни себя чистым.

Храни себя чистым не только от чужих отдаленных грехов, но в то же время и от ближайшего к тебе, собственного греха, который через невнимательность подкрасться может.”

Святитель Филарет, митрополит Московский и Коломенский.

В примере курсивом выделены элементы фигуры эпифонемы, которая распространяется на весь текст речи святителя Филарета.

^ 5. Определения и сравнения

^ Определение

Риторическая фигура, состоящая в полном или частичном отождествлении предмета мысли с другим, подобным или сходным.

Риторическое определение как фигура отличается от логического определения тем, что в явном или неявном виде содержит метафору, то есть сравнение по признаку или качеству.

“Что такое византизм? Византизм есть прежде всего особого рода образованность, или культура, имеющая свои отличительные признаки, свои общие, ясные, резкие, понятные начала и свои определенные в истории последствия.

Славизм, взятый во всецелости своей, есть еще сфинкс, загадка.”

К. Н. Леонтьев.

^ Сравнение

Риторическая фигура, состоящая в уподоблении определяемого предмета определяющему по образу действия, признаку или свойству.

Сравнение представляет собой развернутую метафору, в которой определяемое характеризуется через описание подобного факта или явления.

“Исторгните солнце из мира, что будет с миром? Исторгните сердце из тела, что будет с телом? Надобно ли сказывать? Исторгните истину Божию и Христову из человечества, с ним будет то же, что с телом без сердца, что с миром без солнца.”

Святитель Филарет, митрополит Московский и Коломенский.

Или:

“Вы, хирурги, собравшиеся вокруг одурманенного больного. Больной этот – флот, ошеломленный вашей критикой. Вы, господа, взяли ланцеты и режете его, потрошите его внутренности, но одна неловкость, одно неосторожное движение, и вы уже будете не оперировать больного, а анатомировать труп. Господа! Я верю, что ваше решение, каково бы оно ни было, будет продиктовано вам велением вашей совести и тем чистым патриотизмом, о котором говорил тут член Государственной Думы Пуришкевич, – этим и ничем более.”

П. А. Столыпин.

^ Перифраз

Фигура, состоящая в замене наименования предмета его словесной характеристикой, раскрывающей выделяемое свойство.

“Милый мой гость, – отвечал рассудительный сын Одиссеев, —

Пользы желая моей, говоришь ты со мною, как с сыном

добрый отец; я о том, что советовал ты, не забуду.”

Гомер, “Одиссея”, перевод В. А Жуковского.

“Рассудительный сын Одиссеев” – Телемах.

^ Этимология

Раскрытие значения слова через его происхождение или значение составляющих.

“Теоретическое знание – философия – есть любовь к мудрости, любомудрие, теоретическое же созерцательное видение, даваемое аскетикою, есть филокалия, любовь к красоте, любокрасие.”

о. Павел Флоренский.

^ Антитеза

Противопоставление слов, понятий или конструкций.

Антитеза является одной из самых распространенных фигур и используется для характеристики предмета мысли или для выделения рассматриваемого понятия.

“Я как будто не знаю, где я и что со мною. Безмерное и безвременное водворилось под сводами, между узких стен нашей комнаты. А за стенами приходят люди, говорят, рассказывают новости, читают газеты, потом уходят, снова приходят – вечно. Опять кричат глубоким контральто далекие паровозы. Вечный покой здесь – вечное движение там.”

о. Павел Флоренский,

^ Парадиастола (различение)

Последовательное противопоставление понятий или слов, которые получают тем самым сопоставляемые синонимические и антонимические значения, образуя смысловые ряды; вместе с тем парадиастола представляет собой и определение через противопоставление определяемого слова омониму.

Парадиастола часто используется в рекапитуляциях – обобщающих высказываниях – или в выводах, которые завершают рассуждение:

“Миф не гипотетическая, но фактическая реальность, не функция, но результат, вещь, не возможность, но действительность, и притом жизненно и конкретно ощущаемая, творимая и существующая.”

А. Ф. Лосев.

^ Оксюморон

Соединение слов с противоположным значением, создающее видимый парадокс в определении.

“Со временем все страсти в нем перегорели, душевные силы истощились; все действия его были без намерения; он сделался человеком обыкновенным; люди простые почитали его даже добродетельным, потому что он не творил зла. Но он живой был уже убит и ничем не мог наполнить пустоту души.”

Д. В. Вневитинов.

^ Фигуры диалогизма

Эта группа риторических фигур используется для создания диалогического эффекта в монологической речи. Содержание каждого высказывания может оцениваться аудиторией, и ритор, упреждая такую оценку, изображает ее в своей речи, обращаясь к аудитории, высказываясь от ее лица или разыгрывая диалог с оппонентом или с аудиторией. Диалогизм может занимать различное место в монологической речи, от отдельной фразы до целого текста; диалог как литературный жанр представляет собой фигуру диалогизма, распространенную на все произведение или на его основную часть.

^ Диалог

Представляет собой изображение диалога в монологической речи в виде прямой или косвенной речи, которая может при этом сопровождаться авторским текстом, комментирующим реплики.

“Что такое искусство? Как, что такое искусство? – Искусство – это архитектура, ваяние, живопись, музыка, поэзия во всех ее видах”, —ответит обыкновенно средний человек, любитель искусства или даже сам художник, предполагая, что дело, о котором он говорит, совершенно ясно и одинаково понимается всеми людьми. Но в архитектуре, спросите вы, бывают постройки простые, которые не составляют предмета искусства, и, кроме того, постройки, имеющие претензии на то, чтобы быть предметами искусства, постройки неудачные, уродливые и которые поэтому не могут быть предметами искусства. В чем же признак искусства?”

Л. Н. Толстой.

^ Предупреждение

Намеренное выдвигание ритором возражения или утверждения оппонента и ответ на него, изображение полемики, в котором обычно используются прежние высказывания оппонента.

“Что ты говоришь? От войны, начатой беглыми рабами, Сицилия была избавлена благодаря твоей доблести? Великая это заслуга и делающая тебе честь речь! Но все-таки – от какой же это войны? Ведь, насколько нам известно, после той войны, которую завершил Марк Аквиллий, в Сицилии войны с беглыми рабами не было. – “Но в Италии такая война была.” – Знаю, и притом большая и ожесточенная. И ты пытаешься хотя бы часть успехов, достигнутых во время этой войны, приписать себе? И ты хочешь разделить славу той победы с Марком Крассом и Гнеем Помпеем? Да, пожалуй, у тебя хватит наглости даже и на подобное заявление.”

Цицерон.

^ Ответствование

Вопрос от лица аудитории и ответ на него от лица говорящего.

Ответствование одновременно пробуждает активность аудитории в нужном направлении и упреждает нежелательный для ратора вопрос или возражение.

“Вы спросите, в чем различие интуитивизма от субъективизма? Не правда ли, это заслуживает внимания. И вот в чем дело. Интуитивизм утверждает, что интуитивное знание дает предмет целиком сразу, тогда как рассудочный анализ имеет дело с частями предмета, из которых слагается целое; далее, интуитивное знание дает содержание самой вещи и ее действительной сущности и, следовательно, имеет абсолютный характер, тогда как рассудочный анализ оперирует с символами, имея, следовательно, относительный характер.”

В. М. Бехтерев.

^ Сообщение

Вопрос, обращенный к аудитории, и ответ от лица аудитории, который иногда дополняется комментарием.

“И сегодня, вспоминая благочестивую семью Иоакима и Анны и рожденную ими благословенную Дщерь, не оглянемся ли мы на себя, на наше время и его духом разорения, а не созидания. И не зададим ли себе вопрос: в чем причина, где корень жестокой и мрачной непогоды, обступившей мир и ставящей его на край гибели?”

Не мы ли – разорители домашней церкви, не мы ли – разрушители старинных правил семейного порядка, не мы ли – отдавшие чад своих на воспитание в страну далече, где питают их волчцами и тернием и уводят от Отца Небесного, уводят от родителей земных.”

Архимандрит Иоанн Крестьянкин.

^ Заимословие

Созданная автором речь, представляющая определенную позицию или точку зрения. Заимословие может содержать олицетворение. Особенно часто заимословие использовалось в исторической прозе, например, Фукидидом, так как оно позволяет кратко и ярко выразить смысл изображаемого деяния или обобщенную точку зрения. Заимословие часто используется вместе с сообщением.

“Еще продолжается на Руси эта страшная и томительная ночь... Изнемогает наша Родина в тяжких муках, и нет врача, исцеляющего ее. Где же причина этой длительной болезни, повергающей одних в уныние, а других – в отчаяние? Возпросите вашу православную совесть и в ней найдете ответ на этот мучительный вопрос.

“Грех, тяготеющий над нами, – скажет она вам, – вот сокровенный корень нашей болезни. Вот источник всех наших бед и злоключений. Грех растлил нашу землю, расслабил духовную и телесную мощь русских людей... Из того же ядовитого источника греха вышел великий соблазн чувственных земных благ, которым и прельстил наш народ, забыв о “едином на потребу.”.. Мы захотели создать рай на земле, но без Бога и Его святых заветов. Бог же поругаем не бывает. И вот мы алчем, жаждем и наготуем на земле, благословенной обильными дарами природы, и печать проклятия легла на самый народный труд и на начинания рук наших. Грех – тяжкий нераскаянный грех – вызвал сатану из бездны...”

Иоанн, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский.

^ Цитата

Представляет собой действительные слова какого-либо источника, включенные в текст в виде прямой или косвенной речи.

^ Аллюзия

Намек, состоящий в использовании слов или выражений, характерных для произведения, о котором идет речь. Аллюзии часто используются как прием иронии.

“Но что в книге Уэллса особенно замечательно, это его впечатление от личных бесед с корифеями большевизма. Характеристики, которые он дает этим людям и их работе, поистине неожиданны. Прежде всего оказывается, что основная и типичная черта большевизма есть честность. Об этой черте Уэллс говорит настойчиво несколько раз. Даже в красном терроре он усмотрел что-то “честное”. Но кроме этого несомненного достоинства, г-н Уэллс признает у большевиков и недостатки. Недостатки эти, впрочем, совсем не те, которые приписываем им мы: главные недостатки большевиков, по мнению г-на Уэллса, – это неопытность и наивность. Заметьте, дело идет не о каких-нибудь матросах или красноармейцах, а о вождях большевизма, о руководителях советской политики, которые сумели обойти Вильгельма и вот уже более двух лет водят за нос всех корифеев европейской дипломатии с Ллойд Джорджем и Вильсоном во главе, оказывается, все это – по наивности и неопытности. Особенно наивен Зиновьев. Он не имеет никакого представления о том, что происходит в Ирландии, и все силится понять, кто из борющихся там сторон – пролетарии и кто – буржуи. А когда Уэллс стал расспрашивать этого неопытного простака, что именно он делал в Баку на съезде азиатского пролетариата, то оказалось, что тот и сам не знает, зачем туда ездил. И такое же впечатление бесконечной наивности производили на Уэллса все большевики, с которыми ему приходилось встречаться, кроме разве Ленина, хотя и тот под конец сорвался и начал занимать своего собеседника каким-то детским лепетом об электрификации России. Мы совершенно не сомневаемся в том, что во всех подобных беседах, происходивших во время путешествия по России г-на Уэллса, одна из участвовавших сторон была детски наивна. Но были ли то большевики – в этом позволительно усомниться.”

Н. С. Трубецкой.

^ Риторический вопрос

Утвердительное высказывание в виде вопроса, которое не предполагает ответа.

“Если есть кто нравственный эмбрион в поэме, так это, конечно, он сам, Онегин, и это бесспорно. Да и совсем не мог он узнать ее: разве он знает душу человеческую? Это отвлеченный человек, это беспокойный мечтатель во всю его жизнь.”

Ф. М. Достоевский.

^ Риторическое восклицание

Восклицательная форма предложения, употребленная для усиления значения.

“Сколько различных искусств, веществ, орудий употребляет разумный человек, чтобы наполнить свое чрево!”

Святитель Филарет, митрополит Московский и Коломенский.

^ Риторическое обращение

Высказывание в форме обращения, адресованное какому-либо лицу или предмету.

“Восклонись, несчастный поклонник чрева, и если ты не можешь вдруг вознести себя выше себя твоих очей, стань прямо перед зеркалом и посмотри, не написан ли на тебе самом закон против раболепства чреву?”

Святитель Филарет, митрополит Московский и Коломенский.

^ V. Построение текста

^ 1. Понятие текста

Текстом называется совокупность смысловых, лексических, грамматических, интонационных или графических связей между словами, словосочетаниями, предложениями и фразами, образующих единство высказывания.

Текст непосредственно делится на композиционные части и фрагменты.

^ Фрагмент

Завершенный в смысловом отношении отрезок текста, главная мысль которого развивается в ряде взаимосвязанных предложений.

Рассмотрим пример.

“Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа, сказал Гоголь. Прибавлю от себя: и пророческое. Да, в появлении его заключается для всех нас, русских, нечто бесспорно пророческое. Пушкин как раз приходит в самом начале правильного самосознания нашего, едва лишь начавшегося в обществе нашем после целого столетия с петровской реформы, и появление его сильно способствует освещению темной дороги нашей новым направляющим светом. В этом-то смысле Пушкин есть пророчество и указание.”[267]

Логическая и грамматическая организация фразы очевидна: логически в первом предложении Пушкин — субъект, явление чрезвычайное, единственное явление русского духа — предикаты двух объединенных в предложении суждений; члены предложения связаны синтаксическими отношениями; сами предложения объединены союзной и бессоюзной связью.

Внимательно вчитываясь во фразу Достоевского, мы видим в ней и иные связи, которые создаются порядком слов, словами-связками (да, как раз, в этом-то), вводными оборотами (может быть, прибавлю от себя), повтором слов и конструкций, определенной последовательностью и смысловыми отношениями предложений. Эти последние связи определяются речевой задачей и называются коммуникативными.

Слово “textus” в латыни означает “ткань”: словесная ткань прозы создается тесным сплетением утка коммуникативного членения речи с основой ее логико-грамматической организации.

^ 2. Актуальное членение высказывания

Коммуникативное, или как его называют, актуальное членение предложения и фразы состоит в разделении того содержания, которое говорящий представляет как известное, и того содержания, которое говорящий вычленяет как новое.

Содержание, которое говорящий представляет как данное, называется темой (коммуникативным подлежащим), а содержание, которое говорящий показывает как новое – называется ремой (коммуникативным сказуемым). Тема и рема выделяются не только в высказывании в целом, но и во фразах, предложениях и словосочетаниях.

Способы выделения ремы различны. Многие риторические фигуры, рассмотренные в предыдущем разделе, представляют собой приемы выделения ремы высказывания.

Обыкновенно рема выносится в конец словосочетания, предложения или фразы. В предложении “Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа, сказал Гоголь” слова “сказал Гоголь” являются ремой – они вынесены в конец предложения, и на них как на новое содержание автор обращает внимание читателя. Остальная же часть предложения является его темой.

Внутри темы этого предложения также можно видеть актуальное членение: слова “может быть, единственное явление русского духа”, в свою очередь, выступают как рема, которая особенно выделяется частичным повтором предшествующей ремы “явление чрезвычайное” с перестановкой слов – хиазмом, также создающим актуальное членение словосочетания: “единственное явление – явление чрезвычайное.” То, что выделялось в предшествующем словосочетании как рема, в следующем за ним повторяется как тема.

Но сама рема первого предложения также содержит актуальное членение, отличное от грамматического: не **“Гоголь сказал”, а “сказал Гоголь.”* Почему? Второе предложение является ремой по отношению к первому, поэтому оно и начинается сопоставлением автора с Гоголем: это “прибавлю от себя” содержит дополнение-повтор предшествующей ремы и преобразование ее в тему, а слова “и пророческое” дают новое движение смысла, ибо в них-то и заключается главная идея речи о Пушкине.

Актуальное членение этих двух предложений показывает, как мысль-слово Достоевского движется ступенчатыми толчками. Следующая ступень – переход от автора-Достоевского к читателю: тема (слово “да”) указывает на предшествующее предложение и подтверждает его с точки зрения аудитории, а рема – “в появлении его заключается для всех нас, русских, нечто бесспорно пророческое” дополняет предшествующую новым содержанием. Внутри этой ремы выделяются тема “в появлении его заключается для всех нас, русских” и рема: “нечто бесспорно пророческое.” Эта последняя рема повторяет рему предшествующего предложения, но на новом уровне, потому что ей непосредственно предшествует рема первой части предложения “для всех нас, русских”, в которой, в свою очередь, тема – “для всех нас” и рема – “русских.” Получается следующее развитие начальной темы: “Пушкин – явление – чрезвычайное – единственное – пророк” и ремы: “Гоголь – автор – мы – все русские.” Конец третьего предложения и сводит эти два тщательно подобранных и расположенных ряда слов.

Актуальное членение строится как кукла-матрешка: словосочетание – предложение – фраза – группа связанных предложений, но с тем отличием, что каждая из матрешек связана со всеми остальными и связь эта определяется повторами и воспроизведениями (суппозициями) через синонимы, местоимения и перифразы тех ключевых слов, которые задают общий смысл высказывания.

^ 3. Амплификация

Только первое предложение любого высказывания относительно независимо; каждое последующее предложение зависит от предыдущего, так как частично воспроизводит в своей теме его элементы, то есть содержит повтор, синонимический повтор, троп, перифраз слов предыдущего предложения.[268]

Сцепление предложений в тексте может быть последовательным, параллельным или последовательно-параллельным, а повторяться или воспроизводиться могут слова или словосочетания, которые занимают различное место или играют различную синтаксическую роль (подлежащее, сказуемое, дополнение и т. д.) в предшествующих предложениях. Группу объединенных смыслом и связанных общими элементами предложений, развивающих отдельную мысль, мы будем называть фрагментом, а систему связей внутри фрагмента – амплификацией. [269]

Амплификация представляет собой развертывание содержания фрагмента текста путем его дополнения за счет новых слов, включенных в состав предложения, или за счет новых предложений, объединенных с положением смысловой связью.

Рассмотрим пример.

“Человек делает историю; но столь же верно и еще более значительно, что история образует человека. Человек может узнать и объяснить себя не иначе как всю свою историю. Дух человеческий с первой минуты бытия неудержимо, непременно стремится всякую свою способность, всякую мысль, всякое ощущение выразить, воплотить в действии, – и вся эта энциклопедия событий и действий составляет жизнь человеческую. В этом смысле жизнь, составляя сцепление событий, связанных между собою логической связью причины и действия, в то же время есть таинство души: есть события в жизни, которые роковым, таинственным образом действуют на чуткую душу, определяя стремления, волю, характер и всю судьбу человека.

Но человек есть сын земли своей, отпрыск своего народа: кость от костей, плоть от плоти своих предков, сынов того же народа, и его психическая природа есть их природа, с ее отличительными качествами и недостатками, с ее бессознательными стремлениями, ищущими сознательного исхода. У всякого народа, как и у отдельного человека, есть своя история, своя сеть событий и действий, в которых стремится воплотить себя душа народная. В исторической науке пытливый ум, критически исследуя факты, действия и характеры, желает определить точную достоверность их и уловить взаимную их связь и внутреннее значение в судьбах общественной и государственной жизни народа. С глубоким интересом, с наслаждением, с удивлением читаем мы страницы этой книги, восхищаясь остротой критического ума, искусством художника; по старинному выражению, история – учительница народов, граждан и правителей, – но кому из них пошли впрок ее уроки? Кто, закрывая книгу, овладевшую всем его вниманием, не ощущал в душе горького сознания, что пред ним открывалась старая, как мир, летопись человеческой гордости, эгоизма, жестокости и невежества, свиток, в котором написаны “жалость и рыдание и горе”?[270]

Первое предложение фрагмента содержит фигуру обращения (антиметаболу): “Человек делает историю; но... история образует человека”, в которой тема первой части превращается в рему второй. О чем пойдет речь во втором предложении? Очевидно, о человеке: именно этим словом оно и начинается.

Далее в тексте мы видим, что слова каждого предыдущего предложения повторяются или воспроизводятся в последующем. Первое предложение второго абзаца также начинается словом “человек”, но развертывается уже через слово “история”, а повторяющиеся ключевые слова или словосочетания следующих предложений представляют собой развитие слов “народ” и “история”: “историческая наука” – “пытливый ум” (историка) — “критический ум” – “книга” – “летопись”, “свиток.” Если мы пронумеруем отдельные предложения и соединим их связями, конструкция примет следующий вид:

Таким образом, каждый завершённый в смысловом отношении фрагмент текста представляет собой амплификацию какого-либо положения, полученного в ходе изобретения. Внутри такого фрагмента отдельные предложения связаны либо повтором слова или словосочетания, либо специальными словами-связками, либо тропами, как история, книга, летопись, свиток или иными смысловыми отношениями слов.

Но связи между предложениями, как и связи внутри предложений, составляющих фрагмент, определяются не только коммуникативным, но также логическим и грамматическим строением как отдельных предложений, так и фрагмента в целом. Если в двух предшествующих примерах эти связи устанавливаются в основном за счёт коммуникативного членения текста и повторения слов и значений, то в нижеследующем примере мы видим в основном формальные связи между частями текста посредством специальных слов, которые указывают на смысловые отношения между предложениями и фразами.

“Вы еще не любите Россию: вы умеете только печалиться да раздражаться слухами обо всем дурном, что в ней ни делается, в вас все это производит одну черствую досаду да уныние. Нет, это еще не любовь, далеко вам до любви, это разве только одно слишком отдаленное ее предвестие. Нет, если вы действительно полюбите Россию, у вас пропадет тогда сама собой та близорукая мысль, которая зародилась теперь у многих честных и даже весьма умных людей, то есть, будто в теперешнее время они уже больше ничего не могут сделать для России и будто они ей уже не нужны совсем; напротив, тогда только во всей силе вы почувствуете, что любовь всемогуща и что с ней возможно все сделать. Нет, если вы действительно полюбите Россию, вы будете рваться служить ей; не в губернаторы, но в капитан-исправники пойдете, – последнее место, какое ни отыщется в ней, возьмете, предпочитая одну крупницу деятельности на нем всей вашей нынешней бездейственной и праздной жизни. Нет, вы еще не любите Россию. А не полюбивши России, не полюбивши своих братьев, а не полюбивши своих братьев, не возгореться вам любовью к Богу, а не возгоревшись любовью к Богу, не спастись вам.”[271]

Связи элементов текста могут быть смысловыми и формальными. В этом завершающем фрагменте статьи Н. В. Гоголя заметна двойная связь элементов: (1) параллельная формальная связь между предложениями посредством фигуры анафоры – повтора слова “нет” в начале каждого предложения за исключением первого и последнего, и (2) смысловая связь через фигуру эпифонему – частичный повтор и изменение первого предложения “вы еще не любите Россию.”

Формальная связь предложений и их частей посредством союзов, союзных слов, междометий, вводных слов и оборотов, частиц и т. п., а также посредством соответствующих знаков препинания на письме особенно широко используется в рассуждениях, когда логические и грамматические отношения частей высказываний должны быть специально выявлены и четко обозначены в соответствии со структурой аргументов.

Такие слова-связки выделены курсивом в нижеследующем примере:

“Если в отношении материальном наши иски ничтожны: что значит полтора миллиона убытков на 156 миллионов облигаций! – меньше процента, то общественное значение дела – громадно.

Однако, мы полагаем, что если есть общее положение закона, что потерпевший может искать убытки с обвиняемого, то не может быть и речи о недопустимости в данном случае гражданского иска. И вот почему несмотря на ничтожность требований каждого из потерпевших в отдельности,

мы настаиваем на них: перед лицом суда нет ни ничтожных, ни значительных исков – он различает только требования справедливые и несправедливые.”[272]

В приемах организации текста отражается отношение автора речи к предмету мысли и к самой речи, которую он создает. Приемы организации текста образуют своего рода словесную перспективу, в которой читатель или слушатель видит содержание текста таким образом, каким его представляет автор. Но отношение читателя или слушателя (получателя речи) к образу говорящего, то есть способу, каким он представляет содержание речи, различно и зависит от того, как говорящий представляет предмет речи и как читатель или слушатель относится к автору.

^ 4. Образ автора и образ ратора

В четырех рассмотренных примерах проявляются различные типы стиля. Каждый фрагмент содержит рассуждение.

В “Пушкинской речи” Ф. М. Достоевского сложная структура умозаключения скрыта, а центром связей элементов речи является авторское “я”, что выражается в первую очередь за счет актуального членения текста, вводных конструкций и изложения от первого лица.

В речи К. П. Победоносцева формальные связи элементов, образующих рассуждение, выражены в большей мере, но не вполне отчетливо, а весь фрагмент предстает как плавная последовательность фраз, вытекающих одна из другой как естественное отражение хода мысли автора, которому сопереживает читатель. В речи, с одной стороны, не видно непосредственных обращений к читателю, а с другой стороны, лексика фрагмента содержит слова и обороты субъективно-оценочного характера, в чем также проявляется намеренная субъективность авторского стиля.

Оба эти текста, хотя и в различной мере, воспроизводят приемы художественной прозы: взгляд на предмет автора и читателя незаметно сливаются таким образом, что читатель, сопереживая и соразмышляя автору, смотрит на предмет речи глазами автора и оценивает свое восприятие содержания как приемлемое или неприемлемое в первую очередь эстетически: “читатель, требуя от авторского текста воссоздания действительности с помощью художественных средств, принимает участие в “эстетической игре”, в процессе которой происходит как бы обучение читателя”, [273] а сам текст предстает как естественное развитие мысли этого автора-читателя: “... через образ автора читатель воспринимает некоторый (не свой) тип личного отношения к излагаемым событиям.” [274]

Тип стиля речей Ф. М. Достоевского и К. П. Победоносцева ориентирован на художественно-литературный образ автора, причем текст Ф. М. Достоевского в большей, а текст К. П. Победоносцева в меньшей степени. Тип же стиля статьи Н. В. Гоголя и судебной речи А. И. Урусова ориентирован на образ ратора. [275]

Во фрагментах статьи Н. В. Гоголя и судебной речи А. И. Урусова явно вычленяется и представляется в намеренно объективированном виде структура мысли, оба автора непосредственно обращаются к аудитории, но отделяют себя от нее и предъявляют аудитории свои рассуждения в форме, наиболее благоприятной для оценки речи с точки зрения характера замысла (пафоса), достоверности и приемлемости аргументации (логоса), отношения ратора к аудитории (этоса) и для сопоставления с принятой в обществе идеальной нормой создателя публичной речи: “Образ “мужа смысленного” – это образ человека, действующего по традиции, изощренного в действенных решениях и отвечающего делом за содержание своей речи.” [276]

Для риторического стиля речи характерны: (1) использование фигур речи, организующих ее содержание и отражающих формальную связь предложений и фраз, логико-смысловый строй высказывания; (2) членение высказывания на смысловые фрагменты, при котором закономерности строения письменной речи приспособлены к ее устному произнесению перед аудиторией и одновременно позволяют аудитории понять и оценить каждую отдельную мысль с точки зрения ее фактической достоверности и убедительности.

^ 5. Периодическая речь

Периодом называется основная единица устно-письменной речи – предложение или группа взаимосвязанных предложений, которая выражает отдельную завершённую мысль и организована для произнесения в публичной речи.[277]

Периодическая речь предполагает максимальную четкость и отработанность мысли и тем самым предоставляет аудитории возможность легко понять и оценить мысли оратора или публициста.

Рассмотрим пример периодического построения речи.

“Влияние Пушкина как поэта на общество было ничтожно. Общество взглянуло на него только в начале его поэтического поприща, когда он первыми молодыми стихами своими напомнил было лиру Байрона; когда же пришел он в себя и стал наконец не Байрон, а Пушкин, общество от него отвернулось. Но влияние его было сильно на поэтов. Не сделал того Карамзин в прозе, что он в стихах. Подражатели Карамзина послужили жалкой карикатурой на него самого и довели как слог, так и мысли до сахарной приторности. Что же касается до Пушкина, то он был для всех поэтов, ему современных, как сброшенный с Неба поэтический огонь, от которого, как свечки, зажглись другие самоцветные поэты.

Вокруг него образовалось их целое созвездие: Дельвиг, поэт-сибарит, который нежился всяким звуком своей почти эллинской лиры и, не выпивая залпом всего напитка поэзии, глотал его по капле, как знаток вин, присматриваясь к цвету и обоня самый запах; Козлов, гармонический поэт, от которого раздались какие-то дотолё неслышанные, музыкально-сердечные звуки; Баратынский, строгий и сумрачный поэт, который показал так рано самобытное стремление мыслей к миру внутреннему и стал уже заботиться о материальной отделке их, тогда как они еще не вызрели в нем самом; темный и неразвившийся, стал себя показывать людям и сделался чрез то для всех чужим и никому не близким. Всех этих поэтов возбудил на деятельность Пушкин; других же просто создал.

Я разумею здесь наших так называемых антологических поэтов, которые произвели понемногу; но если из этих немногих душистых цветков сделать выбор, то выйдет книга, под которою подпишет свое имя лучший поэт. Стоит назвать обоих Туманских, А. Крылова, Тютчева, Плетнева и некоторых других, которые не выказали бы собственного поэтического огня и благоуханных движений душевных, если бы не были зажжены огнем поэзии Пушкина. Даже прежние поэты стали перестраивать лад лир своих.”

Н. В. Гоголь.

^ 6. Классический период

Период может быть простым и сложным.

Простой период содержит одно (простое или сложное) предложение, построение которого, однако, продумано и которое организовано ритмически: “Влияние Пушкина как поэта на общество было ничтожно.” В простом, или одночастном, периоде характерно четкое ритмическое деление на тему и ремю, которое выражается смысло-ритмической и интонационной паузой: “Но влияние его // было сильно на поэтов” (7:8 слогов). В данном примере ритмическое деление подчеркнуто разорванной фигурой антиметаболы.

Сложный период содержит как минимум два предложения, которые представляют собой его части, соответствующие понятиям темы и ремы. Части эти – протасис[278] и аподосис.[279]

Протасис часто рассматривается как повышение, потому что при произнесении периода с ним бывает связано повышение тона, а аподосис – рассматривается как понижение, вторая, завершающая часть так называемой интонационной конструкции.

В периоде: “Общество взглянуло на него только в начале его поэтического поприща, когда он первыми молодыми стихами своими напомнил было лиру Байрона; // когда же пришел он в себя и

стал наконец не Байрон, а Пушкин, общество от него отвернулось” протасис содержит первое сложное предложение до двоеточия, а аподосис – второе.

Симметрия создает статику, асимметрия – динамику.

Этот период является равновесным: двум первым предложениям соответствуют два последних, причем симметрия усиливается хиазмом. Но ритмически период асимметричен, так как соотношение слогов в его предложениях следующее: 25:26/19:10, или: 51:29. Это понятно, потому что по смыслу период является противительным, то есть содержит противопоставление – антитезу, которая требует, чтобы рема была выражена энергично. Равновесный с точки зрения числа предложений, период может оказаться несимметричным с точки зрения их размера и наоборот.

Неравновесный период содержит в первой и второй частях неравное количество предложений, чем создается левая и правая асимметрия речи.

Правая асимметрия периода (как в примере) выделяет протасис – тему речи – и замедляет движение мысли, сосредоточивая внимание читателя на частях и отдельных словесных образах, которые содержатся в аподосисе: “Подражатели Карамзина послужили жалкой карикатурой на него самого и довели как слог, так и мысли до сахарной приторности. Что же касается до Пушкина, // то он был для всех поэтов, ему современных, как сброшенный с Неба поэтический огонь, от которого, как свечки, зажглись другие самоцветные поэты.” В примере это обусловлено тем, что протасис несет главную нагрузку подчеркнутого противопоставления предшествующей мысли, то есть усиливает связь назад.

Левая асимметрия периода: “Стоит назвать обоих Туманских, И. Крылова, Тютчева, Плетнева и некоторых других, // которые не выказали бы собственного поэтического огня и благоуханных движений душевных, // если бы не были зажжены огнем поэзии Пушкина. Даже прежние поэты стали перестраивать лад лир своих.” Левая асимметрия, напротив, ускоряет движение мысли и усиливает связь вперед: последующий период дополняет эту мысль Н. В. Гоголя.

Период может быть распространен за счет членов, или колонов, и вставных конструкций.[280]

Членами периода (колонами[281]) являются завершенные по смыслу конструктивные элементы сложного периода, которые образуют в составе его частей самостоятельные смысло-ритмические единства.

Вставными конструкциями (interjecta) являются отдельные придаточные предложения или обороты, которые дополняют основное значение частей или членов периода.

“Вокруг него образовалось их целое созвездие:

Дельвиг, поэт-сибарит, который нежился всяким звуком своей почти эллинской лиры и, не выпивая залпом всего напитка поэзии, глотал его по капле, как знаток вин, присматриваясь к цвету и обоня самый запах;

Козлов, гармонический поэт, от которого раздались какие-то дотолем неслышанные, музыкально-сердечные звуки;

Баратынский, строгий и сумрачный поэт, который показал так рано самобытное стремление мыслей к миру внутреннему и стал уже заботиться о материальной отделке их, тогда как они еще не вызрели в нем самом;

темный и неразвившийся, стал себя показывать людям и сделался чрез то для всех чужим и никому не близким.”

Хотя в “правильном” периоде должно быть не более четырех членов, на самом деле в периодах часто содержится много членов, как в примере. Приведенный сложный распространенный пятичленный период построен с правой асимметрией, но внутри аподосиса можно видеть попарно симметричное соотношение членов: второго и третьего, четвертого и пятого. Второй и четвертый члены распространены вставными конструкциями, а слабо распространенные третий и пятый члены также почти равны между собой по объему. Членение аподосиса содержит скрытое противопоставление Козлова Баратынскому: третьему члену периода поэтому соответствует ритмически, но противопоставляется по смыслу последний, пятый член периода.

Сложные периоды различаются типом смысловых связей между частями. Эти смысловые связи могут выражаться различными способами, в том числе и средствами синтаксической связи (союзами или союзными словами).

Рассмотрим некоторые виды периодов.

^ Каузальный (винословный) период

Связывает части отношением основания; в зависимости от характера основания он может быть причинным (действующая причина) или заключительным (цель).

“Взысках Господа[282] – видно и помощь от Бога нелегко получил он, или потому, что не искусясь трудным опытом, не был довольно просвещен, или потому, что слишком глубокий мрак скорби скрывал от него путь Божий: ибо не говорит, что прибегнул к Господу прямо, приступил близко, но говорит, что взыскал Господа, ищут же не того, что видят или к чему путь верно знают.”

Святитель Филарет, митрополит Московский и Коломенский.

В периоде восемь предикативных ядер (предложений), но две части и два члена. Из этого примера можно видеть особое свойство периода – его членимость по замыслу автора речи, то есть с точки зрения стилия, а не языка. Автор мог иначе разделить период знаками препинания, обозначив в качестве аподосиса какую-либо другую его часть или выделив члены периода и тем самым сместив смысловые акценты и изменив членение высказывания.

Вместе с тем деление периода на части и члены может разделять грамматическое предложение.

“Одаренный от природы крепким здоровьем, богатыми физическими силами; с раннего детства знакомый с рассказами о промыслах на море и океане, – Ломоносов не мог не привязаться со страстью своей пылкой души к трудам отца, который рано стал брать его с собою.”

В. И. Ламанский.

В этом каузальном периоде всего два грамматических предложения, но две части (разделенные тире) и три члена (первый член отделен точкой с запятой).

^ Условный период

Связывает части отношением условного следования: условие сопоставляется со следствием.

“Если вы хотите провести несколько минут истинно блаженных; если хотите испытать этот неизъяснимо-сладостный покой души, который выше всех земных наслаждений, – ступайте в лунную летнюю ночь полюбоваться нашим Кремлем; сядьте на одну из скамеек тротуара, который идет по самой окраине холма; забудьте на несколько времени и шумный свет с его безумием, и все ваши житейские заботы и дела и дайте хоть раз вздохнуть свободно бедной душе вашей, измученной и усталой от всех земных тревог...”

М. Н. Загоскин.

В этом пятичленном периоде восемь предложений, и членение периода в основном совпадает с синтаксическим членением, поскольку вставные конструкции целиком включаются в части и члены. Сравнительный период представляет собой развернутое сравнение.

“Как во времена Димитрия Донского, св. Александра Невского, как в эпоху борьбы русского народа с Наполеоном, не только патриотизму русских людей обязана была победа русского народа, но и его глубокой вере в помощь Божию правому делу; как тогда и русское воинство и весь русский народ осенял покров Взбранной Воеводы, Матери Божией, и сопутствовало благословение угодников Божиих, – так и теперь, мы веруем, вся небесная рать с нами. Не за какие-нибудь наши заслуги перед Богом достойны мы этой небесной помощи, но за те подвиги, за то страдание, какие несет каждый русский патриот в своем сердце за любимую Мать-Родину.”

Алексий I, патриарх Московский и Всея Руси.

В периоде выделяются три члена и две части, а сам период является неравновесным с левой асимметрией, так как за ним следует простой период, дополняющий и развивающий основное содержание мысли.

^ Изъяснительный период

Представляет собой раскрытие во второй части содержания первой.

“Господа, неужели об этой стремительной мощи, об этой гениальной силе наших предков помнят только кадеты морского корпуса, которые поставили на месте Гангутской битвы скромный крест из сердобольского гранита? Неужели об этой творческой силе наших предков, не только силе победы, но и силе сознания государственных задач, помнят только они и забыла Россия? – Ведь кровь этих сильных людей перелилась в ваши жилы, ведь вы плоть от плоти их, ведь не многие же из вас отрицают отчизну, а громадное большинство сознает, что люди соединились в семьи, семьи – в племена, племена – в народы для того, чтобы осуществить свою мировую задачу, для того, чтобы двигать человечество вперед.”

П. А. Столыпин.

^ Относительный период

Раскрывает связь (совместимость или несовместимость) первой и второй частей.

“Туда, где река Прут вливает быстрые воды свои в Дунай; туда, где великий Петр, окруженный неверными, отчаялся быть победителем и требовал мира: туда гений Екатерины привел Румянцева; и поставил его между врагами бесчисленны.”

Н. М. Карамзин.

^ 7. Строение фрагмента в современной публичной речи

Стиль современной устно-письменной речи сложился под сильным влиянием сначала художественной прозы и публицистики, а позже – массовой информации и документа. Если оратор прежних времен, обращаясь к аудитории, стремился обосновать свои мысли рационально, подчеркивая в речи и вынося на суд аудитории логическую и понятийную структуру каждой отдельной мысли, то писатель-художник и литературный критик, создавая образ автора, напротив, стремится за разговорно-интимной интонацией речи и ее образным строем скрыть логико-смысловую структуру мысли, которая подвержена критической оценке и к тому же далеко не всегда совершенна.

Так, со второй половины XIX века вырабатывается современный стиль ораторской и публицистической прозы, для которого характерны отказ от периодического строения речи, относительно краткая фраза и изложение, в котором не выражены или слабо выражены логико-смысловые связи между отдельными мыслями.

Уже в речах архиепископа Амвросия Ключарева, замечательного проповедника и церковного публициста второй половины XIX века, заметно сильное влияние художественной и научно-популярной прозы этого времени. Период в его классической форме уступает место прозаическому изложению мысли, но логико-смысловая структура речи сохраняется: фразы связаны союзами, союзными словами или специальными словами-коннекторами (отмечены жирным шрифтом), фигурами диалогизма и развитыми пунктуационными средствами. Фразы примыкают одна к другой, создавая сплошную плавную речь. И весь текст речей и статей архиепископа Амвросия предстает как единое последовательное рассуждение, части которого вытекают одна из другой.

“Трудно и для зрелого человека в каждом частном случае с уверенностью определить, к какому исходу ведет то или другое решение; тем более это трудно для молодости. Но Господь, даровавший свободу человеку при сотворении его и восстанавливающий ее после его падения, указал путь жизни в виде общего закона, или начала, из которого при нашем размышлении должно исходить определение каждого частного случая нашей жизни. В чем же состоит этот закон? “Чтобы ты любил, – продолжает Моисей в указанном нами наставлении, – Господа Бога твоего, слушал глас Его и прилеплялся к Нему; ибо в этом жизнь твоя и долгота дней твоих” /Втор.30:20/. Итак, второе условие правильного направления нашей свободы есть тщательное определение, – согласно ли принимаемое нами решение с волею Божией. А так как не на всякий отдельный, более или менее важный, случай нашей жизни тотчас можно найти ясное указание в Законе Божиим, то Моисей и говорит: “прилепляйся к Нему”, то есть входи во внутреннее общение с Богом молитвою, сердечным желанием, любовью, и Он скажет волю Свою в твоём сердце и совести и укажет путь жизни. Берегись, юноша, необдуманно поддаваться ныне обычным, шумным движениям и порывам легкомысленных сверстников, кто бы они ни были, столь же неопытных, как и сам ты; не отдавай никому своей свободы, за которую ты один отвечаешь; а в трудных обстоятельствах уединись, призови в сердце своем единого непогрешительного советника – Господа Бога твоего, и Он вразумит тебя, как поступить и кого держаться. Одно это движение души к общению с Богом мгновенно освободит твоё воображение и сердце от обольщения и твой разум от увлечения; все силы души твоей возвратятся в твоё обладание и ты будешь в состоянии направлять их куда должно.”

Амвросий, архиепископ Харьковский.

В ораторской прозе и публицистике К. П. Победоносцева, которая создавалась примерно в то же время, заметно стилистическое сходство с творчеством архиепископа Амвросия, но из приведенных примеров можно видеть, что средства логико-смысловой связи в тексте К. П. Победоносцева уступают место лексическим связям за счет повтора и воспроизведения ключевых слов и значений, длинных сложных предложений; изложение сохраняет плавность и связность, даже более тесную, чем в речи владыки Амвросия.

Но у К. П. Победоносцева сильнее чувствуется художественно-литературный образ автора. “Объективный” монологический стиль изложения, в котором отсутствуют фигуры диалогизма, наряду с оценочной лексикой и повествовательной формой изложения, приводит к тому, что речь автора сливается с речью читателя. А это и является характерным признаком стиля художественной литературы.

Такой текст уже не произносится, а читается с трибуны для избранной и внимательной публики.

“Посреди таких явлений и воздействий возростал и образовался будущий Император. И вместе с тем выростала и укреплялась в народе вера в Него, оправдавшаяся в течение всего 13-летнего Его царствования. Для крепости правления нет ничего важнее, нет ничего дороже веры народной в своего правителя, ибо все держится на вере. Что бы ни случилось, – все знали и были уверены, на что, в важных случаях государственной жизни, даст Он отрицательный и на что положительный ответ из Своей русской души. Все знали, что не уступит Он русского, историей завещанного, интереса ни на польской, ни на иных окраинах инородческого элемента, что глубоко хранит Он в душе Своей одну с народом веру и любовь к Церкви Православной, понимая все ее

воспитательное значение для народа, – наконец, что заодно с народом верует Он в непоколебимое значение власти Самодержавной в России, и не допустит для нее в призраке свободы гибельного смешения языков и мнений.”

К. П. Победоносцев.

В судебной речи мы видим сходное построение мысли. Но судебная речь по необходимости предполагает диалогизм, потому что обвинитель или защитник, обращаясь к составу суда, который выносит вердикт, и одновременно к широкой публике, должен отделить свою позицию от позиций оппонента, подсудимого, свидетелей, присутствующей публики, судьи и коллегии присяжных.

Судебный оратор использует различные приемы связи мыслей. В зависимости от того, какую часть речи он строит, ритор будет либо подчеркивать формальные логико-смысловые связи в тексте, либо в изложении материала (как в примере) создаст плавные переходы от одной мысли к другой, выстраивая единый эмоционально-этический образ речи.

В тексте мы видим формулировку положения аргумента – зачин (выделен курсивом). Положение раскрывается в последующих фразах посредством не просто сообщения данных, но их истолкованием, в котором особую роль играет отбор слов и последовательная связь предложений с их коммуникативным членением. Это изложение фактического материала на самом деле содержит рассуждение, логическая структура которого не выявлена словами-связками, но видна из содержания фраз. Последняя фраза представляет собой заключение рассуждения, подтверждающее положение и содержащее переход к последующему изложению.

“Подробности настоящего дела кратки и немногосложны. Они состоят из откровенного рассказа самого обвиняемого и шести свидетельских показаний. И все-таки они с замечательной ясностью и силой рисуют перед нами многолетнюю и глубокую драму человеческой жизни. Я не понимаю только, почему неискренними считает объяснения обвиняемого г. прокурор. Право, я редко встречал такую прямоту, такое мужество в передаче обвиняемым каждого факта, каждого события, какие желал бы знать и установить даже против него суд. Не вижу я и той озлобленности и жестокосердия, какие находит в душевном состоянии его г. обвинитель в роковой для него день 21 июня. Свидетели говорят совсем о другом: что всегда, вне случаев опьянения покойной, Киселев нежно любил жену, “души в ней не чаял”, как выражается свидетель Тальникова, а после события свидетель Иван Киселев находит его на завалинке своего дома горько плачущего, окруженного своими детьми, которым он говорил, указывая на брата: “Вот вам теперь отец, – а на его жену: вот мать... Только не проклинайте своего отца!” Вот настроение человека в первые моменты после события. Можно ли говорить о какой-либо дикости, жестокосердии в те минуты с его стороны? Нет, я думаю, тогда произошло раздвоение, в нем померк под давлением роковых событий – горя, отчаяния, стыда, душевных мук – бодрый, мягкий, любящий человек и вырвалась наружу гневливая воля оскорбленного и негодующего мужа...”

Н. П. Шубинский.

Сходное строение фрагмента видим мы и в политической ораторской речи.

Зачин фрагмента содержит положение с истолкованием, соответствующее протасису периода. Положение раскрывается в реме, соответствующей аподосису периода и представляющей собой серию высказываний-доводов, расположенных по принципу деления содержания. Предложения отделены друг от друга по смыслу, и содержание мысли предстает в виде не сплошного, но разделенного, дискретного смыслового пространства, оно дается как бы пунктиром. Связи отдельных высказываний строятся посредством специальных слов-коннекторов и в содержании фраз. Но слова-связки использованы в основном внутри отдельных доводов; сами же доводы связаны по смыслу, паузами и интонацией.

“Восстановив истинные ценности внутри себя, надо восстановить их и вовне. Жизнь общества, государства требует осмысленности так же, как и жизнь отдельного человека. Не может

материальное благополучие быть целью всех стремлений. Сытое брюхо еще не значит – чистая совесть. Критерием государственного устройства должна стать его богоугодность, соотнесенность с тысячелетними святынями веры. Нужно во всей полноте использовать богатейший опыт русской государственности. Выкинуть на свалку наглую ложь об “империи зла”, “России – тюрьме народов”, “гнилом царизме”, сказать правду о семидесятилетнем пленении Православной Церкви и русского народа. Нужно осознать, что у Православной России есть враги, ненавидящие наш народ за его приверженность к Истине, за верность своему религиозному служению, своим христианским истокам и корням. Осознать, что если мы хотим выжить – нам надо научиться защищать себя, свою веру, свои святыни...”

Иоанн, митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский.

Итак, в XIX и в XX веках русская риторическая проза развивалась под сильным влиянием художественной литературы. Это влияние проявилось прежде всего в том, что черты стиля, характерные для выражения образа ратора, подменялись чертами стиля, свойственными образу автора. Но в последние десятилетия художественная литература утрачивает влияние в обществе. Современный стиль речи связан с развитием массовой коммуникации, деловой прозы, ораторской речи, философской литературы. Это означает возрождение риторического стиля речи, который в современных условиях, разумеется, не повторяет и не может повторять черты стиля прошлых эпох, но необходимо подчиняется в своем развитии объективным условиям и требованиям, которые общество предъявляет ратору.

^ Глава пятая

Исполнение речи

Слово подразделяется на внутреннее и внешнее. Внутреннее слово организует мысль, которую предстоит выразить. Слово внешнее есть непосредственное выражение мысли в устной или письменной форме.

Материал, изложенный в предшествующих главах, относится, в основном, к внутреннему слову. Правила и рекомендации, которые приводятся ниже, относятся к внешнему слову, то есть к основным видам общения – монологу и диалогу. Эти правила обобщают опыт организации речевых отношений, которые можно изобразить следующей схемой.

Диалогическое общение представляет собой коммуникативное кольцо с обратной связью,[283] в котором имеются по крайней мере два участника.

Диалогическое общение происходит в трех обводах этого единого кольца – внутреннем (Sg), внешнем (Sg) и промежуточном (Sg, Sg).

Внутренний обвод представляет собой словесную мысль участника коммуникации А, который, создавая замысел речи, прогнозирует собственные реплики-высказывания и возможные ответы собеседника.

Создав первую иницирующую реплику, А адресует ее В. В ходе произнесения реплики А контролирует ее последовательность, интонацию, темп речи по реакции собеседника и сопоставляет эту реакцию с произносимыми частями реплики, перестраивая ее, если замечает, что В не понимает его или неадекватно реагирует на его речь (промежуточный обвод). Когда мы говорим, мы видим и слышим собеседника и слышим в то же время собственные слова. Поэтому внешнее слово не совпадает с внутренним, а внутреннее – представляет собой только общий план звучащего слова.

Собеседник В по мере получения сообщения стремится понять его, соотнося звучащее слово с поведением, внешними признаками А и с образом А, который существует в его представлении, а также с последовательностью элементов полученного сообщения, члена его различными

способами (как это рассмотрено в главе об элокуции), то есть устанавливая грамматическую, логическую и коммуникативную структуру речи и вычлняя ее предметно-словесное содержание.

Получив сообщение, В анализирует его исходя из тех данных о собеседнике, ситуации и высказывании, которые он усвоил и сумел понять. Главное для А и В здесь – установить новое и актуальное содержание, которое является целью общения, и принять решение вступить в диалог. Затем В анализирует содержание речи в отношении к ее предмету, к личности собеседника и характеру его высказывания. На основе этих данных В создает собственный замысел речи, но уже как ответ на реплику А, то есть частично включает эту реплику в свой ответ.

Тем самым содержание и слова каждой реплики диалога воспроизводятся в последующих, в результате чего устанавливается общий язык участников диалога, который в ходе общения постоянно изменяется и пополняется. В ходе такой взаимной адаптации накапливается система знаковых (не только словесных) ресурсов с их особыми конкретными значениями, поэтому язык общения представляет собой динамическую, постоянно развивающуюся систему знаковых средств, определяемую содержанием диалога и сценариями речи, которые совместно строят участники общения.

По мере установления взаимопонимания, оба собеседника, различаясь содержанием мысли, сближаются через постоянно становящийся и приспособляемый к обстоятельствам речи общий язык и образуют единораздельную мыслительно-коммуникативную систему. Именно эта общность позволяет им принять совместное решение и осуществить совместную деятельность.

В условиях устного общения весь этот обмен репликами происходит в едином потоке времени, которое организуется и членится последовательностью высказываний, так как устное высказывание понимается слушающим в ходе его произнесения говорящим. Тем самым диалогическая речь представляет собой инструмент пространственно-временной адаптации и организации языка.

В этом смысле общий язык (как русский, французский и т. д.) представляет собой не систему, а набор ресурсов потенциально возможного общения, то есть совокупность имен и общих правил построения высказываний. По мере развития диалога этот набор ресурсов становится системой, в которой устанавливаются отношения между предметом речи, конкретными людьми, в ней участвующими, и совместной предметной деятельностью этих людей.[284]

Нижеследующие правила монологической и диалогической речи представляют собой, по существу дела, правила взаимопонимания и установления общего языка. Монологическая речь содержит правила внешнего слова для отдельной реплики, а диалогическая речь – правила соединения таких отдельных монологических высказываний в словесные произведения различного рода, создаваемые совместной речью.

^ Правила произнесения ораторской речи

1. Речь, которая произносится публично, должна быть подготовлена и предварительно продумана.
2. Только очень опытный оратор может позволить себе импровизированную публичную речь, которая на самом деле подготовлена опытом многочисленных выступлений.
3. Перед тем как приступить к публичной речи, вспомните и продумайте Заповеди Моисеевы: каждая из них обращена непосредственно к вам, к вашей речи и к вашей аудитории.
4. Если вы ограничены регламентом, сократите содержание вашей речи: лучше сказать мало, чем сказать плохо.
5. В каждой речи должны быть начало, середина и конец; при этом конец речи – самое важное, поэтому всегда помните о конце вашей речи.

6. Составьте план речи, в особенности, если вы ограничены регламентом. В плане содержатся основные пункты речи, информация, которая требует точности: даты, статистические данные, цитаты (которые должны быть краткими и с выходными данными источников), сложные или малознакомые слова и термины (которые, впрочем, не рекомендуется употреблять без надобности) и т. д.
7. План речи размещается на одной стороне листа бумаги; его не следует писать на нескольких листах.
8. Оратор должен продумать первую фразу и заключение речи; все остальное можно импровизировать. Если вы достаточно уверены в себе, перед выступлением можете выбросить или забыть этот план – речь получится лучше.
9. Могут читаться: лекции, доклады, официальные документы, чужие тексты; все остальные виды речей произносятся. Не следует писать тексты публичных речей, кроме указанных их видов. Написанный текст речи затрудняет ее произнесение: неопытный оратор боится упустить что-нибудь из написанного, поэтому сбивается и делает ошибки.
10. Оратор, который выступает перед публичной аудиторией, должен быть физически собранным, бодрым, оптимистичным, спокойным, уверенным в себе; он должен иметь опрятный и привлекательный вид. Поэтому перед публичным выступлением позаботьтесь о своем не только духовном, но и физическом состоянии.
11. Многие, в том числе и опытные, ораторы сильно волнуются перед публичным выступлением. Волнение естественно и полезно: если оратор не волнуется перед выступлением, значит, он не заинтересован в своей речи и безразличен к аудитории.
12. Слишком сильное волнение вредно. Чтобы избавиться от него, постарайтесь непосредственно перед выступлением отвлечься от его содержания, не воображайте себе аудиторию с ее реакцией, подумайте о чем-нибудь хорошем. Если это не помогает и вас не видят, согните руки в локтях, поставьте локти на высоте плеч, напрягите бицепсы и сделайте несколько сильных движений локтями назад. Если это невозможно, сделайте несколько сильных движений пальцами ног.
13. Не пейте воду непосредственно перед выступлением и во время выступления – вода дает ненужную нагрузку на сердце и сбивает голос. Не разговаривайте непосредственно перед выступлением.
14. Когда придет время выступать, соберитесь внутренне и уверенным шагом подойдите к месту, с которого предстоит говорить.
15. Стойте прямо, развернув штечи. Голову держите, немного приподняв подбородок. Ноги должны быть примерно на ширине плеч. Не прижимайте руки к животу, не заламывайте руки, не сцепляйте пальцы рук, не закладываете руки за спину, не держите руки в карманах, не заплетайте ногу за ногу.
16. Жестикуляция оратора должна быть умеренной: держите руки свободно, не машите руками во время речи, но и не вытягивайте руки по швам. Ораторский жест соответствует темпу и содержанию речи, он должен быть плавным и уверенным, но не слишком широким.
17. Когда вы говорите, не забывайте раскрывать рот. Дышите диафрагмой. Размерьте громкость голоса по объему помещения и по величине аудитории. Никогда не пытайтесь перекричать аудиторию.
18. Голос пускайте не вниз и не вверх, но прямо перед собой несколько над головами аудитории.
19. Не пользуйтесь микрофоном без крайней необходимости: микрофон затрудняет непосредственный контакт с аудиторией.

20. Встав перед аудиторией, первым делом улыбнитесь и посмотрите на людей, которые вас слушают, – вы увидите, что они внимательны к вам и настроены в целом доброжелательно.
21. Сделайте небольшую начальную паузу. Если шумят, сделайте паузу больше и окиньте взглядом аудиторию.
22. Плавно вступайте в речь. Не начинайте слишком энергично, иначе вам не хватит сил завершить речь, а слушающим – вытерпеть ее до конца.
23. Произнося речь, помните, что вы обращаетесь к людям, которые согласились выслушать вас, а не к бумажке, на которой написан ваш конспект.
24. Говорите спокойно и уверенно, и вас будут слушать.
25. Говорите громко, отчетливо, сохраняя размеренный темп речи. Не пытайтесь вместить максимум информации в минимум времени. Торопливо говорящий оратор – это оратор, который боится публики и ожидает, что его сгонят с трибуны.
26. Во время речи смотрите на аудиторию, последовательно фиксируя взглядом группы находящихся перед вами людей. Не обращайтесь все время к одному и тому же лицу. Каждый из слушающих должен быть убежден, что вы обращаетесь лично к нему.
27. Помните, что в устной публичной речи один сильнее многих: оратор, который является центром внимания и источником движения мысли, сильнее аудитории, которая всегда разрознена.
28. Не бойтесь больших аудиторий, но бойтесь малых аудиторий. Чем больше аудитория, тем легче ее убедить.
29. Не говорите лишнего. Когда публичный оратор говорит то, что он говорит, он думает то, что он думает. Поэтому ритор всегда думает, что сказать, но никогда не говорит всего, что думает.
30. Будьте человеколюбивы – говорите по возможности кратко. Публичное звучащее слово насильно воздействует на организм слушателя, и предел этому насилью должен быть положен своевременно.
31. Используйте только литературные слова и выражения. Старайтесь употреблять как можно меньше иностранных слов.
32. Не усваивайте себе дурную манеру некоторых лекторов повторять дважды одно и то же слово.
33. Произносите речь не словами, а фразами. Фразы должны быть связными. Завершайте каждую начатую фразу. Длина фраз определяется состоянием и размером аудитории и объемом помещения, в котором вы говорите. Чем больше аудитория и объем помещения, тем меньшей должна быть средняя длина вашей фразы.
34. Речь есть чередование слов и пауз. Пауза выделяет наиболее значимые слова и формулировки. Паузой вы предоставляете аудитории оценить смысл сказанного прежде и про себя ответить вам. Не делайте паузы где попало – следите, чтобы ответы аудитории оказывались именно такими, какие нужны вам. Чем значительнее фрагмент содержания речи, тем короче отрезки звучания между паузами и тем отчетливее произнесение этих отрезков.
35. Публичная речь интонирована: интонация обеспечивает смысловое членение речи, указывает на соотношение частей фразы и на отношение оратора к содержанию речи. Интонация должна быть естественной и умеренной. Никогда не подвигайте на концах фраз.

36. Во время публичной речи оратор не должен чувствовать себя соловьем: вы говорите для людей, а не для самовыражения. Поэтому все время речи работайте: контролируйте реакцию аудитории, фиксируйте группы людей согласных и несогласных с вами, внимательных и рассеянных, заинтересованных и безразличных, дружественных и враждебных. Оратор должен видеть все, что происходит в аудитории во время речи, и своевременно реагировать на поведение аудитории.

37. Если в аудитории начался шум, не повышайте, но понизьте голос, или сделайте паузу и внимательно посмотрите на аудиторию.

38. Не бойтесь реплик из зала. Реагируйте или не реагируйте на них по обстоятельствам и исходя из ваших интересов. Не давайте втянуть себя в дискуссию во время речи: вы должны сказать все, что намеревались сказать.

39. Отвечая на реплики и вопросы во время речи или после нее, помните, что ответы либо должны быть дельными, ясными и краткими, либо их не должно быть вовсе.

40. Завершение всякой речи должно быть энергичным и оптимистичным. Покажите подъемом голоса и завершающей интонацией, что вы сказали все, что нашли нужным, и не забудьте поблагодарить аудиторию за внимание. Уход оратора с трибуны не должен производить впечатление бегства.

^ Общие правила ведения диалога.[285]

^ I. Правила для говорящего и слушающего

1. Ритор всегда готов вести диалог.

2. В диалоге положение слушающего более благоприятно, чем положение говорящего.

3. Обращение с речью предполагает, что слушающий прерывает любое дело или собственную речь, чтобы выслушать сообщение.

4. Следовательно, говорящий несет ответственность за актуальность, значимость, уместность сообщения.

5. Если обращенная речь бессодержательна или не вызывает ответной мысли у слушающего, диалог может быть прерван, а дело может не состояться, за что ответственность несет говорящий.

^ II. Условия продолжения диалога

1. Слушающий должен внимательно выслушать обращенное к нему высказывание.

2. Слушающий может ответить на вопрос либо сообщением, либо действием.

3. Слушающий может ответить на повествование либо новым сообщением, либо пересказом (третьему лицу), либо умолчанием.

4. Слушающий может ответить на побуждение либо действием, либо новым сообщением.

5. Слушающий может пересказать полученное сообщение другому лицу, если он не получил от говорящего специального запрета на пересказ.

6. Слушающий может ответить на сообщение действием, если оно специально не запрещено.

^ III. Правила защиты говорящего от слушающего и слушающего от говорящего

^ Правила для говорящего

1. Говорящий должен тщательно отсеивать сообщаемую информацию: имеет преимущество тот, кто владеет информацией.

2. Последствия каждого высказывания должны быть обдуманы.
3. Каждое высказывание должно быть целесообразным: его создание говорящим исходит из замысла, а не из психологической реакции на обстоятельства.
4. Содержание и смысл высказывания определяются тоном, которым оно произнесено.
5. Сообщение должно быть уместным.
6. Сообщение не должно быть противоречивым.
7. Сообщение должно содержать новую информацию.
8. Сообщение не должно быть многословным.

^ Правила для слушающего

1. Слушающему следует сопоставить сообщение говорящего с сообщениями на ту же тему, полученными от разных лиц.
2. Слушающий должен выделить истинные и ложные, правдоподобные и неправдоподобные высказывания.
3. Слушающий должен выделить приемлемые и неприемлемые для него высказывания.
4. Сопоставив высказывания на ту же тему различных лиц, разделив истинные и ложные, приемлемые и неприемлемые сообщения, слушающий отделяет интересы говорящего от содержания его высказывания.
5. Слушающий оценивает высказывание и интерес говорящего применительно к ситуации речи и на этом основании отделяет интересы говорящего от его намерений, так как интересы могут не совпадать с намерениями.
6. Выделив интересы и намерения говорящего, слушающий сопоставляет данное высказывание с другими высказываниями того же лица и определяет искренность, то есть добросовестность намерений говорящего.
7. С должным вниманием слушающий относится к суждениям говорящего о других лицах и о том, что они говорят: если ваш собеседник не в состоянии хранить секреты других, то он не в состоянии хранить и ваши секреты; если он недоброжелательно относится к другим, то, очевидно, он недоброжелательно относится и к вам.
8. Не меньшее внимание слушающий уделяет логическим и содержательным ошибкам говорящего: по этим ошибкам оценивается разум собеседника как способность понимания и суждения.
9. Ошибки в содержании речи слушающий связывает с отношением говорящего к собственным высказываниям (модальностью речи): говорящий может быть скромным, смиренным человеком, но может шутить, испытывать слушающего, намеренно вводить его в заблуждение относительно своих умственных способностей или информированности.
10. Из содержания речи собеседника следует отобрать положительную и пригодную информацию, которая будет основой ответного суждения.

^ IV. Диалектический диалог.[286]

1. Диалектическим диалогом называется обсуждение проблемы, которое должно привести либо к общему ее решению, либо к определенному соотношению суждений о состоянии проблемы.

2. Диалектический диалог приводит к росту знаний, к расширению состава компетентных суждений, к расширению круга компетентных лиц.
3. Диалектический диалог предполагает нахождение истинного, правильного или оптимального решения, которое независимо от личных интересов или предпочтений участников диалога.
4. Добросовестность и честность участников диалога в поисках решения являются обязательным условием его успеха.
5. В начале диалога должны быть выяснены и определены предмет и цели дискуссии и состав участников.
6. Диалектическая аргументация основана на правдоподобных положениях. Правдоподобными являются положения, которые рассматриваются как общепринятые, представляются правильными большинству, авторитетным лицам, специалистам.
7. Согласие о предмете диалога достигается выдвижением положений, согласованной постановкой проблемы и формулировкой тезиса. Диалектическим положением является правдоподобный вопрос, выражающий авторитетное мнение и предполагающий противоположный ответ (“если друзьям следует делать добро, то следует ли не делать им зла?”). Диалектической проблемой является мыслительная задача, разрешение которой ведет к установлению истины, к правильным решениям и действиям, к согласию противостоящих позиций или к определению позиции. Диалектическим тезисом называется предположение относительно решения проблемы, которое противопоставляется принятому кем-либо и нуждается в обосновании.
8. Состав и количество участников диалога определяются характером проблемы и составом мнений о ней. В диалоге могут участвовать (1) лица, которые представляют различные позиции; (2) лица, владеющие информацией, – советники, эксперты, свидетели; (3) аудитория, заинтересованная в решении проблемы, если диалог – публичный.
9. После определения предмета, целей и общих условий диалога следует установить конвенцию об аргументации и определить позиции участников.
10. Основой диалектического диалога является конвенция об аргументации; конвенция об аргументации предполагает принятие и однозначное толкование топов определения (род, свойство, приходящее, тождество, признак, имя), правил построения определений, а также признание формальных правил построения и критики умозаключений. Эта конвенция может приниматься по умолчанию, но бывают случаи, когда собеседника приходится спрашивать: “Какие аргументы вы считаете доказательными?”
11. Формулировка диалектической проблемы предполагает наличие позиций (положений или тезисов сторон), которые взаимно отрицают друг друга в смысле, требующем определения.
12. Диалектическая проблема должна быть четко определена и сведена к лемматическому вопросу (или... или... или...).
13. Следует найти, указать и согласовать условия правильности или истинности ответа на лемматические вопросы (т. е. построения условных категорических и разделительных умозаключений применительно к данной проблеме).
14. Диалектическое положение должно быть четко определено и сведено к общему вопросу (является ли...?), на который можно дать обоснованный однозначный ответ (“да” или “нет”).
15. Каждое диалектическое положение или тезис должны получить определенное значение и пониматься однозначно.

16. Для определения значения положений или тезисов следует установить значение терминов в соответствии с правилами определения понятий.
17. Следует установить родо-видовые отношения, присущие и привходящие качества и свойства, признаки терминов.
18. Следует установить условия синонимии, полисемии и антонимии терминов.
19. Чтобы выяснить значение положений, следует определить условия их истинности или ложности, используя противопоставленные им положения (контрарные, контрадикторные, субординированные, субконтрарные).
20. Значение положений и тезисов должно оставаться постоянным в ходе диалога, если стороны не согласились об их изменении.
21. В основной части диалога стороны предлагают обоснование своих позиций и опровержения позиций оппонентов.
22. Планирование диалектического диалога предполагает построение сложного умозаключения (эпихейремы или сорита, в основе которых лежит силлогизм, условно-категорического или индуктивного умозаключения) как линии обоснования положения – основы тактики рассуждения – и нахождение аргументов для обоснования каждой посылки сложного умозаключения, лежащего в основании аргументации.
23. Главная проблема диалога (1) рассматривается на предмет обоснования (2) исходя из основных видов аргументов (этических, рациональных, основанных на структуре реальности, персональных); (3) для каждого из аргументов устанавливается дедуктивная или индуктивная схема применительно к конкретному содержанию проблемы; последовательность аргументации определяется в соответствии с общими правилами ведения диалога исходя из (4) наиболее вероятной последовательности вопросов, которые может предложить собеседник; и (5) оптимальной последовательности рассмотрения проблемы, которая вытекает из найденного (см. правило 22) основного умозаключения диалога.[287]
24. Для каждого положения основного умозаключения следует найти доводы, не только правильные, но и максимально доступные и убедительные для оппонента.
25. Для диалектического диалога не рекомендованы любые формы аргумента к человеку, но возможны аргументы к опыту (т. е. не рекомендуются утверждения типа: “Вы утверждаете то-то, потому что вам это выгодно или потому что вы не понимаете проблему”, но возможны утверждения типа: “Ваш собственный опыт свидетельствует о том-то”).
26. Доводы, которые находятся для каждого положения, следует проанализировать на предмет возможных возражений и предусмотреть как контраргументы на возражения, так и запасные доводы.
27. Диалог может строиться как обоснование позиции каждой из сторон с последующим обсуждением доводов (параллельное обсуждение) или как последовательное выдвижение позиций с разбором и обсуждением каждой из них (последовательное обсуждение). Выбор тактики диалога определяется сложностью проблемы и числом предложенных решений.
28. Параллельное обсуждение предполагает четкое определение альтернатив решения, столкновение и анализ доводов в ходе дискуссии.
29. При определении тактики диалога следует обратить внимание на состав проблемы и разделить ее решение на этапы, формулируя вспомогательные положения.

30. Предпочтительно такое разделение проблемы от более очевидных к менее очевидным для оппонента частям, при котором достигается последовательное согласие. Согласившись с первым аргументом, оппонент легче согласится со вторым и т. д.
31. По завершении каждого этапа аргументации следует побудить оппонента сформулировать свое согласие с выводом.[288]
32. Последовательное обсуждение предполагает выдвижение в ходе обсуждения альтернативных и вспомогательных положений и доводов и достижения согласия относительно вспомогательных положений.
33. Следует отмечать и указывать любое нарушение оппонентом правил ведения диалектического диалога.
34. При опровержении следует помнить о гомерическом правиле аргументации: соединенное оппонентом разделять, разделенное – соединять.
35. Возражая оппоненту, лучше всего использовать принимаемые им топы, положения и ходы аргументации.
36. Каждое высказывание оппонента следует тщательно анализировать на предмет возможных ошибок и софизмов слов, мыслей и содержания.
37. Следует добиваться от оппонента точных формулировок его положений и доводов.
38. Общие положения легче опровергаются контрпримерами.
39. При выдвижении оппонентом положений в виде частных суждений следует побуждать его формулировать их в виде общих суждений, а затем приступить к опровержению.
40. В преимущественном положении находится не тот, кто выдвигает тезис первым, а тот, кто формулирует приемлемое решение последним. Поэтому в диалектическом диалоге предпочтительно предоставить первое слово оппоненту.
41. Возражающий находится в преимущественном положении до тех пор, пока он не сформулировал свой тезис.
42. Как только возражающий сформулировал свой тезис, он становится защищающим, и все использованные им приемы аргументации могут быть обращены против него.
43. Наилучшей тактикой диалектического диалога является такая формулировка проблемы, при которой возможны три позиции, две из которых принадлежат оппонентам: в таком случае ритор выступает в роли возражающего и последовательно присоединяющегося к обоим оппонентам, чтобы в конце диалога предложить свою точку зрения, обосновать которую как оставшийся выход из проблемы будет значительно легче.
44. При завершении диалектического диалога необходима рекапитуляция, то есть обобщенная формулировка решения проблемы, а если общее решение не принято, – формулировка позиции согласия и позиций расхождения, которую принимают все участники обсуждения.

^ V. Полемический диалог

^ Пафос полемического диалога

1. Цель полемического диалога – выиграть спор.

2. В полемическом диалоге участвуют: спорящие стороны (оппоненты) и аудитория.

3. Содержание полемического диалога – утверждение и защита принятой позиции, опровержение и компрометация позиции противника.
4. Задача полемического диалога – привлечение аудитории на свою сторону и отторжение ее от оппонента.
5. Участников полемического диалога объединяют предмет спора и заинтересованность в аудитории.
6. Аудитория является арбитром полемики; выигрывает полемику не тот, кто победил противника в споре, а тот, к кому присоединилась аудитория.
7. Поэтому проигравший полемику будет обязательно, выигравший – не обязательно.
8. Оппоненты в полемическом диалоге противостоят как личности, несущие в себе различные мировоззренческие позиции, присоединение к личности означает и присоединение к мировоззрению.
9. Владение предметом спора, изучение аудитории и оппонента – условие успешного ведения полемики.
10. Полемист должен уметь сохранять спокойствие в любой ситуации спора.
11. Образ полемиста должен быть привлекательным и авторитетным.
12. Полемист должен обладать приятным и громким голосом.
13. Полемист должен быть мужественным, волевым и решительным человеком.
14. Внимание к собственным словам и формулировкам особенно важно в эристическом диалоге.
15. Следует проявлять сдержанность в словах и выражениях, каждое из которых может быть обращено против вас.
16. Хорошая память на факты и на людей обязательна для полемиста.
17. Полемист сообразителен и находчив.
18. Быстрая реакция – важнейшее свойство полемиста.
19. Трезвая самооценка состоит в умении выбрать по силам оппонента и тему спора.
20. Суждения полемиста вытекают из его замысла, а не из высказываний оппонента.
21. Опытный полемист производит впечатление человека, который знает наперед все, что ему будет сказано в возражение.
22. Следует остерегаться пустых споров по всякому поводу: спор компрометирует, а полемист не должен производить впечатление заядлого спорщика.
23. Слово православного полемиста не вызывает таких эмоций, как зависть, ненависть, соревновательность, корыстолюбие, эгоизм, тщеславие, но это не означает, что его слово связано только с положительной эмоцией.
24. Святитель Филарет Московский сказал: “Любите врагов ваших, сокрушайте врагов отечества, гнушайтесь врагами Божиими.”

^ Этнос полемического диалога

1. Честность православного полемиста означает, что его вероисповедная позиция цельна, неизменна и непреклонна: он открыто исповедует веру; но честность означает также предметную и речевую компетентность, духовно-нравственную значимость предмета полемики.
2. Скромность православного полемиста означает, что он свидетельствует не о своих риторических способностях, талантах и знаниях, но об истине христианства.
3. Доброжелательность православного полемиста означает, что он стремится не угодить аудитории, но способствовать ее духовному просвещению; православный полемист ведет повышающую аргументацию.
4. Предусмотрительность православного полемиста означает безупречную добросовестность, последовательность и принципиальность в полемике, использование техники аргументации, которая этически совместима с предметом спора и не ведет к компрометации идей, которые он отстаивает.
5. Уверенность в своей правоте и в своих силах – обязательное качество ратора-полемиста.
6. Ритор должен быть готов пострадать за правду.
7. Стиль и содержание речи, манера поведения, общие места и характер доводов, применяемые полемистом, должны сблизать его с аудиторией, для которой ритор должен быть своим, а не чужим.
8. Аудитория чувствует и признает компетентность и авторитет полемиста, образ которого в глазах аудитории можно сформулировать так: “Он такой же, как мы – один из нас, он стремится к нашему благу и ему можно верить, но он знает и умеет больше нас, он всегда знает что делать, поэтому он человек, за которым можно следовать без опасения.”
9. Нормативно допустимые границы полемической аргументации – уголовно наказуемые слова и поступки; реальные границы эристической аргументации – этические нормы аудитории.
10. В некоторых ситуациях полемики выигрыш спора означает проигрыш в глазах аудитории.
11. Хороший полемист чувствует психологию противника и аудитории и владеет техникой аргументации так, что может просчитать собственные ходы и ходы противника.

^ Логос полемического диалога

1. Полемист должен в совершенстве владеть языком, на котором ведется спор; спектр речевых средств, которые он использует, должен быть широким и разнообразным.
2. Полемист должен в совершенстве владеть речевой интонацией, уметь варьировать темп, паузацию, громкость речи и тембр голоса.
3. Сообщать информацию следует с большой осторожностью.
4. Умение ставить вопросы имеет большое значение: полемист ставит противнику такие вопросы, которые поставила бы аудитория, если бы умела; противник, принужденный отвечать на вопросы, чувствует себя в зависимости и в опасности. Иногда эристический диалог выигрывается одной постановкой вопросов.
5. Сильными являются те доводы, которые считает сильными аудитория.
6. Сильными являются те доводы, которые ставят в тупик противника.
7. Сильными являются те доводы, которые побуждают противника оправдываться.

8. В эристической аргументации число доводов определяется составом аудитории: каждая часть аудитории должна услышать те доводы, к которым она готова присоединиться.
9. Основные доводы должны быть рассчитаны на наиболее влиятельную часть аудитории.
10. Не следует приводить доводы и делать высказывания, которые оскорбляют верования или нравственное чувство аудитории.
11. Следует остерегаться доводов, которые могут показаться циничными или связанными с личными интересами ратора.
12. Организация эристического диалога в современных условиях (и в классической практике) предполагает использование различных фактур речи и видов словесности: наступление на полемического противника может производиться в массовой информации, в печати, в деловой речи, в различных видах устного общения.
13. Проведение полемической кампании позволяет подготовить и сформировать общественное мнение и группы поддержки, а аргументацию к каждому типу или группе аудитории – подтвердить ссылкой на аргументацию в другой группе или на общественное мнение.
14. Полемика с разных сторон деморализует оппонента, который не знает, откуда будет нанесен следующий удар.
15. Наиболее чувствительны полемические удары изнутри группировки оппонента.
16. Неоценимую роль в полемике играют свидетельства бывших сторонников оппонента.
17. Следует быть готовым к тому, что в реальной эристической аргументации оппонентом будут использованы любые приемы, которые он сочтет эффективными.
18. Формулировка положения, которое полемист выдвигает и защищает, должна быть понятной, воспроизводимой и привлекательной.
19. Предложения полемиста должны быть актуальными, реалистичными и оптимистичными.
20. Предложения и аргументы должны повышать самосознание аудитории и внушать ей уверенность в своих силах.
21. Сколь бы опасной или неприятной ни была ситуация, о которой идет речь, полемист видит возможность успешного решения проблемы.
22. В эристической аргументации используются все виды аргументов: к реальности, к разуму, к норме, к опыту, но наибольшее значение имеют обычно аргументы к авторитету, к человеку, к реальности, к личности, из рациональных аргументов наиболее сильными оказываются прагматический аргумент в его различных формах и аргумент к невыносимости (“так жить нельзя, что угодно лучше нынешнего положения”); наименее сильными являются сложные аргументы, предполагающие компетентную оценку высказываний. Так, чтобы убедить аудиторию в том, что Земля вращается вокруг Солнца, лучше указать на великого ученого Галилея, чем приводить математические выкладки, которые доказательны, но неубедительны.
23. Сильными аргументами являются факты, которыми не владеет оппонент и которые ему неизвестны, но которые аудитория склонна рассматривать как правдоподобные и желательные.
24. Сообщаемые факты должны быть привлекательны для аудитории и свидетельствовать о ее высоком достоинстве.

25. Сообщая отрицательные факты, полемист стремится не возлагать на аудиторию ответственность за них.
26. Сообщая положительные факты, полемист стремится поставить их в заслугу аудитории.
27. Полемист стремится перенести спор в ту предметную область, которой владеет он и которой не владеет его полемический противник. Но эта предметная область должна быть интересной и актуальной для аудитории.
28. Опровержение противника начинается с компрометации пафоса, который выставляется в смешном виде, либо представляется лицемерным или неуместным в зависимости от полемической задачи.
29. Затем полемист переходит к логосу, показывая недостатки речи и софизмы аргументации противника.
30. Завершающей частью полемики является опровержение этоса противника: свойства оппонента, противоположные ораторским нравам, представляются как нравственная причина принятой им позиции.
31. Опровержение этоса не должно иметь характер прямого называния свойств конкретного лица, противоположных ораторским нравам, но может указывать на них.
32. В реальной полемике применяются приемы эристической диалектики, которыми нужно владеть.
33. К ловушкам относится группа эристических приемов, основанных на выведении аргументов против оппонента из слов или действий самого оппонента.
34. Использование лемматических умозаключений в деструктивном модусе.
35. Использование аргумента к человеку, например, связывание позиции оппонента с его интересами или истинными намерениями, использование прежде сказанных слов или совершенных действий оппонента как несовместимых с его нынешними словами и выведение отсюда суждения о его недобросовестных намерениях или беспринципности.
36. Использование неудачных формулировок и выражений противника в нужном смысле.
37. Столкновение противников и использование суждений одних против суждений других.
38. Компрометация источников информации оппонента.
39. Инсинуацией называется узкий и извилистый проход, вкрадчивость, заискивание; как риторический термин инсинуация означает приемы расположения к себе аудитории и, соответственно, отвращения аудитории от оппонента.
40. Прямое противопоставление оппонента аудитории: “Такие достойные люди, как вы, не могут принять это мнение”; “Интеллигентный человек не может быть националистом.”
41. Противопоставление оппонента аудитории использованием общего места: “Все нравственные люди считают...”; “Безнравственные люди говорят или поступают так-то...”; “Такое-то учение отражает реальные интересы криминальных структур...”; “Современная наука признает эволюцию как несомненный факт...”; “Объективный наблюдатель видит...”; “Станете ли вы утверждать это в присутствии вашей матери?” и пр.
42. Наклеивание ярлыка, то есть связывание слов оппонента с позицией или словами одиозной фигуры или учения: “То, что вы утверждаете (далее идет формулировка), – фашизм.”

43. Противопоставление оппонента аудитории и объединение с ней использованием аналогии местоимений и глагольных форм: “мы” – “они.”
44. Использование заимствований от лица аудитории, авторитетного для нее человека или учения: “Наши отцы и деды ответили бы вам то-то и то-то.”
45. Использование суггестивной техники, создающей образ оппонента: постоянное употребление рядом, но без явной грамматической и смысловой связи, слов или выражений, характеризующих оппонента, и слов с резко отрицательным для аудитории значением, например, слова “вор” и имени оппонента в расположенных близко и даже сходных синтаксически предложениях.
46. Прямая апелляция к аудитории: “Посмотрите на этого человека: на ваших глазах он совершает то-то и то-то...”
47. Использование прямой характеристики оппонента: “Этот человек известный лжец.”
48. Использование против полемического противника свидетелей или обвинителей из его аудитории – самое сильное средство.
49. Формирование в аудитории групп поддержки.
50. Использование независимой экспертизы предложений полемического противника.
51. Утверждение собственного авторитета: “Мы всегда говорили...”, “Вы знаете меня как защитника ваших интересов...”
52. Провокацией называется намеренное побуждение оппонента совершить действия или высказаться в невыгодном для него смысле с последующим использованием этих слов или действий: “На воре шапка горит!” – вор хватается за шапку.
53. Прямой провокационный вопрос или побуждение: “Вы считаете нас преступниками?”; “Так вы отрицаете нравственность?”; “Продолжайте отрицать нравственные устои общества, и оно, наконец, увидит, что вы собой представляете на деле. Как вы оправдаетесь?”
54. Провоцирующее заявление, которое представляет собой побуждение к действию с последующей оценкой этого действия.
55. Использование фигуры ответственности от лица оппонента: “Наши оппоненты утверждают...” и далее идут слова, которые вкладываются в уста оппонента; а в завершение может следовать вопрос к оппоненту, который предполагает его самооправдание – “Он оправдывается, значит, виноват” с последующим развитием темы. Это сильный полемический прием, парирование которого весьма затруднительно.
56. Реверсией высказываний и аргументов называется обращение против оппонента его обвинений или суждений (“сам такой”) вместо ответа на них по существу: “Я принял бы предложение персов, если бы был Александром” – “Я бы также принял, если бы был Парменионом.”
57. К реверсии относится аргумент к незнанию: “Если вы утверждаете, что наши идеи плохи, сделайте лучше, чем мы, или приведите более убедительные доводы.”
58. К приемам деморализации относится воздействие на оппонента словом, разрушающее его способность вести полемику.
59. Угрозы: “Если вы будете настаивать на вашем мнении, вас ждут неприятности...”
60. Вызовы: “Попробуйте доказать ваш тезис и вы сами увидите, что он несостоятелен.”

61. Упреждение вывода: “Я не хочу загонять вас в угол, потому что следующий мой довод добьет вас окончательно.”
62. Аргумент к состоянию оппонента в различных формах: “Вы согласились бы со мной, если бы не положение, которое вы занимаете”; “Вы были бы более последовательным, если бы не ваш страх перед прямой дискуссией”; “Ваш вид показывает, что вы не уверены в своих силах.”
63. Аргумент к позиции оппонента: “Вы не поняли моих слов”; “Вы не изучили вопрос по существу.”
64. Аргументы к собственному авторитету: “Поживите с мое – узнаете...”; “Я, профессор, не понимаю, что вы говорите...”
65. Подавление оппонента голосом, взглядом, техникой речи, ироническим тоном и видом, насмешкой, интонацией.
66. Сбивающие вопросы и реплики во время речи оппонента: “Говорите по существу вопроса”; “А что такое гамбургский счет?”
67. Прямая обструкция речи оппонента: топот ног, крики из зала, аплодисменты, свист, вывешивание плакатов, организованные разговоры в зале во время речи, распространение во время выступления листовок и пр.
68. Подавление противника многоречием.
69. К подстановкам относятся полемические приемы, искажающие смысл слов оппонента и вводящие аудиторию в заблуждение относительно высказываний или намерений оппонента.
70. Подмена общего места (“Вам выгодно говорить о нравственности”): “Что ж, радуйтесь о прибыли, копите вы золото индийское, янтарь из дальних Сард, но знайте: Полиника убитого я не предаю земле....”[289]
71. Перенесение ответственности: “Виноват не А, который ударил, а Б, который вел себя вызывающе.”
72. Фигура незнания: “Мы не имеем достаточной информации, чтобы судить об этом.”
73. Фигура умолчания, то есть игнорирование высказываний оппонента.
74. Фигура общего мнения: “Об этом никто ничего не знает”; “Это неправдоподобно”; “Народ вас не поймет.”
75. Фигура отвержения: “Это не аргумент”, “Это тривиально”, “Этот довод приводили тысячу раз.”
76. Отказ от ответа: “На подобные слова я не отвечаю.”
77. Подмена говорящего: “Это слова такого-то, а не ваши.”
78. Подмена высказывания или его смысла: например, изображение патриотизма как шовинизма; “Я это давно говорил...”; “Я этого не утверждал, вы меня не поняли”; “Прежде вы говорили иначе...”; “Вы всегда утверждали то-то и то-то...”
79. Подмена модальности: “Вы мне приказываете!”; “Это администрирование!”
80. Обычные софизмы слов и мыслей.

^ VI. Диалог в управлении.[290]

^ Общие правила

1. Продолжение речи в одной фактуре снижает ее информационную ценность.
2. Необоснованное расширение аудитории в одном виде словесности снижает информационную ценность речи.
3. Недостаточность знаний и речевой компетентности аудитории снижают информационную ценность речи.
4. Чем ниже компетентность аудитории, тем легче она принимает и одобряет новые идеи.
5. Неуместность диалога в отношении к целям и интересам аудитории уничтожает информационную ценность речи.
6. Развитие диалога по одному предмету в различных фактурах речи и видах словесности повышает информационную ценность речи.
7. Развитие диалога по делу предполагает различие мнений и модальности (отношения к предмету речи) высказываний.
8. Чем выше степень компетентности и опыта участников диалога в проекте определенного рода, тем выше их сопротивление новым идеям или проектам того же рода.
9. Принятие кругом компетентных специалистов новых идей зависит от положительного воздействия на них общественного мнения и заинтересованных в проекте сил.
10. Обсуждение и реализация новых идей предполагает их общее одобрение компетентными специалистами и перенесение обсуждения в новую аудиторию и в новые виды словесности.

^ Совещательный и командный диалог

1. Руководитель, ведущий и организующий диалог: (1) создает замысел – определяет цели и задачи проекта, сроки и способы его реализации; (2) собирает совещание сотрудников и подбирает исполнителей; (3) ставит перед ними конструктивные задачи, определяя последовательность и сроки их исполнения; (3) собирает совещания на каждом этапе работы и выслушивает доклады исполнителей, корректируя как работу каждого из них, так и их совместные действия; (4) разбирает и оценивает принятые решения и ход реализации проекта. Это значит, что руководитель непрерывно ведет диалог с сотрудниками.
2. Основа планирования управляющего диалога состоит в правильном определении сроков вершения дела – достижения и обсуждения конечных и промежуточных результатов.
3. Сроки вершения дела определяются исходя из содержания проекта; состава и возможностей исполнителей, их сработанности; состояния и характера функционирования каналов информации, связывающих всю организацию в систему.
4. Источником изобретения новой идеи обычно является удачная метафора.
5. Наименование проекта содержательно связано с метафорой, лежащей в его основе, и имеет принципиальное значение для успеха его реализации.
6. Идеи выдвигаются и реализуются конкретными людьми, перспективной является идея, которая может быть эффективно обоснована и реализована в ходе диалога, поэтому отбор продуктивных идей и решений есть отбор риториков.
7. Подбор и взаимное соответствие исполнителей играют решающую роль в реализации проекта.

8. Каждый проект предполагает свой состав и группировку участников и исполнителей.
9. Количество ответственных исполнителей (и, соответственно, составляющих проекта) не должно превышать количества пальцев на руке руководителя.
10. Риторическое изобретение в деловом проекте предполагает анализ внутренней и внешней среды управления, их гармонизацию и целенаправленное изменение.
11. Состав исполнителей проекта подразделяется на три основные группы: (1) менеджеров, (2) консультантов-экспертов, (3) связей с общественностью.
12. Группа менеджеров действует в среде управления (в рамках организации), участвует в принятии решений – в выработке и корректировке проекта, но не ведет диалог во внешней среде; группа консультантов действует вне среды управления и участвует в принятии решений, но не участвует в работе организации; группа связей с общественностью действует в среде управления и вне среды управления, но не принимает участия в принятии решений.
13. Реализация проекта предполагает речевые действия во всех основных фактурах речи (устная, письменная, печатная речь, массовая коммуникация).
14. При реализации проекта используются только необходимые виды словесности.
15. В управляющем диалоге используются устные и графические виды информации.[291] Умение правильно строить и анализировать графические документы является главным показателем культуры делового общения.
16. Графические документы соединяются, то есть осмысливаются и оцениваются посредством устной речи. Всякий графический документ, используемый в совещании, должен быть интерпретирован в ходе устного диалога.
17. Устная речь, связанная с графическими документами, должна быть правильной, точной, ясной, лаконичной, предметной.
18. Всякое новое высказывание в диалоге встречает речевое сопротивление безотносительно к тому, насколько оно совместимо с интересами и целями других участников диалога.
19. Дебатированием называется обмен устными высказываниями в управляющем диалоге, приводящий к принятию решения.
20. Каждое высказывание в управляющем устном диалоге должно непосредственно относиться к делу, учитывать предшествующие высказывания и способствовать развитию диалога.
21. Участники совещания являются одновременно ответственными исполнителями частей проекта.
22. В ходе дебатирования проекта применяется восходящая по степени старшинства участников (авторитетности, ответственности, уровня полномочий, званий) очередность высказываний: старшие не должны мешать младшим высказывать свои суждения. Нарушение этого правила приводит к стагнации деятельности.
23. Речь каждого участника совещания протоколируется; каждое мнение фиксируется, обсуждается и авторизуется.
24. После завершения проекта суждения по делу каждого из участников совещания анализируются; те суждения, которые привели или могли бы привести к лучшему решению дела, дают основание для повышения в должности их авторов.

25. Руководитель проекта формулирует решение лично, не прибегая к голосованию и не добиваясь единого мнения участников совещания.
26. Желательно, но не обязательно, чтобы решение руководителя было обосновано приемлемыми для участников совещания и исполнителей аргументами.
27. Каждому ответственному исполнителю должна быть поставлена четкая и определенная задача с указанием сроков и этапов исполнения.
28. Такие конкретные задачи должны быть обоснованы руководителем и согласованы с исполнителями.
29. Принятые решения не обсуждаются и являются обязательными к исполнению.
30. Контроль за исполнением решений осуществляется постоянно путем анализа отчетной документации, личных бесед с ответственными исполнителями и персоналом, анализа внешней информации о ходе дел.
31. Совещание должно быть конфиденциальным, ответственность за конфиденциальность совещания несет каждый из его участников.
32. Периодичность и глубина контроля определяются степенью сложности заданий и личными качествами ответственных исполнителей.
33. По завершении каждого этапа реализации проекта следует провести совещание с оценкой результатов, корректировкой и определением конкретных общих и индивидуальных задач.
34. В ходе делового диалога руководитель контролирует правильность и корректность высказываний с точки зрения этики, логики и пафоса речи и постоянно стремится к повышению речевой и деловой компетентности сотрудников.
33. По завершении проекта обязательны отдельные беседы с каждым из ответственных исполнителей, а затем общее совещание с разбором и оценкой действий всех его участников и подведение итогов.

^а Приведенные выше сведения не исчерпывают весь арсенал риторических средств монологической и диалогической речи, и их ни в коем случае не следует рассматривать (в особенности это касается эристических приемов) как наставления. Правила, рекомендации и констатации фактов речи и приемов аргументации полезно лишь учитывать, рассматривая их, подобно предупреждающим знакам уличного движения, как указание на возможные опасности и затруднения, но и на возможные решения.

В этой главе нет оценок приемов аргументации – пусть эти оценки сделает сам читатель, – важным представляется предупредить о тех трудностях, с которыми ритор может столкнуться в своей практике.

^ Хрестоматия текстов

^ Тема 1. Проблема, предмет и тема речи

Академическая речь

^ Текст 1. Святитель Филарет митрополит Московский и Коломенский

Слово в день свершившегося столетия

МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

(Говорено в церкви св. мученицы Татианы января 12 1855 года).

Обитель высших учений празднует ныне день своего рождения, и притом с особенной торжественностью, потому что это сотый день ее рождения. Воспоминания своей столетней жизни, конечно, достопамятные, она возвестит собственными устами, в которых не имеет недостатка. Мне должно пред нею быть в том положении, в которое меня поставили преемники учеников Учителя рыбарей и скинотворцев, избравшего немудрое мира, чтобы посрамить мудрых (1 Кор.1:27). Отсюда смотрю, как начинается свой праздник обитель высших учений: и что вижу? – С благоговением приводит она и наставников, и наставляемых пред лице Учителя, Который провозгласил Себя единственным Учителем, и, следовательно, всех человеческих учителей низвел в разряд учеников, и, однако, чрез сие не преувеличил Своего достоинства и не оскорбил их достоинства. Один у вас Учитель – Христос (Мф. 23:8). Итак, вы делом исповедуете, что Христос есть Божия премудрость поучающая и Он же есть предмет поучающей премудрости – истина: что Господь дает мудрость наставляющим, из уст Его – знание и разум в наставляемых (Притч. 2:6).

Взирая на сие с утешением и призывая свыше умам и сердцам наставников и наставляемых внутренне озаряющий свет Христов, надеюсь найти открытый слух, если прочитаю некие слова из святой учебной книги Божественного Учителя, которая одна удовлетворила некогда Иустина Философа после всех философских мудрований и которой, после приобретения славы афинской учености, отдали себя в руки Василий Великий и Григорий Богослов.

Я на то родился и на то пришел в мир, чтобы свидетельствовать о истине (Ин. 18:37). Если пребудете в слове Моем, то вы истинно Мои ученики, и познаете истину (Ин. 8:31–32). Я есмь путь и истина и жизнь (Ин. 14:6). Это суть собственные слова Небесного Учителя. Ревнителям знания, просвещения, мудрости, следовательно, ревнителям истины не радостно ли видеть, какую высокую важность дает Он истине и как сильно побуждает к исканию и уразумению ее.

Бог Слово сходит с неба, одеваясь светом яко ризою, отлагает одежду славы, облачается в одежду нищеты в естество человеческое, приходит в мир, добровольно идет навстречу пререканиям, лишениям, бедствиям, гонениям, несправедному осуждению, многострадальной смерти. Для чего столько необычайностей, столько без меры усиленных подвигов? Он отвечает: Да свидетельствую истину. Видно, истина нужна миру, видно, нужно чрезвычайное о ней свидетельство, видно, не была бы она достойно и удовлетворительно засвидетельствована, если бы не свидетельствовал о ней воплощенный Бог-Слово.

Истина есть одна из естественных и существенных потребностей духа человеческого.

Божественное откровение говорит в глубоком значении, что слово Божие, или истина Божия, есть хлеб жизни. не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих (Мф. 4:4). Подобно и естественный разум, хотя не в таком глубоком разумении, может сказать, что истина есть жизненная пища духа человеческого. Уничтожьте истину, в уме останется пустота, голод, жажда, томление, мука, если только он не в омертвлении или не в обмороке от крайнего невежества. Если вздумаете питать его образами воображения, имеющими преходящий блеск, но не заключающими в себе твердой истины, ему вскоре наскучит черпать воду бездонным сосудом, и жажда его останется неутолимой, и мука неисцельной.

Что значит любопытство детей, их желание о всем спросить и все узнать? Это естественная жажда истины, еще не знающая определительно, чего жаждет, и потому стремящаяся поглотить, что только можно.

Чего ищет судья в законе и в судебном деле? – Истины. Если бы вы могли уверить его, что он не найдет истины, вы уничтожили бы закон и правосудие.

Чего ищет наука в неизмеримом пространстве вселенной и в тайных хранилищах природы человеческой? – Истины. Утвердите, что нельзя найти ее, вы поразите науку смертельным ударом.

Но можно ли действительно находить истину? – должно думать, что можно, если ум без нее не может жить, а он, кажется, живет, и, конечно, не хочет признать себя лишенным жизни.

Были люди, которые хотели доказать, что истина недоступна познанию человеческому. Но что значит доказать? – Значит, истину, скрывающуюся во мраке неизвестности или во мгле сомнений, вывести на свет, посредством одной или нескольких истин, ясно познанных и несомненно признанных. Итак, истина существует прежде доказательств, уже присутствует при их рождении и смеется над теми, которые хотят доказать ее отсутствие или несуществование, но для сего принуждены ее же призвать на помощь.

От любомудрия новейшего времени можно услышать, что ограниченное, многочастное, условное, относительное, чувственно являемое, изменяющееся, преходящее не представляет совершенной истины, что коренная и совершенная истина должна быть найдена в непреходящем, в неизменяемом, в умосозерцаемом, в отрешенном, в безусловном, в единичном, в бесконечном. В сих словах нечто слышится о истине, но не слишком ли мало в них ясности? Многие ли удобно и верно понимают каждое из них? Но разве истина только для немногих мучителей собственного ума, а не для всего человечества? И неужели к началу света надобно идти непременно темным путем? Менее ли удовлетворительно и не более ли понятно для всех, если скажем, что корень и основание истины, средоточие истин, солнце мысленного мира есть чистое умопредставление, или по-вашему идея Бога, Творца, Вседержителя, и что сия истина весьма доступна познанию всех человеков, ибо, что можно знать о Боге, явно для них, потому что Бог явил им. Ибо невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира через рассматривание творений видимы, так что они безответны (Рим. 1:19–20).

В слух столицы язычества, в слух народов и мудрецов языческих сказал апостол Павел, что разумное Божие яве есть в них. Так он был уверен, что против сей истины не может быть основательного возражения. И вслед за сим он же, не опасаясь быть в противоречии с самим собой, сказал, что сии самые люди, для которых они заменили истину Божию ложью, и поклонялись, и служили твари вместо Творца, Который благословен во веки (25). И на сие очевидны доказательством также имел он пред собой целый мир языческий и опыты веков и тысячелетий.

После сего извольте усмотреть, ревнители истины, в каком положении находится человечество в отношении к истине. Истина так необходима ему, как пища, истина доступна его познанию, и между тем целый мир в продолжении веков и тысячелетий не умел найти и привести в действие первую, коренную, преимущественно необходимую, яве поставленную истину. Не несчастно ли человечество, не умея познать истину, преимущественно необходимую и спасительную? И еще не виновно ли оно пред Богом, не приняв истины, которую Бог явил есть? Что же далее, по естественному последствию предыдущего и вместе по правосудию Божию? – Неразрешимая мгла сомнений? Блуждание во мраке неизвестности или вслед за обманчивыми призраками? Голодная смерть духа и, по кратковременной призрачной жизни, погибель всего человека? – Такова точно была и была бы навсегда судьба человечества, если бы Бог, Который познавательное о Себе явил человекам посредством естества сотворенных вещей, по преизбытку милосердия, не явил Себя вновь посредством Своего воплощенного Слова, Своего Единородного Сына, Господа нашего Иисуса Христа.

Так определяется значение и открывается сила изречений Христа Спасителя, что Он на то родился и на то пришел в мир, чтобы свидетельствовать о истине (Ин. 18:37); что только пребывающие в словеси Его имеют надежду уразуметь истину; что он Сам есть истина и путь к истине и жизни. Благодать же и истина произошли чрез Иисуса Христа. (Ин. 1:17), говорит возлюбленный ученик Его. Почему же благодать, и потом истина? – Потому, что человек не только не знал истины, но и был виновен в неприятии истины, и за то недостоин ее нового откровения, и потому потребна была благодать, преизбыточествующая милость, чтобы удостоить его нового и высшего откровения истины. Какого откровения истины? – Тот же возлюбленный ученик объясняет: Бога не видел никто никогда; Единородный Сын, сущий в недре Отчем, Он явил (18), – исповедал Бога, не только как Творца и Вседержителя, но, что особенно и дивно, и вожделенно, как Отца милующего, любящего и спасающего. Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную. (Ин. 3:16).

Не скажет ли кто-нибудь: это истина Божия, предоставляем ее богословам, нам предлежит подвиг о истине естественной, полезной для человека и для общества человеческого? – А мне, братия, предлежит забота и подвиг о том, что вы не отстраняли от себя истины Божией. Для чего хотят рассекать истину? Рассекать значит убивать. Нет жизни без единства. Неужели думают, что истина Божия и Христова есть нечто постороннее для истины естественной, полезной человеку и обществу человеческому, и что последняя так же может жить без первой, как и в соединении с ней? – Посмотрите на народы и на общества человеческие христианские и нехристианские. Не там ли ясно светит истина естественная: естествоиспытательная, умственная, нравственная, созидательная, благоустроительная и благоукрасительная для человеческих обществ, где сияет солнце истины Божией и Христовой? Не ночь ли покрывает естественные способности и жизнь народов, над которыми не взошло благодатное солнце истины Божией и Христовой? Исторгните солнце из мира, что будет с миром? Исторгните сердце из тела, что будет с телом? Надобно ли сказывать? Исторгните истину Божию и Христову из человечества, с ним будет то же, что с телом без сердца, что с миром без солнца.

Но я по призванию любомудр и естествоиспытатель, какое же должно быть мое отношение к истине Откровения? – Не мечтай, что ты можешь создать мудрость, помышляй лучше, что мудрость может прийти и пересоздать тебя, и когда с Соломоном найдешь, что во множестве самодельной, неудовлетворяющей мудрости безумие и глупость и только томление духа (Еккл. 1:17–18), тогда не стыдись и не медли исповедать и твоему естественному любомудрию призвать на помощь Того, в Котором сокрыты все сокровища премудрости и ведения (Кол. 2:3), Который сделался для нас премудростью от Бога, праведностью и освящением и искуплением (1 Кор. 1:30).

Я изыскатель истины бытописаний человеческих, чем я должен истине Божией? – Не попусти себе тупым взором видеть в бытиях человечества только нестройную игру случаев и борьбу страстей или слепую судьбу, изощри свое око и примечай следы провидения Божия, премудрого, благого и праведного. Остерегись, чтобы не впасть в языческое баснословие, доверчиво следуя тем, которые в глубине древности мира указывают так называемые ими доисторические времена. У язычников басня поглотила истину древних событий, мы имеем истинную Книгу Бытия, в которой нить бытия человеческого начинается от Бога и первого человека и не прерывается, доколе, наконец, входит в широкую ткань разнородных преданий и бытописаний.

Я исследователь звезд, планет и их законов, чего требует от меня истина Божия? – Ты очень искусно возвысил пронизательность твоего зрения, чтобы видеть в небесах невидимое простому оку, потщись возвысить также искусно пронизательность твоего слуха, чтобы ты мог ясно слышать и возвестить другим, как небеса поведают славу Божию. Указую тебе для примера на одного из подвижников твоего поприща. Когда он усмотрел, что одна, долго наблюдаемая звезда, в продолжение наблюдений переменила свой сребровидный свет в вид раскаленного угля и потом исчезла, он заключил, что с ней свершилось подобное тому, что предречено о нашей земле: земля и все дела на ней сгорят (2 Пет. 3:10), И потому сказал: слава Богу! Пред нашими глазами новое свидетельство того, что миру предстоит конец, что, следовательно, он имел начало, что есть Бог Творец мира и владыка судеб его.

Я любитель и возделыватель изящного слова, должен ли и я свободу и красоту слова поработить строгости высшей истины? – Рассуди, велико ли будет достоинство твоего дела, если красивые цветы твоего слова окажутся бесплодным пустоцветом? Не лучше ли, чтобы в них скрыто было плодотворное семя назидательной истины и чтобы они издавали благоухание нравственной чистоты?

Все мы, христиане, и любомудрствующие, и в простоте смиренномудрствующие, да не забываем никогда, что Христос есть не только истина, но и жизнь. В Своем слове и в Своем примере Он сделался для нас путем, чтобы привести нас к истине и через истину к истинной жизни. Кто думает обеспечить себя достижением некоторого познания истины Христовой и недостаточно старается обратить ее в действительную жизнь по учению и примеру Христову, тот самой истиной обманывает себя и подвергает себя опасности умереть на пути и никогда не достигнуть истинной, вечной, блаженной жизни со Христом в Боге. – Тако тецьте, да постигнете. Путем истины стремитесь к истинной жизни.

Так теки царским путем, царская обитель знаний, от твоего первого века в твой второй век. Оглянувшись на достигнутые успехи, благодари Бога и поревнуй достигнуть больших. Не прикрывай лестью неразлучных с делами человеческими несовершенств, но в беспристрастном их признании найди наставление и побуждение к усовершенсиям. Распространяй не поверхностное образование, но просвещение, проникающее от ума до сердца, и да будет плодом знания добродетель и истинное благо, частное и общее. Подвизайся образовать подвижников истины и правды, веры и верности к Богу, царю и Отечеству, которые бы жили истиной и правдой, и готовы были за них пожертвовать жизнью. Ибо истина, когда за нее умирают, бывает особенно животворна. Аминь.[292]

^ Задания к тексту

Внимательно прочитайте текст про себя и вслух.

Главное положение речи: "... вы (Московский университет) делом исповедуете, что Христос есть Божия премудрость поучающая и Он же есть предмет поучающей премудрости – истина: что Господь дает премудрость наставляющим, и от лица Его познание и разум в наставляемых" (Притч. 2:6). Сформулируйте это положение своими словами и, учитывая требования к главному положению речи, указанные в теоретическом разделе, объясните вашу формулировку.

Используя материалы речи, укажите примерный объем аудитории и ее конфессиональный, возрастной, социальный, профессиональный состав. Назовите иерархов Церкви, известных ученых, писателей, государственных и общественных деятелей, которые могли слышать эту речь. Дайте описание обстановки, в которой произнесена речь, и аудитории, к которой обращается святитель Филарет.

Охарактеризуйте культурно-историческую обстановку и исторические события времени произнесения речи.

Укажите проблему речи. Назовите и охарактеризуйте основные направления религиозной, философской, общественно-политической, научной, художественной мысли времени, которые имеет в виду и с которыми полемизирует святитель Филарет.

Охарактеризуйте пафос речи: внимательно прочитайте завершение речи; укажите предмет речи и основные черты замысла; назовите эмоции, которые святитель Филарет стремится пробудить в аудитории.

Охарактеризуйте логос речи: найдите в тексте места, где святитель Филарет (1) распространяет и объясняет главную мысль своей речи; (2) где он указывает причину, почему она правильна; (3) где он показывает, что противное мнение неверно или приводит к отрицательным последствиям; (4) где он приводит примеры в подтверждение выдвигаемых положений; (5) где он пользуется сравнениями и аналогиями для подтверждения своих мыслей; (6) где он подтверждает свои мысли свидетельством Священного Писания, авторитетных ученых, выводов науки, нравственного опыта человека; (7) где он обобщает смысл сказанного и делает общее заключение речи.

Охарактеризуйте этос речи: найдите в речи места, где святитель Филарет непосредственно обращается к аудитории или ее частям, где он показывает свое отношение к аудитории, где он говорит с точки зрения тех, к кому обращается; найдите в тексте местоимения, посредством которых святитель Филарет указывает на себя, на слушающих, на третьих лиц; используя текст речи, объясните, где и в чем проявляются честность, скромность, доброжелательность и предусмотрительность ратора.

Организуя исполнение речи в классе: читающий речь вслух стремится убедить слушающих в правильности ее идей, а слушающие конспектируют речь и, пользуясь конспектами, произносят краткие (3–4 минуты) речи аналогичного содержания.

Используя основные приемы и построение речи святителя Филарета, подготовьте и произнесите краткую приветственную речь, например, по случаю юбилея учебного заведения или нового учебного года.

^ Текст 2. Амвросий (Ключарев), архиепископ Харьковский
Речь к воспитанника

ХАРЬКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ

(в день храмового праздника св. апостола и евангелиста Иоанна Богослова в 1883 году).

Любезные юноши!

Помолившись вместе с вами и о вас, мне желательно оставить вам на память и добрый совет относительно вашего воспитания.

В воспитании самое трудное дело – направление свободы человеческой. С нею часто, особенно в наше время, не могут справиться воспитатели при руководстве своих воспитанников; гибнут и сами воспитанники при неумении владеть ею. Очевидно, здесь главная часть задачи принадлежит самим воспитанникам: что может сделать воспитатель для блага человека, который имеет свободу не принять этого блага? Итак, какие же условия находятся в ваших собственных руках для правильного развития вашей свободы, от которого зависит ваше будущее – на Земле и в Вечности?

Во-первых, требуется с вашей стороны должное внимание и уважение к самой свободе вашей как неоценимому дару Божию, которым на Земле обладает один человек и которым нельзя злоупотреблять безнаказанно. Поэтому берегитесь быстро решаться на что бы то ни было, – в чем часто погрешает юность, – а привыкайте зрело обдумывать каждый шаг свой. Моисей, повторивши израильскому народу пред вступлением в Землю обетованную Закон Божий, сказал: “Жизнь и смерть предложил я тебе, благословение и проклятие. Избери жизнь, дабы жил ты и потомство твое” (Втор. 30:19). Избери, значит, подумай, осмотри пути, которые подлежат твоему избранию, и вступай на тот, который ведет к жизни, а не к смерти.

Трудно и для зрелого человека в каждом частном случае с уверенностью определить, к какому исходу ведет то или другое решение; тем более это трудно для молодости. Но Господь, даровавший свободу человеку при сотворении его и восстанавливающий ее после его падения, указал путь жизни в виде общего закона, или начала, из которого при нашем размышлении должно исходить определение каждого частного случая нашей жизни. В чем же состоит этот закон? “Чтобы ты любил, – продолжает Моисей в указанном нами наставлении, – Господа Бога твоего, слушал глас Его и прилеплялся к Нему; ибо в этом жизнь твоя и долгота дней твоих” (20). Итак, второе условие правильного направления нашей свободы есть тщательное определение, – согласно ли принимаемое нами решение с волею Божией. А так как не на всякий отдельный, более или менее важный, случай нашей жизни тотчас можно найти ясное указание в Законе Божием, то Моисей и говорит: “прилепляйся к Нему”, то есть входи во внутреннее общение с Богом молитвою, сердечным желанием, любовью, и Он скажет волю Свою в твоем сердце и совести и укажет путь жизни. Берегись, юноша, необдуманно поддаваться ныне обычным, шумным движениям и порывам легкомысленных сверстников, кто бы они ни были, столь же неопытных, как и сам ты; не отдавай никому своей свободы, за которую ты один отвечаешь; а в трудных обстоятельствах уединись, призови в сердце своем единого непогрешительного советника – Господа Бога твоего, и Он вразумит тебя, как поступить и кого держаться. Одно это движение души к общению с Богом мгновенно освободит твое воображение и сердце от обольщения и твой разум от увлечения; все силы души твоей возвратятся в твое обладание и ты будешь в состоянии направлять их куда должно.

Но кроме познания воли Божией о нас, для утверждения нашей свободы непременно требуется исполнение Заповедей Божиих как уроков и упражнений для нашей воли. Чтобы показать народу, как Господь облегчил для нас этот труд познания и исполнения Его заповедей, Моисей говорит,

что заповедь Божия “не на небе и не за морем”, чтобы нужно было высоко подниматься или далеко ходить за нею, но “весьма близко к тебе слово сие; оно в устах твоих и в сердце твоём, чтобы исполнить его” (Втор. 30:14). Эти прекрасные слова имеют особую силу по отношению к вам, воспитывающимся под покровом св. Церкви. Истинно, уста ваши, сердца ваши, ум и память ваша постоянно наполняются словом Христа Спасителя, Его Пророков и Апостолов. Не подвергнитесь осуждению, произнесенному пророком Иеремиею на сынов Израиля и Иуды, делавших злое от юности своей. “Они обратились ко Мне, – говорит пророк от имени Божия, – спиною, а не лицом; и Я учил их, с раннего утра учил, они не хотели принять наставления” (Иер. 32:33). Те же самые наставления, писанные в книгах, обращаются к вам и в живом голосе ваших наставников и начальников, приближающих и применяющих Слова Божия к различным обстоятельствам вашей жизни, и особенно к вашему призванию. С ответственностью за вас пред Богом, пред отечеством и родителями вашими они взяли на себя руководство вашего ума и свободы вашей – не становитесь к Богу и к ним, Его наставникам, спиною, обратив лицо и сердце и уши ваши к ложным учителям и ложным учениям века. Не забывайте, что вы еще юноши, что жизнь для вас неизведанное море, что все в вас еще молодо, незрело, шатко и хрупко. Отнять у вас веру, возмутить умы ваши сомнениями, распалить сердца нечистыми вожделениями, подорвать ваше доверие к благонамеренности и опытности ваших руководителей и сделать вас орудиями чужой и злой воли, – вот цель новых непризванных просветителей современных молодых поколений. Направляйте свободу и волю вашу прежде всего не к движениям общественной жизни, для вас еще недоступной, а на самих себя, на сохранение в себе заложенных в души ваши начал жизни и на борьбу с началами смерти. Укрываясь под кров благодати Божией, вспоминая трогательное слово пророка Иеремии: “Знаю, Господи, что не в воле человека путь его, что не во власти идущего давать направление стопам своим” (Иер. 10:23).

Наконец, ищите подкрепления воли и свободы вашей в выяснении для себя и постоянном сознании идеала как истинного человека вообще, так и истинно полезного деятеля на том поприще жизни, какое для себя избираете. Если совершенное отвержение воли Божией ведет к смерти, то постепенное уклонение с ранних лет свободы вашей от заповедей Божиих есть и постепенное расслабление и искажение природы нашей, лишаемой силы и красоты, какие сообщает ей добродетель. Имейте жалость в самих себе. Желайте найти себя в будущем в том виде, какими может сложить и благоустроить вас правильное употребление свободы, то есть здравомыслящими, кроткими, трудолюбивыми, любящими и от всех любимыми; в противном же случае, при постепенном умножении в вас пороков, бойтесь оказаться дерзкими, себялюбивыми, ленивыми, жестокими, едва терпимыми в обществе или извергаемыми из него. А эта последняя участь постигает людей, не приучающих себя к послушанию закона, неизбежно, хотя и незаметно. Пороки развиваются в нас легче и быстрее, чем добродетели, подобно тому, как сорные травы всегда растут скорее и сильнее, чем пшеница; а, обращаясь в навыки и страсти, пороки так же крепко захватывают свободу нашу, как силки или сети неосторожную птицу. Спросите бродягу бездомного, обнаженного и голодного, вора заключенного в тюрьму, убийцу осужденного на каторжные работы, пьяницу, валяющегося в канавах, – думал ли каждый из них в молодости, что он будет тем, чем стал впоследствии? Каждый из них с грустью скажет вам: “О, нет! Как можно!” Зачем же из доброй воли подходить к пропасти? Зачем губить свое будущее счастье, когда можно, с помощью Божиею, наверное приобрести его?

Мы верим, что в вашем сознании постепенно выясняется и в вас воплощается идеал не только истинно хорошего человека, но и доброго служителя Церкви, к чему вы предназначаетесь. Воодушевляйтесь ревностью о славе Божией, о благе Церкви и отечества, о просвещении нашего все еще темного простого народа, об избавлении его от губящих его пороков и преступлений, о благоустройении его жизни. Привейте к сердцу убеждение, что только здесь, в нравственном преуспевании народа и его благосостоянии – истинный источник радостей для пастыря Церкви и единственно верное обеспечение его собственного благосостояния и счастья. Но для этого нужно запастись и терпением, и самоотвержением, и любовью, а не одними рассуждениями и помышлениями об улучшении своего быта.[293]

^ Задания к тексту

Внимательно прочитайте текст. Найдите в тексте данные, на основе которых можно судить о составе аудитории. Дайте характеристику аудитории.

Найдите в тексте данные, на основе которых можно определить объем аудитории. К какой аудитории обращается архиепископ Амвросий – малой, средней или большой?

Является ли данная аудитория однородной? Обоснуйте ваш ответ.

Как приведенные ниже слова и выражения, использованные архиепископом Амвросием, указывают на чувства и нравственные качества, свойственные или несвойственные молодости, зрелости, старости? – злоупотреблять свободой; быстро решаться на что бы то ни было; зрело обдумывать каждый свой шаг; подумать, осмотреть пути, которые подлежат избранию; необдуманно поддаваться... шумным движениям и порывам легкомысленных сверстников; обольщение; увлечение; быть в состоянии направлять силы души; необходимость уроков и упражнений; ответственность перед Богом, отечеством и родителями; незрелость, шаткость, хрупкость; возмущение умов сомнениями; благонамеренность; опытность; здравомыслие; кротость; трудолюбие; любовь; дерзость; себялюбие; лень; жестокость; подкрепление воли; сознание идеала; жалость к себе; непослушание закона; навыки; страсти; ревность; терпение; самоотвержение; помышления об улучшении быта.

Используя высказывания архиепископа Амвросия в приведенном тексте и исторические данные, дайте характеристику проблемы, которую решает оратор, ее содержания и духовного смысла; определите статус проблемы.

Какие мировоззренческие и политические течения характерны для того времени?

Какие политические события произошли в России в начале 80-х годов XIX века?

Каким было положение Церкви в России и ее отношение к государству?

Каким было состояние духовного образования в России?

Каким было духовно-нравственное состояние русского общества начала 80-х годов XIX века?

Используя исторические материалы, составьте краткую справку о состоянии Русской Церкви в 80-х годах XIX века.

Дайте определение образования, а также обучения и воспитания как составных частей образования.

Исходя из предыдущего задания, предложите обоснование выбора предмета и формулировки темы речи архиепископа Амвросия.

Укажите главное положение речи; как в речи архиепископа Амвросия выполняются основные требования к предмету и теме речи?

Укажите, на какие части делятся тема и содержание речи; объясните с позиций православного вероучения и учения о человеке, почему основная задача воспитания – формирование самосознания: разума, нравственного чувства, ответственности, понимания назначения человека и цели его жизни. Дайте определения понятий: личность, самосознание, разум, чувство, воля, целомудрие, назначение человека.

Используя мысли святителя Филарета и владыки Амвросия, попытайтесь ответить на вопросы: как в системе образования воспитание связано с обучением? Каковы цели образования? Каковы главные проблемы воспитания и образования в наше время? Четко сформулируйте вашу позицию как главную мысль речи.

Используя построение речи владыки Амвросия, подготовьте и произнесите краткую показательную речь, в которой раскрывается значение образования в наше время.

^ Текст 3. Публичные лекции профессора Швырева
И. В. Киреевский

Публичные лекции профессора Швырева[294] об истории русской словесности, преимущественно древней. (Письмо к А. П. Зонтаг)[295]

В прошедшую зиму, когда я жил в деревне почти совершенно отделенный от всего окружающего мира, я помню, какое впечатление сделали на меня ваши живые рассказы о блестящих лекциях профессора Грановского,[296] о том сильном действии, которое производило на отборный круг слушателей его красноречие, исполненное души и вкуса, ярких мыслей, живых описаний, говорящих картин и увлекательных сердечных сочувствий ко всему, что являлось или таилось прекрасного, благородного или великодушного в прошедшей жизни Западной многострадальной Европы. Общее участие, возбужденное его чтениями, казалось мне утешительным признаком, что у нас в Москве живы еще интересы литературные и что они не выражались до сих пор единственно потому, что не представлялось достойного случая.

Теперь я спешу поделиться с вами тем впечатлением, которое производят на нас лекции профессора Швырева. Не слышав Грановского, я не могу сравнивать двух преподавателей. Скажу только, что прежде чем начались чтения Швырева, многие из его слушателей не верили их возможности, хотя и не сомневались в даровании профессора. Предмет лекций – история русской словесности, преимущественно древней, казался им неблагодарным, сухим, частью слишком ученым и не для всех любопытным. Покорясь общему, еще существующему у нас предубеждению, они думали, что чтения о древней словесности могут иметь только один интерес – филологический, важный почти исключительно для людей, посвятивших себя особенно изучению русского языка или исследованиям русской старины. Несколько памятников, говорили они, еще не составляют словесности; литература наша началась с Ломоносова; что сказать общелюбопытного о словесности прежних времен? разыскания или рассуждения – еще не история; для истории нужно содержание, – а где найдет его профессор, говоря о временах допетровских?

Основываясь на таком понятии о ничтожности нашей древней словесности, многие ехали на лекции Швырева почти только для того, чтобы слушать дар преподавания, от искреннего сердца жалея о незначительности предмета. Представьте же их удивление, когда после самых первых чтений они должны были убедиться, что лекции о древней русской словесности имеют интерес живой и всеобщий, который заключается не в новых фразах, но в новых вещах, в богатом, малоизвестном и многозначительном их содержании.

Конечно, нет сомнения, что это богатство нашей древней словесности могло возникнуть из малоизвестных памятников в одну живую картину только от искусства преподавателя. Только при его воззрении могли собраться вместе и срастись в одно стройное целое различные обломки нашей полузабытой старины, разбросанные остатки нашей письменной словесности духовной и светской, литературной и государственной вместе с уцелевшими неписанными преданиями народа, сохранившимися в его сказках, поверьях, поговорках и песнях. Между тем несомненно и то, что никакое искусство не могло бы создать содержания, когда бы оно не существовало в самом деле и, хотя разрозненное, не уцелело в памятниках.

В этом отношении лекции Швырева представляют особую значительность. Эта новость содержания, это оживление забытого, воссоздание разрушенного есть, можно сказать, открытие нового мира нашей старой словесности. Здесь даже литературное достоинство изложения, сколько бы ни было оно, впрочем, замечательно, становится уже второстепенным, почти ничтожным, в сравнении с другим, важнейшим отношением. Ибо из-под лавы вековых предубеждений открывает он новое здание, богатое царство нашего древнего слова; в мнимо-знакомой сфере обнаруживает новую сторону жизни и таким образом вносит новый элемент в область человеческого ведения. Я говорю: новый элемент, – потому, что действительно история древнерусской литературы не существовала до сих пор как наука; только теперь, после чтений Швырева, должна она получить право гражданства в ряду других историй всемирно

значительных словесностей. Ибо, если и правда, что при другом образе мыслей можно не соглашаться с тем или другим его мнением, если при другой системе можно спорить даже с его главным воззрением, то, по крайней мере, ни при каком образе мыслей, ни при какой системе нельзя уже, выслушав его, отвергать действительность науки, которая до сих пор не только не существовала в этом виде, но самая возможность которой была подвержена сомнению.

С этой точки зрения лекции Шевырева представляются нам уже не литературным явлением, более или менее заманчивым, но новым событием нашего исторического самопознания. И в этом смысле, создавая новую сторону науки, они принадлежат уже не одному кругу его слушателей, но получают значительность общую, – можно сказать без преувеличения, – значительность европейскую.

Другое качество сочинений Шевырева, которое служит основанием и как бы необходимым условием всего их достоинства, – это достоверность его изложения. Он употребил на изучение своего предмета многие годы постоянной работы – работы ученой, честной, можно сказать, религиозно добросовестной. Каждый факт, приводимый им, исследован со всевозможною полнотою; часто одна фраза, едва заметная посреди быстрого течения речи, есть очевидный плод долголетних разысканий, многосложных сличений и неутомимых трудов; иногда одно слово, иногда один оттенок слова, может быть, не всеми замеченный, отражает изучение многотомных фолиантов, совершенное с терпеливой и добросовестною основательностью.

Что же касается до самого преподавания Шевырева, то особенность его заключается столько же в его глубоком знании своего предмета, сколько в том глубоком понятии, которое он имеет о словесности вообще, как о живом выражении внутренней жизни и образованности народа. Это понятие, прямо противоположное прежним, так называемым классическим теориям, разрушенным Шлегелями,[297] отличается также и от их воззрения тем, что они, хотя и видели в литературе выражение народной жизни, но жизнь эту, отражавшуюся в письменном слове, ограничивали почти одною сферою умственной и художественной образованности, между тем как в понятиях Шевырева словесность отражает всю осознанную и неосознанную полноту народного быта, как он раскрывается в самых разнородных сферах – умственной и гражданской, художественной и промышленной, семейной и государственной, в племенной и случайно-личной, в своеобразной и заимствованной.

Это понятие Шевырева о словесности, может быть, выведено из его изложения, но выведено нами, слушателями; а ему самому некогда пускаться в теории и определения. В его живом представлении предмета мысль всегда факт, и факт всегда осмыслен, как он сам выражается, говоря о раскрытии внутреннего значения внешнего события.

Вследствие такого воззрения из оживленных памятников нашей древней словесности воскресает вся древняя история нашего отечества – не та история, которая заключается в сцеплении войн и договорах, в случайных событиях и громких личностях, но та внутренняя история, из которой, как из невидимого источника, истекает весь разум внешних движений. Впрочем, само собою разумеется, что история древней образованности России является не на первом плане его изложения: она, по его же выражению, только необходимый грунт его картины.

Между тем, представляя таким образом историю словесности и просвещения древнерусского, профессор, чтобы яснее обозначить их особенность, постоянно сравнивает их значение с соответствующими им явлениями на Западе Европы, – не для того, чтобы восхвалять одно за счет другого, но для того, чтобы, сличая, яснее определить их отличия. В этой параллельной характеристике особенно ясно выражается тот глубоко значительный смысл древнерусского просвещения, который оно приняло от свободного воздействия христианской веры на наш народ, не закованный в языческую греко-римскую образованность, не завоеванный другим племенем, но самобытно, мирно, без насилия и христиански возраставший из глубины духовных убеждений в благоустройство внешней жизни, покуда Провидению угодно было нашествием иноплеменных влияний остановить это возрастание, может быть, преждевременное в общей экономии человеческого бытия – преждевременное для внешне образованного Запада, еще не созревшего к участию в чисто христианском развитии, – может быть, преждевременное и для самой России, еще

не принявшей в себя стихий западной образованности для подведения их под воздействие одного высшего начала.

Редакция “Москвитянина” надеялась поместить в 1-ом № своего журнала первую лекцию Шевырева; но, кажется, по отсутствию у нас стенографов, она не вполне была записана слушателями и потому вряд ли когда-нибудь явится иначе как в отрывках.

Между тем, покуда различные, уже после на память записанные из них места будут сличаться и сводиться вместе, я посылаю вам один отрывок, из которого вы получите понятие о двух мыслях курса: о том, как понимает профессор отношение народности к человечеству, и о том, как он смотрит на словесность вообще.

Действие, которое производят лекции Шевырева, очень сильно и разнообразно: некоторые восхищаются им до восторга, другие судят строго, с противоположным пристрастием; но почти никто не остается равнодушен; иные видят в них борьбу русского просвещения с западным и в этом ошибаются. Цель профессора совсем не та, чтобы унижить одну часть человеческой образованности перед другою. Он выражает их особенности, сравнивает для пояснения, старается определить с беспристрастием и видимо ищет избежать всякой исключительности. Его любовь к России – любовь сознательная, а не слепой восторг, выражающийся в бессмысленных восклицаниях. Те, которые хотят видеть противное, вероятно, более обращают внимание на собственные свои предубеждения, нежели на изложение профессора.

Заметно, что общее участие к лекциям беспрестанно возрастает, так же, как и число слушателей. Сначала их было около полутора; теперь их уже более трехсот. Последняя лекция его прерывалась пять раз рукоплесканиями, которыми его встречают и провожают почти каждый раз.

^ Задания

Внимательно прочитайте текст про себя и вслух; найдите и назовите главную мысль письма: что было принципиально новым в лекциях С. П. Шевырева?

Расскажите о русском языке: его строении, отношении к другим индоевропейским и славянским языкам, историческом развитии, культурном значении, роли в жизни современного общества.

Пользуясь материалами “Введения”, расскажите о родах и видах произведений древнерусской словесности.

Подготовьте устный рассказ о жизни и просветительской деятельности святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, о крещении Руси и о начале древнерусской письменности.

Пользуясь письмом И. В. Киреевского как образцом, напишите письмо о русском народном творчестве: пословицах и поговорках, обрядовом фольклоре, сказках, былинах; какое влияние на развитие русского народного творчества оказало христианство? Как это влияние проявилось в народных обычаях, пословицах, в песнях, сказках, былинном эпосе?

Используя материалы учебного курса “Древнерусская литература”, расскажите о важнейших произведениях и периодах русской литературы XI-XVII веков;

Используя материалы “Словаря юного филолога”, расскажите о русских филологах А. Х. Востокове, С. П. Шевыреве, Ф. И. Буслаеве, И. И. Срезневском, Я. К. Гроде, А. И. Соболевском, А. А. Шахматове, М. Н. Сперанском, В. В. Виноградове.

Расскажите русскую сказку.

Изложите русскую былинку.

Составьте письменный рассказ о содержании и духовно-нравственном значении “Слова о законе и благодати” святителя Илариона, митрополита Киевского.

Подготовьте устное изложение жития русского святого.

Какое значение для духовно-нравственного воспитания имеет изучение истории русского языка и древней русской литературы?

Какое значение для духовно-нравственного воспитания имеет изучение отечественной истории?

Организуем в классе дискуссию на тему “Русский язык и культура в духовно-нравственной жизни человека и общества.”

^ Тема 2. Разработка темы речи; топика

Показательная речь

^ Текст 1. Высочайший Манифест Государя Императора

Высочайший Манифест Государя Императора, изданный 25 декабря 1812 года

О изгнании неприятеля из России.

Бог и весь свет тому свидетель, с какими желаниями и силами неприятель вступил в любезное наше отечество. Ничто не могло отвратить злых и упорных его намерений. Твердо надеющийся на свои собственные и собранные им против нас почти со всех европейских держав силы и подвизаемый алчностью завоевания и жаждою крови, спешил он ворваться в самую грудь великой нашей империи, дабы излить на нее все ужасы и бедствия не случайно порожденной, но издавна готованной им всеопустошительной войны.

Предузнавая по известному из опытов беспредельному честолюбию и наглости предприятий его приуготовляемую от него нам горькую чашу зол и видя уже его с неукротимую яростью вступившего в наши пределы, принуждены мы были с болезненным и сокрушенным сердцем, призвав в помощь Бога, обнажить свой меч и обещать царству нашему, что мы не опустим оный во влагалище, доколе хотя один из неприятелей оставаться будет вооружен на земле нашей. Мы сие обещание положили крепко в сердце своем, надеясь на крепкую доблесть Богом вверенного нам народа, в чем и не обманулись.

Каковой пример храбрости, мужества, благочестия, терпения и твердости показала Россия! Вломившийся в грудь ее враг всеми неслыханными средствами лютоостей и неистовств не мог достигнуть до того, чтоб она хотя единожды о нанесенных ей от него глубоких ранах вздохнула. Казалось, с пролитием крови ее умножался в ней дух мужества, с пожарами градов ее воспламялась любовь к отечеству, с разрушением и поруганием храмов Божиих утверждалась в ней вера и возникало непримиримое мщение. Войско, вельможи, дворянство, купечество, народ, словом, все государственные чины и состояния, не щадя ни имуществ своих, ни жизни, составили единую душу, вместе мужественную и благочестивую, толико же пылающую любовью к отечеству, колико любовью к Богу.

От сего всеобщего согласия и усердия вскоре произошли следствия едва ли имовверные, едва ли когда слыханные. Да представят себе собранные с двадцати царств и народов, под единое знамя соединенные ужасные силы, с какими властолюбивый, надменный победами, свирепый неприятель вошел в нашу землю. Полмиллиона пеших и конных воинов и около полуторы тысячи пушек следовало за ним. С ним только огромным ополчением проникает он в самую середину России, распространяется и начинает разливать огонь и опустошение.

Но едва проходит шесть месяцев от вступления его в наши пределы, и где он? Здесь прилично сказать слова священного песнопевца: “Видех нечестиваго, превозносящагося и высящася, яко кедры ливанские, и мимо идох, и не бе; и взысках его, и не обретеса место его.” Поистине сие высокое изречение совершилось во всей силе смысла своего над гордым и нечестивым нашим неприятелем. Где войска его, подобные туче нагнанных ветрами черных облаков? – Рассыпались как дождь. Великая часть их, напоив кровию землю, лежит, покрывая пространство московских, калужских, белорусских и литовских полей. Другая великая часть в разных и частых битвах взята

с многими военачальниками и полководцами в плен; и таким образом, что после многократных и сильных поражений напоследок целые полки их, прибегая к великодушию победителей, оружие свое пред ними преклоняли. Остальная, столь же великая часть в стремительном бегстве своем гонимая победоносными нашими войсками и встречаемая мразом и гладом, устлала путь свой от самой Москвы до пределов России трупами, пушками, обозами, снарядами, так что оставшаяся от всей их многочисленной силы сама малейшая ничтожная часть изнуренных и обезоруженных воинов едва ли полумертвая может прийти в страну свою, дабы к вечному ужасу и трепету единоземцев своих возвестить им, коль страшная казнь постигает дерзающих с бранными намерениями вступить в недро могущественной России!

Ныне с сердечною радостью и горячею к Богу благодарностью объявляем мы любезным нашим верноподданным, что событие превзошло даже и самую надежду нашу и что объявленное нами при открытии войны сей свыше меры исполнилось. Уже нет ни единого врага на лице земли нашей, или лучше сказать, все они здесь остались, но как? – мертвые, раненые и пленные. Сам гордый повелитель и предводитель их едва с главнейшими чиновниками своими отселе ускакать мог, растеряв все свое воинство и все привезенные с собою пушки, которых более тысячи, не считая зарытых и потопленных им, отбиты у него и находятся в руках наших.

Зрелище гибели войск его невероятно! Едва ли можно собственным глазам своим поверить. Кто мог сие сделать? Не отнимая достойной славы ни у Главнокомандующего над войсками нашими знаменитого полководца, принесшего бессмертные отечеству заслуги, ни у других искусных и мужественных вождей и военачальников, ознаменовавших себя рвением и усердием, ни вообще у всего храброго нашего воинства, можем сказать, что содеянное ими есть превыше сил человеческих.

Итак, да познаем в великом деле сем промысл Божий. Повергнемся пред святым Его Престолом и, видя ясно руку Его, покаравшую гордость и злочестие, вместо тщеславия и кичения о победах наших научимся из сего великого и страшного примера быть кроткими и смиренными законов и воли Его исполнителями, непохожими на сих отпадших от веры осквернителей храмов Божиих, врагов наших, которых тела в несметном количестве валяются пищею псам и вранам.

Велик Господь наш Бог и во гневе Своем! Пойдем благостию дел и чистотою чувств и помышлений наших единственным ведущим к Нему путем, в храм святости Его и тамо, увенчанные от руки Его славою, возблагодарим за излитые на нас щедроты и припадем к Нему с теплыми молитвами, да продлит милость Свою над нами и, прекратя брани и битвы, ниспошлет к нам побед победу, желанный мир и тишину.

^ Задания

Прочитайте текст и перескажите его содержание.

Используя теоретический материал раздела, найдите в тексте и укажите, как используются следующие топы:

1. Действие и претерпевание: что совершил неприятель, и что претерпела Россия; что совершили русские, и что претерпел неприятель?
2. Предыдущее и последующее: назовите события Отечественной войны 1812 года, изображенные в Манифесте?
3. Место: в каких местах какие действия совершались, как связаны с местом события, изображенные в тексте?
4. Время: в какое время совершались действия, изображенные в тексте? Как представлен ход событий во времени?
5. Состояние: в каком состоянии находились русские и неприятельские силы в начале, в ходе и в конце Отечественной войны 1812 года?

6. Внешние обстоятельства: какова была обстановка, благоприятствующая или препятствующая неприятелю и русским силам?
  7. Причина и следствие: в чем причина и цель нападения неприятеля на Россию? В чем причина его поражения? В чем состояли причина и цели России в войне 1812–1813 гг.?
  8. Условие: как изображаются в тексте условия, при которых стала возможной победа русских над неприятелем?
  9. Образ действия: каков образ действия французского войска в отношении к России? Что говорится об образе действий в отношении к французам во время военных действий? Что говорится об образе действий в отношении побежденного неприятеля?
  10. Цель и средство: каковы цели и соответствующие им средства французов и русских в войне?
  11. Присущее и привходящее: как изображаются в тексте присущие особенности русского народа и войска, французской армии?
  12. Признак: укажите признаки поведения неприятеля, свидетельствующие о свойствах его натуры.
  13. Качества: перечислите нравственные качества неприятеля и русских.
  14. Свойства: укажите, как изображены в тексте специфические свойства неприятеля и российского войска.
  15. Род и вид: укажите и перечислите виды противопоставленных нравственных качеств русских и неприятеля.
  16. Целое и части: укажите части русского общества, вставшие на борьбу с врагом, и части французской армии, оставшиеся на поле боя после ее поражения.
  17. Имя: укажите и объясните наименования России и неприятеля, которые используются в тексте.
  18. Больше-меньше (сравнение): укажите, как сравниваются французская и русская армии, как используется этот топ для характеристики русской армии.
  19. Подобие: чему уподобляется и с чем сопоставляется французская армия?
  20. Противное: найдите в тексте все противопоставления, объясните значение каждого из них.
  21. Правило справедливости: найдите в тексте места, где на основе топа справедливости указывается необходимость смирения и человеколюбия.
  22. Правило обратимости: найдите в тексте и укажите места, где говорится о человеческом и Божием возмездии завоевателю, и сравните их; объясните различие.
- Сформулируйте обоснованную точку зрения на основные события и духовно-нравственные следствия Отечественной войны 1812 года.

Выберите какое-либо значительное событие общественной жизни; используя топы, постройте систематический образ этого события; напишите официальное сообщение-манифест.

^ Текст 2. Н. В. Гоголь
Нужно любить Россию.

(Из письма к гр. А. П. Т.....му).

Без любви к Богу никому не спастись, а любви к Богу у вас нет. В монастыре вы ее не найдете; в монастырь идут одни, которых уже позвал туда Сам Бог. Без воли Бога нельзя и полюбить Его. Да и как полюбить Того, Которого никто не видал? Какими молитвами и усилиями вымолить у Него эту любовь? Смотрите, сколько есть теперь на свете добрых и прекрасных людей, которые добиваются жарко этой любви и слышат одну только черствость да холодную пустоту в душах. Трудно полюбить того, кого никто не видал. Один Христос принес и возвестил нам тайну, что в любви к братьям получаем любовь к Богу. Стоит только полюбить их так, как приказал Христос, и сама собой выйдет в итоге любовь к Богу. Идите же в мир и приобретите прежде любовь к братьям.

Но как полюбить братьев, как полюбить людей? Душа хочет любить одно прекрасное, а бедные люди так несовершенны и в них так мало прекрасного! Как же сделать это? Поблагодарите Бога прежде всего за то, что вы русский. Для русского теперь открывается этот путь, и этот путь есть сама Россия. Если только возлюбит русский Россию, возлюбит и все, что ни есть в России. К этой любви нас ведет теперь Сам Бог. Без болезней и страданий, которые в таком множестве накопились внутри ее и которых виною мы сами, не почувствовал бы никто из нас к ней сострадания. А сострадание есть уже начало любви. Уже крики на бесчинства, неправды и взятки – не просто негодование благородных на бесчестных, но вопль всей земли, послышавшей, что чужеземные враги вторгнулись в бесчисленном множестве, рассыпались по домам и наложили тяжелое ярмо на каждого человека; уже и те, которые приняли добровольно к себе в дома этих страшных врагов душевных, хотят от них освободиться сами, и не знают, как это сделать, и все сливается в один потрясающий вопль, уже и бесчувственные подвигаются. Но прямой любви еще не слышно ни в ком, – ее нет также и у вас. Вы еще не любите Россию: вы умеете только печалиться да раздражаться слухами обо всем дурном, что в ней ни делается, в вас все это производит одну черствую досаду да уныние. Нет, это еще не любовь, далеко вам до любви, это разве только одно слишком отдаленное ее предвестие. Нет, если вы действительно полюбите Россию, у вас пропадет тогда сама собой та близорукая мысль, которая зародилась теперь у многих честных и даже весьма умных людей, то есть, будто в теперешнее время они уже больше ничего не могут сделать для России и будто они ей уже не нужны совсем; напротив, тогда только во всей силе вы почувствуете, что любовь всемогуща и что с ней возможно все сделать. Нет, если вы действительно полюбите Россию, вы будете рваться служить ей; не в губернаторы, но в капитан-исправники пойдете, – последнее место, какое ни отыщется в ней, возьмете, предпочитая одну крупницу деятельности на нем всей вашей нынешней бездейственной и праздной жизни. Нет, вы еще не любите Россию. А не полюбивши России, не полюбите вам своих братьев, а не полюбивши своих братьев, не возгореться вам любовью к Богу, а не возгоревшись любовью к Богу, не спастись вам.[298]

1844 г.

^ Задания

Прочитайте текст вслух и перескажите его содержание, воспроизводя ход рассуждений автора.

Дайте развернутые ответы на вопросы:

1. Что есть отечество?
2. Что есть наше Небесное отечество?
3. Что есть наше земное отечество?
4. Что есть любовь?
5. Что есть любовь к Богу?
6. Какой бывает любовь к ближнему?

7. Что такое привязанность?
8. Что такое дружба?
9. Что такое христианская любовь?
10. Что означает любовь к конкретным людям и любовь к человечеству?
11. Какая любовь к ближним возможна, а какая невозможна без веры в Бога? Почему?
12. Что такое патриотизм?
13. Всякая ли любовь к отечеству есть патриотизм?
14. В чем проявляется патриотизм?
15. С чем можно сравнить патриотизм?
16. Что противоположно патриотизму?
17. Что есть истинный патриотизм и что есть ложный патриотизм?
18. Какие вы знаете примеры истинного и ложного патриотизма?

Найдите и объясните исторические примеры патриотизма.

Найдите в Св. Писании, в творениях Отцов и учителей Церкви, в произведениях духовных и светских писателей свидетельства о патриотизме, подтверждающие ваши ответы.

Используя ответы на вопросы, составьте тезисы вашего выступления по следующему плану:

Определите, что такое патриотизм.

Объясните, какая бывает любовь к отечеству и что такое христианский патриотизм.

- Докажите, почему истинный патриотизм является следствием христианской любви к ближнему и любви к Богу.
- Докажите, почему без любви к соотечественникам невозможно любить ближнего, а без любви к ближнему невозможно любить Бога.
- Докажите, почему любовь к отечеству без христианской любви к Богу и ближнему есть на самом деле любовь к самому себе, то есть эгоизм, и почему эгоизм несовместим с любовью к отечеству.
- Подтвердите доказательство сравнением, например, с любовью родителей к детям и детей к родителям.
- Приведите конкретные положительные и отрицательные примеры, подтверждающие доказательство.
- Приведите слова Св. Писания или авторитетных авторов, свидетельствующие о правильности вашего мнения.
- Сделайте общее заключение.

Произнесите на занятии пяти-шестиминутную речь на основе составленного плана.

Внимательно выслушайте другие речи на ту же тему, отметьте в них неясные места.

Используя изученный теоретический материал и имеющиеся ответы на вопросы, предложите друг другу вопросы по содержанию произнесенных речей и дайте ответы на них.

^ Текст 3. Тихон, Божию милостию Патриарх Московский и Всея России
Смиранный Тихон, Божию милостию Патриарх Московский и Всея России

Возлюбленным о Господе Архипастырям, пастырям и всем верным чадам Православной Церкви Российской.

Посрамылись мудрецы, смутились и запутались в сеть:

вот, они отвергли Слово Господне; в чем же мудрость их?

... говоря: “мир, мир!” а мира нет /Иер. 8:9,11/

Благословен мир между народами, ибо все братья, всех призывает Господь мирно трудиться на земле, для всех уготовал Он Свои неисчислимыя блага. И Святая Церковь непрестанно возносит молитвы о мире всего мира, уповая, что восторжествует на земле правда Христова и соединит враждующих братьев в единое стадо под водительством Единого Небесного Пастыря. И несчастный русский народ, вовлеченный в братоубийственную кровавую войну, нестерпимо жаждет мира, как некогда народ Божий жаждет воды в палящей зноем пустыне. Но не было у нас Моисея, который бы напоил свой народ чудодейственной водой, и не ко Господу своему Благодетелю, воззвал народ о помощи – явились люди, отрекшиеся от веры, гонители Церкви Божией, и они дали народу мир.

Но тот ли это мир, о котором молится Церковь, которого жаждет народ?

Заклученный ныне мир, по которому отторгаются от нас целые области, населенные православным народом, и отдаются на волю чуждого по вере врага, а десятки миллионов православных людей попадают в условия великого духовного соблазна для их веры, мир, по которому даже искони православная Украина отделяется от братской России и столичный град Киев, мать городов русских, колыбель нашего крещения, хранилище святынь, перестает быть городом державы Российской, мир, отдающий наш народ и русскую землю в тяжкую кабалу, – такой мир не даст народу желанного отдыха и успокоения. Церкви же Православной принесет великий урон и горе, а Отечеству неисчислимыя потери.

А между тем у нас продолжается все та же распря, губящая наше Отечество. Внутренняя междоусобная война не только не прекратилась, а ожесточается с каждым днем. Голод усиливается, и, чтобы ослабить его, грозят даже изгонять из столиц мирных жителей, не знающих, где им преклонить главу. Рабочим угрожает лишение заработка, возвращаются из полков воины и не находят работы. Умножаются грабежи и убийства, и для борьбы с ними население часто прибегает к ужасному самосуду.

Устранит ли объявленный мир эти вопиющие к небу нестроения? Не принесет ли он еще больших скорбей и несчастий? Увы, оправдываются слова пророка: “Они говорят: мир, мир, а мира нет.” Нет мира и нет радости, спутницы мира.

Святая Православная Церковь, искони помогавшая русскому народу собирать и возвеличивать государство Русское, не может оставаться равнодушной при виде его гибели и разложения.

По воле Пастыреначальника, Главы Церкви, Господа нашего Иисуса Христа, поставленные на великое и ответственное служение Первосвятителя Церкви Российской, по долгу преемника

древних собирателей и строителей земли Русской Петра, Алексия, Ионы, Филиппа и Ермогена, Мы призываем совестью своею возвысить голос свой в эти ужасные дни и громко объявить перед всем миром, что Церковь не может благословить заключенный ныне от имени России позорный мир. Этот мир, принужденно подписанный от лица русского народа, не приведет к братскому сожительству народов. В нем нет залогов успокоения и примирения, в нем посеяны семена злобы и человеконенавистничества. В нем зародыши новых войн и зол для всего человечества. Может ли примириться русский народ со своим унижением? Может ли он забыть разлученных от него по крови и вере братьев? И Православная Церковь, которая не могла бы не радоваться и не возносить благодарственного моления Господу Богу за прекращение кровопролития, не может теперь иначе, как с глубочайшей скорбью взирать на эту видимость мира, который не лучше войны.

К тебе же, обольщенный, несчастный русский народ, сердце мое горит жалостью до смерти. Истожились от слез глаза мои, волнуется во мне внутренность моя /Плач. 2:11/ при виде твоих тяжких страданий, в предчувствии еще больших скорбей. Не радоваться и торжествовать по поводу мира призываем мы вас, православные люди, а горько каяться и молиться пред Господом.

Братие! Настало время покаяния, наступили святые дни Великого Поста. Очиститесь от грехов своих, опомнитесь, перестаньте смотреть друг на друга, как на врагов и разделять родную землю на враждующие станы. Все мы – братья, и у всех нас одна мать – родная Русская земля, и все мы чада одного Отца Небесного, Которого молим: “Отче наш... остави нам долги наша, яко же и мы оставляем должником нашим.”

Пред лицом страшного, совершающегося над нами суда Божия, соберемся все вокруг Христа и Святой Его Церкви. Будем молить Господа, чтобы смягчил Он сердца наши братолюбием и укрепил их мужеством, чтобы Сам Он даровал нам мужей разума и совета, верных велениям Божиим, которые исправили бы содеянное злое дело, возвратили отторгнутыя и собрали расточенныя.

Взываю ко всем вам, архипастыри, пастыри, сыны мои и дочери о Христе: спешите с проповедью покаяния и призывом к прекращению братоубийственных распрей и раздоров, с призывом к миру, тишине, к труду, любви и единению.

Убеждайте всех усердно молиться Господу, да отвратит Он праведный гнев Свой, грех наших ради на ны движимый, да укрепит наш расслабленный дух и восставит нас от тяжкого уныния и крайнего падения. И милосердный Господь сжалится над грешной Русской землей и помилует ее ради святых угодников Божиих наипаче же Заступницы усердной рода христианского, молитвами коих да снизойдет на вас благословение Божие. Аминь.[299]

Тихон,

Патриарх Московский и Всея России

5(18) марта 1918 г.

Москва

^ Задания

Прочтите вслух и подробно перескажите текст, используя слова автора.

Выделите в тексте главное ключевое слово, обозначающее предмет речи.

Выпишите из текста все сочетания этого слова с другими, разделите характеристики мира на положительные, отрицательные, нейтральные.

Дополните этот список другими возможными словосочетаниями (например, долгосрочный мир, насильственный мир, вечный мир и т. д.).

Найдите синонимы слова “мир”, укажите различия в значении синонимов.

Найдите антонимы слова “мир”, укажите различия значений антонимов.

Укажите значение омонимов “мир” – “мір.”

Вспомните или найдите в словаре пять наиболее значительных пословиц о мире, объясните их.

Укажите признаки мира.

Укажите качества мира.

Укажите присущие и привходящие свойства мира.

Укажите понятия, выражающие виды мира (внутренний мир, мир с ближними, международный мир и т. д.).

Дайте определение понятия “мир.”

Укажите главное положение (тему) послания святителя Тихона.

Когда и при каких обстоятельствах было написано это послание? Кому оно адресовано?

Укажите основные события и факты Отечественной войны 1812 года.

Укажите основные события и факты Первой мировой войны 1914–1918 годов, а в особенности события и факты участия России в Первой мировой войне.

Укажите основные факты и события Гражданской войны в России 1918–1920 годов.

Укажите основные факты и события Великой Отечественной войны 1941–1945 годов.

Расскажите о событии, с которым непосредственно связано послание, и об исторической обстановке, в которой оно было написано.

При каких обстоятельствах был заключен Брестский мир?

Кто, по какой причине и с какой целью заключил Брестский мир?

Каковы были условия Брестского мира?

Каковы были последствия Брестского мира?

Укажите территориальный состав – части Российской империи до Брестского мира, какие территории были отторгнуты от нашей страны по Брестскому миру?

Кто был заинтересован в заключении Брестского мира?

Каким образом был заключен Брестский мир?

Когда, при каких обстоятельствах и кем был расторгнут Брестский мир?

Найдите в тексте и выпишите характеристики и оценки гражданской войны.

Укажите исторические аналогии (подобие) Первой мировой войны и Гражданской войны в России.

Укажите признаки и свойства (особенности) войны с внешним врагом и гражданской войны.

Дайте определение гражданской войны, оборонительной войны, отечественной войны, военной агрессии. Приведите соответствующие примеры на материале войн, которые вела Россия на протяжении своей истории. С кем и почему были эти войны?

Сравните последствия Отечественной войны 1812 года, Первой мировой войны и Великой Отечественной войны.

Являются ли Отечественная война 1812 года и Великая Отечественная война 1941–1945 годов сходными событиями, а если являются, то в каком смысле?

Бывают ли справедливые войны? – дайте развернутый и обоснованный ответ на вопрос.

Сформулируйте принципы справедливой войны и условия справедливости войны, используя правила справедливости, обратимости и транзитивности.

Найдите в текстах Св. Писания и в творениях св. Отцов Церкви места, подтверждающие сформулированные вами принципы.

Используя результаты предшествующих заданий, подготовьте выступление на тему: Христианское понимание войны и мира.

Обсудите эту тему и выступления на занятии.

Сформулируйте проблему, которая объединяла бы все четыре изученных материала. Проведите дискуссию о христианском понимании войны и мира.

^ ТЕМА 3. Доказательства и опровержения
Диалектический диалог
^ Текст. Протоиерей Валентин Свенцицкий
Диалог первый.

О бессмертии.

Неизвестный. Я пришел к тебе не исповедоваться. Мне просто надо поговорить с тобой, но, может быть, это невозможно?

Духовник. Почему?

Неизвестный. Да видишь ли, я хочу говорить о вере, но сам человек совершенно неверующий.

Духовник. Зачем же тогда говорить со мной?

Неизвестный. Ты разрешишь мне на этот вопрос ответить откровенно?

Духовник. Да.

Неизвестный. Я не только не верую, я не могу себе представить, как можно верить при современном состоянии науки. Мне хочется понять: что, в конце концов, стоит за верованием образованных людей, которых нельзя назвать заведомыми обманщиками? Я решил – если ты не откажешься – поговорить с тобой начистоту и, так сказать, с глазу на глаз – в чем тут дело?

Духовник. Я несколько не сомневаюсь в истинности своей веры и готов защищать ее.

Неизвестный. Прекрасно. Но вот еще что: о чем я могу с тобой говорить? Все ли вопросы ты считаешь возможным обсуждать с человеком неверующим и совершенно неизвестным?

Духовник. Говори обо всем, что найдешь нужным.

Неизвестный. Прежде всего, я хотел бы говорить о бессмертии. Назначь мне время, когда ты будешь свободен.

Духовник. Говори сейчас.

Неизвестный. Я боюсь, что наш разговор затянется.

Духовник. Тогда мы продолжим его в следующий раз.

Неизвестный. Хорошо. Только не требуй от меня последовательности. Я буду говорить так, как думаю, когда остаюсь один... Бессмертие... Что это такое – жизнь после смерти? Кто же будет жить? Кто-то или что-то, во мне находящееся, что не уничтожается после уничтожения моего тела? Если меня бросят в огонь, от моего тела – мозга, сердца, костей – останется горсть пепла. И вот я должен почему-то верить, что я все-таки буду продолжать свое существование. Какие основания для этой веры? Не простое ли желание вечно жить и боязнь уничтожения? Мой разум отказывается представить себе какое бы то ни было бытие без материальной основы. Я не могу рассматривать человека как видимый футляр, в котором помещается невидимая душа. Футляр сломался. Его можно сжечь, а душу вынуть и положить в другое место? И что значит другое место? Оно будет занимать некоторое пространство? Или эта таинственная, бессмертная душа мало того что невидима, но еще и “беспространственна”? Что же она такое? Для меня она абсолютная бессмыслица. И какие основания могут заставить мой разум “поверить” в эту бессмыслицу? На этом я пока остановлюсь.

Духовник. Прежде чем ответить на твой вопрос: “какие основания для этой веры?” попробуем рассмотреть, такая ли уж это “абсолютная бессмыслица” для твоего разума, как кажется с первого взгляда. Возьми чисто физическую область. Брошенный камень падает на землю. Это видят все. И все знают, что причина падения камня – притяжение Земли. Но никто эту силу, именуемую притяжением, не видит.

Неизвестный. Но что же общего у силы с душой? Чтобы сила действовала, нужна материальная среда. А вы считаете, что душа может существовать без тела, то есть безо всякой материальной среды.

Духовник. Совершенно верно. Я и говорю тебе, что беру область чисто физическую. Естественно, что здесь явления могут быть только в материальной среде. Я хочу указать тебе, что и в области физической возможны различные свойства бытия, – вот, например, силы не имеют всех свойств материи. Видны лишь действия сил.

Неизвестный. Да, конечно. Свойства сил и материи различны, но это сравнение неубедительно для вопроса о существовании души и тела. Научные опыты с несомненностью устанавливают, что так называемая психическая жизнь является результатом физико-химических процессов, и поэтому нельзя совершенно отделять ее от материи. А отсюда следует, что с уничтожением этих физико-химических процессов в живом организме – должна уничтожаться и вся жизнь. Значит, никакой “души” остаться не может.

Духовник. О каких опытах ты говоришь?

Неизвестный. О тех опытах, которые устанавливают, что мысль есть результат определенных физико-химических процессов мозга. Искусственное раздражение некоторых желез вызывает определенные психические явления. Повреждение определенных клеток в результате дает как механическое следствие изменение определенных психических состояний и т. д. Ты, конечно, знаком с этим. Неужели эти факты не доказывают неопровержимо, что все явления “душевной” жизни есть простое следствие тех изменений и процессов, которые происходят в нашем теле?

Духовник. Доказывают, но совсем не то. Они доказывают, что душа, соединяясь с веществом, находится с ним в определенном взаимодействии и для своего выражения в вещественном мире требует определенных материальных условий. Это лучше всего опять-таки пояснить примером из физической области. Возьми электрическую лампочку. Когда лампочка в порядке, электрическая энергия дает свет, лампочка горит. Но вот лопнул волосок. Ток оборвался. Лампочка не горит. Значит ли это, что электричества не существует и что лампочка и электрическая энергия одно и то же? Электричество существует вне лампочки. Но для того, чтобы проявить себя, оно требует целого ряда материальных условий. Точно так же и та “энергия”, которую мы именуем душой. Если ты повредишь материальный аппарат, который служит для выражения душевной жизни, например, ту или иную часть мозга, – душевная жизнь не сможет выражать себя или будет выражать себя неправильно. Но из этого совсем не следует, что мозг твой и есть твоя душа или что душевная жизнь твоя – результат физико-химических процессов в мозговых клетках. Как не следует, что электрическая лампочка и электрическая энергия одно и то же.

Неизвестный. Допускаю, что это так. Но какие выводы ты делаешь отсюда?

Духовник. Пока выводы очень незначительны. Я утверждаю, что о сущности материи мы знаем гораздо меньше, чем думаем, и что явления совершенно несомненные дают нам основания не считать обычное вещественное бытие, постигаемое пятью внешними чувствами, единственно возможной формой материального бытия вообще.

Неизвестный. Но из этого нельзя же сделать вывод о существовании такого бытия, как душа.

Духовник. Разумеется. И я такого вывода пока не делаю. Больше того, я должен сказать тебе, что если бы даже в окружающей жизни действительно не было никаких признаков бытия без материальной основы, то одно это ни в коем случае не решало бы вопроса, может ли существовать такое бытие. Мы облечены в материальную форму, все наши органы подчинены материальным законам. И нет ничего удивительного, что этим мы постигаем лишь то, что имеет материальную основу. Но будем рассуждать дальше. Какие же основания для нашей веры в бессмертие? Можно ли бессмертие доказать? Ведь я тебя понял правильно? Ты ставишь вопрос именно так?

Неизвестный. Да.

Духовник. Что ты разумеешь под словом “доказательства”?

Неизвестный. Под этим словом я разумею или факты, или логические рассуждения, общеобязательные для человеческого разума.

Духовник. Хорошо. Применительно к вопросу о бессмертии какие доказательства тебя удовлетворили бы?

Неизвестный. Прежде всего, конечно, факты. Если бы с “того света” были даны какие-либо свидетельства о жизни человеческой души, продолжающейся после смерти, я считал бы вопрос решенным. Этого нет. Остается другое – логика. Логика, конечно, менее убедительна, чем факты, но до некоторой степени может заменить их.

Духовник. Свидетельств, о которых ты говоришь, множество. Но таково свойство неверия. Оно всегда требует фактов и всегда их отрицает. Трудно что-нибудь доказать фактами, когда требуют, чтобы сами факты, в свою очередь, доказывались.

Неизвестный. Но как же быть, нельзя же достоверными фактами считать рассказы из житий святых?

Духовник. Можно, конечно, но я понимаю, что тебе сейчас такими фактами ничего не докажешь, потому что эти факты для тебя нуждаются в доказательствах не менее, чем бессмертие души.

Неизвестный. Совершенно верно.

Духовник. Мы подойдем к решению вопроса иначе. Мы тоже будем исходить из фактов. Но из факта для тебя несомненного – из твоего собственного внутреннего опыта.

Неизвестный. Не совсем понимаю.

Духовник. Подожди, поймешь. А пока я спрошу тебя. Допустим, ты видишь своими собственными глазами зеленое дерево. Тебе докажут путем логических выводов, что никакого дерева на самом деле нет. Скажешь ли ты тогда: “Неправда, оно есть”?

Неизвестный. Скажу.

Духовник. Ну вот. Именно такой путь выбираю и я в своих рассуждениях. Я беру то, что ты видишь и в чем ты не сомневаешься, затем условно встаю на точку зрения “отрицания бессмертия.” Доказываю тебе, что то, что ты видишь и в чем ты не сомневаешься, – “бессмыслица” и на самом деле этого не существует. Скажешь ли ты мне тогда: “Неправда, существует, – я это знаю”?

Неизвестный. Скажу.

Духовник. Но тогда тебе придется отказаться от основного моего положения, допущенного условно, – от отрицания бессмертия.

Неизвестный. Все это для меня не совсем ясно.

Духовник. Тебе станет ясно из дальнейшего. А теперь скажи мне, признаешь ли ты в человеке свободную волю?

Неизвестный. Конечно, признаю.

Духовник. Признаешь ли ты какое-либо моральное различие в поступках людей, то есть одни поступки считаешь хорошими, другие плохими?

Неизвестный. Разумеется.

Духовник. Признаешь ли ты какой-либо смысл в своем существовании?

Неизвестный. Да, признаю. Но оставляю за собой право этот смысл видеть в том, что мне кажется смыслом. Для меня он в одном, для других может быть совершенно в другом.

Духовник. Прекрасно. Итак, несомненными фактами для тебя являются свобода воли, различие добра и зла и какой-то смысл жизни.

Неизвестный. Да.

Духовник. Все это ты видишь, во всем этом ты не сомневаешься?

Неизвестный. Да.

Духовник. Теперь на время я становлюсь неверующим человеком и никакого иного мира, кроме материального, не признаю. Начинаю рассуждать и прихожу к логически неизбежному выводу, что “несомненное” для тебя на самом деле – бессмыслица: нет ни свободы воли, ни добра, ни зла, ни смысла жизни. И если в моих доказательствах ты не найдешь ни малейшей ошибки – скажешь ли ты все-таки, что я говорю неправду, что свобода воли существует, существуют добро и зло и смысл жизни, что это не бессмыслица, а несомненный факт?

Неизвестный. Да, скажу.

Духовник. Но если ты это скажешь, не должен ли ты будешь отвергнуть основную посылку мою, из которой сделаны эти выводы, то есть мое неверие?

Неизвестный. Да... Пожалуй...

Духовник. Теперь тебе ясен путь моих рассуждений?

Неизвестный. Да.

Духовник. Так начнем рассуждать. Перед нами вопрос о свободе воли. Что разумеется под этим понятием? Очевидно, такое начало, действия которого не определяются какой-то причиной, а которое само определяет эти действия, являясь их первопричиной. Воля человека начинает ряд причинно-обусловленных явлений, сама оставаясь свободной, то есть причиной не обусловленную. Ты согласен, что я верно определяю понятие свободы воли?

Неизвестный. Да.

Духовник. Можем ли мы признать существование такого начала? Разумеется, нет. Для нас, материалистов, понятие “свободы” – вопиющая бессмыслица, и наш разум никаких иных действий, кроме причинно-обусловленных, представить себе не может. Ведь мир состоит из различных комбинаций атомов и электронов. Никакого иного бытия, кроме материального, нет. Человек не составляет исключения. И он своеобразная комбинация тех же атомов. Человеческое тело и человеческий мозг можно разложить на определенное количество химических веществ. В смысле вещественности нет никакого различия между живым организмом и так называемой неодушевленной вещью. А мир вещественный подчинен определенным законам, из которых один из основных – закон причинности. В этом вещественном мире нет никаких бессмысленных и нелепых понятий “свободных” действий. Шар катится, когда мы его толкаем. И он не может катиться без этого толчка и не может не катиться, когда толчок дан. И он был бы смешон, если бы, имея сознание, стал уверять, что катится по своей свободной воле и что толчок – это его свободное желание. Он не более, как шар, который катится в зависимости от тех или иных толчков, будучи вещью, напрасно воображает себя каким-то “свободным” существом.

Все сказанное может быть заключено в следующий логически неизбежный ряд: никакого иного бытия, кроме материального, не существует. Если это так, то и человек – только материальная частица, то он подчинен всем законам, по которым живет материальный мир. Если мир живет по законам причинности, то и человек, как частица вещества, живет по тем же законам. Если материальный мир не знает свободных “беспричинных” явлений, то и воля человека не может быть свободной, и сама должна быть причинно-обусловленной. Итак, свободы воли не существует. Ты согласен, что я рассуждаю строго логически?

Неизвестный. Да.

Духовник. Ты согласен с этим выводом?

Неизвестный. Нет, конечно, не согласен. Я чувствую свою свободу.

Духовник. Будем рассуждать дальше. Перед нами вопрос о хороших и дурных поступках. Один человек отдал последний кусок хлеба голодному. Другой отнял последний кусок хлеба у голодного. Признаешь ли ты нравственное различие этих поступков?

Неизвестный. Признаю.

Духовник. А я утверждаю, что никакого материального различия между этими поступками нет, потому что понятия добра и зла – полнейшая бессмыслица. Мы уже показали бессмысленность понятия свободы воли в вещественном мире. Такою же бессмыслицей мы должны признать и понятия добра и зла. Как можно говорить о нравственном поведении шара, который двигается,

когда его толкают, и останавливается, когда встречает препятствие? Если каждое явление причинно-обусловлено, то и в нравственном смысле они безразличны. Понятия добра и зла логически неизбежно предполагают понятие свободы. Как можно говорить о дурных и хороших поступках, когда и те и другие одинаково не зависят от того лица, которое их совершает?

Представь себе автомат, который делает только те движения, которые обуславливает заведенная пружина, – разве ты скажешь, что автомат поступил нравственно или безнравственно, опустив руку? Он опустил руку, потому что не мог сделать иначе, потому что такова его пружина, и поэтому его механические действия никакой моральной оценки иметь не могут.

Но чем же отличается живой человек от автомата? Только тем, что пружина автомата видна, а пружина живого человека не видна. Но как тот, так и другой – лишь кусочки вещества, и потому они никаких иных действий, кроме механических, то есть причинно обусловленных, производить не могут.

Все сказанное заключим опять в последовательный логический ряд: никакого иного мира, кроме вещественного, не существует. Если это так, то и человек – только частица вещества. Если он частица вещества, то подчинен законам вещественного мира. В вещественном мире все причинно-обусловлено, потому у человека нет свободной воли. Если у него нет свободной воли, то все его поступки, как механически неизбежные, в нравственном смысле безразличны. Итак, “добра” и “зла” в вещественном мире не существует. Ты согласен, что я рассуждаю совершенно логично?

Неизвестный. Да, я не заметил никакой ошибки в твоих рассуждениях.

Духовник. Значит, ты согласен с моими выводами?

Неизвестный. Нет, не согласен.

Духовник. Почему?

Неизвестный. Потому что во мне есть нравственное чувство, и я никогда не соглашусь, что нет морального различия между подлым и благородным поступком.

Духовник. Очень хорошо. Будем рассуждать дальше. Перед нами вопрос о смысле жизни. Ты признаешь, что какой-то смысл жизни существует?

Неизвестный. Да, признаю.

Духовник. А я утверждаю, что никакой цели и никакого смысла у человеческой жизни нет, потому что ни о каком смысле не может быть речи там, где отрицается свобода воли и где вся жизнь рассматривается как цепь механических явлений. Когда ты говоришь: я протянул руку, чтобы взять стакан, – ты имеешь два факта, связанных между собой, как цель связывается со средством. Цель – взять стакан. Средство – протянутая рука. И хотя ты, как частица вещества, лишен свободы воли, потому и цель твоя, и средство твое суть не более, как механические явления, но все же, в известном смысле можно сказать, что в твоём движении руки была цель. Если ты возьмешь всю свою жизнь в её совокупности и поставишь вопрос о цели этих связанных друг с другом целесообразных фактов, то такой цели при отрицании вечной жизни быть не может. Смерть прекращает твою жизнь, тем самым прекращает и цель, какую бы ты ни поставил в оправдание всей своей жизни, и делает её “бесцельной.” Отрицая бессмертие и признавая только вещественный мир, можно говорить о цели в самом ограниченном смысле – о цели отдельных поступков, всегда при этом памятуя, что каждый этот поступок есть не что иное, как механически обусловленное действие автомата. Ты согласен с этим?

Неизвестный. Нет, не согласен. Разве не может быть целью человеческой жизни такое возвышенное стремление, как счастье грядущих поколений?

Духовник. Нет, не может быть. Во-первых, нет ничего возвышенного и нет ничего низменного, коль скоро все совершается одинаково несвободно, автоматически, по тем или иным законам вещества. Если один умирает за грядущее счастье людей, а другой предает их, то не потому, что один поступает возвышенно, а другой низко, – они поступают по-разному, как два разных автомата, у которых разные пружины, обуславливающие разные автоматические действия. Но если рассмотреть вопрос и с другой стороны – с точки зрения условной целесообразности этих явлений, то никак “возвышенная цель” не может оправдать жизнь человеческую. В самом деле, если человеческая жизнь не имеет цели, то почему эту цель может дать счастье грядущих поколений? Ведь жизнь каждого из представителей этих грядущих поколений также не имеет никакой цели. Каким образом может осмыслить жизнь человеческую счастье бессмысленно живущих людей? В какую бы даль ни отодвигали бессмыслицу и бесцельность, она не приобретет от этой дальности расстояния ни цели, ни смысла.

Неизвестный. Однако люди, совершенно отрицающие вечную жизнь, во имя этой цели жертвуют собой не на словах, а на деле. Очевидно, для них “счастье грядущих поколений” не пустой звук. За пустой звук не отдашь свою жизнь.

Духовник. Во-первых, они отдадут свою жизнь не почему-либо иному, как по все той же основной причине: так комбинируются атомы, так действует механическая причина, что иначе они поступить не могут. Но, конечно, оставаясь верными логике, мы должны назвать такую жертву совершенно бессмысленной. И если ты скажешь человеку: иди умирать за счастье людей, которые будут жить через несколько десятков лет, – он вправе ответить: а какое мне дело до счастья этих ненужных людей, чтобы я отдал за них свою собственную жизнь?

Неизвестный. Ужасные выводы все-таки.

Духовник. Да, ужасные. Но их следует сделать неизбежно. И если ты не хочешь, не можешь их принять, чувствуешь их неправду, ты должен отвергнуть основную посылку, то есть отвергнуть отрицание бессмертия. Ведь эти выводы, в конце концов, гораздо бессмысленнее для твоего разума, чем признание бытия без материальной основы или “беспространственности” души.

Неизвестный. Да, конечно. Особенно трудно принять вывод об отсутствии смысла жизни. Так величественна история человечества, так много создано человеческим гением, так прекрасны произведения искусства, наконец, в своей собственной жизни столько возвышенных стремлений, столько внутренней борьбы, столько страданий, что дикою кажется мысль о бесцельности всего этого. Но что меняется в этом вопросе при вере в бессмертие?

Духовник. Все меняется совершенно! Вечная жизнь, как нечто, не имеющее предела и потому не нуждающееся для своего оправдания в чем-то последующем, может быть самодовлеющей целью и потому может осмыслить весь предшествующий ряд явлений, то есть все конечные моменты земной жизни. Остановимся на этом подробнее. Со стороны формальной, земная жизнь человеческая есть последовательный ряд причин и следствий, который, с точки зрения целесообразности, может рассматриваться как ряд средств и целей. Например: я иду по улице, чтобы купить хлеб. Я совершаю ряд движений, которые являются средством для достижения цели – покупки хлеба. Какова цель покупки хлеба? Мне хочется есть, и я хочу утолить голод. Эта цель совершенно достаточна, чтобы дать смысл покупке хлеба. Но можно ли сказать: цель моей жизни – утолить голод? Такая цель не может оправдать жизнь, потому что конечное само определяется чем-то последующим, что является для него целью. Целью окончательной, дающей смысл всем предыдущим преходящим моментам, может быть только то, что остается всегда и потому не нуждается в последующей цели как своем оправдании. Такая цель и есть жизнь вечная. В ней заключается смысл жизни земной.

Неизвестный. Как же ты определишь этот смысл? Для чего надо жить, если есть бессмертие?

Духовник. Ответ ясен и прост. Надо жить для того, чтобы в процессе земной жизни достигнуть наилучшего устройства бессмертной своей души. Нас ждет жизнь вечная – и в зависимости от достигнутого здесь духовного состояния – будет тем или иным наше вечное бытие. Освещаемая

этой вечной задачей, вся земная жизнь до последней мелочи приобретает великий смысл. При отрицании бессмертия самые крупные события ничтожны, потому что вся жизнь твоя в своей совокупности бессмысленна и потому ничтожна. А при вере в бессмертие, напротив, самое ничтожное событие приобретает великий смысл, потому что великий смысл приобретает вечная твоя жизнь. Для верующего человека нет в жизни мелочей. Все может иметь положительное или отрицательное значение для внутреннего устройства, потому что все в жизни важно, все связано с вечным ее началом в положительном или отрицательном смысле.

Неизвестный. Да, ответ ясен. Но сколько опять поднимается вопросов и недоумений! Зачем тогда рождаются идиоты? Какой смысл в рождении сейчас же умирающих младенцев и прочее, прочее?...

Духовник. Да, много есть вопросов, на которые мы не можем ответить. Потому что многое нам не открыто в Божественном откровении и для человеческого разума без высшего откровения недоступно. Но разве на все вопросы могут ответить признающие только вещественный мир и разве все явления для них понятны? Однако это не заставляет тебя сомневаться в том, что ты считаешь основными истинами о веществе. Так же и здесь. Если на какой-либо вопрос мы не имеем ответа – это нисколько не должно нас смущать, коль скоро мы поняли главное, что мир имеет потустороннее бытие, кроме видимого и вещественного, и человек, кроме тела, имеет бессмертную душу. Что же касается вопросов твоих о младенцах и идиотах, то они до некоторой степени могут быть объяснены нами. Мы знаем, каков смысл жизни у человека, живущего на земле. Но совершенно не знаем, и это тайна Премудрости Божией, зачем нужно, чтобы он родился, зачем нужно соединение души и тела. Очевидно, самое соединение это является необходимым условием той вечной жизни, которую даровал людям Господь. Если так, то и младенцы, и идиоты – это условие имеют как вечной жизни участники. И этим уже оправдывается явление их на свет. Неведомо только нам, почему процесс жизни земной для одних душ нужен полностью, для других вовсе не нужен, и они умирают, лишь облекшись в материальную форму, трети, наконец, как идиоты, должны понести физическое возрастание, имея душу, совершенно загражденную слабостью разума.

Неизвестный. Еще вопрос. Если смысл жизни где-то там, на небесах, то все здешнее делается безразличным. Зачем бороться со злом? Терпи. Умрешь – там будешь блаженствовать. Но против перенесения смысла жизни в загробную область во мне протестует мое право на жизнь здесь, на земле.

Духовник. То, что ты говоришь, – это ходячее и совершенно ложное обвинение. Напротив, вера в бессмертие вливает энергию в борьбу со злом. Человек не кусок материи, который сгниет, а нечто, имеющее великую ценность, потому что он является носителем вечного бессмертного начала. Поэтому все существо верующего человека охватывает желание бороться с тем, что калечит и губит вечную ценность.

Верующему человеку настолько важнее бороться со злом, чем человеку неверующему, насколько вечность больше краткого мгновения земной жизни. Если неверующие люди, для которых человек не более, как кусок материи, живущей неизвестно зачем 50–60 лет и потом распадающейся на составные части, борются со злом, то как же должен бороться с ним тот, для кого человек имеет вечную бессмертную душу?

Неизвестный. Все это так сложно, так отвлеченно и так трудно принять!

Духовник. Простота неверия кажущаяся. Неверующие люди поступают недобросовестно. Они отрицают бессмертие и освобождают себя от тех нравственных обязательств, которые налагает на человека религия. Неверие дает простор в удовлетворении страстей, и безудержный эгоизм становится главной движущей силой. Но, освободив себе путь для эгоистической жизни, они в то же время не хотят сделать всех выводов, к которым их обязывает неверие. Если бы они эти выводы сделали добросовестно, получился бы такой ужас, что им ничего не осталось бы другого, как бежать от своего неверия и искать спасения от безнадежного отчаяния в религии. Вместо этого они предпочитают грубый самообман. Они продолжают употреблять слова, не имеющие в их устах никакого смысла: “свобода”, “добро”, “зло”, “цель жизни” и этими словами спасают себя от

ужаса неизбежных выводов неверия. Но эти слова чужие. Только религия дает им действительное содержание. Самообман ловкий, очень удобный, но не прочный. Отвергнув религию, потому что так удобнее, и позаимствовав от нее слова, на которые не имеют права (потому что так тоже удобнее), неверие не может удовлетворить человеческую совесть. Она непременно скажет более или менее слышно, что сказал ты: я чувствую свободу воли. Значит, человек не вещь. Я чувствую различие добра и зла. Значит, есть иной, не только вещественный, мир. Я чувствую смысл жизни. Значит, неверие – ложь. Против насилия повседневного элементарного рассудка протестует бессмертный дух наш и побуждает совесть искать истину. Не рассудок, а сама душа знает и таинственное непостижимое начало свободы, которая дарована ей, и коренное различие добра и зла, и высший, вечный смысл человеческой жизни. Потому и можно сказать положительно: добросовестное неверие всегда приводит к вере.

Неизвестный. А что, если окажется легче принять ужас, чем веру? Что, если ты меня убедишь, что “свобода”, “добро” и “зло”, “смысл жизни” – чужие слова, и надо выбирать: или полный отказ от этих слов и признание всех ужасающих выводов последовательного неверия или право на эти слова и вместе с тем религиозную их основу. И что, если при такой постановке вопроса я не смогу выбрать второе и выберу все-таки первое, как ты тогда будешь убеждать меня в истинности твоей веры?

Духовник. Тогда я не буду убеждать тебя, вот и все.

Неизвестный. Почему?

Духовник. Один великий человек сказал, что абсолютная истина и абсолютная нелепость одинаково не требуют доказательств.

Неизвестный. Как не требуют? Выводы, к которым ты пришел в своих рассуждениях, ужасны. Но нельзя заставить себя верить из страха перед неизбежностью принять их. Твои рассуждения могут привести человека к такому безнадежному решению: ничего кроме материи не существует. Я в этом убежден. Из этого следует, что человек автомат, добра и зла не существует и жизнь человеческая не имеет никакого смысла. Это ужасно. Но пусть так. Если эти выводы неизбежны, я принимаю и эти выводы. Что можешь сказать ты такому человеку в защиту веры? Чем опровергнешь его неверие? Неужели, по-твоему, с таким человеком просто не стоит разговаривать?

Духовник. Нет, ты не понял меня. В конечном итоге вера и неверие логически одинаково недоказуемы. Что может сделать логика? Она может вскрыть ложь основной посылки, показав, к каким нелепым выводам эта ложная посылка приводит. Но если человек лучше готов принять явно нелепые выводы, чем отказаться от этой посылки, – тут логика бессильна. такому человеку можно помочь иным путем. Ему не надо доказывать, а надо раскрыть положительное содержание истины. И если непосредственное чувство подскажет ему, что это действительно истина, – он ее примет.

Неизвестный. Какого метода ты будешь держаться со мной?

Духовник. И того, и другого. Говоря о бессмертии, я пользовался логическим методом, потому что ты обещал мне в случае явно нелепых выводов остаться при своих убеждениях о свободе воли, добре и зле и смысле жизни и отказаться от неверия в бессмертие как основной посылки. Что же касается разговоров в их совокупности, я надеюсь, что они дадут то, что достигается вторым методом, то есть раскроют перед тобою самое содержание истины. Но это касается будущего. А теперь вернемся к нашим рассуждениям и подведем итог сказанному.

Неизвестный. Хорошо. Подводи итог, но потом я должен сказать тебе еще нечто.

Духовник. Прекрасно. Итак, рассмотрение веры в бессмертие нас привело к следующим выводам.

Во-первых, вера в бессмертие не так противоречит разуму, как кажется с первого взгляда, потому что и в материальном мире есть явления, не вполне совпадающие с обычными нашими представлениями о веществе.

Во-вторых, условно допустив истинность отрицания всякого бытия, кроме вещественного, мы пришли к целому ряду логически неизбежных нелепых выводов, таких, как отрицание свободы воли, различия добра и зла и смысла жизни.

В-третьих, эти нелепые выводы, противоречащие непосредственным и несомненным данным нашего сознания, заставили нас отвергнуть основную посылку, из которой они вытекали, то есть наше утверждение, что никакого иного мира, кроме вещественного, не существует, и человек является лишь частицей этого вещественного мира.

Неизвестный. Да, правильно. Только последнее я бы не мог принять в столь категоричной форме. Я бы сказал так: эти выводы поставили под сомнение истинность основной посылки о том, что человек только частица вещества.[300]

^ Задания

Внимательно прочитайте текст.

Опираясь на реплики Неизвестного, в которых выражается его согласие с выводами Духовника, найдите и выделите смысловые части, отражающие ход диалога.

Найдите и укажите логическую форму следующего рассуждения Неизвестного, назовите посылки и вывод умозаключения: “Научные опыты с несомненностью устанавливают, что так называемая психическая жизнь является результатом физико-химических процессов, и поэтому нельзя совершенно отделять ее от материи. А отсюда следует, что с уничтожением этих физико-химических процессов в живом организме – должна уничтожаться и вся жизнь. Значит, никакой “души” остаться не может.” Объясните, почему это суждение ложно.

На материале диалога дайте интерпретацию следующих формул: $SeP \rightarrow \neg SaP$; $SeP \rightarrow \neg SiP$; $\neg SeP \rightarrow SiP$; $SiP \rightarrow \neg SeP$; $\neg SiP \rightarrow SeP$; $SoP \rightarrow \neg SaP$; $\neg SoP \rightarrow SaP$.

Найдите логическую ошибку в следующем умозаключении: “Искусственное раздражение некоторых желез вызывает определенные психические явления. Повреждение определенных клеток в результате дает как механическое следствие изменение определенных психических состояний и т. д. Неужели эти факты не доказывают неопровержимо, что все явления “душевной” жизни есть простое следствие тех изменений и процессов, которые происходят в нашем теле?” Пользуясь материалом теоретического раздела, укажите условия истинности суждений, связанных отношениями контражности, контрадикторности, подчинения и субконтражности.

Какие виды причинно-следственной связи рассматриваются в следующем рассуждении по аналогии: “Возьми электрическую лампочку. Когда лампочка в порядке, электрическая энергия дает свет, лампочка горит. Но вот лопнул волосок. Ток оборвался. Лампочка не горит. Значит ли это, что электричества не существует и что лампочка и электрическая энергия одно и то же? Электричество существует вне лампочки. Но для того, чтобы проявить себя, оно требует целого ряда материальных условий. Точно так же и та “энергия”, которую мы именуем душой. Если ты повредишь материальный аппарат, который служит для выражения душевной жизни, например, ту или иную часть мозга, – душевная жизнь не сможет выражать себя или будет выражать себя неправильно. Но из этого совсем не следует, что мозг твой и есть твоя душа или что душевная жизнь твоя – результат физико-химических процессов в мозговых клетках. Как не следует, что электрическая лампочка и электрическая энергия одно и то же”?

Найдите в тексте и сформулируйте внешние топы (положения), на основе которых Духовник доказывает существование бессмертной души.

Дайте логически правильные последовательные определения понятий человека, свободы воли, души, разума, бессмертия, нравственности, добра и зла, смысла, выстроив их в последовательный ряд таким образом, чтобы каждое последующее определение вытекало из предыдущего и опиралось на него.

Восстановите полную логическую структуру следующего умозаключения; выразите его в виде последовательности силлогизмов и в форме сорита: “Все сказанное может быть заключено в следующий логически неизбежный ряд: никакого иного бытия, кроме материального, не существует. Если это так, то и человек – только материальная частица, то он подчинен всем законам, по которым живет материальный мир. Если мир живет по законам причинности, то и человек, как частица вещества, живет по тем же законам. Если материальный мир не знает свободных “беспричинных” явлений, то и воля человека не может быть свободной, и сама должна быть причинно-обусловленной. Итак, свободы воли не существует.”

Восстановите логическую форму следующего умозаключения: “Если каждое явление причинно-обусловлено, то и в нравственном смысле они безразличны. Понятие добра и зла логически неизбежно предполагают понятие свободы. Как можно говорить о дурных и хороших поступках, когда и те и другие одинаково не зависят от того лица, которое их совершает?”

Восстановите логическую форму условного умозаключения: “Если ты возьмешь всю свою жизнь в ее совокупности и поставишь вопрос о цели этих связанных друг с другом целесообразных фактов, то такой цели при отрицании вечной жизни быть не может. Смерть прекращает твою жизнь, тем самым прекращает и цель, какую бы ты ни поставил в оправдание всей своей жизни, и делает ее “бесцельной.”

Представьте следующее рассуждение в виде последовательной цепочки силлогизмов: “Надо жить для того, чтобы в процессе земной жизни достигнуть наилучшего устройства бессмертной своей души. Нас ждет жизнь вечная – и в зависимости от достигнутого здесь духовного состояния – будет тем или иным наше вечное бытие. Освещаемая этой вечной задачей, вся земная жизнь до последней мелочи приобретает великий смысл. При отрицании бессмертия самые крупные события ничтожны, потому что вся жизнь твоя в своей совокупности бессмысленна и потому ничтожна. А при вере в бессмертие, напротив, самое ничтожное событие приобретает великий смысл, потому что великий смысл приобретает вечная твоя жизнь. Для верующего человека нет в жизни мелочей. Все может иметь положительное или отрицательное значение для внутреннего устройства, потому что все в жизни важно, все связано с вечным ее началом в положительном или отрицательном смысле.”

Используя материал диалога, постройте доказательство необходимости борьбы со злом как следствия бессмертия души и существования Бога.

Используя материал диалога, организуйте в классе дискуссию на тему “Религия и нравственность.”

^ Тема 4. Композиция речи
Политическая судебная речь
^ Текст 1. Столыпин П. А

Первая речь в третьей Государственной Думе.

Господа члены Государственной думы!

Для успеха совместной работы вашей с правительством вам надлежит быть осведомленными о целях, преследуемых правительством, и о способах, намеченных для их достижения, и о существовании законодательных его предположений.

Ясная и определенная правительственная программа является, в этих видах, совершенно необходимой.

Поэтому, несмотря на то, что я еще так недавно излагал перед Думой правительственные законопроекты, оставшиеся с тех пор без рассмотрения, мне приходится вновь выступать перед настоящим высоким собранием с заявлением от имени правительства.

Хотя на рассмотрение ваше, господа члены Государственной думы, вносятся те же, за малыми исключениями и изменениями, законопроекты, которые внесены были во Вторую Думу, но условия, при которых приходится работать и достигать тех же целей, не остались без изменения.

Для всех теперь стало очевидным, что разрушительное движение, созданное крайними левыми партиями, превратилось в открытое разбойничество и выдвинуло вперед все противоборствующие преступные элементы, разоряя честных тружеников и развращая молодое поколение.

Противопоставить этому явлению можно только силу. Какие-либо послабления в этой области правительство сочло бы за преступление, так как дерзости врагов общества возможно положить конец лишь последовательным применением всех законных средств защиты.

По пути искоренения преступных выступлений шло правительство до настоящего времени – этим путем пойдет оно и впредь.

Для этого правительству необходимо иметь в своем распоряжении в качестве орудия власти должностных лиц, связанных чувством долга и государственной ответственности. Поэтому проведение ими личных политических взглядов и впредь будет считаться несовместимым с государственной службой.

Начало порядка, законности и внутренней дисциплины должны быть внедрены и в школе, и новый строй ее, конечно, не может препятствовать правительству предьявлять соответственные требования к педагогическому ее персоналу.

Сознавая настоятельность возвращения государства от положения законов исключительных к обыденному порядку, правительство решило всеми мерами укрепить в стране возможность быстрого и правильного судебного возмездия.

Оно пойдет к этому путем созидательности, твердо веря, что, благодаря чувству государственности и близости к жизни русского судебного сословия, правительство не будет доведено смутой до необходимости последовать примеру одного из передовых западных государств и предложить законодательному собранию законопроект о временной приостановке судебной несменяемости.

При наличии Государственной думы задачи правительства в деле укрепления порядка могут только облегчиться, так как помимо средств на преобразование администрации и полиции правительство рассчитывает получить поддержку представительных учреждений путем обличения незаконных поступков властей как относительно превышения власти, так и бездействия оной.

При этих условиях правительство надеется обеспечить спокойствие страны, что даст возможность все силы законодательных собраний и правительства обратить к внутреннему ее устройению.

Устройство это требует крупных преобразований, но все улучшения в местных распорядках в суде и администрации останутся поверхностными, не проникнут вглубь, пока не будет достигнуто поднятие благосостояния основного земледельческого класса государства.

Поставив на ноги, дав возможность достигнуть хозяйственной самостоятельности многомиллионному сельскому населению, законодательное учреждение заложит то основание, на котором прочно будет воздвигнуто преобразованное русское государственное здание.

Поэтому коренною мыслью теперешнего правительства, руководящею его идеей был всегда вопрос землеустройства.

Не беспорядочная раздача земель, не успокоение бунта подачками – бунт погашается силою, а признание неприкосновенности частной собственности и, как следствие, отсюда вытекающее, создание мелкой личной земельной собственности, реальное право выхода из общины и разрешение вопросов улучшенного землепользования – вот задачи, осуществление которых правительство считало и считает вопросами бытия русской державы.

Но задачи правительства осуществляются действием. Поэтому никакие политические события не могли остановить действия правительства в этом направлении, как не могли они остановить хода самой жизни. Вследствие сего правительство считает, что исполнило свой долг, осуществив ряд аграрных мероприятий в порядке ст. 82 зак. Осн., и будет защищать их перед законодательными учреждениями, от которых ждет усовершенствования, быть может, поправок в них, но в конечном результате надеется на придание им прочной силы путем законодательного утверждения.

На устойчиво заложенном таким образом основании правительство предложит вам строить необходимые для страны преобразования посредством расширения и переустройства местного самоуправления, реформы местного управления, развития просвещения и введения целого ряда усовершенствований в строе местной жизни, между которыми государственное попечение о неспособных к труду рабочих, страхования их и обеспечение им врачебной помощи останавливают теперь особое внимание правительства. Соответственные проекты готовы. Большинство их вносится немедленно в Государственную думу. Другие же, как затрагивающие многосторонние, местные интересы, будут предварительно проводиться через Совет по делам местного хозяйства и вноситься в Думу постепенно, с принятыми правительством поправками и, во всяком случае, с заключением названного Совета. Такой порядок устанавливается правительством ввиду того, что опубликованные во время сессии Второй Думы законопроекты Министерства внутренних дел вызвали оживленное обсуждение на местах и многочисленные ходатайства о передаче их на заключение земских собраний. Замечания местных деятелей могут быть скорее всего сведены в одно целое и соображены правительством путем живого общения с представителями земств и городов, и результаты этой работы должны послужить драгоценным материалом для законодательных учреждений и особенно их комиссий.

Задержки в работах Государственной думы это не вызовет, так как Совет по делам местного хозяйства созывается незамедлительно, и, по мере рассмотрения всех законопроектов Министерства внутренних дел, касающихся местных хозяйственных интересов, они будут тотчас же передаваться в Государственную думу, а до того времени Государственная дума будет иметь возможность рассмотреть целый ряд непосредственно вносимых в Думу законопроектов, перечень которых представляется вместе с сим. Из проектов, касающихся земельного устройства, ныне же вносится в Государственную думу проект о земельных обществах; в области местных преобразований принципиальное значение имеет представляемый в Думу проект Министерства юстиции о преобразовании местного суда, так как в зависимости от принятия этого законопроекта стоит проведение в жизнь другого – о неприкосновенности личности и целый ряд преобразований в местном управлении.

Точно так же подлежали бы рассмотрению в первую очередь все принципиальные законопроекты по другим ведомствам, а также те, которые указывают правильный путь к осуществлению дарованных Высочайшим манифестом населению благ.

При этом правительство почтет своим долгом, в принадлежащей ему области, содействовать всем мероприятиям на пользу господствующей церкви и духовного сословия.

Правительство надеется в скором времени предложить на обсуждение Государственной думы также проекты самоуправления на некоторых окраинах, применительно к предполагаемому новому строю внутренних губерний, причем идея государственного единства и целостности будет для правительства руководящей.

Излишне добавлять, что, несмотря на наилучшие отношения со всеми державами, особые заботы правительства направляются к осуществлению воли Державного вождя наших вооруженных сил о постановке их на ту высоту, которая соответствует чести и достоинству России.

Для этого нужно напряжение материальных сил страны, нужны средства, которые будут испрошены у вас, посланных сюда страной для ее успокоения и упрочения ее могущества.

От наличия средств зависит, очевидно, осуществление всех реформ и разрешение вопроса о последовательности их проведения в жизнь. Поэтому расчет средств, которыми располагает государство, является работой не только основной, но и самой срочной. Вам придется вследствие сего неминуемо обратиться в первую очередь к обсуждению внесенной в Государственную думу государственной росписи и при этом считаться, конечно, с неизбежностью сохранить бюджетное равновесие как основу воссоздания русского кредита.

С своей стороны правительство употребит все усилия, чтобы облегчить работу законодательных учреждений и осуществить на деле мероприятия, которые, пройдя через Государственную думу и Государственный совет и получив утверждение Государя Императора, несомненно восстановят и укрепят прочный правовой уклад, соответствующий русскому народному самосознанию.

В этом отношении Монаршая воля неоднократно являла доказательство того, насколько Верховная власть, несмотря на встреченные ею на пути чрезвычайные трудности, дорожит самими основаниями законодательного порядка, вновь установленного в стране и определившего пределы Высочайше дарованного ей представительного строя.

Проявление Царской власти во все времена показывало также воочию народу, что историческая Самодержавная власть и свободная воля Монарха являются драгоценнейшим достоянием русской государственности, так как единственно эта Власть и эта Воля, создав существующие установления и охраняя их, призвана в минуты потрясений и опасности для государства к спасению России и обращению ее на путь порядка и исторической правды.[301]

^ Задания

Внимательно прочитайте текст речи; подробно охарактеризуйте политическое положение и расстановку политических сил в России начала XX века.

Когда и почему была избрана Третья Государственная Дума?

Каковы были компетенция и функции Государственной Думы?

Какие политические партии, с какими программами были в ней представлены?

Каким было отношение государя Николая Александровича к Третьей Государственной Думе?

Каковы были государственно-политические взгляды П. А. Столыпина?

Какова была экономическая программа правительства П. А. Столыпина?

Какова была политическая программа правительства П. А. Столыпина?

Охарактеризуйте политику и мероприятия правительства в области религии.

Охарактеризуйте государственную политику в области культуры и образования.

Охарактеризуйте национальную политику правительства П. А. Столыпина.

Главное положение речи П. А. Столыпина: “Для успеха совместной работы вашей с правительством вам надлежит быть осведомленными о целях, преследуемых правительством, и о

способах, намеченных для их достижения, и о существовании законодательных его предположений. Ясная и определенная правительственная программа является, в этих видах, совершенно необходимой.” Используя это главное положение и материал речи, постройте деление предмета речи: о каких вопросах высказывается оратор?

Кратко сформулируйте предложенное П. А. Столыпиным решение каждого вопроса.

Положение: “Для всех теперь стало очевидным, что разрушительное движение, созданное крайними левыми партиями, превратилось в открытое разбойничество и выдвинуло вперед все противоборствующие преступные элементы, разоряя честных тружеников и развращая молодое поколение” не развернуто в речи; постройте повествование о революционных событиях 1905–1906 годов, которое подтверждало бы это положение.

Положение речи: “Противопоставить этому явлению можно только силу. Какие-либо послабления в этой области правительство сочло бы за преступление, так как дерзости врагов общества возможно положить конец лишь последовательным применением всех законных средств защиты” необходимо развернуть в подробную аргументацию; сформулируйте обоснование этого положения. Почему противопоставить революционной деятельности можно только силу? Что произойдет, если правительство окажется недостаточно решительным в подавлении революции? Почему нравственным долгом правительства является пресечение революционных выступлений? В чем состоят, по вашему мнению, законные средства защиты общества от деятельности революционных партий? Почему именно эти средства являются законными?

В чем состоят функции государственно-административного аппарата? Как бы вы сформулировали этические требования к государственному служащему? Почему проведение личных политических взглядов несовместимо с государственной службой?

Чем вызвано внимание оратора к школе? Какую роль играет школа в жизни государства и общества? Какими должны быть, по мысли П. А. Столыпина и по вашему мнению, государственно-политические требования к педагогическому персоналу?

Какова роль законодательства, суда, прокуратуры, следственных органов и полиции в обеспечении правопорядка? В чем состоит принцип несменяемости судей? Какое “передовое западное государство” имеет в виду П. А. Столыпин?

На каких принципах основан суд присяжных? Каковы, по вашему мнению, достоинства и недостатки суда присяжных? Предложите обоснование вашего решения.

На основе каких принципов должен комплектоваться судейский корпус? Выборности судей? Кооптации в судебную коллегия? Назначения судей государственной властью? Предложите обоснование вашего решения.

Что такое “контрольные функции” законодательной власти? Имеет ли российская законодательная власть в настоящее время контрольные функции?

Дайте определение контрольных функций законодательной власти и предложите обоснование их целесообразности или нецелесообразности.

Считаете ли вы правильной точку зрения П. А. Столыпина на проблему крестьянской собственности и на перспективы организации крестьянского хозяйства в России? Какие точки зрения противостоят позиции П. А. Столыпина? Сформулируйте и обоснуйте вашу точку зрения применительно к началу XX века и к нашему времени.

В чем должны состоять функции местного самоуправления? Каково, по вашему мнению, должно быть соотношение компетенции местной и центральной власти в России? Какие задачи (перечисленные П. А. Столыпиным или иные) может решать местная, а какие центральная власть? Предложите обоснование вашего решения.

Как должна быть организована работа законодательных органов власти, чтобы законодательная деятельность была эффективной? Каковы, по вашему мнению, важнейшие требования к законодательным нормам? Каким образом следует обсуждать законопроекты? Предложите обоснование ваших решений.

Какие государственные или общественные институты могут обладать законодательной инициативой? Предложите обоснование ваших решений.

В чем заключаются проблемы конфессиональной политики государства? Какой должна быть государственная политика в отношении Церкви? Какие законодательные решения могли бы обеспечить правильную, на ваш взгляд, политику государства в отношении религий? Предложите формулировки решений и их обоснование.

В чем состоят проблемы национальной политики в России? Какими должны быть принципы и формы национальной политики государства? Предложите ваши решения и дайте их обоснование.

Каковы задачи и проблемы внешней политики России? Какими средствами ее следует осуществлять? Предложите обоснованное решение.

В чем состоят задачи и проблемы оборонной политики России? Какими должны быть организация и комплектование вооруженных сил России? Каким должно быть законодательство о вооруженных силах? Предложите обоснованное решение.

Каковы принципы финансовой политики государства? Что такое государственный бюджет? Каковы параметры государственного бюджета? Каковы требования к государственному бюджету? Как и кем должен формироваться государственный бюджет?

Ответив на предшествующие вопросы и обосновав свои позиции, попытайтесь сформулировать и обосновать вашу точку зрения на наилучшее государственное устройство России. Какие существуют формы государственного устройства? Какие формы государственного устройства существовали и существуют в России? Как можно оценить исторический опыт российской государственности? Какой государственный строй вы считаете желательным и возможным в России?

Объясните, почему П. А. Столыпин расположил именно в таком порядке аргументацию своей речи.

Выбрав наиболее интересные для вас вопросы, затронутые в речи П. А. Столыпина, и используя материал теоретического раздела, подготовьте политическую дискуссию: основную речь-доклад с конкретными предложениями, вопросы к докладчику, полемическую речь, краткое обсуждение доклада и полемической речи, ответную речь докладчика, согласование позиций сторон в комиссии, тайное голосование принятых комиссией предложений.

^ Текст 2. Обвинительная речь в суде

Речь присяжного поверенного кн. А. И. Урусова по делу Московского кредитного общества. Заседание Московской Судебной Палаты с участием сословных представителей,

20 сентября – 4 октября 1899 года

Гг. Судьи! Гг. Сословные представители! В самом начале судебного заседания защита Шильдбаха предъявила против нас отвод. На основании устава Кредитного общества, говорила защита, не может быть потерпевших кроме самого Общества. Раз действия правления одобрены общим собранием заемщиков, то гражданская ответственность с правления снимается. Недовольные пусть обращаются к суду гражданскому с иском о недействительности такого постановления общего собрания.

Вот как! Значит, по мнению Шильдбаха, нет потерпевших, те полтора миллиона, потерю которого признает сама защита, – не убыток. Члены-заемщики потеряли эти деньги, но искать их не могут. На суде уголовном нет для них права судебной защиты!

Я бы не стал говорить об этом отводе теперь, когда он уже был отвергнут Палатой, если бы он не был для меня интересен как показатель глубокого помутнения сознания подсудимых. Десяток лет безнаказанных злоупотреблений приучил их считать себя выше всякой ответственности. И вот, перед Палатой они приводят против заемщиков те же доводы, которые с такой покорностью вторили порабощенные общие собрания. И здесь, перед судом, они чувствуют себя так же, как в собраниях уполномоченных, точно они заседают в своих директорских креслах!

Если в отношении материальном наши иски ничтожны: что значит полтора миллиона убытков на 156 миллионов облигаций! – меньше процента, то общественное значение дела – громадно.

Однако, мы полагаем, что если есть общее положение закона, что потерпевший может искать убытки с обвиняемого, то не может быть и речи о недопустимости в данном случае гражданского иска. И вот почему, несмотря на ничтожность требований каждого из потерпевших в отдельности, мы настаиваем на них: перед лицом суда нет ни ничтожных, ни значительных исков – он различает только требования справедливые и несправедливые.

Но кроме тех грошей, на которые директора с их генеральскими окладами и министерскими бюджетами смотрят с презрением, у гражданского иска, сказал я, есть и другие основания. Ведь убытки, нанесенные преступлением, не исчерпываются прошедшим. Существует постоянная опасность убытков грядущих, убытков от той азартной игры, в которую превратили директора ипотечный кредит. Генеральный штаб этой кредитной армии здесь, перед судом, но ее кадры, проникнутые традициями ее предводителей, целы и продолжают традиционную деятельность. Кто может поручиться, что все окончилось, что в недалеком будущем не грозят экономические затруднения и ликвидация дел? И так как все члены-заемщики связаны круговой порукой, то у них есть полное основание опасаться наступления момента, когда в этой поруке явится неотложная необходимость. Осуждение гг. Шильдбаха и Герике нанесет, конечно, сильный удар системе, но, может быть, она перенесет его и останется невредимой.

Итак, миллионный убыток в прошедшем угрожает в будущем не только миллионными потерями, но, по заключению ревизии, и ликвидацией. Как ни печальны эти последствия, грозящие Москве еще невиданным крахом, но, можно сказать, что почти ничтожны сравнительно с общественным злом, причиненным заправилами Кредитного общества.

Они извратили выборное начало; они создали пародию самоуправления. Системою долголетнего хищения они развили опасную спекуляцию и самое низкопробное маклачество. Зрелищем безнаказанного прибыльного обмана они развращали массы. Говоря словами достойнейшего гражданина Москвы Митрофана Павловича Щепкина, это была “гибель общественного доверия и общественного достоинства.”

Деятельность Кредитного общества, давно ставшая притчей во языцех в Москве, мало чем отличается от истории обыкновенных банковых крахов, – только что здесь крах был предупрежден вовремя. Там болезнь имела более острый характер. Здесь затянулась, стала хронической и, вероятно, неизлечимой. Там злоупотребляли вексельным кредитом, здесь – ипотечным. И вот, путем последовательных злоупотреблений, учреждение ипотечное превратили в банк... ссудно-комиссионный.

Вот, я и думаю: что это за удивительное явление? Кредитное общество нарушает устав на глазах у всех, и не год, не два, – а десятки лет... И ничего! Растут убытки, на руках остаются 2½ миллионов домов, которые разрушаются, продаются за бесценок... И ничего! Обществу грозит ликвидация, правительство встревожено, ревизия по Высочайшему повелению, и все-таки продолжается прежняя история, только прибавляется несколько подлогов. Наконец, предадут все правление суду – а они продолжают себе директорствовать, как ни в чем не бывало! Как хотите, это удивительно непонятно.

Чтобы понять такое общественное явление, болезненное, очевидно, и упорное – нужно изучить особые условия организации Кредитного общества.

Нам придется коснуться фактов, исчерпанных уже предшествующими ораторами, из которых представители обвинения разработали фактическую сторону с большим блеском. Но когда двое пишут один ландшафт, получаются две картины. Они представляют одно и то же, а картины выходят все-таки разные. Каждый вносит свой темперамент в дело, свое понимание, свой колорит.

Уголовная сторона дела меня не интересует. Нравственной стороны подсудимых я касаться не буду; я ее не знаю. Но общественное значение дела, причинившего нам ущерб, занимает меня, и вредное, опасное для общества значение деятельности гг. Цветухина, Шильдбаха и Герике представляется мне совершенно ясным.

Пора обратить внимание суда на реальную сущность практиковавшейся в Кредитном Обществе системы; довольно рассматривать ее со стороны; надо войти в самое горнило и посмотреть на нее глазами самих деятелей, понять их так, как они сами себя понимали.

В какой тесной, неразрывно логической связи находятся все отдельные части обвинения? С одной стороны, система выборов, с другой – растраты, подлоги. Тут не могло не быть того, что кредитные деятели называют методом, но уложение именуется подлогом. Подлог – неизбежный спутник длящейся растраты.

Директора поставили свои хищения на строго коммерческих основаниях, а где коммерция, там неизбежен и куртаж. И с неизбежной закономерностью является сонмище маклаков, во главе которых фигурирует крестьянин Генералов (есть нечто символическое в этом сочетании звания и фамилии).

Что же за организацию избрало правление для упрочения своей безнаказанности в то время, когда злоупотребления его сделались уже притчею во языцех для всей Москвы? Изучение этой организации дает прелюбопытные черты для характеристики нашего времени и общества. Выработанный на пороге эпохи великих реформ и нашего времени, устав Общества не дает никакой почвы для ажиотажа, для превращения ипотечного учреждения в игорный дом. Щепкин сказал, что кредитное общество по мысли законодателя должно было представлять собой беспроектную лотерею. Оно и было таким в начале; но не могло долго оставаться в этом виде, “ибо что же можно выиграть в беспроектную лотерею?”

А заправила хотели выиграть много. Они состояли из дельцов и юристов. Юристы поспешили разъяснить, что раз есть устав, то его можно и обходить. В основании устава лежит выборное начало, создающее массу избирателей. Правление разбило их на две категории: на исправных плательщиков, единственная заслуга которых состояла в том, что они платили, и на недоимщиков, которые, не платя денег, способны были на другие, более существенные услуги. Правление пошло по торной дороге. Оно решило, что нелепы все общие собрания, результаты которых загадочны и не могут быть учитываемы вперед. Что это за общие собрания, которые одно предложение примут, а другое, того и гляди, отвергнут. И оно создало из недоимщиков покорные общие собрания, решения которых известны были наперед, собрания, постоянные в своих симпатиях.

Теперь дело поставлено было уже на вполне серьезные основания, и на Петровке открылись золотые россыпи, доступные всякому, кто только умел уловить жилу. Избиратели были быстро дисциплинированы, выборные должности сделались пожизненными, мало того, наследственными. Цветухина свергла с его поста только смерть. После К. К. Шильдбаха место директора занимает его сын А. К. Шильдбах, а последнего сменяет его брат С. К. Шильдбах. Когда С. К. Шильдбах становится директором, А. К. делается председателем общих собраний уполномоченных. Не стоит говорить уже об Иде Шильдбах, тоже отвоевавшей себе кусочек. Вообще в Кредитном обществе наступает полное торжество семейного начала.

Но, может быть, не этим объясняется преемственность Шильдбахов на всех курульных креслах общества? Может быть, их выдвигали вперед их финансовые способности, их личные достоинства? С. К. Шильдбах только штабс-капитан в отставке...

Правление, упрочивши на Петровке семейное и преемственное начало, решает создать себе и дисциплинированные органы управления, и наблюдательный комитет. В оценочной комиссии не было оппозиционного элемента: она вступила в трогательную солидарность с правлением, в чем находила большие выгоды. Что касается наблюдательного комитета, то в нем вредный элемент имелся, но в такой небольшой дозе, что его удалось исподволь выжить. Образовался тот наблюдательный комитет, одного из членов которого (Грачева) вы видите перед собою, а остальных... слышали!

Таким образом, дела правления шли идеально. Серая масса заемщиков утверждала что угодно, оценочная комиссия преувеличивала оценки, чем подкупала в пользу правления недоимщиков, а наблюдательный комитет... ничего не наблюдал.

При таких порядках подчинение правлению остальных органов управления – оценочной комиссии и наблюдательного комитета – является уже вполне естественным. Теперь правление могло действовать свободно. Растрата казначея Анитова обращается в просчет, в обеспечение 55.000 р. с лишком, недоимки Гирша директор Цветухин берет векселя на свое имя, проходят удивительные оценки, переоценки и перезалоги, как перезалог Смирновского или операция с домом Дитмара, земля которого на приеме в залог была оценена по 6 р. за сажень, а когда он пожелал часть земли исключить из залога и продать, ее оценили только по 3 р., залог Буцковской и других. В некоторых делах есть даже элемент чудесного. На купленный матерью Генералова в Кредитном обществе дом совершается в тот же день вторая закладка на имя Шильдбаха, дом сгорает, и страховая премия идет на погашение этой накладной. Тою же Генераловой покупается другой дом, опять совершается закладная на имя Шильдбаха, выдается из Кредитного Общества дополнительная ссуда, затем дом сгорает, и страховой премией погашается закладная Шильдбаха. Вводится вознаграждение за комиссию по продаже домов, причем в получении денег расписываются очень часто лица, никаких комиссионных действий не совершавшие, и деньги, вероятно, для упрощения дела, прямо из кассы относятся в правление. Правление чувствовало себя настолько прочным, что даже властный окрик министра финансов: “Что вы делаете?” даже прямые его приказания игнорируются собранием, которое вместо того увеличивает число директоров, т. е. увеличивает расходы Общества...

/Цитата вывода ревизии/.

Вот когда правление как следует обставило дела, тогда окончательно выработалась система, потребовавшая и отчетности особого рода. Нужен был человек, который умел бы искусно замаскировать перед общими собраниями истинное положение дел. Такой нашелся в лице Медианова.

С таким союзником правлению не страшно было министерство финансов, и оно вступило в открытую войну с высочайшей властью. Министерство требует восстановления ½ %-го сбора – общее собрание не желает. Министерство указывает на допущенные правлением беспорядки, а общее собрание вотирует ему благодарность.

Медианов уже говорил здесь, что дела Кредитного Общества требовали специальной отчетности и что рассматривает бухгалтерию не как науку, а как искусство. Эти слова его полны глубокого значения. Действительно, для заправил требовалась совершенно специальная бухгалтерия и несомненно, что она имела более общего с искусством, с художествами, чем с наукой. По уставу правление обязано было опубликовать отчеты в самых определенных выражениях, но правлению нужно было совершенно обратное, требовался отчет-ширма. В самом деле, каждый год накапливались убытки, преувеличенные оценки плодили недоимщиков. Недоимки покрывались дополнительными ссудами; дома, из которых выжато было все, бросались и оставались за Обществом; Общество отдавало их в руки управляющих; управляющие наживались;

комиссионные деньги расхищались. Как же скрыть все это, как замазать убытки? Правление нашлось и в этом случае.

§ 73 Устава гласит, что если дом продан или остался за Обществом, правление поступает на основании § 23 Устава. В этих словах заключается разрешение недоразумений, которые старательно поддерживал эксперт г. Езерский. Ведь в § 23-м, к которому отсылает § 73-й, совершенно ясно сказано, что общество покрывает убытки из запасного капитала впредь до продажи залога. За это слово “общество” и схватилось правление, которое решило, что покрытие убытком из запасного капитала – это такое дело, которое может разрешить только общее собрание. Но ведь § 73-й ясно говорит, что это обязано делать правление, что правление обязано поступать согласно § 23. Конечно, весь Устав относится к деятельности Общества, но ведь правление и есть его исполнительный орган и если где-нибудь сказано, что Общество должно сделать то-то и то-то, это значит, что правление, а не общее собрание должно это сделать, круг обязанностей же общего собрания определен специальными пунктами Устава. Все это не требует даже столь подробных разъяснений, ибо тут нет места ни двусмысленностям, ни колебаниям. И уж конечно, не таким умным людям, как гг. Шильдбах и К°, непонятен был этот пункт Устава, но им необходимо надо было толковать его так: в этом заключалось их спасение. Ведь отложить списание убытков до общего собрания значило выиграть год. Итак, убытки не списывались под тем предлогом, что правление не имеет на это права. Иначе говоря, правление не считало себя вправе исполнять требования Устава и закона.

Необходимость подлогов выступает теперь в почти кристальной ясности. Правление в журнале своем постановляет по дому Буцковской причитающийся от продажи его убыток покрыть из текущих расходов Общества, а начет пени исключить из счетов Общества. Что же это, неужели не ликвидация? По мнению правления, нет. Проходит несколько недель, и Медианов обращается с рапортом, в котором докладывает, что для заключения финансового года без убытка “необходимость заставляет” оставить на счету недоимки по продаже дома Буцковской до окончательного расчета. Да какой же еще может быть окончательный расчет после сказанного журнального постановления? Что значит все это? Это значит, что для заключения года без убытка надо сделать подлог. Смысл ясен. И правление отвечает бухгалтеру: “Делайте подлог.”

О том, что нельзя показывать убытки, говорил и г. Езерский. Он говорил, что это может вызвать панику на бирже. Отсюда можно вывести заключение, что когда на бирже падают бумаги, то можно совершить подлог. Эту теорию лжи во спасение особенно странно слышать из уст эксперта-бухгалтера. Нет, не паники на бирже опасалось правление, а того, что его не выберут вновь. Если хотите, оно боялось паники, но не на бирже, а в среде самого Общества.

Эти злоупотребления привели к замене общих собраний собраниями уполномоченных. Но и эта мера не могла упорядочить дел Общества. Заправила его были слишком опытные, чтобы не найти в своем арсенале средств для защиты. Избирателей просвещали канделябрами, направляли сигналами, которые подавали особые дирижеры из членов наблюдательного комитета. Собрания уполномоченных были простым фарсом. Это комедия “Свои люди – сочтемся”, поставленная на народном театре под фирму “Развлечение и польза.”

В настоящее время Общество выпустило свой отчет, в котором показан 3-х миллионный капитал, и гг. Герике и Шильдбах указывают на это, ставят себе это в заслугу, как будто бы этот запасной капитал был их детищем. Ничуть не бывало. Если бы министерство финансов не приказало восстановить ½%-ый сбор, этого запасного капитала не было бы и помину. Его создатель – министерство финансов.

Возникшее в первых порах эпохи реформ, Кредитное общество сумело сохранить все традиции доброго старого времени: в его отчетах мы встречаем и умильно-торжественный тон (“правление счастливо”), и тон почтительный (“наблюдательный комитет повергает”), и заветное искусство отговорки и отписки – драгоценное наследие московских подьячих, и, наконец, столь любезную сердцу обывателей доступность в смысле добровольных соглашений и благодарностей. Словом, дух покойной Управы благочиния.

Все меры исправления недостатков в распорядках Общества были уже испытаны и оказались мало действительными.

Благие начинания не привели к благим результатам. Система гг. Гарике и Шильдбаха еще цела, целы и кадры послушно шествовавших за ними.

Когда существует такая опасная форма общественной деморализации, когда столь пагубная деятельность длилась безнаказанно так долго, она неминуемо вносит в общество начала разложения. Единственным оплотом теперь является суд, на котором лежит высокая обязанность оздоровления Общества путем удаления вредных его элементов. Дело теперь в руках суда! [302]

^ Задания

Внимательно прочитайте речь. Сопоставьте содержание вывода с тем положением речи, которое повторяется в выводе, и назовите тезу – главную мысль речи. Сформулируйте предложение обвинителя, которое вытекает из главного положения речи.

Выделите композиционные части речи: вступление, главное положение, изложение, подтверждение, опровержение, рекапитуляцию с выводами, побуждение.

Определите задачи и характер вступления речи; чем обусловлено столь пространное вступление? Объясните строение вступления.

Выделите в изложении повествовательные, описательные фрагменты и истолкования-оценки, объясните их расположение в тексте.

Укажите границы подтверждения (технической аргументации).

Найдите в тексте подтверждения-аргументы к авторитету, к человеку, к норме, к цели и средствам.

Объясните расположение аргументов.

Найдите в тексте опровержение и укажите его границы.

Найдите в опровержении аргументы к человеку, к цели и средствам, к основанию; укажите топы, схемы и редукции этих аргументов.

Найдите в тексте рекапитуляцию, объясните сравнение, на основе которого она построена: как это сравнение влияет на реакцию аудитории?

Сравните слова, употребленные в формулировках главного положения и побуждения речи; дайте объяснение сходства и различия тезы и побуждения.

^ Текст 3. Защитительная речь в суде

Речь присяжного поверенного Н. П. Шубинского по делу крестьянина Сергея Киселева на сессии Владимирского окружного суда в г. Муроме 29 октября 1898 года.

Гг. Присяжные заседатели!

Подробности настоящего дела кратки и немногосложны. Они состоят из откровенного рассказа самого обвиняемого и шести свидетельских показаний. И все-таки они с замечательной ясностью и силой рисуют перед нами многолетнюю и глубокую драму человеческой жизни. Я не понимаю только, почему неискренними считает объяснения обвиняемого г. прокурор. Право, я редко встречал такую прямоту, такое мужество в передаче обвиняемым каждого факта, каждого события, какие желал бы знать и установить даже против него суд. Не вижу я и той озлобленности и жестокосердия, какие находит в душевном состоянии его г. обвинитель в роковой для него день 21 июня. Свидетели говорят совсем о другом: что всегда, вне случаев опьянения покойной, Киселев нежно любил жену, “души в ней не чаял”, как выражается свидетель Тальникова, а после

события свидетель Иван Киселев находит его на завалинке своего дома горько плачущего, окруженного своими детьми, которым он говорил, указывая на брата: “Вот вам теперь отец, – а на его жену, – вот мать... Только не проклинайте своего отца!” Вот настроение человека в первые моменты после события. Можно ли говорить о какой-либо дикости, жестокосердии в те минуты с его стороны? Нет, я думаю, тогда произошло раздвоение: в нем померк под давлением роковых событий – горя, отчаяния, стыда, душевных мук – бодрый, мягкий, любящий человек и вырвалась наружу гневливая воля оскорбленного и негодующего мужа...

Отчего случилось это? Здесь я охотно присоединюсь к призыву г. прокурора и прошу изучить прошлое, проследить, как дошел обвиняемый до рокового порыва.

Г. прокурор говорит: “Еще 8 лет тому назад появилось облачко на горизонте семейной жизни Киселевых – пьянство жены, постепенно перешедшее в тучу, но “разразившуюся не благодатным дождем”, а событием, за которое вы нынче судите мужа. Да, я вполне присоединяюсь к образному сравнению г. прокурора, но только прошу вас припомнить, что туча шлет не один только благодатный дождь, но и молнии, которые разрушают все, что встречают на своем огненном пути. Так случилось и с Киселевой. Быть может, и были минуты всепрощения у обвиняемого и благодатных слез, когда он просит жену бросить порок. И она обещала ему, но исполнения не случилось, и та же почва должна была дать огневой удар. Вот уж поистине с ней случилось то, что говорит пословица: сеющий ветер пожнет бурю. Горька, конечно, ее судьба, но никто в мире не в состоянии вернуть ее к жизни и никакое негодование, которого просят у вас, не внесет облегчения прошлому. Напротив, формой вашего негодования должна явиться гибель другого человека. Справедлива ли она, мера ли это его проступка? – решите сами. Прошу вас только вникнуть всесторонне в то, что это был за преступник. Было ли это злодеяние сознательное, преследующее определенную цель и выражающее ясно сознаваемое намерение – убить, как думает г. прокурор, или же это были минуты утраченной воли, померкшего сознания от целого ряда глубоких жизненных мук, огорчений, отчаяния, стыда?”

Мне кажется – последнее, и я постараюсь доказать вам правоту моей мысли событиями прошлой жизни обвиняемого. Обратимся же к ним. Они с неоспоримой ясностью расскажут нам, что в этом деле говорить о “запальчивости и раздражении” мало; их рождают минуты гнева, порыва, ссоры. А здесь более глубокий процесс; здесь протекал ряд лет, переполнивших муками отчаяния и горя грудь этого человека. Он боролся, справлялся иногда с ними, побеждал. Так было до рокового дня, когда негодование и гнев победили его усилия и вылились в порыв, который он сам оплакивает горше всех нас!..

Да, чем проникновеннее вы отнесетесь к прошлому, подготовившему почву для взрыва, тем священнее выполните свой судейский долг. Не механическую только сторону события рассудить вы призваны сюда, не осудить только руки, поднятые в порыве негодования, или лицо, искаженное бессилием противостоять порыву, – а тот процесс медленного набухания горя, гнева и отчаяния в человеческой груди, который привел, наконец, к роковой катастрофе. И тогда, пройдя этот путь познания, вы в силах будете сказать, волен или неволен этот грех человека.

Приступим же к этому делу изучения прошлого.

Жизнь выработала во мне свой взгляд на преступление. Если оно является результатом порочности человека, я первый говорю: “Бестрепетно карайте его.” Если же в преступление впадает человек безупречного прошлого и всегда праведной жизни, не спешите осуждением его, взгляните с отеческим вниманием: есть ли вина в содеянном, нет ли тут вины других, их порочного отношения к жизни, их беззаботности к тому, что вызвало порыв негодования другого человека? О, не судить погибшую хочу я здесь, но судить порок, который довел ее до преждевременной гибели. А порок это был велик и жесток в ней. Я не знаю более печального, отвратительнейшего явления, чем пьянство женщины. И в мужчине оно постыдно, но в женщине, где стыдливость уместнее всего, оно поистине отвратительно. Есть мудрая пословица: “Муж пьет – полдома горит, жена пьет – весь дом горит.” Здесь было не только употребление покойной вина для веселья или бодрости; нет, это был твердо вкоренившийся порок. “Пила всегда одна, без мужа, до безобразия, до бесчувствия”, как показывают свидетели. Г. прокурор говорит – это была

болезнь. Да, но от которой больше всего страдали другие, и болезнь неизлечимая, если не сделает усилий сам больной. Однако же при муже она умела сдерживать себя: пила, когда оставалась одна. Значит, владеть еще могла собою. Подумайте, что должен был испытывать муж ее? Это, ведь, не работница, не кухарка – ее не сгонишь со двора... Они связаны были вечными узами! Припомните также его самого по отзывам всех свидетелей. Он третье трехлетие староста, всеми уважаемый человек, безупречный торговец, у него, ведь, своя честь, свой стыд. И вот, на глазах всех, жена предается грубейшему пороку. Что должен был испытывать он? Какие печали мучили и угнетали его грудь, когда он возвращался домой и находил такую, по словам работницы Рыжовой, обстановку: “дети не умыты, не причесаны, не накормлены, а сама она пьяная, растрепанная, нечесаная.”.. Так протекали годы, пока не наступил последний, роковой день жизни покойной.

21-го июня муж рано утром уехал в село строить лавку. Покойная остается одна, немедленно напивается и засыпает. Проспавшись, она обливает голову водой и идет пить чай. Работница думает: “Ну, хотя к приезду мужа будет трезвой.” Но после чая она берется за водку и напивается так же жестоко во второй раз, проходит в омшаник, существующий для нечистот, сваливается там, среди них, и засыпает. Возвращается муж. Первый вопрос его: “Где Паша?” Рыжкова что-то невнятно отвечает и видит, как мрак опускается на его лицо. Он спешит к омшанику и будит спящую. Та появляется на дворе – муж это видит – пьяная, растрепанная, с бессмысленным лицом, покрытая грязью нечистот, и с трудом, шатаясь, добирается до сеней, где сваливается на пол и засыпает. Он говорит нам, что что-то такое невыразимо-тягостное защемило грудь и помutilо сознание. Он помнит, что что-то делал, куда-то ходил, потом вернулся в сени, где положил раньше топор, придя с постройки лавки. Топор оказался в руке, и катастрофа совершилась. Он опомнился, по его словам, когда “зашумела кровь.”.. Теперь уже говорят другие: они слышат крики, видят его, в воротах, со словами: “Вяжите меня – я зарубил жену.” Он обливается слезами; к нему подходит жена брата; он опирается о ее плечо рукою, и она ведет его к своему дому. Там видит его прибегающий Тальников, по словам которого, “он сидел у дома брата и, обняв детей, горько плакал; глаза у него были не свои, весь трясся.” Вот каковы события! Вот две жертвы одного и того же проклятого порока!

Да, милостивые государи, в народной жизни нет более рокового, печального порока, чем пьянство. Нет беды, нет горя, нет несчастья, нет преступления, которое не породило бы оно. И если диавол – прародитель греха, то вино – главное из воплощений его. Нет ученого, богослова, мыслителя, которые не проклинали бы пьянство. Ни бедствия войн, ни эпидемий не могут сравниться с этим пороком, – говорят они. – Он уничтожает человека, божеский образ в нем, доводит его до животного. Нет – хуже! У животного остается инстинкт, у опьяневшего человека нет даже и его!..

Теперь рассудите, что же должен был испытывать Киселев, человек вовсе не пьющий. От наших пороков более всего страдают близкие, окружающие нас люди. С другой стороны, порок ни в ком так не противен, как в близком нам человеке. Чем чище сам человек, тем тяжелее ему мириться с бесстыдством другого.

Долгие годы мучительной борьбы с собою переносил обвиняемый, пока гнев не затмил его разума, не взял верх над его волею. Скажут мне: ведь это-то и есть худое – гнев, охватывающий человека. Но всякий ли гнев и безусловно ли должен осуждаться людьми? Нет, милостивые государи, бывают положения в жизни, когда даже высшее проявление гнева ненаказуемо. В дружественной нам стране – Франции, – где высоко ценится и ограждена человеческая личность, ненаказуем гнев мужа, убившего жену на месте ее измены. А ведь, по словам Писания, пьянство не отличается от измены. Там сказано: “дела плоти: прелюбодеяние... пьянство.”..

Попытаемся же, с другой стороны, уяснить себе вопрос: что такое наказание? Какие цели преследует оно? Первое – удовлетворить общественному негодованию против преступника. Но разве здесь можно говорить о нем? Припомните слова Ивана Киселева: “Когда народ узнал о событии, он хлынул не в дом, где лежала покойная, а к дому, где был обвиняемый, и, окружив его, все плакали навзрыд.” Второе – подвергнуть преступника мукам. Но разве он мало их вынес за годы своей жизни с покойной, да и теперь, когда события разбили его семейную, личную, общественную жизнь? И третье – осуждают, чтобы оградить общество от злого человека. Таков ли он? Вглядитесь со вниманием – похож ли он на злодея? События еще не делают человека таковым.

Есть незабвенные слова, сказанные знаменитым ученым Фейербахом: “На убийство в состоянии душевного возбуждения способны и благородные характеры.” А о Киселеве все говорят: “честный, трезвый, преданный заботам и трудам человек.” Если такой человек срывается в пропасть, не хочется верить, что это – неразрешимая вина его...

Но вернемся еще раз на одну минуту к основному утверждению обвинителя. Он настаивает на умысле на убийство у обвиняемого. Сопоставьте это утверждение с фактами дела. К роковому для него дню он выстраивает большой и ценный дом, отдается всегдашним заботам жизни, строит лавку и, весь погруженный в деловые заботы, возвращается домой. Где же тут место умыслу? Умысел, если бы он в действительности существовал, нашел бы иные формы покончить с женою. Да и зачем было искать их? Стоило только не поберечь ее, чтобы случай явился и сделал то, что сделала его рука. Нет, здесь была нечаянность, роковой момент, затмение человеческой мысли. Я знаю, вам будут говорить: “Да, ведь, не мог же он не знать, ударяя топором, что он лишает жизни.” Это – не признак умысла. Сумасшедший, стреляя в другого, тоже знает, что лишает жизни; животное, ударяя рогами, знает и хочет отнять жизнь. Но их не судят: у них нет рассудка. То же бывает и с человеком. У одних в злые минуты – гнева, злости, ожесточения, у других – в пору горя, скуки, стыда, отчаяния. Последнее и есть признак помрачения ума, бессилия воли, способной удержать порыв, сдержать негодование.

По-моему, все эти черты здесь налицо перед вами, и вам надо решать, что здесь – злодеяние или несчастье, – и решить, только руководясь одним своим убеждением, ибо только вы несете ответ за свои слова. Закон наделяет вас величайшей властью – определять виновность и невиновность. И нет границы ей, кроме вашей совести. Отпустив его, вы скажете лишь: “Да рассудит их Бог.”

Теперь я отдаю вам его судьбу. Да укрепит Господь ваш разум, да смягчит ваши сердца!..[303]

^ Задания

Внимательно прочитайте текст речи и найдите в нем тезу, главное положение, которое доказывается в речи.

Определите тип вступления, дайте обоснование вашего ответа.

Укажите границы изложения; выделите в изложении повествовательные, описательные, объяснительные фрагменты и объясните их взаимное расположение в составе изложения.

Укажите границы подтверждения, дайте обоснование вашего ответа.

Найдите в подтверждении аргумент к авторитету (общему мнению), аргумент к личности, аргумент от противного (к авторитету), аргумент к иерархии норм, диахронический аргумент к структуре реальности (к последовательности событий), к признаку.

Объясните строение рекапитуляции и побуждения, учитывая задачи оратора и особенности коллегии присяжных.

Внимательно прочитайте текст “Орестей” Эсхила: “Агамемнона”, “Плакальщиц” и “Эвлиниды.” Руководствуясь данными текста, а также “Илиадой” и “Одиссеей”, составьте обвинительное заключение предварительного следствия против Ореста и, возможно, соучастников предполагаемого преступления. Подготовьте материалы обвинения и защиты, а также материал для речи Ореста.

Разыграйте в классе судебный процесс по делу Ореста, распределив роли подсудимого и свидетелей и избрав для этого коллегию присяжных и состав суда: судей, обвинителя и защитника, экспертов обвинения и защиты.

^ Тема 5. Элокуция. Публицистика

^ Текст 1. Константин Петрович Победоносцев

Государь Император Александр Александрович

Речь в заседании Императорского русского исторического общества 6 апреля 1895 года.

Человек делает историю; но столь же верно и еще более значительно, что история образует человека. Человек может узнать и объяснить себя не иначе, как всю свою историю. Дух человеческий с первой минуты бытия неудержимо, непременно стремится всякую свою способность, всякую мысль, всякое ощущение выразить, воплотить в действии, – и вся эта энциклопедия событий и действий составляет жизнь человеческую. В этом смысле жизнь, составляя сцепление событий, связанных между собою логической связью причины и действия, в то же время есть таинство души: есть события в жизни, которые роковым, таинственным образом действуют на чуткую душу, определяя стремления, волю, характер и всю судьбу человека.

Но человек есть сын земли своей, отпрыск своего народа: кость от костей, плоть от плоти своих предков, сынов того же народа, и его психическая природа есть их природа, с ее отличительными качествами и недостатками, с ее бессознательными стремлениями, ищущими сознательного исхода. У всякого народа, как и у отдельного человека, есть своя история, своя сеть событий и действий, в которых стремится воплотить себя душа народная. В исторической науке пытливый ум, критически исследуя факты, действия и характеры, желает определить точную достоверность их и уловить взаимную их связь и внутреннее значение в судьбах общественной и государственной жизни народа. С глубоким интересом, с наслаждением, с удивлением читаем мы страницы этой книги, восхищаясь остротой критического ума, искусством художника; по старинному выражению, история – учительница народов, граждан и правителей, – но кому из них пошли впрок ее уроки? Кто, закрывая книгу, овладевшую всем его вниманием, не ощущал в душе горького сознания, что пред ним открывалась старая, как мир, летопись человеческой гордости, эгоизма, жестокости и невежества, свиток, в котором написаны “жалость и рыдание и горе”?

В ином, более глубоком, смысле, история земли и народа, образуют человека, сына земли своей, если у него душа чуткая. Чуткая душа вносит в историю свое живое чувство, и тогда всякий факт, всякий характер в истории отвечает на то, чему душа верит, что ум в состоянии обнять, так что своя духовная жизнь становится для человека текстом, а летопись истории – комментарием к нему. В этом свете события открывают ему свое таинственное значение, и мертвая летопись оживает поэзией духовной жизни целого народа. Иное, в чем наука, анализируя факты и свидетельства о них, видит одну легенду, сложившуюся в народном представлении, – то самое получает смысл явления, оправдавшего себя в жизни и в истории, становится истиной для духа. Чего бы ни достиг разлагающий анализ ученого-историка в исследовании сказаний о Владимире, о Димитрии, о Сергии, об Александре Невском, – для чуткой души это явление, этот образ становится созвездием, проливающим на нее лучи свои, совершающим над нею свое течение в тверди небесной.

Мне представляется, что так образовалась душа почившего, незабвенного Государя, которого память собрались мы ныне чествовать в Обществе, Им основанным. Душа Его была чуткая в отзывчивости ко всему, в чем сказывалась ей природа своей земли и своего народа.

Он вырос возле старшего брата, наследника престола,[304] можно сказать, в тени Его, питая Свою душу дружбой с Ним, воспринимая от Него впечатления и вкусы Его умственного и нравственного развития. То были годы беспорядочного брожения умов в науке, в литературе, в обществе, но близ Царевича стояли люди, которые способны были привлечь Его внимание к явлениям русской жизни, к сокровищам духа народного и в истории народа и в его литературе. Таковы были Ф. И. Буслаев[305] и С. М. Соловьев.[306] Под влиянием их образовались вкусы обоих братьев и интерес их к русской старине. В поездках Своих по России, изо дня в день одушевляемый встречавшим Его повсюду народным движением, Цесаревич успел узнать и полюбить народ Свой и проследить ход его истории на памятниках древности. Успел узнать и полюбить природу коренного русского края, столь сродную русскому духу. Душа Его росла и крепла на родной почве, в родной атмосфере, и в письмах к любимому брату Он передавал ему свои ощущения.

Настал 1865 год. Он принес России страшное горе – Богу угодно было отнять у России светлую надежду. Цесаревич Николай Александрович скончался – и оставил грядущие судьбы России в наследство возлюбленному Брату, предав Ему и все заботы юной души Своей.

Нежданное, негаданное бремя легло на душу нового Цесаревича, и Он принял его в смирении, как долг, возложенный на Него Провидением, принял и в глубине души Своей поверил Богу судьбу Свою и России. Ныне и Его, по воле Божией, оплакивая, мы видим, чувствуем, как до конца оправдалась эта вера.

С этого дня до вступления на престол в 1881 году, Он зрел в тишине, не думая, не гадая о том страшном часе, которым ознаменовалось вступление Его на царство. Эти годы были для Него поистине годами воспитания, и оно совершалось в духе исторических заветов народа Русского и Русского государства. Еще в детстве любимым Его чтением были исторические романы Загоскина[307] и Лажечникова,[308] и в нем, как во многих русских детях, это чтение возбудило первое движение любви к отечеству и национальной гордости. Интерес к этому чтению сохранил Он и в юности, и в последующие годы Своей жизни. Беседы с С. М. Соловьевым открыли Ему внутренний смысл русской истории и значение борьбы, которую вело собиравшее землю государство с противогосударственными и противоязычными силами. Ему случалось сходиться с умными русскими людьми, и Он любил слушать их речи о русской старине и суждения о делах и событиях нового времени с русской точки зрения: так росла в Нем та чуткость к русским интересам, которая в годы царствования открылась нам в силе истинной государственной мудрости. Памятники русской старины, которые Он изучал наглядно во время поездок по России, были для Него предметом особого интереса, и Он ощущал тонко ту своеобразную красоту линий и украшений, которою отличался тип нашей старинной церковной архитектуры. С тех пор требовал Он к Своему рассмотрению все проекты новых церковных сооружений, и глаз Его с удивительною верностью различал все, что в отдельных частях здания нарушало цельную его гармонию или не согласовывалось с основным типом. В душе Его отражался лучшими привлекательными чертами тот образ великорусского человека, который привлекает к нему сочувствие всех успешных близко с ним ознакомиться. И в людях и в учреждениях Ему было противно все искусственное, напускное и напыщенное; но простой человек, приближаясь к нему, чувствовал свое душевное сродство с Русским Государем.

И для отдельного человека, и для народа, и для общества всю цену истории составляет самосознание. И отдельный человек, и народ, представляемый властью, познает себя в своей истории. Поучительна история развития этого самосознания у нас в России. Стоит сравнить в этом отношении две эпохи – начало и конец текущего столетия, время двух Александров Императоров – Александра I и Александра III. Первый Александр тоже любил Россию и народ Свой, но Его воспитание не дало Ему возможности узнать ни историю страны Своей, ни народ Свой. Он родился в такое время, когда простой народ слыл под общим названием подлых людей, и сверху мало кто различал в нем облик достоинства; когда западная культура, перенесенная на русскую почву, выражалась лишь во внешних формах чуждого нам быта; когда на самую Церковь смотрели сверху как на учреждение, необходимое для народа, но уступающее в достоинстве римскому культу просвещенного Запада. И ум, и сердце неудержимо влекли молодого Государя к возвышенной цели – привить ко благу народному, водворить порядок в хаосе учреждений, искоренить злоупотребления, разрешить стеснительные узы рабства и предрассудка. Но идеал, к которому применялись Его стремления и планы, – был не в России, а вне ее. Воспитанный Лагарпом в духе отвлеченных идей философии XVIII столетия, из них почерпал Он отвлеченный идеал Свой, а русская история, русская действительность была Ему закрыта и представлялась чистым полем, на котором можно строить что угодно. Окруженный плеядой юных советников, Он заодно с ними погружался в мечтания: не зная натуры народа и его потребностей, мечтал Он о представительном правлении, долженствовавшем будто бы водворить разум и правду в правительстве; не знал Церкви Православной в ее народном значении, мечтал об уравнивании с нею всех вероисповеданий и о безразличии церквей и вероучений; мечтал о восстановлении Польши, не зная истории, которая сказала бы Ему, что Царство Польское означает рабство и угнетение для всего Русского народа.

С того времени до вступления на престол Императора Александра III протекло с лишком столетия. В этот период времени трудно исчислить, сколько сделано успехов, как выросло русское историческое самосознание, – и наиболее заметный рост его относится именно ко времени воспитания и первой юности Цесаревича Александра Александровича. Открыто и обнародовано множество новых памятников, осветивших историю народной жизни, явились молодые ученые с самостоятельными взглядами на учреждения, и события, и характеры, в литературе и в обществе проснулся живой интерес к памятникам народного творчества в песнях, в былинах, в музыке, в архитектуре.

В Москве собрался кружок культурно образованных людей, одушевленных мыслью о необходимости народного самосознания в исследовании прошедших судеб страны своей и своего народа; они явились в обществе и в литературе с протестом против ложного отношения к русской жизни и ее потребностям, против самодовольного невежества и равнодушия ко всему, что касалось до самых живых интересов России. Это были люди, искавшие в прошедшем своей родины идеала для устройства будущих судеб ее, и они первые сознательно выяснили перед всеми нераздельную связь русской народности с верой и с Православною Церковью. Независимо от крайностей учения, слово это было необходимо ввиду надвигавшегося с Запада космополитизма и либерального доктринерства: вот почему деятельность этого кружка имела важное значение в истории русского просвещения. Молодой Наследник Цесаревич, рано ознакомившийся с этим направлением через А. Ф. Тютчеву,[309] не мог не сочувствовать ему чутким русским сердцем, любящим народ Свой и землю, и жаждущим правды и прямого дела для земли Своей.

Посреди таких явлений и воздействий возрастал и образовался будущий Император. И вместе с тем выростала и укреплялась в народе вера в Него, оправдавшаяся в течение всего 13-летнего Его царствования. Для крепости правления нет ничего важнее, нет ничего дороже веры народной в своего правителя, ибо все держится на вере. Что бы ни случилось, – все знали и были уверены, на что, в важных случаях государственной жизни, даст Он отрицательный и на что положительный ответ из Своей русской души. Все знали, что не уступит Он русского, историей завещанного, интереса ни на польской, ни на иных окраинах инородческого элемента, что глубоко хранит Он в душе Своей одну с народом веру и любовь к Церкви Православной, понимая все ее воспитательное значение для народа, – наконец, что заодно с народом верует Он в непоколебимое значение власти Самодержавной в России, и не допустит для нее, в призраке свободы, гибельного смешения языков и мнений.

Когда мы теряем ближнего, любимого человека, мы не думаем спрашивать: что он сделал, мы только ощущаем, чем он был, со всею окружавшею его нравственной атмосферой, все, что от него исходило к нам и держало в нас ту гармонию жизни, которую с кончиной его мы утратили. И кажется в эту минуту – его нет – как нам жить без него? Таким-то чувством дрогнул весь народ Русский, пораженный вестью, что отошел от нас Царь Александр III. Душа народная слилась с Его душой и, утратив Его, сама растерялась. Чувство это живо и поныне. Кто хочет уловить его и ощутить его, и слиться с ним, пусть идет в Петропавловский собор и на эту орошенную слезами могилу – и увидит, как и ныне, и завтра наполняет его торжественно с утра до вечера тихой молитвой бесконечная толпа народная, стекающаяся к этой могиле со всех концов России.[310]

^ Задания

Внимательно прочитайте текст статьи К. П. Победоносцева про себя и вслух.

С точки зрения современных представлений о правильности, чистоте, ясности и точности речи в следующих примерах можно увидеть стилистические погрешности и ошибки, помеченные курсивом. Объясните эти “погрешности стиля” и, перестроив фразы в соответствии с современными правилами, сопоставьте их с контекстом речи.

* Человек может узнать и объяснить себя не иначе, как всею своею историей.

* С глубоким интересом... читаем мы страницы этой книги, восхищаясь остротой критического ума, искусством художника;

- * Дух человеческий с первой минуты бытия неудержимо, непременно стремится всякую свою способность... воплотить в действии.
- * Нежданное, негаданное бремя легло на душу нового Цесаревича.
- * Чего бы ни достиг разлагающий анализ ученого историка...
- * Он вырос возле старшего брата, наследника престола, можно сказать, в тени Его, питая Свою душу дружбой с Ним, воспринимая от Него впечатления и вкусы Его умственного и нравственного развития.
- * С тех пор требовал Он к Своему рассмотрению все проекты новых церковных сооружений.
- * Вот почему деятельность этого кружка имела важное значение в истории русского просвещения.
- * Когда мы теряем ближнего, любимого человека, мы не думаем спрашивать, что он сделал, мы только ощущаем, чем он был, со всею окружавшею его нравственной атмосферой, все, что от него исходило к нам и держало в нас ту гармонию жизни, которую с кончиной его мы утратили.

Найдите в тексте фигуры синонимии и экзергазии, то есть соединения слов, словосочетаний или оборотов с близким значением (например: человек есть сын земли своей, отпрыск своего народа: кость от костей, плоть от плоти своих предков) и объясните различие значений синонимичных слов или оборотов, например: сын и отпрыск; сын земли, отпрыск народа, плоть от плоти своих предков

Найдите в тексте слова и обороты, использованные автором в антонимическом смысле (например: иное, в чем наука, анализируя факты и свидетельства о них, видит одну легенду, сложившуюся в народном представлении, – то самое получает смысл явления, оправдавшего себя в жизни и в истории, становится истиной для духа); объясните словарное и контекстное значение этих слов и оборотов.

Найдите в тексте и выпишите заимствованные слова (например: история, энциклопедия, логический, характер, критический, эгоизм, комментарий, атмосфера, хаос, идеал, философия, космополитизм, либеральное доктринерство); объясните происхождение и значение этих слов в русском языке; попытайтесь заменить каждое из них исконным словом; в тех случаях, где такая замена возможна, укажите различие значения и употребления исконного и заимствованного слов (например: эгоизм – себялюбие, комментарий – истолкование) и объясните использование заимствованного слова автором.

Среди заимствованных слов выделите слова с экспрессивно-оценочным значением (например: космополитизм, либеральное доктринерство), объясните это значение.

Определите тропы: энциклопедия событий и действий; таинство души; чуткая душа; сын земли; кость от костей, плоть от плоти своих предков; пытливый ум, критически исследуя факты, действия и характеры, желает определить летопись человеческой гордости; свиток, в котором написаны “жалость и рыдание и горе”; этот образ становится созвездием, проливающим на нее лучи свои, совершающим над нею свое течение в тверди небесной; питая свою душу дружбой; собиравшее землю государство; памятники русской старины; представляемый властью; самодовольное невежество; орошенная слезами могила.

^ Текст 2. Иоанн, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский. Быть Русским!

Помните, что Отечество земное с его Церковью есть преддверие Отечества небесного, потому любите его горячо и будьте готовы душу свою за него положить... Господь вверил нам, русским, великий спасительный талант Православной веры... Восстань же, русский человек! Перестань безумствовать! довольно! довольно пить горькую, полную яда чашу – и вам, и России.

Святой праведный о. Иоанн Кронштадский

Народ... От частого и бессовестного употребления слово это так истерлось, истрепалось и выцвело, что теперь почти невозможно восстановить его истинное значение. Но, по счастью, жив еще сам народ – униженный и обманутый, обворованный и оболганный, русский народ еще жив.

Только вот – помним ли, знаем ли мы, что означает быть русским? Что для этого надо? Достаточно ли иметь соответствующую запись в паспорте или требуется нечто еще? Если требуется, то что именно? Ответить на эти вопросы – значит обрести точку опоры в восстановлении национально-религиозного самосознания, опомниться после десятилетий атеистического космополитического забвения, осознать себя – свой путь, свой долг, свою цель. Для этого надо прежде всего вернуть народу его историческую память. Только вспомнив, “откуда есть пошла русская земля”, где, в какой почве окрепли благодатные корни, в течение десяти веков питавшие народную жизнь, можно правильно ответить на вопросы, не ответив на которые, не жить нам дальше, а догнивать. На этом пути не обойтись без Православной Церкви, древнейшего хранилища живой веры и нравственной чистоты. Без ее любовного, отеческого окормления – запутаемся и заблудимся, утонем в пучине противоречивых стремлений, честолюбивых амбиций, лукавых советов.

“Откуда все, что есть лучшего в нашем Отечестве, чем ныне более дорожим мы по справедливости, о чем приятно размышлять нам, что отрадно и утешительно видеть вокруг себя? – От веры Православной, которую принес нам равноапостольный князь Владимир. Мы не можем не радоваться необъятному почти величию земли отечественной. Кто первый виновник его? Святая вера Православная. Она соединила воедино разрозненные племена славянские, уничтожила племенные их отличия, поставляющие преграду их общению, и образовала один многочисленный, сильный и единокорный народ русский. Кто соблюл и сохранил нашу народность в течение стольких веков, после стольких переворотов, посреди стольких врагов, посягающих на нее? Святая вера Православная. Она очистила, освятила и укрепила в нас любовь к Отечеству, сообщив ей высшее значение в любви к вере и Церкви. Она воодушевляла героев Донских и Невских, Авраамиев и Гермогенов, Мининых и Пожарских. Она вдыхала и вдыхает воинам нашим непоколебимое мужество в бранях и освящает самую брань за Отечество как святой подвиг за веру Христову...” Эти вдохновенные слова принадлежат преосвященному Димитрию, архиепископу Херсонскому. Давным-давно сказаны они, но неужели не отзовутся и ныне в сердце русского человека!

Неужто не заболит душа при виде того, в какую грязь втоптаны святыни, верность которым десятки поколений доказали всей жизнью своей, защищая которые, пролили столько крови?

Однако сегодня людям вновь пытаются навязать мировоззрение, в котором нет места святыням. Сердце человека – престол Божий – пытаются занять уродливые безблагодатные идола материального преуспеяния: Успех, Богатство, Комфорт, Слава.

Оттого-то и свирепствует в обществе разгул разрушительных страстей – злобы и похоти, властолюбия и тщеславия, лжи и лицемерия. Но знайте все: голый материальный интерес, в какие бы благонамеренные одежды он ни рядился, не может стать основой народной жизни. Бизнес плодит компаньонов, вера – рождает подвижников правды и добра.

“Любим ли мы язык наш благозвучный и сильный, как грудь славянина, богатый и разнообразный, как обитаемая им страна? Его образовала нам святая вера Православная. Она принесла нам с собою первые письмены для расширения круга наших понятий, для сообщения между нами светлых и светоносных понятий о Боге и бесконечной любви Его к человекам, о человеке и его высоком предназначении в вечности... Мы все почти утратили от прежней жизни России, но сохранили святые храмы, в которых молились наши предки; сберегли святыню, завещанную нам от отцов наших, а с нею наследовали и их благословение... Надобно сознаться, что если бы теперь древние предки наши восстали из гробов своих, едва ли бы они узнали в нас потомков: так много изменились мы во всем. Но они узнают нас в святых Божиих храмах, они не отрекутся от нас перед их заветною святынею... Можно ли не пожелать от сердца, чтобы вера Православная, этот родственный, живой союз наш с предками, сохранена была нами и передана потомкам нашим, как

драгоценнейшее наследие, как заветное сокровище, во всей ее пренебесной чистоте и святине, чтобы и будущее отдаленное потомство питало к нам родственно-христианское сочувствие...” Эти слова Херсонского архиерея звучат ныне как обличение, как упрек нам, малодушным и маловерным, осуетившимся в мелких мирских заботах и почти обезверившимся, почти утеревшим связь с великим и славным прошлым собственного народа. Допускаю, что яд религиозного индифферентизма, безразличия к святыням веры, пришедшего на смену откровенному богоборчеству прошлых лет, временно оглушил значительную часть общества, отравил сердце русское, но – не верю, что найдется русский человек (безразлично, верующий или нет), которого оставят равнодушными приведенные выше слова преосвященного Димитрия о нерасторжимой взаимосвязи земного величия России с ее духовной мощью и здоровьем, с крепостью и живостью веры. А коли найдется – не русский он: христородавцы всегда интернациональны.

Но почему, спросит читатель, говоря о неповторимом национальном своеобразии народа, мы начали именно с Церкви? Мало ли других национальных черт, народных характеристик, утерянных, утраченных с течением времени или насильственно вытравленных строителями “светлого будущего”? Нет ли здесь некоторого искусственного преувеличения, тем более, что церковное благовестие, как известно, не знает национальных границ? Никакого преувеличения нет. Православная Церковь – соборная совесть народа. Она, как заботливая мать, воспитала в нем его лучшие черты. Она сурово обличала его грехопадения и давала силы восстановить утраченное. “Кто жаждет – прииди ко Мне и пей”, – щедро возглашала Церковь словами Священного Писания и щедро поила пришедших и уверовавших живой водой евангельской правды. Прочтите – верующий вы человек или нет – Нагорную проповедь Иисуса Христа, Господа нашего, подъявшего на рамена Свои груз всех грехов, неправд и злоб наших, претерпевшего во искупление их унижения и издевательства, оплевания, биения и страшную, поносную смерть на Кресте – прочтите эти свидетельства безграничного милосердия Божия (Евангелие от Матфея, гл. 5,6,7) и скажите честно: где-нибудь, когда-нибудь встречали ли вы учение более возвышенное, чистое и преисполненное любви?...

“Блаженны алчущие и жаждущие правды” – свидетельствует Церковь народу русскому. “Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царствие Небесное... Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела, и прославляли Отца вашего Небесного” (Мф. 5:6:10:16). И разве не этому свидетельству обязан русский народ тем, что создав величайшее государство, простирающееся от Атлантики до Тихого океана, он не унизил ни один из встретившихся на его пути народов, пусть самых малых, но всех принял как братьев, покоряя прежде сердца, а не крепости. Евангельское учение Церковь вложила в душу народа как совершеннейший образец, по которому каждый в меру сил должен строить жизнь личную, а все вместе – общественную и государственную. Именно Церковь стала центром свято-отеческой государственности – не насилующей народа, не создающей рабства, следящей за духовным возрастанием каждого. Церковная идея служения легла в основу сословного строя России, основанного на разделении общих обязанностей, а не на иерархии прав, как это было на Западе. Здесь берет начало весь уклад русской жизни, как бы не изменялись его формы с течением времени. Православность – неперемнное качество всего русского в его историческом развитии. Понятия “русский” и “православный” слились воедино. Так было, пока Россию не разъединили насильно – с умыслом, злонамеренно и расчетливо. Знали – чтобы убить Россию, начать надо с осквернения души...

Василий Ключевский, знаменитый историк, подметил в русской истории интересную особенность. “Господствующие идеи и чувства времени, с которыми все освоились, – говорил он, – и которые легли во главу угла сознания и настроения, обыкновенно отливаются в ходячие, стереотипные выражения, повторяемые при всяком случае. В XI-XII веках таким стереотипом была русская земля, о которой так часто говорят и князья и летописцы... Везде Русская земля, и нигде, ни в одном памятнике не встретим выражения русский народ.” Пытаясь разобраться в том, что значит “быть русским”, нельзя пройти мимо этого факта. Случаен ли он? Нет, ибо русская история, начавшаяся, как фактор мирового (и даже космического) значения с момента крещения Руси, в первые два века своего течения представляет нам картину формирования и духовного оформления той народной общности, которая в своем окончательном виде получила наименование “народа святорусского” – этого излюбленного выражения былинных сказителей. Понятие “народ” по

отношению к национальной общности есть понятие более высокое, не материальное, но духовное, и ее одной недостаточно, чтобы сложился коллективный духовный организм, столь крепкий и живучий, что никакие беды и напасти (а сколько их было за десять веков нашей истории) не смогли разрушить его и истребить. Первоначально единство крови, общность происхождения славянских племен, при всей своей значимости, не могли придать этому собранию необходимую живучесть и крепость. Лишь только тогда, когда душа народа – Церковь – собрала вокруг себя русских людей, когда Русь преодолела отсутствие государственного единства, порождавшее в народном теле язвы и трещины усобиц, когда, сбросив с себя иноверческое татаро-монгольское иго, Россия объединилась под скипетром Русского Православного Государя – тогда во весь свой могучий рост поднялся на исторической сцене русский народ. Народ соборный, державный, открытый для всех. Осознавший цель и смысл своего бытия. С этого момента смысл русской жизни окончательно и навсегда сосредоточился вокруг Богослужения в самом высоком и чистом значении этого слова – служения Богу как средоточию добра и Правды, Красоты и Гармонии, Милосердия и Любви. Цель народной жизни окончательно определилась как задача сохранения в неповрежденной полноте этой осмысленности личного и общественного бытия, свидетельствования о ней миру, защите ее от посягательств и искажений. И Церковь благословила народ на высокое служение. Благословение это облеклось в форму пророчества о будущей великой судьбе России, Москвы, как Третьего и последнего Рима, последнего оплота истинной Православной веры в страшные предантихристовы времена всеобщей апостасии и всемирной смуты.

Два Рима пали в ересях и суетных соблазнах мира сего, не сумев сохранить благоговейную чистоту веры, чистое и светлое мироощущение апостольского Православия. Первый – наследник мировой империи языческого Рима – отпав в гордыню католицизма. Второй (Византия) – поступившись чистотой Церкви ради сиюминутных политических выгод, отданный Богом на поправление иноверцам, последователям Магомета. Третий же Рим – Москва, государство народа русского, и ему всемогущим Промыслом Божиим определено отныне и до века хранить чистоту Православного вероучения, утверждающего конечное торжество Божественной справедливости и любви. Так к XVI веку определилось служение русского народа, таким он его понял и принял. Так что ключ к пониманию русской жизни лежит в области религиозной, церковной, и не усвоив этого, не поймем мы ни себя, ни свой народ, ни свою историю.

Именно Церковь сообщила нашему народу свойство соборности, бесценное качество, безумно растрачиваемое нами ныне в погоне за дьявольскими миражами грядущего якобы “общества всеобщего изобилия.” Русская соборность – это сознание духовной общности народа, коренящейся в общем служении вечной правде, той Истине, которая возгласила о Себе словами Евангелия: “Я есмь путь и истина и жизнь” (Ин. 14:6). Это осмысленность жизни как служения и самопожертвования, имеющих конкретную цель – посылно приблизиться к Богу и воплотить в себе нравственный идеал Православия.

С соборностью народа неразрывно связано его второе драгоценное качество – державность. Воплощение нравственного идеала требует соответствующей социальной организации. Такая организация немислима без державного сознания, формирующего в человеке чувство долга, ответственности и патриотизма. “Любите врагов ваших, сокрушайте врагов Отечества, гнушайтесь врагами Божиими” – вот державный глас народа, выраженный чеканным слогом митрополита Московского Филарета, одного из величайших русских святителей прошлого века. Державность – это сознание каждым ответственности за всех, ответственности отдельной личности за нравственное здоровье общества и крепость государства. Не принудительной ответственности “за страх”, а добровольного религиозного служения “за совесть.” Державность – это государственное самосознание народа, принявшего на себя церковное послушание “удерживающего” (по слову апостола Павла, см. 2 Фесс.2:7),[311] стоящего насмерть на пути рвущегося в мир сатанинского зла.

Оба эти народные качества с неизбежностью проявились в третьем – в открытости, “всечеловечности” русского характера. Открытость эта – отрицание фальшивой национальной спеси, отрицание самоценности национальной принадлежности. Это готовность бескорыстно соединиться с каждым, приемлющим святости и национальные устои народной жизни.

Вспомним все это, задумаемся: не пришла ли сегодня пора попристальнее всмотреться в себя? Взглянуть друг на друга. Оглянуться трезвенным взором вокруг. И может быть – найти в себе силы сказать честно, что в нас, сегодняшних, такой русскости уже почти не осталось. Говорю это с горечью и скорбью, в надежде, что Господь не оставит нас Своей милостью и мы все же зададим себе тот главный вопрос, без ответа на который немислимо само дальнейшее существование нашего народа: как вернуть себе ясно понимаемый смысл бытия?

Как восстановить в себе черты народа-богоносца, с бесовским упорством вытравливавшиеся богоборческой властью? Как обезопасить себя от духовной заразы потребительства, этой поистине мировой чумы, растлившей уже многие народы, бывшие некогда христианскими? Все эти и еще многие иные проблемы, стоящие сегодня перед нами, суть один и тот же вопрос: как дальше жить?

Думается, из сказанного выше уже многое проясняется. Прежде всего – надо вернуться в Церковь. Надо очистить место святое – душу человека – от тряпок и побрякушек, от навязанных ей ложных ценностей и восстановить в правах погранный и оплеванный смысл жизни человека. Жизни как служения Богу, зовущему нас к Себе: “Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас” (Мф. 11:28). Надо откликнуться на этот Отчий зов, прийти с покаянием, не скрывая нынешнего своего убожества и срамоты, прийти с молитвой и верой, и тогда – силен Бог очистить наши сердца и восстановить в них мир и покой осмысленного бытия.

Восстановив истинные ценности внутри себя, надо восстановить их и вовне. Жизнь общества, государства требует осмысленности так же, как и жизнь отдельного человека. Не может материальное благополучие быть целью всех стремлений. Сытое брюхо еще не значит – чистая совесть. Критерием государственного устройства должна стать его богоугодность, соотносимость с тысячелетними святынями веры. Нужно во всей полноте использовать богатейший опыт русской государственности. Выкинуть на свалку наглую ложь об “империи зла”, “России – тюрьме народов”, “гнилом царизме”, сказать правду о семидесятилетнем пленении Православной Церкви и русского народа. Нужно осознать, что у Православной России есть враги, ненавидящие наш народ за его приверженность к Истине, за верность своему религиозному служению, своим христианским истокам и корням. Осознать, что если мы хотим выжить – нам нужно научиться защищать себя, свою веру, свои святыни...

Итак, братия и сестры, соотечественники, люди русские! Молю вас усердно, вседушно – повинуйся своему архипастырскому долгу и голосу совести своей – воспрянем, опомнимся, одумаемся наконец! Господь милосерд и нелицеприятен: всякую искренне обратившуюся к нему душу приемлет с радостью и любовью, омывает от грехов и неправд благодатию Своей, утешает утешением возвышенным, духовным, о котором суетный мир не имеет даже приблизительного понятия. Лишь только начнем нелицемерно – появятся и силы, и умение, и святая, жгучая сердце ревность: “Да будет общею всем такая преимущественно забота, чтоб начавши, не ослабевать и не унывать в трудах, и не говорить: долго мы уже пребываем в подвиге. Но лучше, как бы начиная каждый день, будем приумножать ревность свою.” Шестнадцать столетий назад были сказаны эти слова святым преподобным Антонием Великим в утешение и назидание всем тем, кто унывает и сомневается в своих способностях к духовному возрождению. К нам, к нам, сегодняшним, обращены они. Прислушаемся к ним, ибо нераскаянны обетования Божии, и великая судьба России зависит ныне от нашего произволения. Мы и никто иной – можем и должны воссоздать державу Святорусскую. Да будет так! Аминь.[312]

^ Задания

Внимательно прочитайте текст про себя и вслух.

Найдите в тексте примеры обязательных и факультативных эпитетов (например: от частого и бессовестного употребления); объясните употребление фигуры.

Найдите в тексте и объясните примеры плеоназма, синонимии, аккумуляции, градации и экзергазии, репризы (например: яд религиозного индифферентизма, безразличия к святыням веры

– экзергазия; запутаемся и заблудимся, утонем – градация, в пучине противоречивых стремлений, честолюбивых амбиций, лукавых советов – аккумуляция).

Определите фигуру и объясните ее использование в тексте: Два Рима пали в ересь и суетных соблазнах мира сего, не сумев сохранить благоговейную чистоту веры, чистое и светлое мироощущение апостольского Православия. Первый – наследник мировой империи языческого Рима – отпав в гордыню католицизма. Второй (Византия) – поступившись чистотой Церкви ради сиюминутных политических выгод, отданный Богом на поправление иноверцам, последователям Магомета.

Найдите в тексте примеры фигур анафоры, эпитеты, симплоче.

Найдите в тексте и объясните примеры фигур силлесписа и анаколуфа.

Найдите в тексте, укажите и объясните все примеры фигуры антитезы.

Найдите в тексте, укажите и объясните примеры использования фигуры определения.

Найдите в тексте и объясните примеры использования фигур предупреждения, ответственности, сообщения, цитаты, аллюзии, риторического вопроса, риторического восклицания.

Определите и объясните актуальное членение следующей конструкции: Державность – это сознание каждым ответственности за всех, ответственности отдельной личности за нравственное здоровье общества и крепость государства. Не принудительной ответственности “за страх”, а добровольного религиозного служения “за совесть.” Какие фигуры речи использованы автором и зачем?

Найдите и определите в текстах темы связи амплификации, установите цепочки смысловых зависимостей слов и словосочетаний, укажите последовательные и параллельные связи между отдельными элементами текста.

Используя теоретический материал и тексты настоящего раздела в качестве образцов, напишите публицистические статьи о жизни русского иерарха церкви, государственного деятеля, философа, ученого, писателя. Обменяйтесь черновыми вариантами статей с товарищами по классу и тщательно отредактируйте их. Организуйте конкурс стилистов.

Используя теоретический материал и тексты учебника, организуйте в классе конкурс ораторов: определите общую тему и объем речи, изберите жюри, которое сможет объективно оценить ваше красноречие и риторическую подготовку.

^ Литература

1. Аннушкин В. А. Первая русская риторика. М., 1999.
2. Аннушкин В. А. Риторика. Хрестоматия. М., 1998.
3. Античные риторика. М., 1978.
4. Багрянцева В.А., Болычева Е. М., Галактионова И. В. Русский язык. Учебное пособие для углубленного изучения. М., 2000.
5. Вигилянская Е. Н. Русский язык. Упражнения с ключами. М., 1998.
6. Виноградов В. В. Проблема авторства и теория стилей. М., 1961.
7. Граудина Л. К. Русская риторика. Хрестоматия. М, 1996.
8. Качалкин А. Н. Русский язык. Правописание и словоупотребление. М., 1997.

9. Прохвятилова О. А. Православная проповедь как феномен звучащей речи. Волгоград, 1999.
  10. Романенко А. П. Советская словесная культура: образ ратора. Саратов, 2000.
  11. Рождественский Ю. В. Общая филология. М., 1996.
  12. Рождественский Ю. В. Введение в культуроведение. М., 1996.
  13. Рождественский Ю. В. Принципы современной риторики. М., 1999.
  14. Рождественский Ю. В. Теория риторики. М., 1999.
  15. Солганик Г. Я. Стилистика текста. М., “Наука”, 1997.
- ^ Примечания
- [1] Аристотель. Риторика. – Античные риторики. М... 1978. С. 19.
  - [2] Аристотель. Там же. С. 17.
  - [3] Аннушкин В. А. Первая русская риторика. М., 1999.
  - [4] См. Гадамер Г.Г. Риторика и логика. В кн.: Актуальность прекрасного М., 1991. С. 194–197.
  - [5] Гаврюшин Н. К. “Риторика” М. В. Ломоносова и “Логика” Макария Петровича. Памятники науки и техники. М., 1986. С. 131–154.
  - [6] См. например: Айхенвальд Ю. Белинский. Силуэты русских писателей Т. 2 М., 1998. С. 199–207.
  - [7] Pérélman Ch., Olbrechts-Tytéca L. La nouvelle rhéthonque. T. 1. P., 1958.
  - [8] См. Стяжкин Н. И. Формирование математической логики. М., 1967.
  - [9] Vieweg Th. Topics and Law. A contribution to basic research in law. Frankfurt am Mein, Berlin, Bern etc: Peter Lang, 1993.
  - [10] Немезий Эмесский. О природе человека. М., “Канон”, 1998. С. 128, 131–132.
  - [11] Pérélman Ch., Olbrechts-Tytéca L. Ibid. T. 1. P. 18.
  - [12] Эти семиотические термины основаны на соответствующих категориях риторики; см. Моррис Ч. У. Основания теории знаков (русский перевод). В кн.: Семиотика. М., 1983. С. 38.
  - [13] Кошанский Н. Ф. Частная риторика. СПб., 1832.
  - [14] Рождественский Ю. В. Введение в культуроведение. М., 1996. С. 13.
  - [15] Поскольку культура существует и развивается в пределах определенной исторической общности, понятие “общечеловеческой культуры” представляется фикцией.
  - [16] Понятие “духовной культуры”, принятое в культуроведении, восходит к идеям немецкого филолога, философа и государственного деятеля Вильгельма фон Гумбольдта (1767–1835). В. фон Гумбольдт понимал под духовной культурой религиозно-нравственные представления, философское осмысление которых приводит к совершенствованию личности человека и общественной жизни (В. Гумбольдт. Идеи к опыту, определяющему границы деятельности государства. – Язык и философия культуры. М., 1985. С. 62–76). Французский филолог и философ Антуан Дестю де Траси (1754–1836), основываясь на эмпирической философии Д. Локка, в работе

“Элементы идеологии” (1801–1815) описал систему слов, означающих мировоззренческие представления западноевропейской культуры. Совокупность таких представлений была им обозначена термином “идеология.” Впоследствии идеи В. Гумбольдта и А. Дестю де Траси развивались в работах целого ряда ученых и философов XIX и XX веков (В. Вундт, К. Шпенглер, Б. Кроче, К. Фосслер, Л. Шпитцер, Г. Шухардт, Н. С. Трубецкой, Л. Вайсгербер, М. Элиаде и другие), использовавших преимущественно термин “духовная культура” и понимавших под ним систему мировоззренческих идей, присущих конкретному культурно-историческому единству или даже человечеству в целом. Пользоваться термином “духовная культура” следует с осторожностью, учитывая опасность подмены действительно духовного содержания христианской культуры набором идеологем, свойственных тому или иному культурному образованию. В этом значении более точным был бы термин “идеология” или “идеологическая культура”, который, впрочем, имеет свои недостатки, так как слово “идеология” в современном употреблении имеет отрицательное оценочное значение.

[17] Св. Григорий Нисский. Об устройении человека. СПб., 1995. С. 26–27.

[18] Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М., 1984. С. 80.

[19] Там же. С. 80.

[20] Здесь и в дальнейшем строение словесности излагается в основном по книге: Рождественский Ю. В. Общая филология. М., 1996.

[21] Св. Григорий Нисский. Об устройении человека. СПб., 1995. С. 21–26.

[22] В качестве одного из таких прототипов рассматривают протобиблское письмо из г. Библ (Ливан), бывшее, возможно, силлабическим.

[23] Аристотель. Поэтика. Сочинения. Т. 4, М., 1984. С. 646 и далее, с. 655: “...задача поэта говорить не о том, что было, а о том, что могло бы быть, будучи возможно в силу вероятности или необходимости” /1451a, 38 и далее/.

[24] Подробно см. Чернец Л. В., Хализев В. Е., Бройтман С. Н. и др. Введение в литературоведение. М., 1999.

[25] См., например, архиепископ Филарет (Гумилевский). Исторический обзор песнопевцев и песнопения греческой церкви. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1995. С. 204–246.

[26] Музы, спутницы бога Аполлона, считались ответственными за основные виды умственной и художественной деятельности: Эрато – покровительница лирической поэзии, Эвтерпа – сопровождала флейтой лирические песни, Каллиопа – занималась эпической поэзией, Клио – муза истории, Мельпомена – отвечала за трагедию, Полигимния – специализировалась в музыке и танце, Терпсихора – занималась исключительно танцами, Талия – вдохновляла комедиографов, Урания – предводительствовала астрономами.

[27] Аверинцев С. С. Плутарх и античная биография. М., 1973.

[28] Попова Т. В. Античная биография и византийская агиография. Античность и Византия. М., 1975. С. 218–266.

[29] Достаточно указать предисловие и комментарии А. Ф. Лосева к трехтомному собранию сочинений Платона (М., “Мысль”, 1968–1972), где исчерпывающим образом разобраны композиция, стиль и техника аргументации Платона.

[30] Лосев А. Ф. Жизненный и творческий путь Платона. Платон. Собр. соч. в 3-х томах. Том 1. М., 1968. С. 50.

- [31] Лосев А. Ф. История античной эстетики. Аристотель и поздняя классика. М., 1975. С. 8–10, 79–90.
- [32] Подробное историко-сравнительное описание топического и аксиоматического мышления в западном правоведении, философии и отчасти богословии содержится в упомянутой выше статье Томаса Фивега, как и в первой части “Теории аргументации” Х. Перельмана и Л. Ольбрехтс-Титека.
- [33] Св. Иоанн Дамаскин. Философские главы. М., 1999. С. 41–42.
- [34] Архимандрит Борис (Плотников). История христианского просвещения в его отношениях к древней греко-римской образованности. Казань, 1890.
- [35] Рождественский Ю. В. Общая филология. М, 1996. С. 156.
- [36] Большаков М. В., Гречихо Г. В., Шицгал А. Г. Книжный шрифт. М., 1964.
- [37] Лихачев Д. С. Текстология. М., 1983. С. 43–49.
- [38] Романова В. Л. Рукописная книга и готическое письмо во Франции в XII–XIV вв. М., 1975; Киселева Л. И. Западноевропейская книга XIV–XV вв. Л., 1985.
- [39] Ольшки Л. История научной литературы на новых языках. Т. 1.: Литература техники и прикладных наук от средних веков до Возрождения. М.-Л., 1933; Т. 2: Образование и наука в эпоху Ренессанса в Италии. М.-Л., 1934; Т. 3.: Галилей и его время. М.-Л., 1933.
- [40] Рождественский Ю. В. Общая филология. М., 1996. С. 217.
- [41] Рождественский Ю. В. Там же. С. 222.
- [42] Чернышевский Н. Г. Эстетическое отношение искусства к действительности. М... 1958. С. 152–153.
- [43] Leclerc de Buffon G.-L. Discours sur le style. (1753) Oeuvres. Т. 1, P., 1893. P.12.
- [44] Виноградов В. В. Проблема авторства и теория стилей. М., 1961.
- [45] Рождественский Ю. В. Там же. С. 232.
- [46] Рождественский Ю. В. Там же. С. 239.
- [47] Описание характеристик информатических текстов содержится в “Общей филологии” Ю. В. Рождественского (с. 250–261); в дальнейшем изложении они специально не рассматриваются.
- [48] Рождественский Ю. В. Там же. С. 245.
- [49] Порождения ехиднины! как вы можете говорить доброе, будучи злы? Ибо от избытка сердца говорят уста. Добрый человек из доброго сокровища выносит доброе, а злой человек из злого сокровища выносит злое. Говорю же вам, что за всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда: ибо от слов своих оправдаешься, и от слов своих осудишься.
- [50] Аристотель. Риторика. – Античные риторика. М., 1978. С. 21.
- [51] Здесь и в дальнейшем изложении вопросов культуры ведется на основе работ: Рождественский Ю. В. Введение в культуроведение. М., 1996; Принципы современной риторики. М., 1999.

- [52] Рождественский Ю. В. Принципы современной риторики. М., 1999. С. 33.
- [53] Рождественский Ю. В. Теория риторики. М., 1999. С. 69–70.
- [54] Рождественский Ю. В. Там же. С. 69.
- [55] Амвросий (Ключарев), архиепископ Харьковский. Статьи и речи. Т. 3.
- [56] Святитель Феофан Затворник. Начертание христианского нравоучения. М., 1998. С. 213.
- [57] Святитель Феофан Затворник. Там же. С. 238.
- [58] Святитель Феофан Затворник. Там же. С. 246.
- [59] Молгое А. & Ehninger D. Principles of Speech Communication. 7-th ed. Glenwiv. 1975. P. 231–232.
- [60] Аристотель. Топика. Соч. Т. 2. С. 358–362.
- [61] Аристотель. О софистических опровержениях. Соч. Т. 2. С. 535–537.
- [62] Это правило относится в основном к продолженной речи – проповеди или преподаванию: если, например, преподаватель позволяет себе пропускать занятия, а проповедник отказывается от регулярного поучения паствы, его аудитория сокращается и распадается; остановить начавшийся распад аудитории бывает очень трудно или вообще невозможно. Поэтому начавший преподавать или проповедовать не имеет права прекратить или прервать речь по собственному усмотрению.
- [63] См.: Тема 1, задание 2.
- [64] Лат. *argumentum* – “довод, доказательство, умозаключение” (от глагола *argua* – “показываю, выясняю, доказываю”).
- [65] Святитель Филарет, митрополит Московский; см. Тема 1.
- [66] Тарский А. Введение в формальную логику и методологию дедуктивных наук. М., 1948. С. 82.
- [67] Св. Василий Великий. Опровержение на защитительную речь злочестивого Евномия. Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийския. Часть III. Репринт. М., 1993. С. 23
- [68] Епископ Сергей (Страгородский). К вопросу о веротерпимости. Слова и речи. СПб., 1905. С. 36–37.
- [69] См. ниже раздел “Силлогизм.”
- [70] Лосев А. Ф. История античной эстетики. Аристотель и поздняя классика. М., 1975. С. 715.
- [71] Неволин К. А. Энциклопедия законоведения. СПб., 1997 (1839). С. 34–37.
- [72] Неволин К. А. Там же. С. 37–41.
- [73] Систематическое изложение содержательных топов христианской нравственности по логическим топам см.: Святитель Феофан Затворник. Начертание христианского нравоучения. М., 1998. С. 106–182.
- [74] Св. Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры. Москва – Ростов-на-Дону, изд-во “Приазовский край”, 1992 (репр. СПб., 1895). С. 104–105.

- [75] Св. Григорий Богослов. Слово 5, второе обличительное слово на царя Юлиана. Собрание творений в 2-х томах. Том 1. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1994. С. 142.
- [76] Порфирий (ок. 233 – ок. 300) – греческий философ-неоплатоник, ученик Плотина; автор ряда антихристианских сочинений и “Введения” в “Категории” Аристотеля, которое было переведено на латинский язык Боэцием и впоследствии сильно повлияло на развитие схоластической логики.
- [77] Сочинение Юлиана “Мисопогон” – ненавистник бороды, написанное против антиохян, которые смеялись над длинной и неопрятной Юлиановой бородою (прим. переводчика).
- [78] Св. Григорий Богослов. Там же. С. 144–145.
- [79] Аристотель. Категории. Сочинения в 4-х томах. Т. 2. М., 1978. С. 86–87.
- [80] Аристотель. Метафизика. Сочинения в четырех томах. Т. 1. М., 1976. С. 307.
- [81] Ификрат – афинский военачальник первой половины IV в. до Р.Х. Снабдив легковооруженных воинов длинными мечами и ударными копьями, одержал победы над спартанскими гоплитами (тяжеловооруженными воинами).
- [82] Гармодий – сообщник афинского тираноубийцы Аристокитона. В 514 г. Гармодий и Аристокитон напали на тиранов Гиппарха и Гиппия, убив Гиппарха, после чего Гармодий был изрублен телохранителями тирана; Аристокитон пытался бежать, но был пойман и казнен. В Афинах они считались героями и потомки их пользовались особым почетом.
- [83] Аристотель. Риторика. В кн.: “Античные риторика.” М., 1978. С. 113.
- [84] Аристотель. Топика. Соч. в 4-х томах. Т. 2. М., 1978. С. 397.
- [85] Св. Василий Великий. Там же. С. 3.
- [86] В логике высказываний отношение импликации является ложным само по себе только в случае ложности консеквента (т. е. следствия из условия); действительно, утверждение “если человек (антецедент), то животное (консеквент)” (A⊗B) будет ложным только в случае, если ложно B (консеквент), а в остальных случаях – истинным. Так, истинным будет суждение: “Если Солнце вращается вокруг Земли, то происходит смена дня и ночи”, независимо от того, что вокруг чего вращается в астрономическом смысле.
- [87] Св. Иоанн Дамаскин. Диалектика, или философские главы. С. 97.
- [88] Св. Василий Великий. Там же. С. 31–32.
- [89] В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть.
- [90] См. проф. Спасский А. А. История догматических движений в эпоху Вселенских Соборов. Сергиев Посад, 1914. С. 89 и далее
- [91] Св. Василий Великий. Беседы на Шестоднев. Творения. Часть I. М., 1845. С. 7–8.
- [92] Св. Григорий Нисский. Об устройении человека. СПб., “Ахиота”, 1996. С. 12–13.
- [93] Св. Иоанн Дамаскин. Цит. соч. С. 36–37.
- [94] Св. Иоанн Дамаскин. Цит. соч. С. 38.
- [95] Святитель Фотий. Амфилохии. Альфа и Омега. № 4 (18). М, 1998. С. 83.

- [96] Святитель Феофан Затворник. Цит соч. С. 112.
- [97] Святитель Феофан Затворник. Цит соч. С. 112.
- [98] Св. Тихон Задонский. Творения. Сокровище духовное. М., “Русский духовный центр”, 1994. С. 274.
- [99] Св. Григорий Богослов. Творения. Т. 1. С. 25–26.
- [100] Св. Григорий Богослов. Слово 3, в котором Григорий Богослов оправдывает свое удаление в Понт. Собрание творений в 2-х томах. Т. 1. Троице-Сергиева лавра, 1994. С. 43–44.
- [101] Св. Григорий Богослов. Там же. С. 50.
- [102] Аристотель. Риторика. Античные риторика. С. 118.
- [103] Аристотель. Вторая аналитика. Соч. Т. 2. М., 1978. С. 328.
- [104] Феодорит епископ Кирский. Церковная история. М., 1993. С. 72–73.
- [105] Преп. Иоанн Дамаскин. Против манихеев. Творения. Христологические и полемические трактаты. М., “Мартис”, 1997. С. 56.
- [106] Св. Иоанн Дамаскин. Философские главы. С. 79.
- [107] См. Спасский А. История догматических движений в эпоху Вселенских Соборов. Сергиев Посад, 1914. С. 315–323; Карташев А. В. Вселенские Соборы. М., “Республика”, 1994, С. 63–72.
- [108] Феодорит епископ Кирский. Церковная история. М., “Росмэн”, 1993. С. 104–105.
- [109] См. Тема 4. Политическая и судебная речь.
- [110] Эдикт благочестивейшего и христолюбивого императора Константина... Деяния Вселенских Соборов. Собор Константинопольский 3-й; Вселенский шестый. Т. 4. СПб., 1996. С. 253.
- [111] Преп. Максим Исповедник. Главы о любви. Творения. Книга I. М., “Мартис”, 1993. С.
- [112] и начнет бить товарищей своих и есть и пить с пьяницами, – то придет господин раба того в день, в который он не ожидает, и в час, в который не думает, и рассечет его, и подвергнет его одной участи с лицемерами; там будет плач и скрежет зубов.
- [113] При этом сказал им: смотрите, берегитесь любостыжания, ибо жизнь человека не зависит от изобилия его имени.
- [114] терпением вашим спасайте души ваши.
- [115] И отрет Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет, ибо прежнее прошло.
- [116] Побеждающий наследует все, и буду ему Богом, и он будет Мне сыном.
- [117] Св. Григорий Палама. Беседы. Часть 2. М., “Паломник”, 1993. С. 190.
- [118] Св. Григорий Палама. Триады в защиту священно-безмолвствующих. М., “Канон”, 1995. С. 72–74.

- [119] Победоносцев К. П. Сочинения. СПб., “Наука”, 1996. С. 207.
- [120] Аристотель. Метафизика. Соч. Т. 1., М., 1976. С. 149–150.
- [121] Св. Иоанн Дамаскин. Философские главы. С. 72.
- [122] Св. Иоанн Дамаскин. Там же. С. 62–63.
- [123] Св. Максим Исповедник. Главы о богословии и о домостроительстве воплощения Слова Божия. Творения. Кн. 1, “Мартис.”, 1993. С. 216–217.
- [124] Деяния Вселенских Соборов. Собор Никейский второй, Вселенский седьмой. Т. IV. СПб., 1996. С. 590–591.
- [125] См., например, Лосев А. Ф. История античной эстетики. Аристотель и поздняя классика. М., 1975. С. 348 и далее.
- [126] Ильин И. А. Путь духовного обновления. В кн.: Путь к очевидности. М., изд-во “Республика”, 1993. С. 140.
- [127] Аристотель. Категории. Сочинения. Т. 2. М., “Мысль”, 1978. С. 72.
- [128] Св. Иоанн Дамаскин. Там же. С. 91.
- [129] Тютчев Ф. И. Россия и Германия. Политические статьи. Пер. с французского. Репринт: УМСА-PRESS, Paris, 1976. С. 30.
- [130] Св. Иоанн Дамаскин. Там же. С. 64.
- [131] Паскаль. Б. Мысли. Москва, 1994. С. 64.
- [132] Св. Василий Великий. Опровержение на защитительную речь злочестивого Евномия. Творения. Т. 3. М., 1993. С. 74–76.
- [133] Св. Филарет (Дроздов). Слово в день совершившегося столетия Московского университета. Филарета митрополита Московского и Коломенского творения. М., “Отчий дом”, 1994. С. 294–295.
- [134] Св. Иоанн Дамаскин. Там же. С. 61–62.
- [135] Мы можем мыслить вид, например “кошка”, в качестве индивида, и в таком случае он будет целым, которое может иметь части.
- [136] Неволин К. А. Энциклопедия законоведения. СПб., изд-во Санкт-Петербургского университета, 1997 (1839). С. 63.
- [137] Св. Василий Великий. Там же. С. 65.
- [138] Платон. Кратил. Сочинения в 4-х томах. Т. 1. М., “Мысль”, 1968. С. 422.
- [139] Св. Василий Великий. Там же. С. 66.
- [140] Интенцией (термин, сложившийся в схоластической логике) называется направленность мысли на определенный предмет, то свойство, которое выражает имя в высказывании, в отличие от общего значения имени как Простого обозначения определенного предмета (экстенционала): так, выражения “Суворов” и “покоритель Измаила” экстенционально эквивалентны, поскольку

- обозначают одно и то же лицо, но интенционально не эквивалентны, поскольку выражают различное отношение к предмету мысли. См. Карнап Р. Значение и необходимость. М., 1959.
- [141] Св. Симеон Новый Богослов. Творения. Т. 1. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1993. С. 245.
- [142] Аристотель. Топика. Соч. Т. 2. М., 1978. С. 399.
- [143] Св. Иоанн Дамаскин. Цит. соч. С. 84.
- [144] Дигесты Юстиниана. М., “Наука”, 1984. С. 42.
- [145] Правила Православной Церкви. Т. 1. Издание Свято-Троицкой Сергиевой лавры, 1996. С. 114.
- [146] Св. Иоанн Златоуст. Творения. Том 1. Книга вторая. СПб., 1898. С. 451–452.
- [147] Св. Иоанн Златоуст. Беседы на Книгу Бытия. Т. 1. Издательский отдел Московского Патриархата. 1993. С. 69.
- [148] Св. Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры. С. 80.
- [149] Дигесты Юстиниана. С. 25.
- [150] Св. Григорий Богослов. Первое обличительное слово на царя Юлиана. Собрание творений. Т. 1. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1994. С. 106–108.
- [151] Огицкий Д. П., священник Максим Козлов. Православие и западное христианство. МДА, М., изд-во храма св. мученицы Татианы, 1999. С. 81–91.
- [152] Св. Григорий Богослов. Там же. С. 107–108.
- [153] Св. Иоанн Златоуст. Беседы на Евангелие от Иоанна Богослова. Т. 2. Издательский отдел Московской Патриархии, 1993. С. 497.
- [154] Имеются в виду (как и в следующем законе исключенного третьего) суждения вида: (1) А есть В и (2) неверно, что А есть В.
- [155] От лат. *definio* – “ограничивать, замыкать, устанавливать, заканчивать.”
- [156] Святитель Феофан Затворник. Начертание христианского вероучения. М., 1998. С.32
- [157] Преп. Максим Исповедник. Главы о любви. Творения. Кн. 1. М., 1993. С. 109.
- [158] Новая Скрижаль. СПб., 1899. С. 137.
- [159] Философский энциклопедический словарь. М., “Советская энциклопедия.” 1983. С. 354.
- [160] Ленин В. И. ПСС, Т. 18. С. 131.
- [161] Неволин К. А. Энциклопедия законовещения. СПб. 1997. С. 48.
- [162] Коркунов Н. М. Лекции по теории права. СПб., 1914. С. 309.
- [163] Карри Х. Основания математической логики М., 1969. С.61.
- [164] Чичерин Б. Н. Философия права. Избр. труды. СПб., 1998. С. 64.

- [165] Неволин К. А. Там же. С. 43.
- [166] Дипломатический словарь. М., 1950.
- [167] Неволин К. А. Энциклопедия законовещения. М., 1997. С. 67.
- [168] Язык коренного славянского населения Восточной Германии, исчезнувший вследствие онемечивания.
- [169] Язык коренного славянского населения Восточной Германии, исчезнувший вследствие онемечивания.
- [170] В биологической классификации принят, например, следующий состав таксономических категорий (классификационных разрядов): царство, подцарство, раздел (ряд, тип), подтип, класс, подкласс, надотряд, отряд, подотряд, семейство, подсемейство, триба или колено, надрод, род, подрод, ряд (серия), подряд, вид, подвид, племя, разновидность (вариация), раса, морфа.
- [171] Этот и следующие примеры заимствованы из знаменитой картезианской логики XVII века: Арно А., Николь П. Логика, или искусство мыслить. М., 1991. С. 202 и след.
- [172] Аристотель. Томика. Соч. Т. 2. М., 1978.
- [173] Аристотель. Там же.
- [174] Чичерин Б. Н., Собственность и государство. Избранные труды. СПб., 1998. С. 407.
- [175] Поппер К. Логика и рост научного знания. М., 1983. С. 273.
- [176] Аристотель. Томика. (105b, 20). Соч. Т. 2, М., 1978. С. 363.
- [177] Протоиерей Валентин Свенцицкий. Там же. С. 174.
- [178] Льюис К. С Там же С. 292
- [179] По словам двух свидетелей, или трех свидетелей, должен умереть осуждаемый на смерть: не должно предавать смерти по словам одного свидетеля; рука свидетелей должна быть на нем прежде всех, чтоб убить его, потом рука всего народа; и так истреби зло из среды себя.
- [180] Если кто убьет человека, то убийцу должно убить по словам свидетелей; но одного свидетеля недостаточно, чтобы осудить на смерть.
- [181] Митр. Антоний Храповицкий. Из толкований на Евангелие. Альфа и Омега. № 3 (21). М., 1999. С. 11–12.
- [182] Св. Василий Великий. Беседы на Шестоднев. Творения. Часть I. М., 1845. С. 31–32.
- [183] Св. Григорий Нисский. Об устройении человека. СПб., “Ахиота”, 1996. С. 12–13.
- [184] Лосев А. Ф. Диалектика мифа. Из ранних произведений. М., 1990. С. 405–406.
- [185] Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. М., 1998. С. 245.
- [186] Эти представления были свойственны и античной философии, и западно-европейской школьной логике, но в качестве универсальной методологии они были сформулированы в первой половине XVII века французским ученым и философом Рене Декартом и развиты его последователями (Арно, Гассенди, Лами и другими) и критиками (Локком, Паскалем, Лейбницем, Вольфом, Кондильяком), которые, однако, сохранили главную мысль рационализма:

универсальным свойством человека является разум, которому должны быть подчинены остальные проявления духовной жизни – чувства и воля, а универсальным назначением человека является познание самого себя и мира посредством разума.

[187] Прот. Валентин Свенцицкий. Там же. С. 32.

[188] Декарт. Рассуждения в методе. Избр. произв. М., 1950. С. 275–281.

[189] Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. М., 1980. С. 295–296.

[190] Perelman Ch., Olbrechts-Tyteca L. Op. cit., pp. 471–499.

[191] Священномученик Илларион (Троицкий). Прогресс и преображение. Без Церкви нет спасения. М. – СПб., 2000. С. 267–268.

[192] Прот. Валентин Свенцицкий. Там же. С. 36–37.

[193] Паскаль Б. Мысли. М., 1994 С. 131–132.

[194] Прот. Валентин Свенцицкий. Там же. С. 29.

[195] Паскаль. Там же. С. 134.

[196] Карамзин Н. М. О любви к отечеству и народной гордости. Избр. соч. М.-Л., 1964. С. 282.

[197] Трубецкой Н. С. Европа и человечество. История. Культура. Язык. М., 1995. С. 62–63.

[198] БСЭ, 1954, т. 25.

[199] Вернадский В. И. Научная мысль как планетарное явление. М., 1991. С. 15.

[200] На самом деле различные группы носителей языка владеют различными его составляющими, но все они объединены знанием основы литературного языка.

[201] Ср. Лейбниц Г. В. Новые опыты о человеческом разуме. Соч. Т. 2. М., 1983. С. 488–511.

[202] Лейбниц Г. В. Там же. С. 507.

[203] Лейбниц Г. В. Там же. С. 507.

[204] Правила Православной Церкви с толкованиями Никодима епископа Далматинско-Истрийского. Т. 2, Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1996. С. 75.

[205] Деяния Вселенских Соборов. Собор Халкидонский, Вселенский четвертый. Т. 3, СПб., 1996. С. 108–109.

[206] Там же. С. 111–112.

[207] Там же. С. 114–115.

[208] Урусов А. И. Речь по делу Московского кредитного общества. Там же. С. 372–373.

[209] Прот. Валентин Свенцицкий. Цит. соч. С. 47.

[210] Прот. Валентин Свенцицкий. Там же. С. 31–32.

[211] Прот. Валентин Свенцицкий. Там же. С. 75.

[212] На это сказал Иисус: некоторый человек шел из Иерусалима в Иерихон и попался разбойникам, которые сняли с него одежду, изранили его и ушли, оставив его едва живым. По случаю один священник шел тою дорогою и, увидев его, прошел мимо. Также и левит, быв на том месте, подошел, посмотрел и прошел мимо. Самарянин же некто, проезжая, нашел на него и, увидев его, сжалился и, подойдя, перевязал ему раны, возливая масло и вино; и, посадив его на своего осла, привез его в гостиницу и позаботился о нем; а на другой день, отъезжая, вынул два динария, дал содержателю гостиницы и сказал ему: позаботься о нем; и если издержишь что более, я, когда возвращусь, отдам тебе.

[213] Св. Иоанн Златоуст. Против Иудеев VIII. Соч. Т.1. Книга первая. М., 1991.

[214] Спасович В. Д. Речь по делу Нотовича. Русские судебные ораторы в известных уголовных процессах. Т. VI. М., 1902. С. 211–213.

[215] Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1952.

[216] Протоиерей Валентин Свенцицкий. Диалоги. С. 21.

[217] Чичерин Б. Н. Философия права. Избр. труды. СПб., 1998. С. 31–32

[218] Прот. Валентин Свенцицкий. Там же. С. 89

[219] Прот. Валентин Свенцицкий. Там же. С. 89–90.

[220] Аргумент к человеку в форме указания на личность оппонента запрещен в научной дискуссии и применяется только в эристической полемике, то есть по отношению к врагу. Поэтому использование аргумента к человеку в научном обсуждении дает достаточное основание к прекращению научного диалога.

[221] Святитель Фотий. Амфилохии. Альфа и Омега. № 4 (18). М., 1998. С. 83.

[222] Хомяков. А. С. Сочинения в двух томах. Т. 2. М., 1994. С. 130–131.

[223] Речь присяжного поверенного Н. П. Шубинского по делу Киселева. Русские судебные ораторы в известных уголовных процессах. М., 1902. С. 407.

[224] Хомяков А.С. Там же. С. 236–237.

[225] Столыпин П. А. Нам нужна Великая Россия. М., 1991. С. 150–151.

[226] Цицерон. Речи. Т. I. М., 1962. С. 292. Заговор Катилины был раскрыт Цицероном осенью 63 года до Р.Х. Сенат и народ знали о заговоре, напряжение в городе достигло предела. 8 ноября Цицерон, как консул, публично обвинил Катилину, пришедшего на заседание сената, в заговоре. Не имея, однако, прямых улик против Катилины, Цицерон в первой речи воспользовался общественным возбуждением, чтобы побудить Катилину покинуть Рим.

[227] Столыпин П. А. Речь об устройстве быта крестьян. С. 93.

[228] Проф. архимандрит Киприан. Православное пастырское служение. СПб., 1996. С. 74.

[229] Болотов В. В. Лекции по истории древней церкви. Введение в церковную историю. Собрание церковно-исторических трудов. Т. 2, М., “Мартис”, 2000. С. 42.

[230] Лосский В. Н. Соблазны церковного сознания. В кн.: Спор о Софии. Статьи разных лет. М., 1996. С. 113.

- [231] Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Книга V. Сочинения. Т. 9. М., “Мысль”, 1990. С. 8–10.
- [232] Там же. С. 10.
- [233] Загоскин М. Н. Москва и москвичи. Изд. Старая Москва. Изд. дом “Сантал”, М., 1997. С. 510–511.
- [234] План – расположение изображаемых предметов в зависимости от их удаленности от точки наблюдения. Перспектива – расположение предметов в пространстве в соответствии с кажущимся изменением размеров и четкости в зависимости от их удаления от точки наблюдения.
- [235] Сабанеев Л. П. Жизнь и ловля пресноводных рыб. Киев, 1959. С. 69–70.
- [236] Лосский В. Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. М., 1991. С. 43–44.
- [237] Нилус С. Великое в малом. СПб., 1996. С. 222.
- [238] Следует отметить, что произведения С. А. Нилуса в литературном отношении не уступают лучшим образцам русской художественной прозы.
- [239] Проф. архимандрит Киприан. Цит. соч. С. 218–221.
- [240] Трубецкой Н. С. Религии Индии и христианство. История. Культура. Язык. М., “Прогресс-Универс”, 1995. С. 280–283.
- [241] Примечательно, что критике обычно подвергается не описание или рассуждение, опровергнуть которые часто бывает затруднительно, но именно объяснение – изложение авторской позиции. Так, профессор прот. В. В. Зеньковский, критикуя эту статью Н. С. Трубецкой, писал, что она не отвечает “нашему уровню христианского сознания”, то есть уровню христианского сознания критика, отвергая тем самым именно объяснение Н. С. Трубецкой отношения Православия к языческим конфессиям. Цит по: Половинкин С. М. Евразийство и русская эмиграция. В кн. Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык. С. 759.
- [242] Трубецкой Н. С. Там же. С. 291.
- [243] От греч. χρεία – ‘положение, доказательство’.
- [244] От лат. discussio – ‘рассмотрение, исследование’.
- [245] От гр. πολέμω – ‘вести войну, враждовать’.
- [246] Пример логического опровержения см. на с. 88–89.
- [247] Лосский В. Н. Спор о Софии. Статьи разных лет. М., 1996. С. 12–15.
- [248] От лат. гесаритуплатио – ‘сжатое повторение’.
- [249] От лат. elocutio – ‘выражение’.
- [250] История философии. Т. 1. М., 1957. С. 126.
- [251] Лосев А. Ф. Очерки античного символизма и мифологии (1930). М., 1993. С. 720.
- [252] Культура парламентской речи. М., 1993. С. 104.

- [253] Культура парламентской речи. С. 102–103.
- [254] Лопушанская С. П. Разграничение старославянского и русского староцерковнославянского языков // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2: Филология. Вып. 2. Волгоград, 1997. С. 6–17.
- [255] Прохватилова О. А. Православная проповедь как феномен звучащей речи. Волгоград, 1999.
- [256] Бекетов А. Беседы о земле и тварях, на ней живущих. СПб., 1866. С. 60.
- [257] Архимандрит Иоанн (Крестьянкин). Проповеди. М., 1998. С. 230.
- [258] Архимандрит Иоанн (Крестьянкин). Проповеди. Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь, 1994. С. 52.
- [259] Письма Валаамского старца схиигумена Иоанна. М., 1996. С. 55.
- [260] Митрополит Иоанн. Тайна беззакония. Русский узел. СПб., 2000. С. 15–16.
- [261] От греч. ψόγος – ‘упрек, осуждение, порицание’.
- [262] Митрополит Иоанн. Там же. С. 6.
- [263] Иногда паронимами называют слова со сходным звучанием, которые при нетвердом знании их значения можно спутать, например: пинцет и ланцет, стихарь и стихира, экскаватор и эскалатор, дозвель и давить, опробовать и апробировать, статут и статус. Такие слова относятся скорее к паронимии – одному из тропов, чем собственно к паронимии. Можно смешать значения слов одеть и надеть, зная их значение: употребление одного из них вместо другого будет речевой ошибкой (хотя и распространенной). Но использовать слово стихира вместо слова стихарь может только человек, который значений этих слов не знает.
- [264] Нилус С. Великое в малом. СПб., 1996. С. 64.
- [265] Ильин И. А. О сопротивлении злу силою. Путь к очевидности. М., 1993. С. 55.
- [266] Митрополит Иоанн (Снычев). Путь ко спасению. Русский узел. СПб., 2000. С. 54.
- [267] Достоевский Ф. М. Пушкин. Очерк. Собр. соч. Том. 10. М., 1958. С. 442.
- [268] Подробное описание строения и системы связей предложений в тексте см.: Солганик Г. Я. Стилистика текста. М., “Наука”, 1997.
- [269] Такая единица текста называется также прозаической строфой.
- [270] В кн.: К. П. Победоносцев. Сочинения. СПб., “Наука”, 1996. С. 164–168.
- [271] Гоголь Н. В. Духовная проза. М., “Русская книга”, 1992. С. 136.
- [272] Речь присяжного поверенного кн. А. И. Урусова по делу Московского кредитного общества. Русские судебные ораторы в известных уголовных процессах. Том VI. М., 1902. С. 371.
- [273] Рождественский Ю. В. Общая филология. М., 1996. С. 233.
- [274] Рождественский Ю. В. Там же. С. 233.
- [275] См. Романенко А. П. Советская словесная культура: образ ратора. Саратов, 2000. С. 22–25.

[276] Рождественский Ю. В. Теория риторики. М., 1999. С. 158.

[277] Было бы ошибкой считать периодическую речь явлением устаревшим и характерным только для классической ораторики и гомилетики. Хотя ораторы и проповедники вплоть до середины XIX века публично говорили и писали в основном периодами, а проза проникает в устную публичную речь в основном с XIX века, но и в наше время многие ораторы, особенно церковные, строят свою речь, хотя бы частично, в периодах.

[278] От греч. πρότασις – ‘положение, тема, то есть обуславливающая часть периода’

[279] От греч. ἀπόδοσις – ‘возвращение, объяснение, то есть обусловленная часть периода’.

[280] Когда мы читаем произведения старинных авторов в дореволюционной орфографии, следует помнить, что точкой обозначалась граница периода, двоеточием или тире – граница части периода, точкой с запятой – граница члена (колона), а запятой – граница вставной конструкции. См. П. Смирновский. Учебник русской грамматики. Часть II. Элементарный синтаксис. (Изд. 4-е). СПб., 1891. С. 75–85.

[281] От греч. κόλον – ‘часть, член тела, периода’.

[282] Речь идет о царе Давиде.

[283] Волков А. Г. Об актуальных проблемах средств массового воздействия и средств массовых коммуникаций // Предмет семиотики. М., 1975. С. 6–21.

[284] Эти взгляды на язык были разработаны Александром Григорьевичем Волковым в 60-е —70-е годы и опубликованы в ряде его работ и в лекциях на филологическом факультете МГУ. См. Волков А. Г. Язык как система знаков. М., 1966.

[285] Правила ведения общего и управляющего диалога изложены по работе: Рождественский Ю. В. Теория риторики. М., 1999. С. 229–351.

[286] Эти правила основаны главным образом на классическом труде Аристотеля “Топика.” Соч. в 4-х томах. Т. 2. М., 1978.

[287] Аристотель. Топика. Соч. Т. 2. М., 1978. С. 362–373; Микеладзе З. Н. Примечания. Там же. С. 595–598.

[288] Например: “Сократ: Стало быть, ни уничтожать, ни изгонять из города, ни отнимать имущество мы не желаем просто так, ни с того ни с сего; если это полезно, мы этого желаем, а если вредно – не желаем. Ведь мы желаем хорошего, как ты сам утверждаешь, того же, что ни хорошо, ни плохо, не желаем и плохого тоже не желаем, не так ли? Правильно я говорю, Пол, или неправильно, как тебе кажется? Что же ты не отвечаешь? Пол: Правильно. Сократ: Значит, на этом мы с тобою согласились.” Платон. Горгий /488с/. Сочинения. Т. 1., М., 1968. С. 285.

[289] Софокл. Антигона. Эпизодий пятый. Сцена 1.

[290] Рождественский Ю. В. Теория риторики. М., 1999.

[291] Анкеты, таблицы, формулярные текстовые документы, графические документы, карты, фотографии и изображения, чертежи и технические рисунки, обычные текстовые документы.

[292] Филарета митрополита Московского и Коломенского творения. М., 1994. С. 293–298.

[293] Амвросий архиепископ Харьковский. Полное собрание проповедей. Т. 3. Харьков. 1902. С. 19–23

[294] Степан Петрович Шевырев (1806–1864) – профессор Московского университета, крупнейший русский филолог, литературный критик и публицист первой половины XIX века, создатель научной истории древней русской литературы; ему принадлежат основополагающие работы “Теория поэзии в историческом развитии у древних и новых народов” (1836), “История русской словесности, преимущественно древней” (4 ч. 1846–1860); публичные лекции профессора С. П. Шевырева по истории древнерусской литературы, пробудившие интерес широкой публики к истории русской культуры допетровского времени; самостоятельные научные идеи, православное мировоззрение и патриотические взгляды ученого вызвали крайнее раздражение, завистливую и озлобленную критику со стороны западников – В. Г. Белинского, А. И. Герцена, Т. Н. Грановского.

[295] Полное собрание сочинений Ивана Васильевича Киреевского. Том 2. М., 1861. С. 190–195.

[296] Грановский Т. Н. (1813–1855) – известный историк и публицист первой половины XIX века, профессор Московского университета, занимался преимущественно западной историей средних веков, принадлежал к западническому направлению общественной мысли; в своих лекциях по истории позднего средневековья, составленных преимущественно по вторичным источникам, в основном, по выражению А. И. Герцена, “делал пропаганду” либерально-западнических антирусских взглядов на историю и современную ему общественную жизнь, чем снискал широкую популярность в кругах интеллигенции.

[297] Братья фон Шлегели, Фридрих (1772–1829) и Август-Вильгельм (1767–1845) – немецкие ученые философы, филологи и историки конца XVIII – начала XIX века, теоретики немецкого романтизма; основываясь на философских и эстетических идеях И. Фихте и Ф. Шеллинга, разработали принципы сравнительно-исторического метода в филологии (языковедении и истории литературы); основоположники научной санскритологии, романистики (изучения истории романских языков и литератур), типологического метода в языковедении; особенностью романтической научной методологии было изучение языка и литературы, исходящее из идеи “духа языка”, то есть особенной, уникальной организации речевой и мыслительной деятельности речевого коллектива (народа), которая, по мысли романтиков, проявляется в конкретных фактах истории культуры; эта романтическая методология была основанием для изучения конкретной культурной традиции в ее становлении и внутреннем развитии.

[298] Гоголь Н. В. Духовная проза. М. “Русская книга”, 1992. С. 135–136

[299] Послания святителя Тихона, патриарха Московского и всея Руси. М., 1990. С. 16–18.

[300] Протоиерей Валентин Свенцицкий. Диалоги. М., 1995. С. 15–30.

[301] Столыпин П. А. Нам нужна великая Россия. М., 1991. С. 98–102.

[302] Там же. С. 371–380.

[303] Русские судебные ораторы в известных уголовных процессах. Том VI. М., 1902. С. 398–408.

[304] Цесаревич Николай Александрович (1843–1865).

[305] Буслаев Федор Иванович (1818–1897) – профессор Московского университета, академик, великий русский ученый-филолог, создатель первой исторической грамматики русского языка и самой влиятельной учебной грамматики XIX века, основатель теории дидактики русского языка и словесности, автор многочисленных классических работ по истории древнерусской словесности, основатель отечественной научной школы русистики.

[306] Соловьев Сергей Михайлович (1820–1879) – профессор Московского университета, ректор Московского университета, академик, великий русский историк – создатель фундаментальной “Истории России с древнейших времен” (1851–1879), многочисленных трудов по отдельным

проблемам русской истории; основатель отечественной историографической научной школы; в своих трудах показал, что развитие русской монархической государственности является ключевым звеном отечественной истории; крупнейшие русские историки XIX века К. Д. Кавелин, Б. Н. Чичерин, В. О. Ключевский и др. являются учениками и последователями С. М. Соловьева.

[307] Загоскин Михаил Николаевич (1789–1852) – замечательный русский писатель, журналист и деятель культуры первой половины XIX века; автор известных исторических романов “Юрий Милославский”, “Рославлев”, “Аскольдова могила” и др., ряда комедий, в которых высмеивается “передовая” интеллигенция (“Недовольные”, 1835); участник Отечественной войны 1812 года, директор Московских императорских театров, директор Оружейной палаты.

[308] Лажечников Иван Иванович (1792–1869) – замечательный русский писатель, автор исторических романов “Последний Новик”, “Ледяной дом”, “Басурман”; участник Отечественной войны 1812 года, автор военных мемуаров “Походные записки русского офицера.”

[309] Анна Федоровна Тютчева, дочь поэта Ф. И. Тютчева.

[310] В кн.: К. П. Победоносцев. Сочинения. СПб., “Наука”, 1996. С. 164–168.

[311] Ибо тайна беззакония уже в действии, только не совершится до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь.

[312] Иоанн, митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский. Русский узел. СПб., 2000. С. 6–13.